

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

ЯЗЫКОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ, ФОРМЫ И КАТЕГОРИИ

**Сборник научных статей к 80-летию
профессора Владимира Ивановича Фурашова**

Владимир
2015

УДК 81
ББК 81.411.2-2 + 81.411.2-3

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ВлГУ

Рецензенты:

д-р *Ладислав Воборил*, к.ф.н.

(Университет им. Палацкого в Оломоуце, Чехия)

д-р филол. наук, проф. *Татьяна Егоровна Шаповалова*, академик
Международной академии наук педагогического образования.

(Московский государственный областной университет, Россия)

Языковые значения, формы и категории: Сборник научных статей к 80-летию профессора Владимира Ивановича Фурашова. – Владимир: Транзит-ИКС, 2015. – 380 с.

ISBN 978-5-8311-0942-9

Статьи, помещенные в сборник, посвящены актуальным вопросам грамматики современного русского языка, истории и теории отечественного языкознания и отражают круг проблем, которыми занимаются ученики и коллеги профессора В.И. Фурашова.

Сборник предназначен для широкого круга специалистов в области языкознания, научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, магистрантов и студентов.

Редакционная коллегия:

ст. преп. Е.А. Абрамова, доц. К.М. Богрова (отв. секретарь), доц. Е.Н. Варюшенкова, проф. М.В. Пименова (отв. ред.), доц. Н.А. Сафронова, ст. преп. Г.И. Столбунова.

ISBN 978-5-8311-0942-9

© Коллектив авторов, 2015
© ВлГУ, ПИ, кафедра русского языка, 2015
© Издательство «Транзит-ИКС», оформление, 2015

Фурашов Владимир Иванович

Предисловие

Сборник, опубликованный к 80-летию **В.И. Фурашова**, доктора филологических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, открывается вступительным словом-поздравлением коллег по кафедре русского языка ВлГУ (ранее ВГПИ ВГПУ, ВГГУ), на которой Владимир Иванович проработал более 50 лет, а также краткой биографической справкой о его жизненном и творческом пути.

Содержащиеся в сборнике научные статьи, написанные учениками, коллегами и последователями В.И. Фурашова, отражают те аспекты грамматики современного русского языка, истории и теории отечественного языкознания, которые интересовали и продолжают интересовать известного российского ученого: вопросы теории словосочетания и синтаксического членения предложения, понятие синкретизма (доц. А.Е. Варнаева, проф. С.Н. Виноградов, проф. Н.С. Ганцовская и ст. преп. Е.Б. Волкова, учитель Т.А. Джангобекова, доц. М.С. Искренкова, проф. П.А. Лекант, асп. М.С. Малахова, проф. А.В. Петров, проф. К.Я. Сигал, асп. В. Словак, доц. О.И. Соколова, проф. В.И. Супрун, проф. Е.Ф. Троицкий, проф. Л.М. Устюгова, проф. С.Г. Шулежкова, проф. Л. Ясаи); атрибутивная валентность субстантивов и их рапространителей (доц. Т.А. Алиев, проф. Е.В. Алтабаева, доц. М.В. Артамонова, доц. Е.Н. Варюшенкова, доц. А.С. Малахов и доц. К.М. Богрова, проф. Н.В. Юдина); парадигматическая концепция членов предложения, полупредикативность и обособление (проф. Д.Г. Демидов, доц. Н.В. Иосилевич, науч. сотр. И. Палоши, доц. Н.А. Сафронова); взаимоотношение семантики и структуры предложения и высказывания (асп. И.Ю. Абрамова, проф. Е.А. Красина, проф. В.В. Леденёва, проф. Г.Н. Манаенко, проф. В.А. Маслова, проф. Т.С. Мони́на, проф. М.В. Пименова, проф. Д. Репаша и проф. Г.Секей, проф. В.Г. Руделев, проф. Л.А. Чернова); история и теория отечественного языкознания (доц. Н.В. Корнилов, проф. О.В. Никитин). Статья проф. В.А. Федосова содержит аналитический обзор основных работ юбиляра.

Завершается сборник полной библиографией трудов В.И. Фурашова за 54 года научной деятельности, а также списком диссертаций, защищенных под его руководством.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.И. ФУРАШОВА

5 декабря 2015 г. исполнилось 80 лет со дня рождения доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка ВлГУ, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации Владимира Ивановича Фурашова.

В.И. Фурашов родился в с. Богородском Воскресенского района Горьковской (ныне Нижегородской) области. После окончания семилетней школы учился на судомеханическом отделении Московского речного техникума, работал помощником механика буксирного парохода, служил в армии. В 1957 г. поступил на историко-филологический факультет МГПИ им. В.И. Ленина (теперь МПГУ), который с отличием окончил в 1962 г., и продолжил учебу в аспирантуре при кафедре русского языка; его научным руководителем был профессор Николай Николаевич Прокопович. В 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию «Обособленные определительные конструкции в современном русском языке». По объявлению в «Учительской газете» приехал на работу во Владимирский государственный педагогический институт им. П.И. Лебедева-Полянского (в настоящее время – Педагогический институт в составе ВлГУ) на должность старшего преподавателя кафедры русского языка, в 1967 г. утвержден в звании доцента, в 1985 г. успешно защитил докторскую диссертацию «Определение как синтаксическая категория в современном русском языке», с 1990 г. – профессор. В.И. Фурашов в течение многих лет заведовал кафедрами русского языка как иностранного (1971-1984) и русского языка (1985-1992).

Владимир Иванович Фурашов – автор 210 печатных научных работ по русскому синтаксису, истории и теории отечественного языкознания, по методике преподавания русского языка; многие из них опубликованы в центральных изданиях, в том числе в журналах

«Русский язык в школе», «Вопросы языкознания», «Филологические науки» и др.

В.И. Фурашов исследовал синтаксические связи и отношения словоформ, атрибутивную валентность русских субстантивов, предикативную периферию предложения, синтагматические и парадигматические отношения членов предложения, проблему обособления.

Место субстантивного слова на шкале атрибутивной валентности определяется его частеречной принадлежностью (имя существительное или местоимение), отнесенностью к известному лексико-грамматическому подклассу (имя собственное или нарицательное, местоимение личное или неопределенное и т.п.), характером референции, отношением к категории определенности / неопределенности, автосемантической / синсемантической, особенностями речевой конкретизации, принадлежностью к теме или реме в высказывании и другими факторами («Обособленные согласованные определения в современном русском литературном языке», «Несогласованные определения в современном русском языке», «Шкала атрибутивной валентности местоименных существительных» и др.).

В рамках предложенной им оригинальной парадигматической концепции членов предложения профессор В.И. Фурашов рассматривает типичные и синкретичные реализации словоформ как членов предложения, определяя наборы типичных для каждого члена предложения структурных и семантических признаков (дифференциальных и интегральных); различает сильные и слабые синтаксические позиции частичной и полной нейтрализации, явления разрешимого и неразрешимого синкретизма. Несомненный интерес вызывает предложенная В.И. Фурашовым схема второстепенных членов предложения, наглядно демонстрирующая соотношение их

формальных признаков и синтаксической семантики («Проблема второстепенных членов предложения и синтаксическая парадигматика», «О второстепенных членах предложения», «О дифференциации и интеграции предложенческих аспектов», «Члены предложения: синтаксические позиции и парадигмы» и др.).

Обособление понимается как синтаксическая категория, представляющая собой единство значения полупредикативности (относительного времени, сопутствующей модальности и персональности) и соответствующих формальных признаков, среди которых общими для всех обособленных членов являются обособляющая интонация в ее различных модификациях и способность обособляемых синтаксических конструкций включать в свой состав специальные лексико-грамматические средства выражения полупредикативности: наречия времени, предложно-падежные формы имен существительных с темпоральной семантикой, модальные слова и выражения, союзы и частицы («Синтаксическая категория обособления: семантика и средства ее выражения», «Полупредикативность как семантическое свойство обособленных членов предложения», «Субъективная модальность и обособление» и др.).

Идеи В.И. Фурашова получают дальнейшее развитие в работах его учеников и последователей. Под руководством В.И. Фурашова защищено одиннадцать кандидатских диссертаций. Стиль его научного руководства отличается требовательностью в сочетании с доброжелательностью, готовностью всегда прийти на помощь, подлинной интеллигентностью.

За пятьдесят лет преподавательской работы В.И. Фурашов принял участие в подготовке более пяти тысяч учителей русского языка для школ нашей страны и двух с половиной тысяч специалистов для Венгрии.

Труд преподавателя и исследователя Владимир Иванович всегда совмещал с большой научно-организационной работой. Он награжден нагрудными знаками «За отличные успехи в работе», «Отличник народного просвещения РСФСР», «Отличник народного просвещения СССР» и венгерской наградой «Золотой венок».

На конференциях разных уровней – от вузовских до международных (в России и за рубежом) – им прочитано более ста докладов. Выступает он и в качестве научного редактора и рецензента многих монографий, учебных и методических пособий для вузов, научных статей, сборников упражнений. В.И. Фурашов хорошо известен как объективный и строгий оппонент. Не случайно к нему так часто обращаются с просьбой выступить в этом качестве; достаточно сказать, что он принял участие в аттестации более 100 кандидатов и докторов наук.

Владимир Иванович активно участвует в общественной работе, где находят применение его несомненные организаторские способности и деловые качества. Список общественных поручений, которые он выполнял в разные годы в университете и за его пределами, достаточно обширен. Назовем лишь самые значительные из них: член президиума Научно-методического совета по русскому языку Министерства просвещения СССР; председатель Научно-методической комиссии по русскому языку как иностранному Министерства просвещения СССР; член Научно-методической комиссии по русскому языку как иностранному Министерства просвещения РСФСР; член Научно-методического совета по русскому языку Министерства образования Российской Федерации; с 1994 г. член диссертационного совета по русскому и германскому языкознанию при Ивановском государственном университете; принимал участие в организации и проведении двух международных совещаний по вопро-

сам обучения венгерских стажеров в вузах СССР и всесоюзного совещания заведующих кафедрами русского языка пединститутов СССР (имеет благодарность министра просвещения СССР за организацию и проведение этого совещания); ответственный редактор научно-методического журнала «Вестник Владимирского государственного гуманитарного университета» и т.д. Его имя заслуженно занесено в «Книгу почета» Педагогического института ВлГУ.

В.И. Фурашов – исключительно принципиальный, кристально честный, добросовестный, ответственный, обаятельный и общительный человек, мудрый наставник, прекрасный собеседник, филолог в подлинном смысле этого слова. Он неизменно деликатен, сдержан, доброжелателен, отзывчив и глубоко уважаем, почитаем и любим всеми, кто знает его по совместной работе.

Свое 80-летие Владимир Иванович встречает новыми творческими замыслами, осуществление которых гарантировано его лингвистическим талантом, незаурядным трудолюбием и исключительной целеустремленностью.

Пожелаем юбиляру крепкого здоровья и новых творческих свершений!

Кафедра русского языка ВлГУ

ФУРАШОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

(Краткая биографическая справка)

1. Родился 5 декабря 1935 г. в селе Богородском Воскресенского района Горьковской (ныне Нижегородской) области.

Отец – *Фурашов Иван Григорьевич* (1901-1964) был участником гражданской войны, первым председателем колхоза в с. Богородское, по специальности бухгалтер. С 1943 по 1953 г. – политический заключенный. Реабилитирован посмертно. В последние годы жизни работал бухгалтером в ОРС р.п. Воскресенское Горьковской области.

Мать – *Фурашова Татьяна Никаноровна* (1904-1970) занималась домашним хозяйством и воспитывала пятерых детей. После ареста отца работала в колхозе.

2. Учеба, служба в армии, работа

1943-1947 – Учеба в начальной школе с. Богородского.

1947-1950 – Учеба в семилетней школе д. Галибиха Воскресенского района Горьковской области (в школу ходил пешком – 6 км в один конец).

1950-1954 – Учеба на судомеханическом отделении Московского речного техникума Министерства морского и речного флота СССР. Мл. техник-лейтенант морского и речного флота.

1954 (июль-ноябрь) – Помощник механика буксирного парохода «Слепнёв» Московско-Окского речного пароходства.

1954-1957 – Военнослужащий срочной службы СА (Отдельный полк связи Киевского военного округа, г. Киев).

1957-1962 – Студент историко-филологического факультета МГПИ им. В.И. Ленина. Окончил с отличием и был приглашен в аспирантуру на кафедру русского языка.

1958 (июль-октябрь) – работал на целине в Казахстане (Щучинский район Кокчетавской области), в степи, за 300 км от правления колхоза «Золотой колос». Имеет нагрудный знак целинника.

1962-1965 – Аспирант кафедры русского языка МГПИ им. В.И. Ленина. Аспирантуру закончил с отличием и под руководством проф. Н.Н. Прокоповича защитил кандидатскую диссертацию «Обособленные определительные конструкции в современном русском языке» (оппоненты – проф. В.П. Сухотин и доц. Н.С. Валгина). По объявлению в «Учительской газете» приехал на работу во Владимирский гос. пединститут им. П.И. Лебедева-Полянского на должность ст. преподавателя кафедры русского языка.

1965-1967 – Ст. преподаватель кафедры русского языка ВГПИ им. П.И. Лебедева-Полянского (с 1966 – кандидат филологических наук, с 1967 - доцент).

1967-1971 – Доцент кафедры русского языка и одновременно (на общественных началах) зав. секцией русского языка как иностранного (с 1968 по 1971 г.).

1971-1984 – Зав. кафедрой русского языка как иностранного.

1985-1992 – Зав. кафедрой русского языка факультета русского языка и литературы ВГПИ (с 1987 г. – доктор филологических наук, с 1990 г. – профессор).

1992 и по наст. время – профессор кафедры русского языка. С заведования кафедры ушел по состоянию здоровья.

За 50 лет работы во Владимирском пединституте (ныне подразделение ВлГУ) подготовил более 5 тысяч учителей русского языка для школ СССР и двух с половиной тысяч специалистов для Венгрии. Читает профилирующие лингвистические курсы «Введение в языкознание», «Общее языкознание», «Современный русский язык», ведет спецкурсы и спецсеминары по актуальным проблемам русского синтаксиса. Лекции отличаются глубиной содержания, насыщенностью информацией, лаконичностью, точностью в подаче материала, эмоциональностью, что создает увлекающий аудиторию стиль изложения.

3. Научная работа

В.И. Фурашов – специалист в области грамматики современного русского языка, истории и теории отечественного языкознания, автор 210 печатных научных и научно-методических работ, многие

из которых опубликованы в центральной печати (журналы: «Вопросы языкознания», «Филологические науки», «Русский язык в школе», «Русский язык в национальной школе», «Русская речь»). Есть публикации в издательствах ближнего (Белоруссия, Украина) и дальнего (ФРГ, Венгрия) зарубежья.

В.И. Фурашов разработал понятие *шкалы атрибутивной валентности субстантивов*, на которой место субстантивного слова определяется его частеречной принадлежностью (имя существительное или местоимение), отнесенностью к определенному лексико-грамматическому подклассу (существительное собственное или нарицательное, местоимение личное или неопределенное и т.п.), характером референции, отношением к категории определенности / неопределенности, автосемантической / синсемантической, особенностями речевой конкретизации, принадлежностью к теме или реме в высказывании и другим факторам («Обособленные согласованные определения в современном русском литературном языке» – Владимир: ВГПИ, 1975; «Несогласованные определения в современном русском языке». – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1984; «О сочетаемости субстантивных слов с прилагательными и причастиями» // РЯШ, 1973, № 2; «О сочетаемости неопределенных местоимений с прилагательными и причастиями» // РЯШ, 1976, № 5; «Атрибутивные распространители местоименных существительных» // РЯШ, 1976, № 4; «Присубстантивные предложения в строе предложения» // РЯШ, 1978, № 6; «Присубстантивный компаратив как несогласованное определение» // РЯШ, 1981, № 6; «Система определительных отношений, выражаемых присубстантивными косвенными падежами существительных» // Языковая системность при коммуникативном обучении. – М.: Русский язык, 1988; «Шкала атрибутивной валентности местоименных существительных» // Русские местоимения: семантика и грамматика. – Владимир: ВГПИ, 1989 и др.).

В статьях, монографиях и особенно в докторской диссертации «Определение как синтаксическая категория в современном русском языке» (1985) изложена оригинальная *парадигматическая концепция членов предложения*, основанная на идее инварианта и

варьирования семантики членов предложения и системы средств ее выражения, – с учетом многоаспектности предложения, различных типичных и синкретичных реализаций словоформ как членов предложения, явлений разрешимого и неразрешимого синтаксического синкретизма, сильных и слабых синтаксических позиций словоформ, понятий частичной и полной нейтрализации оппозиций («Проблема второстепенных членов предложения и синтаксическая парадигматика» // ВЯ, 1974, № 3; «К вопросу о синтаксической парадигматике» // Русский язык. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1975; «О второстепенных членах предложения» // РЯШ, 1977, № 4; «Определение как синтаксическая категория» // ФН, 1982, № 2; «О парадигматической концепции членов предложения» // Современный русский синтаксис: словосочетание и предложение. – Владимир: ВГПИ, 1986; «Члены предложения типичные и синкретичные» // Переходность и синкретизм в языке и речи. – М.: Прометей, 1991; «О дифференциации и интеграции предложенческих аспектов» // Современный русский синтаксис: предложение и его членение. – Владимир: ВГПУ, 1994; «Члены предложения: синтаксические позиции и парадигмы» // Филология. Международный сб. научн. трудов. – Владимир: ВГПУ, 1998 и др. работы).

Много и плодотворно занимался *проблемой обособления членов предложения* в современном русском языке. Обособление понимается как синтаксическая категория, представляющая собой единство значения полупредикативности (относительного времени, сопутствующей модальности, персональности) и соответствующих формальных признаков, среди которых общими для всех обособленных членов являются обособляющая интонация в ее различных модификациях и способность стержневых слов обособляемых конструкций вступать в соединения со специализированными экспликаторами полупредикативности: наречиями времени, предложно-падежными формами существительных с темпоральной семантикой, модальными словами и выражениями, союзами и частицами. Эта способность существует как потенция и в конкретных случаях обособления реализуется далеко не всегда, но и самое отсутствие

ее реализации оказывается семантически и синтаксически значимым («Обособленные определения с обстоятельственными оттенками значения» // РЯШ, 1965, № 6; «Субъективная модальность и обособление» // РЯШ, 1983, № 1; «К проблеме обособления дополнений» // РЯШ, 1985, № 1; «Синтаксические функции однопадежных существительных при неопределенных местоимениях» // РЯШ, 1991, № 4; «О синтаксической семантике обособленных единиц» // Семантика языковых единиц и ее изучение в школе и вузе. – Нижний Новгород: НГУ, 1993; «Полупредикативность как семантическое свойство обособленных членов предложения» // Многоаспектность синтаксических единиц. – М.: Прометей, 1993; «Проблема обособления: лингвистическая традиция и современность» // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. – М.: МГУ, 1995; «Из истории изучения категории обособления в русистике» // Категории в исследовании, описании и преподавании языка. – Самара: Самарский университет, 2004 и др.).

В области *истории и теории отечественного языкознания* В.И. Фурашова принадлежат работы, посвященные анализу отдельных сторон творчества А.А. Потебни, Л.В. Щербы, Н.Н. Прокоповича, А.М. Иорданского, Б.Н. Головина, Л.Ю. Максимова, А.Б. Пеньковского, А.Б. Копелиовича, В.В. Носковой, В.Ф. Киприянова («Аппозитивные члены предложения в концепции А.А. Потебни и проблема полупредикативности» // Творческое наследие А.А. Потебни и современные филологические науки. – Харьков, 1985; «Предикативный центр и предикативная периферия предложения (К 165-летию со дня рождения А.А. Потебни)» // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры. – Чебоксары, 2000; «Предикативные ранги частей речи и проблема обособления в лингвистической концепции А.А. Потебни» // А.А. Потебня и актуальные вопросы языка и культуры. – Киев, 2004; «Проблема языка и метода его исследования в лингвистической концепции академика Л.В. Щербы» // Ученые записки Владимирского гос. пединститута. – Вып. 4. – Владимир: ВГПИ, 1971; «Профессор Н.Н. Прокопович как синтаксист (К 75-летию со дня рождения)» // РЯШ, 1975, № 4; «Николай Николае-

вич Прокопович (1901-1972)» // Русский язык. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1975; «Николай Николаевич Прокопович (К 100-летию со дня рождения)» // РЯШ, 2001, № 1; «Анатолий Михайлович Иорданский» // ФН, 1975, № 1; «Анатолий Михайлович Иорданский» // Русская речь, 1984, № 4; «Анатолий Михайлович Иорданский: ученый, человек, педагог (1907-1974)» // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы международной конференции. – Владимир: ВГПУ, 1997; «Памяти Анатолия Михайловича Иорданского. К 90-летию со дня рождения» // Вестник Владимирского гос. пед. ун-та. Вып. 2. – Владимир: ВГПУ, 1997; «Синтаксические идеи в лингвистическом наследии Б.Н. Головина» // Актуальные проблемы стилелогии и терминоведения. – Нижний Новгород, 1996; «Лингвистические идеи А.Б. Пеньковского. К 70-летию со дня рождения» // Вестник Владимирского гос. пед. ун-та. Вып. 3. – Владимир: ВГПУ, 1998; «В поисках научной истины (К 70-летию А.Б. Пеньковского)» // Филология, Международный сборник научных трудов) – Владимир: ВГПУ, 1998; «Август Борисович Копелиович (К 75-летию со дня рождения)» // Грамматические категории и единицы. – Владимир: ВГПУ, 2004 и др. работы).

В.И. Фурашов постоянно выступает с научными докладами на конференциях разных уровней – от вузовских до международных (в России и за рубежом). Всего им прочитано около 100 докладов. Принял участие в аттестации около 100 докторов и кандидатов наук по русскому языку (в качестве официального оппонента и рецензента диссертаций и авторефератов). Подготовил одиннадцать кандидатов филологических наук как руководитель аспирантов. Научный редактор и рецензент многих монографий, учебных и методических пособий для вузов, научных статей, сборников упражнений и проч. Руководитель курсовых, дипломных (квалификационных) работ студентов, научной темы «Проблемы синтаксического членения предложения», проблемной группы студентов «Нерешенные вопросы русского синтаксиса».

4. Общественная работа

1959-1961 – Председатель НСО МГПИ им. В.И. Ленина.

1971-2012 – Член Ученого совета ВГПИ (ВГПУ).

1985-2013 – Член Совета филологического факультета.

1979-1984 – Член президиума Научно-методического совета по русскому языку Министерства просвещения СССР.

1979-1984 – Председатель Научно-методической комиссии по русскому языку как иностранному Министерства просвещения СССР.

1979-1984 – Член Научно-методической комиссии по русскому языку как иностранному Министерства просвещения СССР.

1990-1992 – Член Научно-методического совета по русскому языкознанию Министерства народного образования РФ.

1994-2012 – Член диссертационного совета по русскому и германскому языкознанию при Ивановском государственном университете.

В разные годы выполнял различные общественные поручения: принимал активное участие в организации и проведении двух международных совещаний по вопросам стажировки венгерских стажеров в вузах СССР; всесоюзного совещания заведующих кафедрами русского языка пединститутов СССР (имеет благодарность министра просвещения СССР за организацию и проведение данного совещания); был ударником пятилетки, победителем соцсоревнования; членом редакционно-издательского совета ВГПИ; членом аттестационной комиссии факультета русского языка и литературы; руководителем методологического семинара преподавателей кафедры русского языка; председателем библиотечного совета ВГПИ; членом комиссии народного контроля на факультете; ответственным за школу молодого лектора на факультете русского языка и литературы; куратором курсов и групп студентов и мн. др. поручения.

В КПСС не состоял и в настоящее время не состоит ни в какой политической партии.

5. Награды и поощрения

Нагрудный знак «Высшая школа. За отличные успехи в работе» (1978).

Нагрудный знак «Отличник народного просвещения РСФСР» (1983).

Нагрудный знак «Отличник народного просвещения СССР» (1984).

Почетный знак «10 лет работы» Педагогического института г. Эгер, Венгрия (1983).

Медаль «Золотой венок» Общества венгеро-советской дружбы (Венгрия, Будапешт, 1983).

Звание «Ветеран труда» (1996).

Звание «Заслуженный работник высшей школы РФ» (1998).

Почетные грамоты ректората (ВГПИ, ВГПУ, ВГГУ, ВлГУ) и Администрации Владимирской области.

Занесен в «Книгу почета» Владимирского пединститута.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бухарин В.И.* В.И. Фурашов. Обособленные согласованные определения в современном русском литературном языке // Русский язык в школе. 1976. № 4. с. 99-101.
2. *Владимир Иванович Фурашов* (К 60-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 1995. № 6. С. 110.
3. *Владимир Иванович Фурашов* (К 70-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2005. № 6. С. 109.
4. *Двойной юбилей старейшего русиста* // Всполье (Владимир). 1995. 27 декабря.
5. *Копелиович А.Б.* Дойти до самой сути (К 70-летию В.И. Фурашова) // Языковые значения, формы и категории: Сборник научных статей к 70-летию профессора В.И. Фурашова. Владимир: ВГПУ, 2005. С. 3-13.
6. *Копелиович А.Б.* Найти свое призвание (К 75-летию профессора В.И. Фурашова) // Вестник ВГГУ. Вып. 23-24. Серия «Гуманитарные науки». Владимир: ВГГУ, 2010. С. 247-252.

7. *Копелиович А.Б.* Учитель учителей (В.И. Фурашов) // Русский язык в школе. 2011. № 5. С. 55-57.
8. *Кортаев О.* Побольше бы таких преподавателей // Молодой учитель (ВГПИ им. П.И. Лебедева-Полянского). 1987. 23 декабря.
9. *Носкова В.В.* Фурашов Владимир Иванович // Владимирская энциклопедия. Биобиблиографический словарь. Владимир, 2002. С. 460, портр.
10. *Рянин А.* Многая Вам лета, профессор! // Призыв (Владимир). 2000. 6 декабря, портр.
11. *Семенкин К.Г.* День каждый прожит не напрасно // Молодой учитель (ВГПИ им. П.И. Лебедева-Полянского). 1985. 11 декабря, портр.
12. *Солодуб Ю.П.* В.И. Фурашов. К вопросу о синтаксической парадигматике // Реферативный журнал Института научной информации по общественным наукам АН СССР: Общественные науки в СССР. Серия 6. Языкознание. 1976. № 3. С. 162, 165-166.
13. *Сычева М.* Профессор в России – это жизненная позиция // Аргументы и факты. Владимир-Иваново. 2000. № 50. Декабрь, портр.
14. *Трошина Н.Н.* В.И. Фурашов. О синтаксической категории определения в современном русском языке // Реферативный журнал Института научной информации по общественным наукам АН СССР: Общественные науки в СССР. Серия 6. Языкознание. 1981. № 4. С. 152.
15. *Трошина Н.Н.* В.И. Фурашов. Обособленные согласованные определения в современном русском литературном языке // Реферативный журнал Института научной информации по общественным наукам АН СССР: Общественные науки в СССР. Серия 6. Языкознание. 1976. № 1. С. 207-212.

16. *Трошина Н.Н.* В.И. Фурашов. Несогласованные определения в современном русском языке // Реферативный журнал Института научной информации по общественным наукам АН СССР: Общественные науки в СССР. Серия 6. Языкознание. 1985. № 1. С. 118-121.
17. *Федосов В.А.* Основные понятия русского традиционного синтаксиса в отношении к лексическому составу предложения (К 70-летию проф. В.И. Фурашова) // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Volume 51 / 3-4. Budapest, Hungary, 2006. С. 387-409.
18. *Фурашов Владимир Иванович* // Кто есть кто в современной русистике. М.-Хельсинки, 1994. С. 274-275.
19. *Фурашов Владимир Иванович* // Кто есть кто в лингвистике XX века. Автобиобиблиографический справочник. Т.1. / Сост. С.В. Лесников. Сыктывкар, 1999. С. 108-109.
20. *Фурашов Владимир Иванович* // Юдакин А.П. Славянская энциклопедия: Теоретическое, прикладное и славянское языкознание: В 3 кн. Кн. 3. М., 2005 (Ведущие языковеды мира). С. 414-418, портр.
21. *Чуглов В.И.* В.И. Фурашов. Несогласованные определения в современном русском языке // Русский язык в школе. 1985. № 6. С. 115-117.
22. *Dictionary of International Biography*. Twenty Fourth Edition. Cambridge, England, 1995.

АБРАМОВА Инга Юрьевна (*Владимир, Россия*)

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА
(на материале повести С.К. Никитина «Собственный дом»)

*Работа выполнена при поддержке гранта Российского гуманитарного
научного фонда (РГНФ) № 15-24-01007 а(м)*

*Профессору Владимиру Ивановичу Фурашову
с благодарностью за студенческие
и аспирантские занятия*

Особенности анализа художественного текста, раскрывающего уникальность индивидуально-авторской структуры, должны «конкретизироваться в зависимости от особенностей самого текста» [3: 250]. Отбор автором произведения текстообразующих языковых и речевых средств обеспечивает «глубинное» прочтение, проникновение в замысел произведения. Языковая организация повести замечательного владимирского писателя С.К. Никитина «Собственный дом» основана на сопоставлении, обеспечивающем единство образного строя произведения, употребление прямых и косвенных характеристик образа (см. об этом: [5: 59]).

Текст художественного произведения представляет собою единство, «целостный знак», по выражению М.Ю. Лотмана, в котором, однако, «отдельные знаки общеязыкового текста связаны в нём до уровня элементов знака» [6: 82], при этом выдвижение языковых единиц разных уровней, способных выражать эстетически значимую информацию, есть проявление индивидуально-авторской системы использования в ней языковых и речевых средств. Именно такая системность лежит в основе создания произведения как факта искусства. Сопоставительные отношения как один из приёмов создания семантической структуры текста представлены единицами

многих языковых ярусов, наиболее значимыми (актуальными, текстообразующими) становятся те из них, которые включаются в систему оппозитивных отношений, «в силу системных оппозитивных отношений между членами грамматических и лексикограмматических парадигм вербализация одного из членов парадигмы способствует актуализации в сознании коммуникантов другого члена этой парадигмы» [5: 39].

Жанровое своеобразие произведения С.К. Никитина (небольшая повесть) напрямую связано с особенностями его организации. При сравнительно небольшом текстовом объёме таких повествовательных форм, как рассказ и повесть, возрастает роль «вертикальных», парадигматических связей, а системные многоуровневые оппозиции приобретают роль «движущего» развитие сюжета основного элемента – «семантической доминанты» [7: 189], причём в оппозиции могут находиться текстовые фрагменты, а не только языковые средства. Текст повести заканчивается семантически актуализированными всем ходом повествования словами: «... она не знает, в **каком** шлакоблочном доме и **какую** открыть ей **дверь**, не знает, что сказать **новым** людям, кроме «**здравствуйте**»... Но раз есть Боря, она **спокойна**». В плане содержательно-фактуальной информации это может восприниматься как отправная точка жизненного пути героини (т.е. как начало повествования), однако это заключительный фрагмент повести, в котором особый тон автора (интонация вопроса, оборванность высказывания, на что указывает знак «многоточие», контрастируют с наречием «спокойно») говорит о «завершении чего-то» в жизни персонажа, этот конец предполагает начало, своеобразную вербально и имплицитно выраженную пресуппозицию, она и составляет основной план повествования, его оценку с позиций героев и автора.

В этой текстовой, семантически подчёркнутой оппозиции («конец – начало») его компоненты не только сближаются, но и «меняются местами», в чём находит ярчайшее выражение авторская модальность. Частные отношения: новое – старое, «спокойна» – «тревожна», «здравствуйте» – «прощайте», «шлакоблочный дом» – «собственный дом» и др. – сгущают основные сюжетные линии, две последние из которых («здравствуйте» – «прощайте», «шлакоблочный дом» – «собственный дом») являются основными, текстообразующими, на них строятся *концепты* текста, такие как «общее – частное», «добро – зло», «приветствие – прощание», последний из которых имеет в литературе давнюю традицию – это один из основных в русской культуре показателей ценности и истинности человеческих отношений. Вынесенные в заголовок, эти слова конденсируют многие глубинные смыслы произведения (вспомним хотя бы известное произведение В. Распутина «Прощание с Матёрой»), именно на этих лексических единицах выстраивается образная, этическая и эстетическая система повести С.К. Никитина.

Образ, в частности образ персонажа, относится к разряду «основных содержательных универсалий текста» и, по мнению В.А. Кухаренко, даже «возглавляет систему этих универсалий» [4: 172]. Последовательное сопоставление героев в повести С.К. Никитина проводится по многим признакам, разнообразны и формы выражения такого сопоставления. Так, прямая характеристика персонажей используется при описании внешности, способ изображения – цепочка прямых и метафорических значений, при разнообразии грамматического воплощения (например, «Он (Боря) был ястребиногорбонос, чёрен волосом, колюч и цепок взглядом, рубил кулаком воздух»); косвенная характеристика образа чаще используется при раскрытии внутреннего мира, характеристике морально-этических

качеств героя. Отметим, что именно косвенная характеристика персонажей отличает творческую манеру писателя С.К. Никитина. В повести «Собственный дом» чаще используется скрытое сопоставление косвенных характеристик персонажей, связанное с речевым и – особенно интересно – внеречевым поведением героев. В речевом поведении героев в начале сюжета больше сходства, чем различий, однако именно общее даёт основание для последующего противопоставления героев по морально-этическим качествам. Нередко средством сравнения (а значит, и разграничения) выступают обстоятельственные слова (места, времени, образа действия): *«Роман сел, и женщины тоже расселись по разным углам зальца»*. Главная героиня (Ёлка) *«в это время сидела в школьном зале»*. Общее (*«сидят»*) лишь подчёркивает различие (сидят по разным углам, но в одном пространстве *зальца*, Ёлка – *в зале*). *«Женщины»* (Анна и Олимпиада Сергеевна), сюжетно противопоставленные, сближаются автором, так как обнаруживают сходную черту – относятся к одной социальной группе людей, таких, которые *«собачились с утра до вечера насчёт дома»*. Ёлка же сидит *«в школьном зале»* и *«с отца не взыщет»*. Так, тонкая этическая характеристика героинь проводится на основе пространственных сопоставлений, оппозиций словообразовательных (*«зал»* – *«залец»*), семантических (*«собачились»* – *«не взыщет»*), а также слов различной стилистической маркированности.

Сопоставление речевого поведения направлено на выявление как сходств, так и различий в характерах героев. Однако примечательно то, что сходство, как правило, проявляется как временное качество, часто обусловленное речевой ситуацией. Различия же на фоне общего принимают свойство постоянного, обычно как особой характерологической черты героев. Произведение С.К. Никитина

включает в себя сказовые формы, элементы повести-притчи (см. начало: «*Жил да был в городке посреди России портной Роман Половодов*»), в нём постоянно обнаруживается глубинный, философско-нравственный и обобщающий план, поддерживаемый межтекстовыми сопоставлениями (неслучайно герой повести *доктор Иван Власыч* говорит о «связи времён», а на «*утлое судёнышко «Ракушку»* смотрит как на «*фрегат «Палладу»*, «*Бигль»* и т. д.), троекратное употребление местоимения («его *фрегат «Паллада»*, «его *«Бигль»*», «его *«Бель Ами»*») усиливает авторскую модальность, актуализирует эти связи и переводит повествование в план вечных человеческих ценностей. Именно *доктор Иван Власыч* после «прощания» Елки со своей прежней жизнью провожает героиню на катере, как «*Василису Прекрасную*».

Литературоведы не раз отмечали в качестве значимой характеристики персонажа наличие «общего семантического центра», который «соотносит друг с другом множество портретных зарисовок, эпизодов, описаний его действий, внутренних состояний и т. д. и скрепляет в некое единство...» [2: 272]. Представление о мире эмоций персонажа как одном из основных способов проявления авторской модальности в тексте «наращивается» постепенно, образуя в результате представление о целостном духовном мире героев (именно они формируют у читателя представления о зле и добре как ценностных и обобщённых понятиях). По мнению Л.Г. Бабенко, «бинарность эмотивного содержания предполагает обязательную интерпретацию мира человеческих эмоций (уровень персонажа) и оценку этого мира с позиции автора с целью воздействия на этот мир, преобразования его» [1: 167].

«Эмотивные смыслы» [1: 167], включаемые в содержательную структуру персонажа, обладают в тексте особой информативной

значимостью. В повести С.К. Никитина противоположные по семантике выражения эмоций характеризуют героев как антиподов. Эмотивные доминанты (центры) в обрисовке этих образов входят в семантическую структуру концептов «приветствие – прощание».

Наиболее точно характеризует героев такая контекстуальная разновидность эмотивных смыслов, как «фразовые эмотивные смыслы» [1: 169]. Фраза, которой мать встречает Глеба, насыщена семантическими единицами с негативной оценочностью, среди употреблённых лексем немало разговорных, просторечных («*шлялся*», «*ночлежил*», «*выкатывается*», «*бежка*»). Нет ответной реплики героя, его неопределённая фраза оборвана («*Не дерись, мать! – взвился Глеб. – А то знаешь...*»), при этом герой не остаётся в одном пространстве с матерью, а удаляется молча, не простившись. В данном случае отсутствие реплик (нет прощания перед уходом) является когнитивным знаком текста, выражающим негативный эмотивный смысл в характере Глеба, который «*взвился, заскрипел зубами, сломал алюминиевую ложку и ушёл*». Данный диалог является средством описания психологического состояния, прорывающегося в речевой и внеречевой «поток» повествования. Важную роль выполняет обращение к герою («*Где шлялся, ирод?*»), показывающее резкое осуждение Глеба со стороны другого персонажа (по отношению к Глебу употреблено бранное слово «ирод», в данном текстовом эпизоде он так и не называется по имени). Этому диалогу противопоставляется фраза-приветствие матери по отношению к другому герою – Борису: «*слава Богу*» (в значении «хорошо» [8, I: 101], «хорошо», потому что герой вернулся), в этом слове также заключено психологическое состояние, однако другого свойства: радость по поводу возвращения сына.

Если мать Глеба как бы «изгоняет» «урода» (сюжет меняется именно в этом направлении), то обращение матери к Борису содержит ключевую фразу: «Вернулся, Боря?», усиленную средствами синтаксического параллелизма («Я вернулся»), проявляющуюся как в пределах диалогического единства, так и на композиционно-синтаксическом уровне: *Но раз **есть** Боря, она спокойна.*

Смысловая структура персонажа в повести С.К. Никитина достаточно подвижна, выразительно сопоставление семантических элементов характеристики одного и того же персонажа. Муж главной героини повести, Олимпиады Сергеевны Мурыгиной, «капитан речного катера», предстаёт перед читателем как «**стройный, широкоплечий, мускулистый капитан**», а «через три года это был **совсем больной человек** <...> и кончил тем, что **замёрз пьяный в рубке катера**».

Таким образом, сопоставление как приём создания текста реализует единицы разных языковых уровней, создаёт текстовые оппозиции, предполагает выделение семантической доминанты организации художественного текста в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург, 2000.
2. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л., 1979.
3. Горшков А.И. Русская стилистика. М., 2001.
4. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М., 1988.
5. Лисоченко Л.В. Лингвистический анализ художественного текста в вузе. Ростов-на-Дону, 2006.
6. Лотман Ю.М. Об искусстве: Структура художественного текста. Семиотика кино и проблема киноэстетики. Статьи, заметки, выступления (1962 – 1993): Искусство. СПб., 1998.
7. Николина Н.А. Филологический анализ текста. М., 2003.
8. Словарь русского языка: В 4-х тт. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985 – 1988.

АЛИЕВ Тельман Асадович (*Владимир, Россия*)
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
telmanasad@rambler.ru

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ
С ПРИСУБСТАНТИВНЫМ РОДИТЕЛЬНЫМ
(на материале лингвистических терминов)

К устойчивым сочетаниям с присубстантивным родительным падежом относятся составные термины, т.е. целостные словесные единства, выступающие в терминологической функции.

В русском языке родительный падеж, зависящий от существительного, выполняет разнообразные синтаксические функции. «Для родительного падежа центральными значениями являются значения субъектное, определительное (но не обстоятельственно-определительное) и объектное» [2: 481]. Проф. В.И. Фурашов дает «функциональное описание системы определительных отношений, выражаемых косвенными падежами имен существительных в современном русском языке» [3: 208], и систематизирует перечни значений присубстантивного родительного падежа [3: 206-221]. В функции несогласованного определения родительный падеж употребляется преимущественно присубстантивно, выражая связь между двумя именами.

Составные наименования широко известны в различных сферах социально-речевой деятельности, принятых в обществе. И в лингвистике составные наименования – распространенное средство закрепления понятий, а через них – систематизации языкового материала.

Составные лингвистические термины не прямо называют понятие, а дают ему то или иное определение; в них самым непосредственным образом фиксируется тот признак, который служит основанием для выделения и классификации обозначаемого. Лексиче-

ское значение компонентов составного обозначения мотивирует предметную отнесенность наименования.

Из устойчивых терминологических сочетаний наиболее распространенными являются сочетания типа «существительное в именительном падеже (в ед. или мн. числе) с существительным в родительном падеже». Это связано с тем, что терминология любой отрасли науки и техники должна наиболее адекватно отражать сущность предметов, процессов и явлений объективной действительности и связи, существующие между ними. Там, где есть общее, термины должны также отразить это общее; там, где существует различие, оно должно быть отражено в терминологической системе.

В качестве доминирующих используются слова, выражающие общие понятия лингвистики. Видовая классификация реализуется с помощью добавочного определителя в виде формы родительного падежа имени существительного. Так, понятие «словарь» имеет следующие видовые классификации: словарь *иностранных слов*, словарь *лингвистических терминов*, словарь *правильностей*, словарь *синонимов*, словарь *сокращений*, словарь *языка писателей* и др.

Весьма удобным средством такой систематизации терминов являются сочетания, построенные по формуле «существительное в именительном падеже + существительное в родительном падеже».

В таких составных терминах существительное в именительном падеже в большинстве случаев называет обобщающее понятие (родовое), а существительное в родительном падеже – отличительный **признак** этого родового понятия (его видовое отличие), который выражает некоторый классификационный признак данного родового понятия. Например, совокупность однородных грамматических значений, представленных рядами противопоставленных друг

другу грамматических форм, называемая *категорией*, имеет следующие классификационные названия: категория *вида*, категория *времени*, категория *лица*, категория *наклонения*, категория *одушевленности-неодушевленности*, категория *рода*, категория *состояния*, категория *субъективной оценки*, категория *числа*; а различные значения падежей проявляются в их разновидностях: родительный *даты*, родительный *материала*, родительный *меры* или *количества*, родительный *носителя признака*, родительный *объекта*, родительный *отношения*, родительный *совокупности*, родительный *содержания*, родительный *субъекта*, родительный *сравнения*, родительный *удаления*, родительный *целого состава*, родительный *части*; винительный *времени*, винительный *объекта*, винительный *результата*; дательный *адресата*, дательный *косвенного объекта*, дательный *субъекта*; на этом же основании можно выделить: *стиль речи*, *стиль языка*.

К присубстантивному употреблению родительного падежа относятся, в частности, следующие случаи:

1. Родительный принадлежности. Наиболее обычным является тот случай присубстантивного употребления родительного падежа, когда он обозначает лицо или предмет, которому принадлежит что-либо, функционально выступает в качестве несогласованного определения, выражая «отношения, характеризующие предмет по принадлежности (в широком смысле), выражающие признак определяемого предмета», например, «относящегося к предмету (лицу), коллективу, организации, учреждению и т. п., которым принадлежит определяемый предмет (конкретно-предметное существительное)» [3: 211]. Лингвистические термины, выражающие признак родительного принадлежности: *закон аналогии*, *закон открытых слогов*, *закон экономии сил*, *закон глагола*, *звук речи*, *знак переноса*.

са, знаки препинания, значение слова, значения глаголов, категории глагола, классы глаголов, корень слова, лицо глагола, органы речи, основа высказывания, основа слова, основы глагола, план выражения, план содержания, порядок слов, вариант фонемы, раздел языкознания, признаки фонемы, форма глагола, форма прилагательных, варианты слова, функции слова, функции языка, части речи, частицы речи, член предложения.

2. Родительный объекта. При отглагольном существительном со значением действия или состояния родительный падеж может обозначать логический объект или логический субъект действия. Если родительный падеж по смыслу заменяет собой дополнение, то это – «родительный объекта»: *классификация согласных, классификация языков.*

3. Родительный субъекта. Если родительный падеж по смыслу заменяет собой подлежащее, то это – «родительный субъекта»: *выпадение звуков, оглушение согласных, озвончение согласных, падение редуцированных, происхождение языка, мены звуков, расширение значения, скрещение языков, стяжение гласных, чередование звуков, эволюция языка.*

4. Родительный пояснительный. Родительный пояснительный представляет собой раскрытие содержания слова, к которому он относится, например, *язык жестов, язык межнационального общения, теория трудовых выкриков, теория звукоподражания, семья языков, разряды местоимений, разряды наречий, разряды прилагательных, разряды существительных, разряды числительных.*

Таким образом, в таких случаях в составном термине, построенном по формуле «существительное в именительном падеже + существительное в родительном падеже», находит отражение определение данного лингвистического понятия через родовое по-

нятие и его видовое отличие, причем последнее выражается зачастую существительным в родительном падеже единственного или множественного числа.

Список некоторых лингвистических терминов с присубстантивным родительным: афористичность *речи*, вариант *морфемы*, вариация *фонемы*, вид *глагола*, вставка *звуков*, гармония *гласных*, глаголы *движения*, гнездо *слов*, группа *подлежащего*, группа *сказуемого*, долгота *звука*, единицы *речи*, законы *развития языка*, значение *слова*, категории *глагола*, классификация *языков*, мены *звуков*, место *образования*, нуль *звука*, порядок *слов*, предложение *тождества*, придаточное *времени*, придаточное *места*, принцип *правописания*, расширение *значения*, ритм *речи*, родство *языков*, сила *звука*, синтаксис *текста*, скрещение *языков*, словарный состав *языка*, состав *подлежащего*, состав *сказуемого*, состав *слова*, степени *сравнения*, стили *произношения*, стяжение *гласных*, схема *предложения*, твердость *согласных*, творительный *времени*, теория *языка*, тип *предложения*, тип *склонения*, тип *словосочетания*, тип *языка*, усложнение *основы*, фигура *речи*, формы *речи*, формы *словоизменения*, функция *звуков*, чередования *звуков*, ядро *высказывания*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
2. Русская грамматика. Том I. М.: Наука, 1980. 784 с.
3. Фурашов В.И. Современный русский синтаксис. Избранные работы. Владимир: ВГГУ, 2010. 368 с.

АЛТАБАЕВА Елена Владимировна (Москва, Россия)

Российский государственный аграрный университет –
МСХА имени Климента Аркадьевича Тимирязева
evaltabayeva@mail.ru

МОДАЛЬНОЕ ИМЯ С ОПТАТИВНОЙ СЕМАНТИКОЙ И ЕГО СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу функциональных особенностей модальных имен в оптативных предложениях. Устанавливается их круг, рассматриваются их грамматическая специфика и синтагматические свойства, функции сочетающегося с ними инфинитива и семантические оттенки значения желательности, возникающие благодаря особой синтагматике модального имени в оптативных предложениях.

Синтагматика русских глагольных слов, обусловленная их лексико-грамматическими свойствами, необычайно широка и разнообразна. Это касается и инфинитива – самой загадочной, по словам А.М. Пешковского, категории. Инфинитив, как зависимый, так и независимый, обладает целым рядом синтагматических особенностей, которые во многом определяют модальный рисунок высказывания и функциональные особенности сочетающихся с ним имен. В этой статье нам хотелось бы показать, какими синтагматическими возможностями обладают модальные имена с оптативной семантикой и какова функция инфинитива, сочетающегося с ними в структуре оптативного предложения.

Модальными именами, или оптативными девербативами, мы называем субстантивные формы оптативных глаголов, участвующие в выражении оптативности на правах модального компонента. Это такие слова, как *желание, стремление, мечтание, хотение, намерение, попытка, жажда, охота, потребность* и т.п. [см. подробнее: 1]. Отглагольная природа таких единиц в сочетании с их модальным потенциалом обуславливает широкую и разнообразную синтагматику модальных имен в оптативных предложениях.

В репрезентационной системе языка для представления концептуального содержания желания предусмотрены различные способы, как грамматические, так и лексико-синтаксические, причем очевиден ядерно-периферийный характер организации средств, выражающих категориальную семантику желательности [2]. Так, грамматическое представление оптативности (формы ирреальных наклонений) занимает ядерное и/или околядерное положение: *Написать бы книгу; Написал бы я книгу*, – тогда как лексико-синтаксическое ее выражение составляет периферию с разной степенью удаленности от центра функционально-семантического поля оптативности: *Хочу написать книгу; Хочется написать книгу; Хотел бы написать книгу; Хотелось бы написать книгу; Я выразил желание написать книгу; У меня есть желание написать книгу; Ко мне пришло желание написать книгу; Написать книгу – мое желание* и т. д. При этом вариативные возможности оптативной ситуации будут значительно шире, что отчетливо прослеживается на парадигматическом срезе форм оптативного предложения. Мы видим, что весомую долю в этой парадигме составляют модальные имена с оптативной семантикой, являющиеся дериватами оптативных глаголов и функционирующие как модусные компоненты предиката.

Кроме того, периферия поля оптативности обнаруживает многообразие оттеночных значений желательности, возникающих, как показывают наблюдения, отнюдь не благодаря глагольному модусному компоненту (*хотеть, желать, стремиться, пытаться, жаждать, мечтать и под.*), но, прежде всего, его синтаксическим дериватам – оптативным девербативам. Безусловно, по семантике и функции они весьма близки к оптативным глаголам. Такая близость позволяет им участвовать на правах модусного компонента, «включенного в форму предиката» [3: 53-87], в реализации оптативной

внутрисинтаксической модальности, с одной стороны, и сочетать в себе функционально-семантические черты, характерные для глагольных слов, с грамматической формой имени, с другой. Отмеченными особенностями модальных имен объясняется их «поведение» в оптативных предложениях и особая роль в формировании желательной семантики с ее разнообразными оттенками. В чем же заключается их специфика?

Прежде всего, это отличие кроется в грамматической природе модальных имен. Их субстантивная форма позволяет им функционировать в качестве грамматического субъекта, обеспечивает наличие согласуемых глагольных и признаков слов, детерминирует иную, нежели у оптативных глаголов, синтагматику. Так, если модальные глаголы в оптативном предложении могут сочетаться с инфинитивом знаменательного или связочного глагола, с предложно-падежной словоформой, с придаточной изъяснительной частью сложноподчиненного предложения, то модальные имена употребляются как в составе описательных глагольно-именных оборотов (*выразить желание, иметь намерение; пришла жажда, пропала охота*), так и в структуре бытийных предложений (*Есть желание встретиться*) и предложений тождества (*Побывать на Камчатке – моя мечта*).

Следует отметить, что оптативные девербативы встречаются в разных типах описательных глагольно-именных оборотов с семантикой желательности. Первый тип данных оборотов представляет собой функциональный эквивалент оптативного глагола в составе предиката оптативного предложения: *хотел увидеть – имел желание увидеть; намеревался уехать – выразил намерение уехать; желал ответить – испытал желание ответить*. Это, по сути, предикатный оптативный оборот. Организуются обороты такого типа

следующим образом: переходный глагол совершенного или несовершенного вида с ослабленным лексическим значением (*иметь, выражать, высказывать, изъяснять, ощущать, чувствовать, испытывать*) + модальное имя в форме винительного падежа (*желание, охота, намерение, стремление, потребность и под.*) + инфинитив знаменательного глагола в роли объекта желания.

По вопросу о синтаксической функции инфинитива в предложениях такого рода заметим, что здесь возможны разные решения. С одной стороны, инфинитив, в своей семантике содержащий вещественное значение, которое связано непосредственно с предметом желания, не может рассматриваться в структуре оптативного предложения в отрыве от модального имени и выполнять свою собственную синтаксическую функцию. С другой стороны, приименный зависимый инфинитив традиционно рассматривается в качестве распространителя и выступает роли второстепенного члена предложения (дополнения или определения). Подробнейший анализ функций присубстантивного инфинитива представлен в одноименной работе Владимира Ивановича Фурашова, в которой можно найти ответ на этот непростой вопрос русского синтаксиса [5: 234-251].

Называя инфинитив глагольным номинативом, автор отмечает сохранение в нем субстантивности, о чем свидетельствуют синонимические конструкции типа *«мечтает поступить в институт»*, *«мечтает о поступлении в институт»*, и подчеркивает, что *«вследствие своей синкретичной природы инфинитив при имени существительном не может быть ни типичным определением, ни типичным дополнением»* [5: 236-237]. По мнению В.И. Фурашова, «при установлении синтаксической функции присубстантивного инфинитива в строе предложения необходимо учитывать грамматическую

природу главного слова сочетания», в частности, «при отнесенности к отглагольному существительному, соотнесенному с глаголом, способным иметь при себе субъектный инфинитив», что в принципе соответствует описываемому нами случаю, инфинитив обычно «является определением с оттенком значения дополнения» [5: 237]. Благодаря тонкому и глубокому наблюдению ученого, мы имеем основание квалифицировать синтаксическую функцию инфинитива, сочетающегося с модальным именем оптативной семантики, именно как «определение с оттенком значения дополнения» [там же]. Однако не стоит исключать возможность рассмотрения такого сочетания и как синтаксически нечленимого в силу его смыслового единства.

В то же время в семантическом отношении такой оборот отнюдь не равнозначен оптативному глаголу, поскольку глагольный компонент оборота передает своим содержанием различные оттенки, уточняющие позицию субъекта оптативного предложения: а) обладание состоянием желания – *иметь желание, охоту, намерение*; б) сообщение о своем желании – *выражать, высказывать, изъявлять желание, намерение, стремление*; в) появление желания либо пребывание в данном состоянии – *(по)чувствовать, ощутить, испытать, (по)терять желание, охоту, потребность и т.п.*

Что касается субстантивного компонента, то его роль заключается в номинации желания как такового (*желание*), в том числе и в разговорно-просторечной форме (*охота*), желания-намерения (*намерение*), желания-стремления (*стремление*), желания-потребности (*потребность*) и т.д., аналогично оптативным глаголам, выражающим модальность желательности и ее оттенки.

Второй тип описательных глагольно-именных оборотов с семантикой желательности представляет собой предикативное сочетание, в котором модальное имя желания выступает в качестве

грамматического субъекта, то есть подлежащего. Не случайно подобные случаи описаны как субъектные модели описательных предикатов [4: 57]. Реальному (семантическому) субъекту желания отводится роль объектного компонента – дополнения. Тем самым позиции грамматического и семантического субъектов не совпадают, что создает особый рисунок лексико-синтаксический желательности в оптативном предложении: ***Его томило желание скорее вы-браться из переулка и идти домой...*** (А.П. Чехов). Обороты этого типа строятся по модели: спрягаемый глагол в личной форме + оптативный девербатив в форме именительного падежа + инфинитив знаменательного глагола в роли объекта желания. Естественно, что логично назвать их оптативными предикативными оборотами. В них модальное имя занимает грамматически независимую позицию и само принимает на себя функции субъекта, главенствуя над реальным субъектом желания – местоимением или существительным.

С модальными именами в оборотах такого типа сочетается довольно многочисленная группа личных глаголов, и эти глаголы могут вносить новые, достаточно многочисленные оттенки в семантику желательности: а) наступление состояния желания (*охватить, возникнуть; прийти, напасть, найти, подняться, явиться, приспеть, приспичить, вспыхнуть, забиться, проснуться, родиться* – в значении «возникнуть»; *овладеть*); б) нарастание желания (*расти, увеличиваться, усиливаться, крепнуть*); в) пребывание в состоянии желания (*мучить, томить, не покидать, не прекращаться, не оставлять, разжигать, жечь*); г) прекращение состояния желания (*отступить, пройти, пропасть, исчезнуть*).

Для русского языка функционирование субстантивных слов с семантикой состояния в качестве грамматического субъекта – достаточно типичное явление (ср.: *меня охватила тоска, в нем под-*

нялась обида, у меня возникло опасение, ко мне пришла тревога и т.п.), причем предикатный компонент (спрягаемый глагол) часто употребляется в переносном значении, что позволяет метафоризировать и персонифицировать предиктируемый компонент. Тем самым состояние субъекта становится самостоятельной субстанцией, не только существующей в предложении независимо от самого субъекта, но и как бы подчиняющей его себе.

Синтагматику оптативных предложений формируют и интенсификаторы; в качестве таковых могут выступать адъективные компоненты, сочетающиеся с модальными именами. Эти слова дополняют характеристику желания, данную предикативным сочетанием и позиционируют его как *острое, жгучее, сильное, страстное, странное, удивительное, необъяснимое, непреодолимое, неукротимое, невыносимое, яростное, безмерное, безумное, захватывающее, смертельное* и т.д.

В разговорной речи обороты с модальными именами малоупотребительны. Более активны они в художественной речи, где, благодаря богатству оттеночных значений, служат выразительным средством характеристики состояния героя. Перечисленные глаголы, сочетаясь с модальными именами, модифицируют семантику оборота, внося оттенок фазовости или интенсивности, характеризуя стадию желания или его градацию, причем часто в переносном смысле, метафорически, благодаря чему модальность желательности приобретает новые семантические характеристики.

Несмотря на то, что перечень оптативных девербативов исчерпывается несколькими модальными именами (*охота, желание, мечта, жажда, намерение, стремление* и др.), их субстантивная форма и отвлеченная семантика способствуют привлечению весьма обширного круга глаголов. Такие синтагматические особенности со-

здают картину «живого», одухотворенного желания, показывают стадии его формирования, степень интенсивности, особенности протекания и т.д.

Таким образом, благодаря синтагматическим свойствам отглагольных образований – модальных имен с оптативной семантикой – русское желание в своей репрезентативной системе может быть представлено в высшей степени детализированно и разветвленно. Зависимый инфинитив обеспечивает реализацию модальной функции девербатов и участвует в передаче содержания оптативного предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтабаева Е.В. Оптативные предложения в современном русском языке. Мичуринск: МГПИ, 2003. 193 с.
2. Алтабаева Е.В. Категория оптативности в современном русском языке. М.: МГОУ, 2002. 230 с.
3. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // В.В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 53-87.
4. Макович Г.В. Описательные предикаты со значением конкретного действия, поведения, когнитивно-познавательной и речевой деятельности в современном русском языке. Челябинск, 1995.
5. Фурашов В.И. Присубстантивный инфинитив // В.И. Фурашов. Современный русский синтаксис. Избранные работы. Владимир: ВГГУ, 2010. С. 234-251.

АРТАМОНОВА Марина Владимировна (*Владимир, Россия*)

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
vladlingvist@yandex

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЮЗА «И» В УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЯХ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА

В настоящей статье рассмотрены некоторые особенности функционирования союза «и» в устойчивых сочинительных конструкциях, относящихся к разновидностям древнерусского паратаксиста. Вслед за А.А. Потемной, под паратаксистом мы понимаем кон-

струкции, компоненты которых соединены архаичной связью, характеризующейся формальным равноправием, соположением компонентов при наличии их логической зависимости [2]. Как отмечает Л.В. Савельева, в паратаксических конструкциях «логически главный и логически подчиненный компоненты выступают как единицы коррелятивные, лежащие в одной грамматической плоскости. Тем самым их сложная семантическая связь друг с другом находится в противоречии с их формальной независимостью друг от друга» [3: 123].

Паратаксис, свойственный архаичным языкам, можно считать ступенью в развитии сочинительной связи. Древнерусский паратаксис и сочинительная связь в современном русском языке генетически связаны: они служат для выражения концепта «множество». Этот древний вид связи характеризуется особой отличительной чертой, которая проявляется в том, что «сочинение формирует в языковой системе структурный механизм функциональной аттракции парадигматически соотносительных единиц» [4: 5], что во многом определяет синтагматико-парадигматический характер синкретизма в данных сочетаниях.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает исследование функционирования союза «и» в бинарных устойчивых сочетаниях, компоненты которых связаны паратаксической связью. Примером таких устойчивых сочетаний служат парные именованья – древнерусские формулы-синтагмы, выражающие синкретичное значение парности, возникающее при объединении двух структурно-семантических компонентов, которые связаны сочинительными союзами, например: «...*вера бо наша светъ есть: кланяемся богу, иже створилъ **небо и землю**...*» (Повесть временных лет); «*Се уже к 40 лет приближаетъ **томление и мука**, и дане тяжькыя на ны*

не престануть...» (Слова Серапиона Владимирского); *«Зане князь щедръ отецъ есть слугамъ многиим: мнозии бо оставляють отца и мать, к нему прибегают»* (Моление Даниила Заточника); *«И едва отдохнув от великаго того плача и рыдания, и начаша совокупляти воинство свое...»* (Повесть о разорении Рязани Батыем); *«Сыну, егда виидении в печалень домъ, то о питии и о ядении не молви...»* (Повесть об Акире Премудром). Подобные устойчивые сочетания близки к номинативной сфере благодаря нерасчлененности сигнификата и обобщенному синкретичному значению, выводимому из тех значений, которые присущи условно выделяемым составляющим его компонентам. В.И. Фурашов отмечает, что такие сочетания, исторически сформировавшиеся в предложении, имеют возможность вычлениваться из него и обретать новый статус, сближаясь с номинативной сферой, как, например, сочинительные словосочетания *брат и сестра, отец и мать*, выражающие обобщенное значение [5: 188-189].

Указанное тяготение парных именований к сфере номинативных единиц обуславливается еще и тем, что сочинительный союз «и» в таких паратаксических конструкциях имеет особую функциональную нагрузку: он перестает быть исключительно синтаксическим средством связи слов в предложении и приобретает назначение синкретичной единицы, морфологический статус и семантика которой определяются в лингвистике неоднозначно.

В исследованиях по истории языка представлены две точки зрения на морфологический статус и функцию союза «и» в устойчивых сочетаниях паратаксического типа: А.А. Потеня отождествляет этот союз с «плеонастической частицей»; А.П. Евгеньева относит «и» к «усилительным союзам». По мнению лингвиста, «и» – это плеонастическая частица, отнесенная в категорию архаизмов: «в

разных течениях языка, иногда личных, иногда более общих, различна степень потребности этих (с точки позднейшего, преимущественно письменного гипотактического языка) плеонастических частиц, заполняющих собою пробелы мысли» [2: 219].

А.П. Евгеньева подвергает критике точку зрения А.А. Потебни и рассматривает «и» как усилительный союз в синонимических парах слов: стилистическая функция синонимических пар, в которых употребляется союз «и», заключается в усилении значения, в подъеме его, а в бессоюзных сочетаниях – в уточнении, взаимоограничении (тем самым тоже в усилении значения, но не путем подъема, а путем ограничения). А.П. Евгеньева в своей работе говорит о невозможности соединения союзом дублетов, слов совпадающих полностью в своем значении; следовательно, о невозможности употребления союза «и» как средства связи в плеонастических конструкциях, например, «нельзя сказать «гляжу и смотрю», «знаю и ведаю», «народ и люди», «сказал и молвил», потому что функция союза «и» в русском языке (в простом предложении) – соединение далеких или близких по значению однородных членов. Поэтому наличие союза и заставляет воспринимать один из членов как отличный от другого: сочетание «стыд и срам» с точки зрения современного литературного языка представляется соединением слов с различными оттенками значения (стыд – более слабая степень, а срам – более высокая степень той общей семантики, которая является основной в каждом из этих слов)» [1: 270, 271]. Объяснение А.А. Потебни, что наличие союза «и», и также других «эксплетивных» частиц и слов в синонимических сочетаниях в устной поэзии является «явственным выражением медленности, с которой в говорящем один акт мысли следует за другим», также нельзя принимать, по мнению А.П. Евгеньевой, так как с этой точки зрения произ-

ведения фольклора – это «результат бессознательного творчества, представляющий собой точное отражение процесса мысли сказителя» [Там же: 272].

На наш взгляд, союз «и» в парных именовании древнерусского текста функционально не отождествляется с плеонастической частицей, связывающей повторяющиеся по смыслу слова, так как компоненты данных сочетаний не являются лексическими дублетами. Однако и собственно союзом считать его нельзя: роль союза «и» в древнерусском тексте отличается от обычной его роли в современном литературном русском языке, где он связывает слова или части сложного предложения, выражая отношения соединения, присоединения, перечисления, одновременности и др. Так, например, в устойчивых сочетаниях **душа и тело, радость и веселье, солнце и луна** «и» связывает не самостоятельные слова, а лишь составные части сочетания, осознаваемого как цельная, семантически нечленимая единица.

В описываемых сочетаниях союз «и» отличается большей синтаксической и смысловой нагрузкой, выступая в качестве средства объединения двух предполагающих друг друга сигнификатов с целью создания одного общеродового значения. Отметим, что если в современном русском языке союз «и» служит для построения синтагматических единиц, то в древнерусском тексте он функционирует как средство создания синкретичных единиц синтагматико-парадигматического типа. Эта особенность древнерусского союза «и» проявляется и в том, что парные именовании в качестве варианта употребления в памятниках письменности могут иметь вид не паратаксического сочетания, относящегося к единицам синтагматического уровня, а сращения, приобретающего функцию номинативной единицы. Так, в «Новгородской летописи» и «Остромировом

евангелии» фиксируется одно и то же устойчивое сочетание, которое может употребляться как с союзом «и» в своей структуре, так и без него – в виде сращения компонентов, подобного сложному слову: сочетание **братъ и сестра** в тексте может приобретать вид сращения, представленного одним знаком: «*Разидеся градъ нашъ и волость наша (во время голода) и полни быша чюжие грады и страны нашеи **братъе и сестръ***» (Новгородская летопись) – «... *святаго мученика Евлампа и Евлампия присныма **братъсестро-ма***» (Остромирово евангелие).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что стремление бинарного паратаксического сочетания к структурному сращению (цельнооформленности) есть проявление синкретичности структуры и семантики парного именованя, в котором союз «и» перестает быть синтаксическим средством связи и служит для соединения взаимообусловленных, предполагающих наличие друг друга компонентов, подобных частям сложного слова. Синкретизм формы и содержания подобных сращений обнаруживает высокую степень семантического обобщения («собирательности», по определению В.В. Колесова), что позволяет осознавать их как целостные номинативные единицы (например, **братъсестра** (термин родства, ср.: нем. *Geschwister*), **честь-слава** ('почитание'), **хлебъ-соль** ('еда')), в которых употребление союза «и» является факультативным в связи с тем, что он не призван обеспечивать исключительно синтаксическую связь, а необходим для построения синкретичной лексико-семантической единицы синтагматического уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евгеньева А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII – XIX вв. М. – Л., 1963. 348 с.
2. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М.: Учпедгиз, 1968. 551 с.

3. Савельева Л.В. Основы палеорусистики: учебный комплекс по курсу истории русского языка для педагогических университетов. Петрозаводск: КГПУ, 2004. 164 с.

4. Сигал К.Я. Сочинительные конструкции в тексте: опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 50 с.

5. Фурашов В.И. О трех сферах существования словосочетаний / Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы международ. науч. конф. Владимир, 2001. С. 187-191.

ВАРНАЕВА Анна Евгеньевна (Смоленск, Россия)

Смоленский государственный университет

fkasta13@mail.ru

СОЧИНИТЕЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ: ЯЗЫК И РЕЧЬ

*Владимиру Ивановичу с уважением и благодарностью
за помощь в работе над книгой*

Аннотация. В статье выявляются структурная схема сочинения и ее речевые реализации методом нахождения единства всех построений с сочинительными отношениями. В результате принята гипотеза: структурной схемой сочинения является *общее третье*: a, b, \dots, n , где a, b, n представляют равноправные компоненты, а *общее третье* – общую картину; новизной является и перечень речевых реализаций структурной схемы.

1. В русском языкознании большинством синтаксистов **предложение** рассматривается как **единица языка и речи**. В западных синтаксических концепциях распространен взгляд на предложение как единицу речи [1: 99-100].

Из всех многочисленных трактовок языка и речи [5: 100] будем придерживаться такой: единицы языка воспроизводятся, единицы речи производятся. Отсюда вытекает другое различие: единицы языка абстрактны, единицы речи конкретны.

В одном и том же предложении есть обе эти части: и производимые, и воспроизводимые говорящим элементы. Воспроизводятся, а не произвольно образуются говорящим формы конститутивных членов предложения, составляющих предикативный минимум предложения, и тот более широкий минимум компонентов, необходимых

для семантической организации предложения, без которого предложение не может существовать как содержательное сообщение [1: 100].

То есть в предложении есть номинативный минимум и предикативный минимум. Они отражены в структурной схеме предложения [1: 100-101, 111-117].

Речевой стороной предложения может быть пропуск некоторых конститутивных членов [1: 100]. И, напротив, речь характеризует наличие таких элементов, которые могут быть устранены.

Существует понятие позиционной схемы высказывания. В реальных высказываниях помимо структурной схемы участвуют разные распространители. Вместе с главными членами распространители образуют позиционную схему высказывания. Существование позиционной схемы в основе высказывания особенно ясно осознается при восприятии речи. Невоспроизводимость, бесконечная варьируемость позиционных схем высказывания свидетельствует о том, что эти схемы монтируются в процессе речи, готовые позиционные схемы в системе языка не заложены, а есть только структурные схемы и парадигмы словоформ, обслуживающие ту или иную позицию в высказывании [10: 144-147].

Реализуясь в конкретной речевой ситуации, языковая модель предложения подвергается разнообразным изменениям, преобразованиям, усложнениям. Эти речевые особенности могут быть как типовыми, моделируемыми, так и окказиональными, индивидуальными. В речи реализуется иной аспект отношений между теми же компонентами предложения, которые входят в коммуникативный и номинативный минимумы [6: 331-332]. Например, реализуется актуальное членение.

Для анализа сочинительной конструкции чрезвычайно важно отмеченное выше наблюдение: речевые особенности могут быть как типовыми, моделируемыми, так и окказиональными, индивидуальными. Под «окказиональными, индивидуальными» в плане противопоставления «типовым, моделируемым» следует понимать то, что диктует ситуация общения или описываемая ситуация. Например, речевым явлением может быть ограничение числа равноправных компонентов двумя, потому что в описываемой ситуации всего два предмета, которые заинтересовали говорящего.

2. В перечне **структурных схем** простых предложений [12: 92-98] нет **предложений с однородными членами**.

Есть «общая формула сочинительных словосочетаний: форма слова и однофункциональная ей и связанная с ней сочинительной связью форма другого слова» [1: 74].

В этой "общей формуле" есть много положительного: указание на однофункциональность и на сочинительную связь. Эти две черты характерны не только для однородных членов, но и для **сложносочиненных предложений**.

Высказанное автором суждение об однофункциональности не отменяет наличия сочинительных конструкций, которые не характеризуются однофункциональностью.

Это разнофункциональные однородные члены, например: *Никто не знал, когда и где он успел так рассыпаться* [4: 69].

Это вторичная союзная связь в простом предложении: *Помощь пришла, но слишком поздно* [11: 210].

Это сложносочиненные предложения с частями, которые являются неоднородными с точки зрения цели высказывания: *Кошка – ихняя мать, а кто отец?* [3: 56-57].

Есть и другие сочинительные конструкции, которые могут квалифицироваться как речевые явления.

Об обычности и необходимости таких явлений хорошо сказал Э. Косериу: "Язык *воссоздается*, поскольку речь основывается на уже существующих моделях и является говорением и пониманием; язык *преодолевается* языковой деятельностью, поскольку речь – это всегда нечто новое; и язык *обновляется*, ибо понимать – это значит понимать нечто большее по сравнению с тем, что было уже известно благодаря языку, который предшествовал данному акту речи. Реальный и исторический язык динамичен, поскольку языковая деятельность состоит не просто в том, чтобы *говорить и понимать его*, а в том, чтобы *говорить и понимать нечто новое с помощью определенного языка*". Причем приходится признать, что "факторы изменения языка существуют в самом языке" [7: 214, 219].

Понятие однофункциональности близко к понятию равноправия – сущности сочинительной связи.

Широкое использование понятия сочинительной связи вместо указания на сочинительный союз вполне оправданно: лингвисты не лишают статуса однородных членов бессоюзные сочиненные ряды; в бессоюзных сложных предложениях, например с перечислительными отношениями, большинство лингвистов тоже находит сочинительную связь.

В.А. Белошапкина вполне справедливо замечает: "Число компонентов при открытой сочинительной связи определяется экстралингвистически (объемом той информации, которая включается в конструкцию, образуемую открытой сочинительной связью): *Мелькают мимо будки, бабы, Мальчишки, лавки, фонари, Дворцы, сады, монастыри, Бухарцы, сани, огороды, Купцы, лачужки, мужики, Бульвары, башни, казаки, Аптеки, магазины, моды, Балконы, львы*

на воротах и стаи галок на крестах" (А.С. Пушкин). Несмотря на свою обширность, этот ряд мог быть и большим [1: 25].

В.А. Белошапкина различает два "структурных типа сложносочиненных предложений: предложения открытой и закрытой структуры". При этом "сложносочиненные предложения закрытой структуры, минимальные конструкции которых представляют сочетание обязательно двух предикативных единиц, по данному различительному признаку однотипны со сложноподчиненными предложениями (последним они противопоставлены по признаку сочиненности/подчиненности) и вместе с ними противостоят сложносочиненным предложениям открытой структуры, минимальные конструкции которых представляют сочетания неопределенного количества предикативных единиц" [1: 207-208].

Если В.А. Белошапкина **закрытость** и открытость сочиненных рядов считает, и вполне справедливо, явлением экстралингвистическим, то это **явление речи**, а не языка. По моему мнению, **открытость** сочиненных рядов – **явление языка**. Ограничение ряда двумя равноправными компонентами, то есть закрытость, происходит по тем или иным экстралингвистическим причинам.

Сближение речевой закрытости некоторых сочинительных конструкций с языковой закрытостью всех подчинительных конструкций едва ли целесообразно.

Языковая модель (структурная схема) сочинительных конструкций должна фиксировать неограниченность числа равноправных компонентов, например, так: **a, b..... n.**

Можно было бы ограничиться этой структурной схемой, то есть не уточнять ее. Дело в том, что сущность сочинительной конструкции – в равноправии. Компоненты **a, b..... n** равноправны перед общим третьим. В этой схеме нет обозначения общего третьего, пе-

ред которым равноправны *a, b..... n*. Однако наличие *n* уже показывает, что компонентов принципиально может быть более двух. А это значит, что перед нами сочинительная конструкция. Включение пояснительных и сравнительных конструкций в число сочинительных нежелательно. Такое включение есть, например, в Русской грамматике [12: 708]. В пояснительных конструкциях всегда только два члена: поясняемое и поясняющее. В сравнительных конструкциях тоже только два: то, что сравнивается, и то, с чем сравнивается. Так количественный критерий позволяет подчеркнуть качественное отличие сочинения от других синтаксических связей.

Тем не менее в полной структурной схеме сочинительной конструкции должно быть обозначено и общее третье, перед которым равноправны равноправные компоненты. Традиционно это – сочинительный треугольник.

Сочинительный треугольник как структурная схема не совсем удобен: нужно чертить геометрическую фигуру. Но более существенно то, что в нем только три угла, между тем равноправных компонентов (которые располагают обычно по нижним двум углам; третий занимает общее третье) принципиально может быть сколько угодно. Когда чертят треугольник, подобный сочинительному, то создается впечатление, будто, например, сочинительные и сравнительные конструкции идентичны. Ведь треугольник чертят не только для сочинительных конструкций, но и для сравнительных. Например, в предложении *Пруд блестит, как зеркало* есть слово *блестит*, которое ставят в верхнем углу треугольника в качестве общего члена. Действительно, это слово обнаруживает формальную и смысловую связь со словами по нижним углам треугольника: *блестит (что?) пруд; блестит (что?) зеркало*. Однако в сравнительной и в пояснительной конструкциях не может быть три и более

компонента, претендующих на равноправные. Сочинительные конструкции могут быть как двучленными, так и многочленными; сравнительные и пояснительные – только двучленными.

Возможно, структурной схемой сочинительной конструкции будет принято такое изображение: **общее третье: a, b..... n**. Ее достоинство по сравнению с *a, b..... n* в том, что в ней подчеркивается необходимость иметь в виду общее третье. Это часто забывают при анализе многих сочинительных конструкций, особенно при анализе сложносочиненных предложений.

Эта структурная схема на фоне многих имеющихся структурных схем подчинительных конструкций может показаться слишком простой. Однако есть замечание: "Синтаксис языков по природе своей прост. Для сложностей остаются семантика и стилистика" [2: 386].

3. **В речи** эта структурная схема реализуется разнообразно.

Язык дает возможность образовать бесконечные ряды равноправных компонентов. В речи таких рядов не бывает, хотя бы уже потому, что человек не может их произнести. Если же все-таки элементов множества очень много, то вместо их названия используется цетера. Если нужно подчеркнуть, что в описываемой ситуации больше элементов множества не существует, то употребляется тантум [14: 5,63]. Ср.:

При этом закаливающие процедуры нужно обязательно сочетать с общефизическими упражнениями, подвижными играми на воздухе, с бегом и Т.Д. –

Новые отношения, странные и запутанные, на какой-то новой почве завязывались между Карташовым и Корневым и ТОЛЬКО.

Длину и характер сочиненного ряда диктуют экстралингвистические факторы, а именно то, что в лингвистике именуется семантическим и логическим аспектами предложения – отражением описываемой ситуации и мышлением о ней.

Однако в речи могут активно проявляться количественные параметры и в формальном аспекте.

В речи говорящий может соединить в сложносочиненное такие два предложения, когда в них совпадают некоторые слова. Так, по причине уже не отражаемой действительности, а по установившейся технике языка, в формальном аспекте получаются не сложносочиненные предложения, а простые предложения с однородными членами. Происходит сочинительное сокращение. Появляется **общий член** – компонент сочинительной конструкции, которого нет в подчинительных конструкциях. Например:

Волки жадны, и волки свирепы.

Волки жадны и свирепы [8: 161].

То есть общий член при однородных членах имеет причиной речь. И причиной самого факта наличия простых предложений с однородными членами как таковых является речь. В этом нет ничего удивительного, потому что "изменение происходит *благодаря* речи, но оно происходит *в языке*" [7: 326]. Актуальное членение – факт речи, но "в русском языке существует тип предложений, специализирующийся на выражении актуального членения" [6: 334, 337].

В числе факторов, влияющих на появление речевых особенностей сочинительной конструкции, следует понимать и коммуникативный аспект предложения. Наряду с формальным, логическим и семантическим аспектами коммуникативный аспект достаточно активен в развитии структурной схемы сочинения. Предполагая фон знаний собеседника или учитывая уже высказанную информацию,

говорящий помечает это отрицательно-утвердительным союзом. В таком случае может быть только два равноправных компонента и не более, так как кроме данного (то есть уже известного собеседнику) и нового третьего не дано.

Так появились и специальные союзы, которые выражают переход от данного к новому. Это градационные союзы *не только... но и, как... так и, не столько... сколько* и отрицательно-утвердительные союзы *не... а, не... но, не... однако*.

Наконец, **обобщающий элемент** – тоже следствие равноправия и его реализации в речи. В конкретном предложении он может быть, но может и не быть.

Речь – это место встречи языка с мыслью [5: 14] .

Если язык порождается речью, то речь ни в какой момент не может быть полностью порождена языком: между ними нет отношений взаимообусловленности. Речь может показаться просто результатом функционирования языка, и тем не менее она всегда нечто большее. Эта "большест" – от творчества. "Верховным принципом для речи является не язык с его нормами, а смысл, который в свою очередь есть представитель интересов главного руководителя всей этой деятельности – мысли. Собственно, параметрами мысли или смысла измеряются категории и единицы речи". Законченность смысла и привязанность к ситуации являются определяющими для предложения. Все же остальное – от языка. "Смысл способен преодолеть любое сопротивление языка, если он достигает при этом привязанности к той или иной ситуации" [5: 18-20, 176, 178].

Кроме структурной и позиционной схем, являющихся средством выражения семантического и логического аспектов предложения, в нем обязательно присутствуют еще средства выражения коммуникативного аспекта. Последний тоже диктует свои количе-

ственные параметры. Например, в речи кроме данного и нового третьего не существует. Поэтому количество равноправных компонентов для выражения данного и нового всегда равно двум. Поэтому сформировались названные выше градационные и отрицательно-утвердительные союзы. Поэтому не может быть общего элемента в отрицательно-утвердительных конструкциях.

В речи нам бывает нужно сделать **акцент на сходстве, или на различии, или и на сходстве, и на различии**. Отсюда разные типы сочинительных конструкций.

Если нам требуется сделать акцент на тождестве, то мы употребим тождественные однородные члены. Например: *Здоровье ее становилось почти с каждым днем все хуже и хуже* (Ф.М. Достоевский).

Если нас более интересует различие, то мы используем – неодноименные однородные глаголы-сказуемые. Например: *Вы, впрочем, не думайте чего-нибудь и не сомневайтесь, маточка, обо мне, что я такую комнату нанял* (Ф.М. Достоевский).

Для того чтобы в равной мере обратить внимание собеседника и на сходство, и на различие, в конструируемом нами предложении мы обнаружим однородные подлежащие, однородные дополнения и однородные обстоятельства при общем члене – глаголе. Например: *Во мне и матушке он души не чаял* (Ф.М. Достоевский).

В качестве итога перечислим наиболее важные речевые реализации языковой (структурной) схемы сочинительной конструкции: **общее третье: а, b..... n**. Большинство из этих речевых реализаций уже известно в лингвистике; некоторые приведены выше. Для некоторых реализаций приведены иллюстрации здесь:

– сочинительные конструкции с акцентом на сходстве; на различии; на сходстве и различии;

– двучленные сложносочиненные предложения; многочленные сложносочиненные предложения;

– двучленные ряды однородных членов; многочленные ряды однородных членов;

– сочинительные конструкции с *цетерой*; сочинительные конструкции с *тантумом*; например: *Нарушение ритма сердечных сокращений проявляется в различных формах: учащения сокращений, мерцания предсердий и т.д.* (Наука и жизнь 1986, № 7, с. 142). *Модест знал ноты и только.*

– разнофункциональные однородные члены; предложения со вторичной союзной сочинительной связью; сложносочиненные предложения неоднородные по цели высказывания;

– союзные ряды однородных членов и союзные сложносочиненные предложения; бессоюзные ряды однородных членов и бессоюзные сложные предложения с сочинительными отношениями между их частями;

– сочинительные конструкции с соединительными, противительными и разделительными отношениями;

– сочинительные конструкции, различающиеся структурными функциями сочинительных союзов: замыкающей, перечислительной и собственно-соединительной функцией; см. примеры соответственно: *Среди запахов земли, реки и леса, властвующих на этом берегу, был и еще один* (А. Калинин). *Здесь же вокруг все свои: и вдовы, и бывшие солдаты, а договориться с ними невозможно* (А. Калинин). *Его левое крыло стремительно отходило через Дон и Кубань в предгорья Кавказа* (А. Калинин).

– сочинительные конструкции с двойным выражением сочинительного треугольника и сочинительные конструкции только с одним

выражением сочинительного треугольника: только союзом; только компонентами по углам треугольника;

– сочинительные конструкции, с различным отношением к общей картине: утвердительные, отрицательно-утвердительные и конструкции незавершенного выбора [13: 21-38]; см. примеры соответственно: *Во время войны он больше всего находился в кавалерии и в танковых войсках* (А. Калинин). *Они не работали, а, как зачарованные, смотрели в бездну* (В. Шапошникова). *То ли от жары, то ли от тяжести подошла усталость* (Работница 1975, № 3, с. 10).

– конструкции с различными типами отношений между собственно равноправными компонентами (то есть с отношениями не к общему третьему, а по «нижней стороне сочинительного треугольника»): союзы выражают противительное или другое значение, вплоть до подчинительных, отмеченных еще А.М. Пешковским: *...на труднейшем, потому что новом материале* [9: 468]; с союзами, не выражающими специальных отношений, но и не препятствующими их существованию; конструкции с союзами, препятствующими появлению каких-либо отношений [13: 58-59], например: *От слов матушки Спиридона бросало то в жар, то в холод, потому что он был уверен, то не пострафит* (А.П. Чехов).

– сочинительные конструкции, имеющие общий элемент, и сочинительные конструкции, его не имеющие; см. примеры соответственно: *И когда она прольется на горячую землю или на песок* (А. Калинин). *То ли звериная тоска передалась Вэкэту, то ли вдруг вспомнилось родное приволье, но он всю ночь тихо проплакал, лежа под холодными, непривычными простынями* (Юность 1970, № 8, с. 4) .

– сочинительные конструкции с общим элементом словом; словосочетанием; словом и предикативной единицей; предикативной единицей;

– сочинительные конструкции с синтаксически господствующим, с синтаксически зависимым общим элементом, с тем и другим; см. соответственно: *Павел без памяти и без мысли чему-то кивнул: так и должно быть* (А. Калинин). *Все стулья и пружины дивана в кабинете у секретаря райкома так и заскрипели* (А. Калинин). *Занятая своими мыслями и сковородой, она не услышала, как у нее за спиной открылась дверь* (А. Калинин).

– сочинительные конструкции с разным количеством общих элементов;

– сочинительные конструкции с повторяющимися или неповторяющимися общими элементами;

– сочинительные конструкции с обобщающим элементом; сочинительные конструкции без обобщающего элемента; например: *Можно было ожидать даже, что он тих будет во всем: и в стихиях природы, и в сердцах старогородских людей* (Н.С. Лесков). *Презрение и насмешка сплелись в словах цыгана* (А. Калинин).

– сочинительные конструкции с обобщающим элементом словом; словосочетанием; словом и предикативной единицей; предикативной единицей;

– сочинительные конструкции с количественным обобщением в обобщающем элементе; с качественным обобщением; с количественным и качественным обобщением;

– сочинительные конструкции с повторением обобщающего элемента.

Названные реализации в речи комбинируются друг с другом, создавая самые различные образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977. 248 с.
2. Вайнрих Х. Текстовая функция французского артикля // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. УШ. М., 1978. С. 370-387.
3. Валимова Г.В. Коммуникативный аспект предложения // Проблемы преподавания синтаксиса в школе. М., 1976. С. 54-63.
4. Гудиева Р.К. Из наблюдений над разнофункциональными компонентами предложения, связанными отношениями сочинения // Вопросы синтаксиса современного русского литературного языка. Ростов-на-Дону, 1973. С. 68-79.
5. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976. 308 с.
6. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. 352 с.
7. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963. С. 143-343.
8. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М., 1974. 292 с.
9. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. 512 с.
10. Попова З.Д. Общее языкознание. Воронеж, 1987. 212 с.
11. Прияткина А.Ф. Вторичные союзные связи // Исследование по славянской филологии. М., 1974. С. 269-274.
12. Русская грамматика: В 2 т. Т. II. М., 1980. 710 с.
13. Троицкий Е.Ф. Компоненты сочинительной конструкции и их отношения. Смоленск, 1987. 80 с.
14. Троицкий Е.Ф. Равноправные компоненты сочинительной конструкции. Смоленск, 1988. 80 с.

ВАРЮШЕНКОВА Екатерина Николаевна (*Владимир, Россия*)

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
eknikvar@yandex.ru

ИНФИНИТИВ, ПРИМЫКАЮЩИЙ К ИМЕНИ ИЗ СОСТАВА СКАЗУЕМОГО

Инфинитив, примыкающий к существительному, входящему в состав сказуемого, может по-разному функционировать в предложении. Он может представлять собой неотъемлемую часть сказуемого, а может выступать в роли отдельного, самостоятельного второстепенного члена предложения. При этом он также имеет неоднозначные характеристики в предложении.

Безусловный интерес представляют собой конструкции, в которых инфинитив как будто бы самостоятельный член предложения,

однако по смысловым и грамматическим свойствам всей конструкции оказывается синтаксически обусловленным.

Всегда следует иметь в виду, что такой инфинитив присубстантивным можно считать только условно, по аналогии с примыканием инфинитива к данным существительным в других конструкциях. Поскольку спрягаемые глаголы в этих конструкциях имеют особое значение (либо это связки, либо приближающиеся к связкам синсемантические глаголы), существительные грамматически и по смыслу тесно с ними связаны. Так как в сочетании с инфинитивом здесь в основном выступают модальные существительные, так же как и глаголы, недостаточные в плане лексического значения, есть основания предполагать, что инфинитив является во многих случаях неотъемлемой частью непростого глагольного сказуемого: Анна имела *способность краснеть* (Л. Толстой).

Неполнозначностью глагольного компонента сказуемого объясняет подобные явления П.А. Лекант [1: 44]. Случаи примыкания инфинитива к существительным – компонентам сказуемого можно дифференцировать.

Некоторые построения с глаголом *иметь*, автосемантические в двучленном сочетании «иметь + существительное», в трехчленном (с примыкающим инфинитивом) обнаруживают склонность к синсемантической и даже к образованию соединений, близких к фразеологически связанным. Это построения с существительными *мужество, смелость, жестокость, наглость, глупость* и др.: Он страдал больше, чем это можно представить, но *имел мужество взглянуть в лицо* новой своей судьбе (А. Грин); Передавая работу своему руководителю, *имел наглость пошутить*: боюсь, что со знаками препинания у меня не все в порядке (Б. Окуджава). В подобных примерах инфинитив – неотъемлемая часть сказуемого.

Отглагольные существительные образуют с глаголом *иметь* так называемые «глагольно-именные описательные обороты» [1: 43]: *иметь желание – желать, иметь стремление – стремиться*: Общество *имело желание* как можно больше начальников войск **обратиться** к своей цели и **принять** в свой союз (М.В. Нечкина); Все эти черты органично сочетаются, если человек *имеет стремление наблюдать, вбирать в себя* новое и новое... (Н. Сац). Интересно отметить переходные случаи, где глагол не является в полном смысле связкой; он обнаруживает (по сравнению с глаголом *иметь*) несколько более насыщенное лексическое значение, обусловленное добавочной коннотацией: Он *почувствовал* болезненное, нестерпимое *желание наступить* ногой на этот хвост, поросший редкими белыми волосками, и поспешно отступил подальше (Вяч. Рыбаков). В глаголе *почувствовал* заключено значение «имел», но на него накладывается еще один смысл «осознал». Глагол еще не «отпускает» от себя существительное *желание*, однако согласованные определения при существительном *болезненное, нестерпимое* нарушают монолитность сказуемого. Поэтому, как представляется, сильнее становится оттенок значения определения в зависимом инфинитиве.

Когда существительное входит в состав сказуемого, наблюдаются сочетания с зависимым инфинитивом, которые при существительном в других синтаксических функциях не встречаются: И вновь задумчивый, унылый Пред милой Ольгою своей, Владимир *не имеет силы* Вчерашний день **напомнить** ей (А. Пушкин); ...Оленька и мать Велели звать, и *нет причины* Тебе на зов **не приезжать** (А. Пушкин).

В этих предложениях грамматическое значение сказуемого выражается с помощью отрицательного слова *нет*, глаголов *не бы-*

ло, не имеет, не находит, не теряет. Анализируя примеры, где имена существительные восполняют лексическое значение глаголов, приходим к убеждению, что примыкающий к субстантивным компонентам сказуемого инфинитив в качестве основной имеет функцию дополнения: *не имеет силы* – на что? – *вчерашний день напомнить*; *нет причины* – для чего? – *не приезжать*. В первом случае сочетание *не имеет силы* близко по значению к *не в силах*, однако, в отличие от сочетаний «не в силах + инфинитив», в наших предложениях инфинитив выполняет самостоятельную синтаксическую функцию дополнения и имеет оттенок определения, поскольку допустима постановка вопроса от существительного: *силы* – какой? – *напомнить*; *причины* – какой? – *не приезжать*.

На то, что инфинитив, примыкающий к сочетанию *искать случая*, выполняет в предложении роль обстоятельства цели, обратил внимание В.П. Сухотин [3: 91]. Следует уточнить, что в данных предложениях инфинитив все-таки выполняет функцию дополнения, а значение обстоятельства цели и определения имеет в качестве оттенков. Ср.: *движение* – какое? для чего? *сделал с какой целью?* – *чтобы ускользнуть*; *усилие* – для чего? – *для припоминания*; *делал* – с какой целью? – *чтобы припомнить*; *случая* – для чего? *какого?* – *вырваться*; *искал* – с какой целью? – *чтобы вырваться из плена*. Инфинитив в последних примерах зависит от сказуемого и имеет свои особые отношения с каждым из его компонентов: со спрягаемым глаголом – объектные и обстоятельственные, а с существительным – объектно-определительные.

Следует обратить особое внимание на предложно-падежные сочетания имен существительных, имеющих тенденцию к вхождению в состав сказуемого как его неотъемлемый компонент и присоединяющих к себе инфинитив. Дело в том, что предложно-падежные

сочетания могут оказаться на пути перехода в предикативные наречия и даже в предлоги.

В.П. Сухотин, анализируя словосочетания глаголов с зависимым инфинитивом, обратил внимание на «побледнение» лексических значений глаголов и отметил возможность перехода этих глаголов в связки (как это уже произошло с глаголом *быть* в будущем времени) [3: 90]. Подобное «побледнение» наблюдается и в лексическом значении существительных с предлогами, присоединяющих к себе зависимый инфинитив. Известно, что сочетания *в силах / не в силах, в состоянии / не в состоянии* давно квалифицируются как предикативные наречные сочетания. Приближаются к предикативным наречиям и некоторые сочетания существительных с предлогами.

Переход слов из одной части речи в другую – процесс весьма длительный [2: 19]. Однако уже сейчас можно наблюдать в отдельных случаях не отмеченные пока в лингвистической литературе предикативные наречные сочетания: *Вне опасности умереть*, – как сказал Иван Иванович, – но зато *в опасности* на всю жизнь *остаться идиотом* (В. Каверин); ...Он не имел никакого определенного суждения о народе, и *на вопрос*, знает ли он народ, *был бы* в таком же *затруднении* *ответить*, как на вопрос, любит ли он народ (Л. Толстой).

В первом примере слово *опасность* – не существительное: оно уже не сочетается с прилагательными-атрибутами. Ср.: *вне большой опасности* – невозможно. Все сочетание *вне опасности / в опасности* выступает в предложении в качестве именной части составного именного сказуемого с нулевой связкой. Оно возможно при лексически недостаточных глаголах с общим значением «жить», «существовать». И тогда, если допустить возможность расчленения,

сочетание приобретает вид *жил вне опасности умереть*: «жил – каким образом? – *вне опасности умереть*». Наличие в семантике инфинитива элемента субстантивности позволяет прогнозировать переход сочетания *вне опасности* в производный предлог. Инфинитив не имеет здесь статуса самостоятельного члена предложения и только в составе всего сочетания входит в предложение.

Во втором примере сочетание *в затруднении* также максимально приближено к наречному. На близость к предикативному наречию указывает в предложении неполнозначный глагол *был*: *был бы в таком же затруднении ответить*. Ср.: *был в затруднении ответить*. До наречного сочетания один шаг, но на этом пути еще стоит согласованное определение, выраженное указательным местоимением *такой*, лишь оно не позволяет однозначно квалифицировать сочетание как наречное. Однако синсемантичность существительного, которая унаследована от производящего глагола *затрудниться (ответить)*, когда все сочетание «спрягаемый глагол + инфинитив» выполняет роль одного члена предложения, предполагает в нашей конструкции синтаксическую нечленимость этого сочетания. Заметим, что производящий глагол может управлять однокоренным с инфинитивом существительным: *затрудняться в ответе*, но он не передает здесь этого свойства существительному.

Квалификацию синтаксической функции инфинитива в данном примере можно дополнить. Несмотря на нерасчлененность конструкции в целом, инфинитив имеет здесь оттенок причины. Оттенок значения причины обусловлен смысловыми отношениями, возникающими в предложении: *был бы в затруднении* – почему? по какой причине? – *потому что не мог ответить, так как не мог ответить*. Такое мнение не противоречит общему положению: инфинитив – синкретичный элемент сказуемого, ему также свойственно вы-

ступать показателем сопутствующей предикативности: *он был в затруднении **ответить**, так как не мог **ответить***.

О незаконченности процесса перехода предложно-падежных сочетаний существительных в наречные сочетания говорит наличие параллельных конструкций, в которых эти сочетания выступают в своем обычном виде и значении: В его вере в чиновную бумагу и полицейскую силу..., в его *готовности **убить*** человека ради святой буквы закона и тут же *пренебречь **законом*** ради чудовищного произвола выразился полицейский чин, жандармский туз (В. Гроссман); Одесская милиция *была в готовности **не допустить*** массовые беспорядки («Известия»).

В первом примере сочетание *в готовности* – существительное с предлогом, имеющее несогласованное определение, выраженное притяжательным местоимением *его*, выполняет роль дополнения: *выразился – в чем? – в готовности (**убить**)*. Во втором примере сочетание *в готовности* – неотъемлемая часть сказуемого *была в готовности **не допустить***; модальная окрашенность сочетания, отсутствие атрибутивных распространителей говорит о том, что перед нами наречное сочетание.

Именно в составе сказуемого могут функционировать имена существительные, которые находятся на пороге перехода в наречия.

Связь существительного – компонента сказуемого со спрягаемым глаголом часто синтаксически обусловлена, и тогда с каузативными глаголами образуется устойчивое сочетание (*делал движение, усилие, искал случая*): Тотчас он *сделал* неувловимое, сумасшедшее *движение **ускользнуть*** в соседнюю комнату (Ю. Тынянов); Он явно *делал* мысленное *усилие **припомнить*** что-нибудь из рубинштей-

новской оперы (В. Набоков); Он рассказал, что год *искал случая вырваться из плена и найти партизан* (В. Быков).

Инфинитив, примыкающий к существительному в составе сказуемого, – синкретичный член предложения, совмещающий синтаксические значения дополнения, определения и обстоятельства, поскольку частично обладает признаками дополнения [4: 95-96], поскольку распространяет существительное и поскольку все сказуемое иногда обладает семой намеренности действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М.: Высшая школа, 1976. 143 с.
2. Мигирин В.Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке. Бельцы, 1971. 199 с.
3. Сухотин В.П. Синтаксическая роль инфинитива в современном русском языке // Ученые записки Кабардино-Балкарского пед. ин-та. Вып. 1. 1940. С. 85-97.
4. Фурашов В.И. Современный русский синтаксис. Избранные работы. Владимир: ВГГУ, 2010. 368 с.

ВИНОГРАДОВ Сергей Николаевич (*Нижний Новгород, Россия*)

Нижегородский государственный университет
имени Николая Ивановича Лобачевского
vinogradov54@mail.ru

НОМИНАЦИЯ ДРОБНЫХ ЧИСЕЛ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Аннотация. В статье описываются различные средства номинации дробных чисел с использованием числительных – дробные числительные, именные словосочетания, в состав которых входят количественные числительные. Делается вывод о частичной лексикализации словосочетаний, обозначающих дробные числа.

В русском языке имеются разные способы обозначения дробных (нецелых) чисел с помощью числительных. Обратимся сначала к номинациям, образующим разряд дробных числительных. Единицы, входящие в этот разряд, обнаруживают системные связи с лек-

сической, морфологической и синтаксической языковыми подсистемами. Под дробными числительными будем понимать единицы, состоящие из двух частей, – количественного числительного и порядкового числительного: **две пятых, одиннадцать сто двадцать седьмых**. При этом порядковое числительное, во-первых, субстантивировано, во-вторых, выступает не в свободном значении ('порядковый номер предмета при счёте'), а во фразеологически связанном ('частное, получившееся от деления на определённое количество долей'; ср. словосочетания, в которых это значение реализовано: *пятая часть, пятая доля*).

Перечислим основания рассматривать дробные числительные как разряд числительных. Эти основания сформулированы в основном М.А. Михайловым, который излагал их в лекциях и учебных пособиях («Имя числительное как часть речи. Методические указания к курсу морфологии современного русского языка», части 1 и 2, изданные в Горьковском государственном университете в 1986 и 1987 гг.), но у которого нет опубликованных статей на эту тему.

1. Данные единицы выражают количество, причём в выражении этого значения в качестве структурных элементов участвуют числительные разных разрядов.

2. По структуре дробные числительные подобны составным количественным и порядковым числительным: любая дробная величина может быть обозначена путём стандартного комбинирования определённых структурных элементов.

3. Дробные числительные, подобно составным количественным и порядковым числительным, структурно непроницаемы (не допускают добавление иных элементов в свой состав). Несмотря на субстантивацию порядкового числительного, перед ним в составе

дробного числительного не может быть согласуемого слова (ср. не-правильное **одна оставшаяся пятая запасов*).

4. У дробных числительных, как и у типичных количественных числительных, нет отношения к категориям рода и числа. Отношение к роду и числу у именных частей речи обнаруживается либо при выборе в парадигме соответствующей родовой и/или числовой формы (*стол – столы, новый – новая – новое – новые*), либо при выборе числовой и/или родовой формы у согласуемого слова (*свободное такси – свободные такси, наш папа – наша мама*). У дробных числительных не обнаруживается возможность такого выбора. Дробное числительное не изменяется по родам и числам в зависимости от рода и числа последующего существительного: *две пятых бюджета, зарплаты, населения, денег*. Если же в словосочетании, в состав которого входит дробное числительное, употребляется прилагательное, то оно согласуется не со всем дробным числительным, а с его элементами: *оставшаяся одна пятая запасов* – причастие имеет женский род, так как согласуется с субстантивированным числительным *пятая* в роде, *оставшиеся пять шестых поля* – причастие имеет множественное число, так как субстантивированное порядковое числительное, с которым причастие согласуется, стоит во множественном числе. Приведённые примеры показывают, что, хотя дробное числительное не имеет отношения к роду и числу, морфологические элементы, из которых оно состоит, могут иметь такое отношение. В этом проявляется незавершённость превращения дробного числительного в единицу морфологического класса.

5. Подобно частям составного количественного числительного, все части дробного числительного при склонении изменяются по падежам: *две пятых, двух пятых, двум пятым, двумя пятыми*.

Вместе с тем у дробного нет важнейшего признака типичного числительного – противопоставления двух групп падежей. Ни в одном падеже дробное числительное не согласуется с существительным: *две пятых порции, двух пятых порции, двум пятым порции, двумя пятыми порции*. Эта особенность дробных числительных заставляет отнести их к периферии числительного как части речи.

Дробное числительное соотносится с языковой единицей, более крупной, чем слово, – со словосочетанием. Это позволяет обратиться к вопросу о синкретизме (полевых свойствах) языковых единиц. «Научные представления о полевой структуре, переходности и синкретизме “узаконили” объективное существование в самой онтологии языка не только ядерных, но и периферийных явлений...» [4: 69]. По аналогии с синтаксическим синкретизмом [4: 42; 4: 94], можно рассмотреть синкретизм номинативных единиц (слова и словосочетания), используя номинации нецелых чисел в качестве фактического материала. Несомненно, дробные числительные не являются свободными словосочетаниями из-за своей структурной непроницаемости и связанности значения входящих в них порядковых числительных. Это значение не только фразеологически связано, но и конструктивно ограничено, так как второй элемент находится в синтаксической связи с первым элементом – количественным числительным. При склонении дробного числительного его первый элемент сохраняет основное свойство количественного числительного, а именно в родительном, дательном, творительном и предложном падежах согласуется в падеже со вторым элементом, а в именительном и винительном – управляет им. Это свойство характеризует первый элемент как самостоятельное слово и сближает дробные числительные со словосочетаниями.

По-видимому, ещё одна семантическая особенность дробных числительных, отличающая их от типичных количественных числительных, – способность дробных выражать количество не только считааемых предметов, но и сущностей, которые не могут подвергаться счёту. Это приводит к такой особенности дробных числительных, как их способность управлять вещественными, собирательными и отвлечёнными существительными: *две пятых топлива, населения, потребляемой энергии* (кстати, такой же особенностью обладают неопределённо-количественные слова *много, мало, немного, немало*). Эту особенность дробных числительных можно считать морфолого-синтаксической.

Числительные принадлежат к языковым средствам, предназначенным для выражения количества. Таких средств в языке много, и они допускают параллели с числительными не только в сфере семантики, но и в области грамматической структуры. Дробные числительные принадлежат к числительным в значительной степени благодаря регулярности своего образования, закономерностям своих морфолого-синтаксических свойств. Есть и другие сочетания слов, в той или иной мере лексикализованные, которые обозначают нецелое количество, но имеют своеобразные морфолого-синтаксические свойства, отличающие их от описанных выше дробных числительных. Под лексикализацией здесь понимается превращение словосочетания в слово [1: 258]. Поскольку лексикализация носит процессуальный характер, она имеет разные стадии. В сочетаниях, обозначающих нецелое количество, слияние слов в словосочетании явно не завершено.

Рассмотрим словосочетания типа **пять с половиной, восемь с четвертью**. Именно сочетания такого типа иногда называют дробными числительными [3: 492], и при этом сочетания типа *две*

пятых к дробным не относят. Такое классификационное решение аргументируется тем, что конструкция типа *пять с половиной* может согласоваться в падеже с существительным (благодаря наличию количественного числительного в её составе) и не может употребляться с вещественными, отвлечёнными и собирательными, как и количественное числительное. Представляется, что эти свойства образований типа *пять с половиной* обусловлены особенностями входящих в них слов. Образования *пять с половиной*, *два с четвертью* представляют собой частично лексикализованные словосочетания, в которых первый элемент сохраняет все свойства количественных числительных (в том числе и согласование в косвенных падежах), а второй элемент – предлог плюс существительное в связанном значении ‘частное от деления единицы пополам’ и ‘частное от деления единицы на четыре части’. Эти значения, по-видимому, реализуются только в сочетаниях «числительное – предлог ”с” – существительное со значением ‘частное от деления...’ в творительном падеже». Лексикализация таких образований проявляется в том, что при существительных *половина* и *четверть* невозможно согласованное определение, т.е. не реализуется одно из составных свойств существительных. Можно видеть, что образования типа *пять с половиной* имеют много общего с образованиями типа *две пятых*. Но регулярности, свойственной составным числительным, у образований типа *пять с половиной* нет: доли выражаются только существительными *половина*, *треть*, *четверть*.

Заслуживает внимания обозначение нецелых чисел с помощью субстантивированного прилагательного *целый*: **ноль целых пять десятых, десять целых пять десятых**. *Ноль целых* – частично лексикализованный элемент данных образований. Лексикализация проявляется в том, что оба слова *ноль* и *целая*, являющиеся

существительными, не могут в данном употреблении иметь при себе согласованные слова и изменяться по числам. Возможно, имея в виду образование *ноль целых*, следует говорить о фразеологически связанном значении субстантивированного прилагательного *целая* – ‘единица в составе нецелого числа, большего единицы’. Если вместо слова *ноль* в таких образованиях используется количественное числительное (например, *три* в сочетании *три целых пять десятых*), то его свойства не отличаются от свойств количественного числительного при обычном употреблении: оно не имеет отношения к роду и числу, в нём есть противопоставление двух групп падежей.

К данным способам выражения нецелого количества примыкают образования со словами *треть* и *четверть*: **две трети, три четверти**. Эти образования – сочетания количественных числительных и существительных *треть* и *четверть*, которые сохраняют свои морфологические свойства, вплоть до того что могут иметь при себе согласованные слова: *Я видел, как косят: влажная трава в одной только нижней трети, две верхние трети – сухие!*; *Приднестровские молдаване же проявляют себя такими же убеждёнными сторонниками ПМР, как и две другие трети её населения (русские и украинцы)* [2].

Как видно из рассмотренных примеров, при обозначении нецелых чисел с помощью числительных обычно имеет место частичная лексикализация соответствующих номинативных единиц – словосочетаний. Она обнаруживается в появлении связанных значений и в утрате некоторых морфологических свойств у элементов, образующих данные номинации. Очевидно, в этом проявляется «неполная упорядоченность» грамматического класса числительных, развитие исторических процессов формирования номинаций, выражающих количество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>
3. Современный русский литературный язык: Учебник / П.А. Лекант, Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, Л.П. Крысин; под ред. П.А. Леканта. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. 766 с.
4. Фурашов В.И. Современный русский синтаксис. Избранные работы. Владимир: ВГУ, 2010. 368 с.

ГАНЦОВСКАЯ Нина Семёновна (*Кострома, Россия*)

Костромской государственной университет
имени Николая Алексеевича Некрасова
gantsovsky_n@mail.ru

ВОЛКОВА Елена Борисовна (*Москва, Россия*)

Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет)
lenka@mail.mipt.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА МЕСТОИМЁННО-СООТНОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В МАТЕМАТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Аннотация. В статье рассматриваются местоимённо-соотносительные сложноподчинённые предложения, характерные для математических текстов. Уступая по продуктивности другим конструкциям нерасчленённого типа, такие предложения выполняют важную коммуникативную функцию фразовой номинации, способствуя точному донесению мысли до адресата, акцентируя его внимание на важных моментах повествования.

Цель данной статьи – выявить характерные для математических текстов сложноподчинённые предложения (далее СПП) местоимённо-соотносительного (далее МС) типа и изучить их структурно-семантические и функциональные особенности. Нами методом сплошной выборки было выбрано порядка 1000 СПП приместоимённого типа из работ выдающихся современных математиков Л.С. Понтрягина и Б.В. Федосова, труды которых в математическом сообществе считаются эталоном стиля подачи материала. Об этом, например, свидетельствуют высказывания академика РАН И.Р. Шафаревича [14: 1]. Называя Л.С. Понтрягина автором «ясных

и прозрачных учебников по математике», он причисляет этого учёного «к числу лучших математиков, которых дала Россия; он – один из самых ярких математических умов своего поколения. Одних только понятий и теорем, носящих его имя, прочно вошедших в понятийный аппарат, десятки: «понтрягинский квадрат», «принцип максимума Понтрягина», «характеристические классы Понтрягина» и многое другое» [14: 1]. Аналогичным образом профессор Г.Л. Алфимов [1: 1] отзывается о Б.В. Федосове.

Приместоимённые конструкции относятся к СПП нерасчленённой структуры. Их продуктивность в математических текстах далеко уступает как атрибутивным, так и изъяснительно-объектным СПП. Так, на 100 страниц математического текста из наших источников доля изъяснительно-объектных СПП составила 45% от встретившихся конструкций нерасчленённого типа, атрибутивных – 33%, а приместоимённых – только 22%. В СПП местоимённо-соотносительного типа связь между предикативными частями осуществляется с помощью соотношения близких по своим значениям местоимений (соотносительных в главной и относительных в придаточной): *то – что, так – как, тогда – когда* и др. Придаточная часть с относительным местоимением прикрепляется к соотносительному местоимению в главной и наполняет его своим содержанием. Поскольку соотносительные слова в данном типе СПП сохраняют категориальные значения различных частей речи и соответствующие формы, постольку, наполняя эти местоимения своим содержанием, придаточные части как бы выступают в роли существительных, прилагательных, качественных и количественных наречий, т. е. как бы субстантивируются, адъективируются, адвербиализуются в зависимости от категориального значения соотносительных слов [8: 197]. Это даёт основание подразделять МС СПП на три ти-

па: субстантивные, адъективные и адverbиальные (качественно-количественные). Они неравномерно представлены в математических текстах.

В нашем материале, собранном методом сплошной выборки, конструкции с субстантивированными придаточными предложениями составили около 9%. Для математических текстов типичны конструкции, построенные по модели: субстантивированное местоимение *то* в главной части + *что* в придаточной. *То, что было проделано для непрерывных тел в четвертой главе без применения какого-либо аппарата, не удастся сделать для топологических групп столь простыми средствами* [1: 363]. *Соотношение (27) указывает на то, что последовательность (26) сходится* [1: 34]. Здесь придаточные части субстантивированы и представляют собой как бы развёрнутое подлежащее и дополнение соответственно, что сближает их с изъяснительными конструкциями. В главных предложениях присутствуют слова, нуждающиеся в изъяснении, распространении. И всё же от изъяснительных СПП их отличает то, что: 1) в МС СПП субстантивированное *то* может быть заменено или дополнено словом *всё*, что в изъяснительных конструкциях не представляется возможным; 2) местоимение *то* в МС СПП образует устойчивое соотношение с союзным словом *что*, а это не наблюдается в изъяснительных СПП со служебным *то* и союзным словом *что*, которое может быть заменено на другое союзное относительно-вопросительное слово; 3) относительное местоимение *что* в МС предложениях не имеет вопросительного оттенка, что может иметь место в изъяснительных конструкциях. (Ср.: *Вопрос о том, что представляет собой топология в группе G , в общем случае решается нижеследующим предложением (В)* [1: 108]). Следует отметить, что некоторые учёные, например, А.А. Зализняк, Е.В. Падуче-

ва [6: 23], Д.Э. Розенталь [11: 497], опираясь на морфологическую соотнесённость указательного слова-местоимения с именем существительным, подчёркивая субстантивированность этого местоимения, квалифицируют такие предложения как приместоимённо-определительные. Однако постановка к такому придаточному предложению вопроса *какой?*, свойственному атрибутивному СПП, оказывается искусственной или даже невозможной.

Конструкции, построенные по модели: *такой* в главной части + *какой* (или *каков*) в придаточной – нечасто встречаются в научном стиле, но в нашем материале не нашлось ни одного МС СПП с адъективированной придаточной частью. В таких конструкциях «признак, выражаемый в придаточной части мыслится как качественный, часто с оттенком степени. Наряду с этим обычно выражаются сопоставительные или сопоставительно-уподобительные отношения» [8: 198]. В художественной литературе такие СПП обычно придают повествованию красочный, эмоционально-оценочный характер, что в принципе не свойственно стилю точных наук, где главное – максимально точное, без всякого рода коннотаций донесение мысли до адресата.

Сложные предложения с придаточными адвербиальными в математических текстах строятся, как правило, по следующим моделям: *так – как, тогда – когда, там – где*. Корреляты, указательные, определительные и др. местоимённые наречия, сигнализируют о том, что придаточное предложение в таких СПП замещает какое-либо обстоятельство. *Для двух векторов a и P из Z определим числа l и m так, как это сделано в утверждении с) теоремы 105 [1: 468]. Иногда будем говорить о самой локальной группе там, где следовало бы говорить лишь о некоторой ее части [1: 127].* Здесь придаточные предложения имеют значение обстоятельства способа

действия и места соответственно. В нашем материале таких конструкций небольшое количество (около 2%). Самой продуктивной (около 10%) адвербиальной МС конструкцией в математических текстах можно считать предложения, построенные по модели: *тогда (и только тогда)* в главной части, + *когда* в придаточной. Высказывания, сформулированные по данному образцу, достаточно стереотипны, они часто входят в состав многих математических утверждений, как правило, требующих последующего доказательства. Повтор слова *тогда* придаёт всему предложению количественно-экспрессивный, ограничительно-выделительный характер и сигнализирует о чрезвычайной важности последующего придаточного предложения. *Прямое слагаемое V_j порождает прямое слагаемое порядка p тогда и только тогда, когда число t делится на p^h* [1: 45]. *Итак, окончательно, а есть предельная точка для M тогда и только тогда, когда $a \in M \setminus a$* [3: 29]. Действительно, основная информация содержится в придаточном предложении. К нему правомерно можно задать вопросы *когда?* и *при каком условии?*, что свидетельствует об условно-временном значении придаточного предложения. Это значение является периферийным в пределах МС типа.

Как считает Н.Ю. Шведова, местоимения образуют систему слов *означающих*, во главе которой стоят исходные слова, означающие начальные понятия мира: это понятия о живом существе (*кто*), предмете (*что*), признаке (*какой, каков, каково*), количестве (*сколько, который*), мере (*насколько*), времени (*когда*), месте (*где*) и т.д. Каждое из таких местоимений возглавляет собственную микросистему средствами местоимённых слов, например: *где – тут, там – где-то – нигде*. Класс местоимений является смыслопорождающей категорией: его исходный ряд включает в себе те цен-

тральные понятия, которые, будучи поименованы семантическим инвариантом языковых средств, формируют языковые смыслы и смысловые категории языка [16: 9]. Таким образом, конкретизация, индивидуализация языкового смысла МС СПП реализуется исходными местоимениями (исходом) *кто, куда, когда*. В придаточном предложении, вводимом исходом, определение смыслов *тот, туда, тогда* получает индивидуальную отнесенность к единичной (данной, отдельной) ситуации [15: 37].

В МС СПП реализуется семантически неориентированная анафорическая связь. Лицо, предмет или событие, к которому отсылает местоимённое слово в придаточном, не названо, однако в составе главного предложения для его обозначения есть позиция; эту позицию и замещает организованное данным местоимённым словом придаточное предложение [7: 530]. Таким образом, в МС СПП выражается семантика номинации, о которой писали М.В. Фёдорова [13: 66], Л.Ю. Максимов [8: 197], Н.А. Николина [9: 540] и другие языковеды. Некоторые исследователи, например, А.А. Буров [3: 18], С.С. Сафонова [12: 1], квалифицируют МС СПП как «фразовые номинации». Функция местоимённого слова сводится здесь не только к организации подчинительной связи, но и к формированию описательного обозначения чего-либо, т. е. к образованию особого вида наименования – описательной номинации. Придаточное предложение таких конструкций служит средством описательной номинации предмета, лица, явления, поскольку выполняет функцию одного члена предложения и может в большинстве случаев иметь однословный (иногда – состоящий из нескольких слов) аналог [5: 168]. Например, в нашем материале словосочетание *сходимость последовательности* встречалось в 10 раз чаще, чем придаточное предложение *то, что последовательность сходится* (Соотношение

(27) указывает на то, что последовательность (26) сходится [1: 34]). Здесь имеет место свойственная научному стилю синтаксическая компрессия (конденсация) – увеличение количества информации на одну единицу плана выражения [4: 118]. Дело в том, что современные ученые стремятся к конденсации языкового выражения, к экономии речевых средств, к сжатому способу высказывания. В результате синтаксической компрессии предпочтение, как правило, отдаётся более компактному варианту, что и объясняет малую распространённость МС СПП в математических текстах. И всё же, несмотря на эту тенденцию, МС конструкции необходимы в математических текстах. Чрезмерная экономия речевых средств ослабляет коммуникативную сторону речи, т.е. мысль может быть неверно понята или вообще не понята адресатом, может быть утрачена «нить» логических рассуждений. Еще в 1848 г. П.М. Перевлесский писал о номинации в труде «Начертание русского синтаксиса»: «Первою причиною образования придаточных предложений была необходимость. Для названия многих лиц и вещей нет ещё слов, им соответственных, для иных хоть и есть слова соответственные, но они чрезвычайно мало употребительны или не вполне выражают то понятие, какое имеет сочинитель» [10: 74], т.е. «фразовая номинация возникает по необходимости, либо в силу отсутствия соответствующего лексического фонда, либо для более детализированного описания тех или иных значений и понятий» [12: 1], что и можно наблюдать в математических текстах.

С.И. Дружинина отмечает, что все названные выше конструкции фразеологизированы, несвободны – построены по чётким структурным моделям [12: 169]. Однако, по мнению Л.Д. Беднарской, МС конструкции в своем первообразном, семантически не осложнённом виде встречаются всё реже, они постепенно теряют

свою фразеологизированность и подчиняются давлению относительного подчинения, преобразуясь в связь местоимённо-союзного типа, позволяющую создавать дифференцированное синтаксическое значение [2: 146]. Действительно, местоимённо-союзные соотнесительные предложения представлены более широко в математических текстах, чем МС СПП. В нашей выборке их оказалось около 77%. Такие конструкции требуют отдельного изучения, и в рамках этой статьи рассматриваться не будут.

Таким образом, МС СПП, будучи менее продуктивны в математических текстах, чем другие конструкции нерасчленённого типа, выполняют значительную коммуникативную функцию фразовой номинации при изложении материала. Построенные по стандартным моделям, они способствуют максимально точному донесению сложного содержания до адресата, акцентируя его внимание на важных понятиях, моментах или ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алфимов Г.Л. Воспоминания о Б.В. Федосове [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.math.tamu.edu/~comech/archive/fedosov/miet/miet.html> (18.07.2013).
2. Беднарская Л.Д. Основные закономерности в развитии сложного предложения в языке русской художественной прозы XIX–XX столетий. М.: Прометей, 1994. 196 с.
3. Буров А.А. Сложноподчиненное предложение и фразовая номинация // Синтаксические связи, строение формантов и семантические отношения в сложном предложении. Калинин, 1985. С. 18-27.
4. Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи. М.: Русский язык, 1976. 192с.
5. Дружинина С.И. Синкретизм в системе сложноподчинённых предложений современного русского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. Орёл, 2009. 469с.
6. Зализняк А.А., Падучева Е.В. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. М., 1975. № 6. С. 23-38.
7. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис. 710 с.
8. Максимов Л.Ю. Бабайцева В.В. Современный русский язык. М.: Просвещение, 1987. Т.3. 253с.
9. Николина Н.А. Сложные предложения фразеологизированной структуры с повтором компонентов в первой части // Многоаспектность синтаксических единиц. М., 1993. С. 42-51.
10. Перевлесский П.М. Начертание русского синтаксиса. М., 1848. 207 с.
11. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. М.: Международные отношения, 1995. 560 с.

12. Сафонова С.С. Местоименно-союзные предложения с качественно-количественной семантикой как средства фразовой номинации // Русская и сопоставительная филология. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://old.kpfu.ru/fil/kn7/index.php?sod=31> (12.07.2013).

13. Фёдорова М.В. Номинативные группы и бинарные члены предложения // Сложное предложение и текст. Орел: ОГУ, 2002. С. 66-72.

14. Шафаревич И.Р. Так сделайте невозможное! (к 80-летию Л.С. Понтрягина). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ega-math.narod.ru/LSP/ch8.htm#a> (18.07.2013).

15. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.

16. Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарём» // Вопросы языкознания. 1999. №1. С. 3-17.

ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Понтрягин Л.С. Непрерывные группы. М.: Едиториал УРСС, 2009. 520 с.
2. Федосов Б.В. Деформационное квантование и асимптотическое операторное представление // Функциональный анализ и его приложения. 1991. №3. С. 24-36.

ДЕМИДОВ Дмитрий Григорьевич (*Тайбэй, Тайвань*)

Государственный университет Чжэнчжи
Demidoffs@rambler.ru

ОБОСОБЛЕНИЕ, ТОПИК И КОММЕНТАРИЙ

Аннотация. Обособленные второстепенные члены предложения могут быть исследованы исходя из модели «топик – комментарий», претендующей на универсальность. Материал В.И. Фурашова надежно показывает, что такие члены хорошо выполняют функцию разговорного комментария в составе топика. Они также стремятся к комментариям низших порядков, полупредикативным пояснениям разнообразных распространений.

Объяснение строения русского предложения начинает вызывать особые трудности, когда возникает обособление второстепенных членов предложения. Проф. В.И. Фурашов много и плодотворно занимается этой проблемой и сделал ряд ценных наблюдений. Он пришел к фундаментальному выводу о том, что обособленные второстепенные члены предложения (далее ОЧП) не относятся ни к группе подлежащего, ни к группе сказуемого [6: 23]. Это означает, что порождающая грамматика бессильна учесть феномен ОЧП.

Сформулирован также важный вывод о том, что обособление делает связь либо с подлежащим, либо со сказуемым однозначной и устраняет синкретизм, возможный без обособления [6: 24]. На основе системы описания ОЧП был сделан и следующий важный вывод: всякий поясняющий ОЧП обладает также и полупредикативностью [5]. Полупредикативность есть родовое понятие по отношению к видовому понятию пояснения. Это дает основания для полноправного введения ОЧП в круг единиц, участвующих в предикационной цепи [3: 131].

Новые представления об ОЧП ослабляют возможности структурных схем предложения либо какой-нибудь другой синтаксической теории только на основе морфологии словоформ. Гораздо лучше раскрывает специфику ОЧП актуальное членение предложения. В русском языке актуальное членение показывают прежде всего порядок слов и интонация, но не подбор словоформ в высказывании.

Однако существуют языки, в которых актуальное членение главенствует как фактор, определяющий строение синтаксических структур. Таков аморфный китайский язык. Описательный синтаксис на логической или формальной основе на первое место выдвигает подлежащее; синтаксис на основе актуального членения предложения на первое место выдвигает такую тему, для которой 1) характерна грамматическая определенность (подлежащее же может быть и неопределенным), 2) которая не согласуется со сказуемым и не зависит от него (подлежащее же зависит от сказуемого в грамматическом отношении) и 3) распространяется на весь текст (подлежащее же играет внутрисентенционную роль). Такая тема называется *топиком* [4]. Его грамматическая определенность заключается в том, что «вы уже знаете и можете отождествить тот референт, который я имею в виду» [4: 201]. К топику, который занимает обычно

начало предложения, в конце предложения добавляется *комментарий* (рема по отношению к топику).

Топик и комментарий – «это не столько «слова», сколько позиции, которые могут замещаться словами, словосочетаниями, предикативными фрагментами (предложениями)» [3: 123]. По В.А. Курдюмову, «топик – универсальная базовая категория языка: предикцируемый компонент; то, что подвергается характеристике на всех уровнях, этапах, во всех измерениях языка. Комментарий – универсальная базовая категория языка: предикцирующий компонент; то, что характеризует топик для последующего утверждения на всех уровнях, этапах, во всех измерениях языка» [1: 19]. Сначала говорящий порождает серию структур «топик – комментарий», затем, при необходимости, преобразует их в подлежащно-сказуемое предложение. Подлежащее – только один из вариантов топика. В диахроническом отношении с актуального членения начинается строение предложения, а не заканчивается им, как это кажется с индоевропейской, но синхронической точки зрения. Скажем, латинский или германский глагол на последнем месте есть грамматикализация праиндоевропейского комментария. Наше русское новое актуальное членение оформляется уже не морфологическими средствами, а интонацией и порядком слов. Оно в главнейших своих чертах повторяет топик и комментарий, что создает принципиальную возможность применить эти модели к русскому языку, в особенности к таким синтаксическим явлениям, которые морфологически не выражены, в частности к ОЧП.

Если порождающая грамматика Хомского была построена на неономиналистских основаниях, то описание синтаксиса по модели «топик – комментарий» построено на основаниях неореализма. Лексика учитывалась у Хомского в последнюю очередь; у Ли, Томпсон и

Курдюмова внешняя ситуация речи, коммуникативное намерение и лексика как решающий для строения предложения фактор учитываются в первую очередь. У Хомского мы видели движение от глубинной структуры к поверхностной структуре, как если бы гумбольдтова энергия языка действовала исключительно на формально-структурном уровне: порождается бессловесная структура, структурная схема, и лишь затем каким-то образом наполняется словами. У Ли-Томпсон-Курдюмова эта энергия действует на содержательно-сентенционном уровне: порождаются слова, их сочетания, организуя фокус мысли – топик, к ним добавляются новые мысли-слова с целью комментария; элементарная пара «топик – комментарий» вкладывается в комментарий высшего порядка наподобие матрешки. Разговорная речь всегда тороплива, говорящий желает как можно больше вложить в свой топик, поэтому в ней дочерние пары «топик – комментарий» свободно вкладываются не только в высший комментарий, но и в топик. В книгах всё выстраивается для читателя. В устных разговорах соблюдается паритет говорящего и слушающего, идущий от древнейшей симметрии, – топик должен быть так же нагружен, как и комментарий.

«Основой для успешного практического применения топико-комментариевых моделей является значительное сходство разговорного русского и китайского синтаксиса» [1: 22]. Русские ОЧП показывают, что это справедливо не только для разговорного, но и для книжного языка. Более того, русские и китайские различия разговорной речи и книжного языка можно описать в одних и тех же терминах. В разговорной речи преобладает симметричное одноранговое ветвление, то есть схема 0.Топик¹ – 1.Комментарий¹. 0.0.Топик² – 0.1. Комментарий². 1.0.Топик² – 1.1.Комментарий². В книжном языке преобладает многоуровневое асимметричное правое ветвление, то

есть неограниченное деление правого компонента: 0.Топик¹ – 1.Комментарий. 1.0.Топик² – 1.1.Комментарий². 1.1.0.Топик³ – 1.1.1.Комментарий³. 1.1.1.0.Топик⁴ – 1.1.1.1.Комментарий⁴ и т.д. [2: 5-6]. Небольшое исследование иллюстративного материала, прекрасно подобранного в [6: 23-63], подтверждает это положение. Приводим этот материал с разбиением на топики (в абсолютном большинстве случаев слева от косой черты) и комментарии (обычно справа от косой черты). Номер нетипичного случая (комментарий раньше топика) выделен жирным шрифтом. Для простоты принимаем, что топики второго порядка совпадают с высшими комментариями, если при топиках второго порядка есть свои комментарии второго порядка. Топики третьего порядка – с комментариями второго порядка и т.д. Похоже, что в русском языке, с его многоморфемными словами, расчленение подчиненных комментариев на свой топик и свой комментарий происходит редко (ср. пример 47, но и в нем мы для простоты отождествляем внутренний топик с комментарием).

Примеры В.И. Фурашова, отражающие скорее **разговорную** речь в художественной литературе:

Измученный нежданным посещением, / Инсаров // лег на диван (И.С. Тургенев). (1)

Передо мною / стоял Савельич // со свечкою / в руках (А.С. Пушкин, пример не на обособление, а на двойную связь). (2)

Народ / в полях – // работает (Н.А. Некрасов, пример не на обособление, а на показ связи интонацией). (3)

Дубков и Нехлюдов / в шинелях и шляпах // вошли в комнату (по Л.Н. Толстому, без обособления). (4)

Высокий парень / в морской тельняшке // отвесил Кирюшке / низкий поклон... (С. Никитин) (5)

Речка / от обильно растущей на ее берегах // лозы /// получила название / Лозовой (по В.Г. Короленко, монопредикативная структура). (6)

Сердитая баба, / в засаленной дерюге, // прибила до полусмерти / бедную девчонку (Н.В. Гоголь). (7)

Сам Иоган Монс, / с трубкой, // весело / поднял руку... (А.Н. Толстой) (8)

...он, / с изуродованным злобой лицом, // бил ее кулаками / куда попало (Л.Н. Толстой). (9)

Тот, / с пицалью // – вылитый его крестный... (А.Н. Толстой) (10)

Кланяйтесь доктору / от феномена // и скажите, что человеку /// надо кормиться не тем, так другим, //// а это трудно, /// когда // природа / забыла приклеить руки к плечам... А у меня / есть племянники, // настоящие, /// с *руками*... (многоточие прямо показывает невыраженный комментарий – Д.Д.) Ну, прощайте / и помните: // человек создан / для счастья... (В.Г. Короленко, пример на абсолютное употребление идентичных словоформ) (11)

Шемаханской царицы / из пушкинской сказки // я не видел, /// но побывал // в местах / сказочных (И. Андроников, пример на постпозицию распространенного определения; добавим от себя, что такая постпозиция способствует разбиению на элементарные топик и комментарий в норме неделимое словосочетание, но только в разговорной и риторической речи, ср. прим. 35). (12)

Дверь / тогда // отворилась, /// и вошел //// коммендант, /// с лицом, // плохо бритым, / красным и четырехугольным (А.Н. Толстой). (13)

Так им было удобнее, / потому что вход на станцию // был через двор, / а двор всегда был заставлен телегами. Колхозники / со

всего района // приезжали сюда / за лекарствами. Двор / походил на базарную площадь // – весь в конском навозе, / в сенной трухе (К. Паустовский). (14)

Все / невольно глянули в окно: //// кто-то, /// с усами, // в полувоенном сюртуке, / вылезал из телеги (Н.В. Гоголь). (15)

Казалось, / кто-то дышит, // голодный и усталый... (В.Г. Короленко) (16)

Пришла также / пожилая дама в черном, /// что-то вроде хозяйки или домоправительницы // – очень приличная на вид, / с лицом лимонно-желтым и дряблым... (А.И. Куприн) (17)

Бойцы... / вообще любили его, // как человека справедливого (Н. Рыленков). (18)

Казалось, / кто-то огромный хотел //// поджечь лохмотья туч /// и раздувал // под нами на горах / тлеющие угли (А. Коптяева). (19)

Выскочили из леса / десять парней //// в красных рубахах /// и нахлобученных на самые глаза шапках, // с лицами, / завязанными платками (П.И. Мельников-Печерский). (20)

Принц Ли-Тзонг... / Не правда ли, // в этом имени /// есть что-то, //// напоминающее / звон разбивающегося китайского фарфора... (Т.Л. Щепкина-Куперник). (21)

– Никак ты, Даша? / – вдруг очень тихо // спросил Зуев. – Я, Иван Матвеевич, / - ответила женщина //// и засмеялась легким смехом, /// будто она смеялась // чему-то, / известному только ей одной (К. Паустовский). (22)

Примеры В.И. Фурашова, отражающие скорее **книжный** язык в художественной и научной литературе:

Глаза, // хотя окруженные коричневою тенью, / блистали гордо и неумолимо (М.Ю. Лермонтов). (23)

Обед, /// хотя наскоро сготовленный, // вышел очень хороший, / даже обильный (И.С. Тургенев). (24)

Весенняя земля, /// прибитая, // утрамбованная прошедшими на днях дождями, / упруга (В. Солоухин). (25)

Савельич // стоял передо мною / со свечкою в руках (по А.С. Пушкину, пример не на обособление, а на двойную связь). (26)

Народ – // в полях / работает (Н.А. Некрасов, пример не на обособление, а на показ связи интонацией). (27)

Дубков и Нехлюдов, // в шинелях и шляпах, / вошли в комнату (Л.Н. Толстой, так же и без обособления). (28)

Сквозь *обнаженные, бурые* сучья деревьев // мирно белеет *неподвижное* небо (И.С. Тургенев, необособленные определения) (29)

Речка /// от лозы, // обильно растущей на ее берегах, / получила название Лозовой (В.Г. Короленко). (30)

Речка //// от лозы, /// которая // обильно растет на ее берегах, / получила название Лозовой (по В.Г. Короленко, полипредикативная структура). (31)

Тут вошла девушка //// лет осьмнадцати, /// круглолицая, // румяная, / с светло-русыми волосами... (А.С. Пушкин, Капитанская дочка, III) (32)

Эффект, // производимый речами княгини Мягкой, / всегда был одинаков... (Л.Н. Толстой) (33)

Ребра //// выкидываются до тех пор, /// пока граф не превратится в дерево, // которое / и является искомым» (Ю.Д. Апресян, Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966. С.135. Пример на понимание текста в более широком контексте.). (34)

Донесение это // составлено / в стиле ясном и отрывистом (К. Паустовский, пример на постпозицию распространенного определения). (35)

И сын, /// так же как и муж, // произвел в Анне чувство, / похожее на разочарование (Л. Толстой). (36)

Но Симонетта // глядела не нее взором, / исполненным нежности (Т.Л. Щепкина-Куперник). (37)

Спина старика //// долго извивалась /// и, наконец, остановилась в положении, // свидетельствовавшем, / что служба в градоначальстве – дело давнее (И. Ильф и Е. Петров). (38)

В это время //// в комнату быстро вошел /// техник Петров, // перепачканный известкой, / с лицом осунувшимся и желтым (А.Н. Толстой). (39)

Мать, //// худая и костлявая, //// с головой, /// повязанной ушастым платком, // кидала на дворе зерно / и кричала (А.С. Серафимович). (40)

Коренастый боцман //// с серьгой в ухе /// и с бородой, /// растущей, точно бахрома, из шеи, // подходил к Сашке / с двумя кружками пива (А.И. Куприн). (41)

За обедом // было послано несколько телеграмм людям, / интересовавшимся ходом выборов (Л.Н. Толстой). (42)

Иногда дисциплинированным // называют человека, / отличающегося послушанием (А.С. Макаренко). (43)

В лето, //// проведенное за границей, /// на островке Джерсей, // я написала / свой первый роман «Счастье» (Т.Л. Щепкина-Куперник). (44)

В день, // назначенный для отъезда из Парижа, / я встал рано (А.А. Игнатъев). (45)

Тут произошло *нечто*, // заставившее нас / поскорее сойти вниз (Н.Д. Телешов). (46)

Лось тащит кого-то, *////* и этот кто-то, (*///*) понурый, // рыжий, / покорно хрипит (С.Н. Сергеев-Ценский). (47)

В представлении Феди / настоящий писатель *///* был существом легендарным, // безусловно талантливый / во всех областях жизни (К.Г. Паустовский). (48)

Искренность и простота // били ключом, / как живой источник. Чувствовалось // нечто милое и сердечное / во всем (Н.Д. Телешов). (49)

Офицер *////* в летней накидке, *////* с головой, *///* обмотанной поверх покосившейся полуфуражки-полукепки детскими рейтузами, // ехал среди своих солдат / верхом на ишаке (А.А. Фадеев). (50)

...советские газеты // обладают языком, / доступным для всякого грамотного человека (А.С. Макаренко). (51)

Место ОЧП в модели описания «топик-комментарий» оказалось следующим (примеры 1 – 22 разговорные, 23 – 51 книжные): в (высшем) топике примеров нет, в комментарии второго порядка, входящем в топик (примеры 1, 7, 8, 9, 10, 11 (*настоящие*)); в высшем комментарии (примеры 11 (*с руками*), 16, 18, 21, 23, 24, 25, 28, 33, 40 (*худая и костлявая*), 45, 46, 47), в комментарии второго порядка (примеры 13, 15, 22, 30, 32, 37, 38, 42, 43, 45, 48, 49, 50, 51), в комментарии третьего порядка (примеры 20, 36, 39, 40 (*повязанной...*), 41 (*растущей...*)). Как видим, ОЧП не встречаются в топиках и тяготеют к комментариям низших порядков. Впрочем, это давно было описано как пояснение, а ныне показана его полупредикативность [5]. Нетривиальным наблюдением оказывается особая разговорная позиция ОЧП, довольно часто замещающая комментарий второго порядка, входящий в топик.

Иллюстрации из художественной литературы XIX – XX века, так или иначе отражающие разговорную речь (1 – 22), напоминают карамзинскую кадансированную прозу – изящный проект «нового слога» на основе устной образованной речи. Несомненна ее топиализация по разговорному варианту.

Это маленькое дальнейшее исследование уже введенного в научный оборот материала, по новому признаку, свидетельствует, что к добротным достоверным трудам, надежно хранящимся в копилке достижений науки о русском языке, хочется (и объективно необходимо) возвращаться снова и снова. Оно подтверждает и объясняет также и старые наблюдения об ОЧП, например, вывод А.М. Пешковского: ОЧП всегда требует предшествующего ударения, если сам не оказывается в начале предложения, то есть если не занимает позицию инверсированного разговорно-риторического комментария (пример 1). Когда ударение не на чем сделать, обособление отпадает, в частности, при таких распространенных определениях, внутреннее определяемое при которых не может быть употреблено без своего определения (вроде *высокого роста*), отчего высказывание имело бы без него незаконченный смысл [6: 62].

Итак, обособление – удобнейший прием живой устной и письменной речи, причем в самых разнообразных ее стилях. Наш флективный язык надстраивает над топиком и комментарием строгие и обязательные морфологические структуры, развивающиеся на основе логического синтаксиса с выдвиганием на первый план подлежащего. Обособление позволяет преодолеть эти многовековые, идущие из праиндоевропейских глубин исторические нагромождения и вновь сделать речь коммуникативно ясной и эффективной, сохраняя при этом прекрасно разработанную синтаксическую перспективу предложения, выраженную морфологически в словофор-

мах. Обособление – это своего рода возвращение на круги своя, дающее возможность сопоставить русский язык с таким ни с чем не сопоставимым аморфным языком, как китайский. Китайский язык развивался совершенно в другом направлении. Он выработал богатейшую систему лексических анафорических отсылок на основе такого дейксиса, который совсем неизвестен европейским языкам, включая западные артиклевые. Эти отсылки расставляются в строгом и обязательном порядке в топике и комментарии, создавая свою синтаксическую перспективу. Полупредикативность русских ОЧП и других подобных конструкций обеспечивает логико-синтаксическую перспективу предложения, китайские анафорические средства (служебная лексика, счетные слова, разнообразные прономинализованные имена и др.) обеспечивают свою коммуникативно-синтаксическую перспективу, выстраивающуюся непосредственно на основе членения речи на топик и комментарий и придающую речи движение от неопределенности (непонятной европейцам восточной загадочности и тонкой символичности) к определенности (опять же непонятной европейцам в силу «избыточности» ее выражения). Нам хотелось показать, что и для дальнейшего коммуникативного анализа ОЧП, начатого А.М. Пешковским и блестяще продолженного проф. В.И. Фурашовым, может быть привлечено учение о топике и комментарии, раскрывающее «первичную психолингвистическую реальность» [1: 18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Боровский В.В. Топиковая модель как когнитивная и структурная универсалия: (на материале языков разной типологии). Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 2005.
2. Козлов В.К. Специфика строения и виды синтаксических конструкций языка изолирующего типа (на примере китайского языка). Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 2003.
3. Курдюмов В.А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика. М., 2005.

4. Ли Ч., Томпсон С. Подлежащее и топик: новая типология языков // Новое в заруб. лингвистике. В. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М., 1982.

5. Мещеряков С.В. О полупредикативности поясняющих членов предложения // Языковые значения, формы и категории. Сб. научн. ст. к 70-летию проф. В.И. Фурашова. Владимир, 2005. С. 110-123.

6. Фурашов В.И. Обособленные согласованные определения в современном русском языке (Пособие по спецкурсу «обособленные члены предложения»). Владимир, 1975.

ДЖАНГОБЕКОВА Татьяна Анатольевна (*Львов, Украина*)

СОШ № 51 г. Львова

tatjana-dzhangobekova@rambler.ru

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. КУРБСКОГО

Аннотация. Статья Т. Джангобековой является частью её исследования особенностей языка переводных произведений А. Курбского, включённых в сборник «Новый Маргарит». Автор предпринимает попытку определить степень влияния сложной языковой ситуации в Юго-Западной Руси XVI в. на язык переводов выходца из Московского государства.

Конец XX – начало XXI вв. ознаменовались возрождением интереса к личности Андрея Курбского (1528 – 1583), что способствовало появлению целого ряда серьёзных исследований о жизни и творчестве князя, усовершенствованию принципов издания его сочинений (см., например, [8]). Однако личность и творчество А. Курбского даже спустя четыре века остаются предметом ожесточённых споров и диаметрально противоположных оценок. Большинство исследователей видят в трудах князя свидетельство его учености и начитанности, любви к «словенскому языку», желание принести пользу «прелюбезному своему отечеству» и т. д. [1: 96]. С другой стороны, современный украинский историк П. Кралюк, ссылаясь на гипотезы зарубежных исследователей Е. Кинана, И. Ауэрбах и др., говорит, что «Московське князівство першої половини XVI ст., де виріс і сформувався А. Курбський, аж ніяк не було державою, де процвітали наука й освіта. У плані культурного розвитку воно явно

поступалося не лише Західній Європі, а й сусіднім українським та білоруським землям». Поэтому «реальный А. Курбский» не умел ни читать, ни писать, а приписываемые ему труды созданы украинскими эмигрантами [7: 78-81]. На наш взгляд, такую точку зрения можно опровергать в том числе и глубоким изучением особенностей языка сочинений А. Курбского, которые содержат богатый материал не только для характеристики их автора, но и языковых ситуаций в Юго-Западной Руси и в Московском государстве. Не случайно историк А.И. Филюшкин одну из задач своей докторской диссертации, посвящённой посланиям А. Курбского Ивану Грозному, определил как исследование потенциала и рамок «усвоения русским аристократом системы культурных ценностей “чужого” мира», как реконструирование путей и механизма «трансформации *credo* и *modus vivendi* князя Московской Руси в *credo* и *modus vivendi* пана Великого княжества Литовского» [14]. Такие проблемы небезынтересны и для лингвистов, так как для Юго-Западной Руси середины XVI в., где смыкались «греко-славянский» и «славяно-латинский миры», был характерен сложный лингвистический ландшафт, проявляющийся не только в гомогенном, но и в гетерогенном двуязычии. По определению Н.И. Толстого, на одном фланге находился польский язык, на другом – древнеславянский (церковнославянский) в довольно чистом виде, среднее положение занимал западнорусский литературный язык [12: 61], так называемая «проста мова». Однако указанные языки принципиально различались по степени реализации в письменности. Во времена Курбского легче было найти человека, знающего латинский или греческий язык, чем церковнославянский («словенский»). Объединение церквей после Брестской унии 1596 г. способствовало вытеснению церковнославянского языка из сферы активного функционирования. Иван Вышенский отмечал: «Славянскій

языкъ омерзѣлъ многимъ, его не любятъ и хулятъ» (цит. по [1: 8]). В Юго-Западной Руси этот язык подвергался существенным изменениям в направлении сближения с живой разговорной речью, о чём свидетельствуют осуществлённые здесь переводы богослужебных книг, в частности Пересопницкого Евангелия (1556-1561 гг.), Волынского Евангелия, Крехивского Апостола, а также нескольких десятков Учительных Евангелий (рукописных и печатных), написанных, по мнению В.М. Русанивского, на староукраинском языке [11: 64-65].

Между тем польский язык оказывал интенсивное влияние не только на разговорный, но и на книжный язык этого региона. Так, активный сторонник сохранения православия К.К. Острожский советовал А. Курбскому «лѣпшаго ради выразумѣнія» перевести «Беседу Иоанна Златоуста» не на церковнославянский, а на польский язык [1: 8].

Польскому и церковнославянскому языкам противопоставлялась «проста мова», которую М. Мозер определяет как «литературно обработанную, надрегиональную разновидность украинского и белорусского языков среднего периода, возникшую на основе общего «русского» (украинско-белорусского) делового языка» и испытавшую сильное влияние со стороны польского языка и польских текстовых образцов [10: 221]. Рост популярности «простой мовы» и расширение сфер употребления связываются с процессом Реформации в Европе [13: 387].

Таким образом, анализ языка сочинений А. Курбского, особенно языка его переводов, априори предполагает учёт сложной конфессиональной и языковой ситуации в Юго-Западной Руси. В связи с этим отметим, что переводческая деятельность князя Андрея, яркого приверженца православной веры, человека теологизированного мировоззрения, была не только просветительской, но и одной из

форм борьбы за отеческие ценности [5]. Ввиду заданного объёма статьи мы коснёмся только двух характерных черт языка Жития Иоанна Златоуста [9] (далее – Житие), включённого в сборник переводов А. Курбского «Новый Маргарит», – особенностей употребления прошедших времён глагола и именных форм действительных причастий. Для сравнения используется материал нашего исследования о языке Истории о великом князе Московском (см. [2, 4]).

В таблице 1 приведены примеры форм прошедших времён, зафиксированных в Житии, и дано сравнение их количества в Житии и в Истории о великом князе Московском (далее – История):

Таблица 1. Сравнение количества форм прошедших времён глагола в Житии Иоанна Златоуста и в Истории о великом князе Московском

Время	Примеры из Жития Иоанна Златоуста	Количество	
		Житие	История
Аорист Простой	извлече, ищезе, приде, пре ^и де, приведе, процвете, оумре;	14	879
Сигматический нетематический	оувѣдѣ, облачиса;	2,3%	44%
Сигматический тематический	падоша, придоша, пондоша;		
Имперфект	ропташе, стояше, не хоташе внити;	4 0,6%	124 6%
Перфект	быль еси, не получил еси, преше ^л еси, прин ^л еси, собра ^л еси; есть сотвориль;	19 3,1%	42 2%
Плюсквам- перфект	избра ^л был, бы ^л оусладиль, собра ^л был;	3 0,5%	42 2%
Л-формы	возратилса, науча ^л , показаль, потребовала, оуказвило, толковали, шбыкль, рекль, привле ^к , не возмогь, оутекь, подне ^с , навы ^к .	576 93,5%	906 46%
Всего:		616	1993

Из таблицы 1 видно, что в тексте Жития представлены все книжные формы прошедших времён, характерные для древнерусского языка периода раннего Средневековья, однако в совокупности они составляют только 6,5% от общего количества глагольных форм

со значением прошедшего времени. Явное преобладание характерно для -л-формы (93,5%), которая в живой разговорной речи к XVI веку осталась единственной формой прошедшего времени. Экспансия -л-формы затронула и структуру плюсквамперфекта, который представлен конструкциями из двух причастий на -ль (*быль хва-лиль*), т. е. новыми формами. Ввиду небольшого количества примеров традиционных прошедших времён, трудно определить отчётливо проявляющиеся причины их употребления. Отметим только, что в ряде случаев формы различных прошедших времён сосуществуют в пределах тесно связанного контекста. Ср.: **А ѿѡфиль егда при^нде до ста^нтинополѧ (так!) не хотѧше внити в црковь, но во дворе августы вѣтѧль и^ж вы еси разумѣль дворѧ^нски^н быти собо^р не црковным** [53] (аорист – имперфект – л-форма – перфект).

Весьма показательно сравнение распределения анализируемых форм в Житии и в Истории, в которой количество употреблений аориста и л-форм почти совпадает – соответственно 879 (44%) и 906 (46%) примеров, в то время как в Житии формы аориста составляют 2,3% (14 примеров) на фоне 93,5% (576 примеров) -л-форм. М.И. Иванова отмечает, что тексты житий уже в XIV в. «фиксируют прорыв морфологических, лексических и синтаксических явлений живого древнерусского языка в книжный и тенденцию их укрепления к концу XV в.» [6: 87]. Явное преобладание л-форм в Житии Иоанна Златоуста как раз и показывает такой прорыв живого языка в книжный язык. Однако это не было единственной тенденцией в языке памятников конфессионального содержания. Сравнивая язык Острожской Библии (1581 г.) и Пересопницкого Евангелия, мы высказали предположение о том, что в Юго-Западной Руси XVI века было как минимум две разновидности языка памятников конфесси-

онального содержания – традиционная, тяготеющая к соблюдению норм церковнославянского языка древнерусской редакции, и та разновидность, нормы которой складывалась не без воздействия «простой мовы» [3: 115]. Своеобразное переплетение этих двух разновидностей, на наш взгляд, отражено в особенностях употребления именных действительных причастий, характерных для языка перевода Жития Иоанна Златоуста.

В таблице 2 представлено сравнение форм именных действительных причастий в Истории и в Житии. Производя классификацию причастий, мы выдвинули на первый план окончания, что предопределено, с одной стороны, соотносённостью каждого окончания с разными суффиксами, а с другой (и это самое главное) – связью разрушения системы кратких причастий и формирования на их основе деепричастий прежде всего с изменениями в системе флексий им. падежа. Ср.:

Таблица 2. Формы именных действительных причастий в Житии Иоанна Златоуста и в Истории о великом князе Московском

История		Житие		Примеры из Жития
Окончания	Суффиксы	Окончания	Суффиксы	
∅	-а	∅	(-а)	нѣ хотѣ
	-ѣ		-ѣ	написавъ; возвративсѣ, возгношавсѣ, удививсѣ, затвори ^в сѣ, оужаснѣ ^в сѣ;
-ѣ	-ущ-/ащ-	-ѣ	-ущ-/ащ-	бүдоүще, держаще, возстазүюще, воспевающе, исповѣдающе, оүкротевающе; видаще, хвалаще; богаще ^с ;
	-вш-/ш-		(-вш-/ш-)	возложивше, из ^г навше, ѿпочивше, презрѣвшѣ, содѣлавше; үстыдивше ^с ;
-и	-ущ-/ащ-	-и	(-ущ-/ащ-)	прѣставаючи, прибавляючи;
	-уч-/ач-		–	
	-вш-/ш-		-вш-/ш-	л ^т оживши, приставши; вше ^д ши, вблѣкши;

				смовівши ^с , собравши ^с ;
-а	-ущ-/-ащ-	-а	–	
	-вш-		-вш-	главіша, гавивша ^с .

Таблица 2 показывает, что в Житии представлены не все структурные типы действительных причастий – нет словоформ с разговорным суффиксом *-уч-/-ач-* и причастий с нейтральным суффиксом *-а* (нами зафиксирован только один пример *не хотѧ*). Вместо причастий типа *хвалаѧ*, *мѣшаѧ* последовательно употребляются словоформы с книжным суффиксом *-ущ-/-ащ-* (*мѣшающе*, *хвалаще*). Особый интерес вызывает распределение флексий *-е /-и*, которые в Житии фактически находятся в отношениях дополнительного распределения: окончание *-е* связано с книжным суффиксом *-ущ-/-ащ-* (*мающе*, *размышляюще*, *оүсмирающе*, *оүготовляюще*), а разговорная флексия *-и* – с нейтральным суффиксом *-вш-/-ш-* (*прилоүчивши*, *смовівшись*, *оүтаивши^с*). Отступления от этой закономерности ограничиваются теми 8-ю примерами, которые приведены в таблице 2: *преставаючи*, *прибавляючи*; *возложивше*, *из^Гнавше*, *ѿпочивше*, *презрѣвше*, *содѣлавше*; *үстыдивше^с*. Это составляет 5% от 159 зафиксированных в Житии словоформ именных действительных причастий, в то время как 70% (111 примеров) – это причастия на *-уще/-аще*, а 21% (33 примера) – на *-вши/-ши*.

Если для причастий в Истории актуально деление на согласованные и несогласованные, причём в группу несогласованных попадают все словоформы на *-вши /-ши* и *-ущи /-ащи*, а также 39% на *-уще/-аще* и 25% на *-ше/-ше*, то в Житии словоформы на *-уще/-аще* и *-вши /-ши* чаще соотносятся с грамматической основой в единственном, чем во множественном числе. Причастия, представлен-

ные в Житии, уже обладают основным морфологическим признаком деепричастий – неизменяемостью, однако их функции в структуре предложения не отличаются такой однозначностью. Используя деление на сильные и слабые синтаксические позиции, предложенное В. И. Фурашовым для второстепенных членов предложения [15: 88], мы склонны считать, что анализируемые нами причастия занимают в Житии слабые синтаксические позиции с разной степенью нейтрализации предикативного значения, присущего им в древнерусском языке. Ср.: **Ѹпифани^и своєю просто^{то} ю не расмотряюще ѿѿшила лоукавства** [51] (самостоятельное сказуемое); **Ѹлоучило^с и^ж сама прогнѣвавши цесаря до цркви оутек** [46] (обстоятельство причины).

Таким образом, проанализированный материал, а также наши исследования текста притчи «О блудном сыне» в Острожской Библии Пересопницком Евангелии дают основания для предположения о творческом подходе А. Курбского к языку переводов памятников конфессионального содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский А.С. Очерки из истории западнорусской литературы XVI-XVII вв. Борьба с католичеством и западнорусская литература конца XVI-перв. пол. XVII в. М.: Университетская типография. 1888. 310 с.
2. Джангобекова Т.А. Система форм прошедших времён в сочинении А. Курбского «История о великом князе Московском» // Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства (Збірник наукових праць). Вип. 7: Російське і зіставне мовознавство. Мова художньої літератури. Ужгород, 2004. С. 116-127.
3. Джангобекова Т.А. Текст как объект истории литературного языка // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Ужгород. 2006. № 14. С. 114-120.
4. Джангобекова Т.А. Краткие действительные причастия в «Истории о великом князе Московском» А. Курбского: структура и функции // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Ужгород. 2008. № 18. С. 69-74.
5. Золотухина Н.М. Князь Андрей Михайлович Курбский // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.art.lutsk.ua/art/kovel/tkt3.htm>.
6. Иванова М.И. Древнерусская агиография конца XIV-XV в. как источник истории русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 79-87.
7. Кралюк П.М. Культурно-просвітницька діяльність князя Андрія Курбського на Ковельщині: міф чи реальність? // Минуле і сучасне Волині та Полісся: Ковель і Ковельщина в історії України та Волині, ч. 1. Луцьк, 2003. С. 78-81.
8. Курбский Андрей. История о делех великого князя московского / Изд. подг. К. Ю. Ерусалимский. Перевод А. А. Алексеева. М.: Наука, 2015.

9. Курбский А.М. Житие блженнаго Иоанна Златоуста // Архангельский А. С. Очерки из истории западнорусской литературы XVI-XVII вв. Борьба с католичеством и западнорусская литература конца XVI-перв. пол. XVII в. Приложение. М.: Университетская типография, 1888. С. 43-59.
10. Мозер Михаэль. Что такое «простая мова»? // Studia Slavica Hung. 47/3-4 (2002). С. 221-260.
11. Русанівський В.М. Історія української літературної мови. Підручник. К.: АртЕк, 2001. 392 с.
12. Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988. 239 с.
13. Успенский. История русского литературного языка (XI- XVII вв.). Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Аспект Прогресс, 2002. 558 с.
14. Филюшкин А.И. Андрей Михайлович Курбский: просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. Автореф. дис. ... д-ра истор. наук. С.-Пб., 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/andrei-mikhailovich-kurbskii-prosopograficheskoe-issledovanie-i-germenevticheskii-kommentari>
15. Фурашов В.И. О второстепенных членах предложения // Фурашов В.И. Современный русский синтаксис. Избранные работы. Владимир: ВГГУ, 2010. С. 76-94.

ИОСИЛЕВИЧ Наталья Вячеславовна (*Владимир, Россия*)
Владимирский государственный университет
Имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

iva-vip33@rambler.ru

ОБОСОБЛЕНИЕ КАК ЯЗЫКОВАЯ ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ ЭГО-КАТЕГОРИИ

Обособление – одна из синтаксических форм проявления эго-категории, когда интенция говорящего, или эго-категория, вступает в противоречие с устойчивой системой языка, проявляющейся, в частности, в твердом порядке слов, нейтральной интонации, объективной модальности, и выражается в предложении, реализуясь в обособленном члене с помощью обратного порядка слов (инверсии), особой интонации и лексико-грамматических средств выражения субъективной модальности.

Одним из средств выражения обособления является *порядок слов*, что связывает обособление с коммуникативным устройством предложения. Исходной языковой позицией русского предложения является т. н. твердый, или прямой, порядок слов, которому

противопоставляется обратный: «Хотя русский язык и принадлежит к языкам с так называемым «свободным» порядком слов, однако для каждого члена предложения можно указать одно, обычное, излюбленное место в предложении и другое, менее обычное, при котором расстановка слов кажется как бы намеренно измененной. На этом основании различают так называемый «прямой» порядок слов и «обратный» [7: 358].

Еще в памятниках деловой письменности к XIII-XIV вв. выработались устойчивые нормы порядка слов, которые в дальнейшем претерпели сравнительно небольшие изменения. Например, в текстах новгородских грамот на бересте в предложениях подлежащее чаще предшествует сказуемому: *рать ударила подо копорию* (Нов. Берест. гр. Второй половины XIV в. № 272). Однако иногда в начале предложения можно обнаружить и дополнения: *гну михаилу юрьевичу биять челомъ хрстане черенщани* (Нов. Берест. гр. Первой половины XV в. № 307), а в конце предложения подлежащее с целью его выдвигания: *Тоє же зимы Оу Зупцева побъдиша Литву Ж. Суждальскъи кнази* (Лаврентьевская летопись) [2: 364]. Памятники других жанров также свидетельствуют о том, что порядок слов имел безусловное синтаксическое, семантическое и стилистическое значение. Если в устной речи говорящий, помимо порядка слов, мог использовать для выражения различных смысловых оттенков интонацию, жест, мимику, то в распоряжении русского книжника был только порядок слов, «и он с большим искусством прибегал к инверсии – изменению порядка слов, чтобы подчеркнуть один из членов предложения» [2: 358]. Этот прием обретал смысл именно на фоне устойчивых норм размещения членов предложения, когда нарушение твердого порядка слов позволяло особенно заметно выделить нужное слово:

«При обратном порядке слов член, который кажется переставленным, больше выделяется в мысли и больше привлекает к себе внимание, чем при «прямом», вот этот-то о б р а т н ы й порядок слов, выделяющий переставленное слово, и является условием, благоприятствующим обособлению, т.к. обособление тоже связано с перемещением второстепенного члена в центр синтаксического сознания», – отмечает А.М. Пешковский, подразумевая, по всей видимости, синтаксическое сознание Я-говорящего, субъекта речи [7: 380]. При этом обособление не просто выделяет какой-то фрагмент речи, но и повышает его синтаксический статус, подтверждением чему раньше служило частое сравнение обособленных оборотов с самостоятельной предикативной единицей – с придаточным предложением: «Традиционно обособленным второстепенным членом называется второстепенный член, уподобившийся (один или вместе с другими, зависящими от него членами) в отношении мелодии и ритма и – параллельно в отношении связей своих с окружающими членами отдельному придаточному предложению» [7: 378], а сегодня – признание наличия у них сопутствующей предикативности, или полупредикативности [8: 318].

Среди особых позиций, занимаемых обособленными членами предложения, можно выделить три основных: обратный порядок слов (препозиция, постпозиция или интерпозиция по отношению к главному слову второстепенного члена, нехарактерная для него при нейтральном порядке слов), позиция в абсолютном начале предложения, позиция в конце предложения. При этом наиболее сильными с точки зрения психологического влияния и восприятия являются позиции в начале и в конце предложения, которые, согласно закону края, открытому в конце XIX в. немецким

психологом Германом Эббингаузом, способствуют лучшему запоминанию информации [6: 552].

Видимо, по этой причине одной из наиболее привилегированных позиций является позиция абсолютного начала предложения, которая для одних членов предложения, входящих в грамматическое ядро, является естественной и постоянной, т. е. признанной языковой системой, например, для подлежащего: *Дворницкая наполнилась громом и звоном* (Ильф и Петров), а для других она обусловлена коммуникативными целями говорящего субъекта, и таким образом является средством выражения эго-категории в речи. К последним можно отнести детерминированные дополнения: *У Мамонтова я мог позволять себе смелые художественные опыты* (Ф. Шалапин); детерминированные обстоятельства, как обычные: *В зале — сдержанный гул голосов, хлопают пробки от шампанского* (А.Н. Толстой), так и согласуемые [4; с. 152]: *Измученные, мы долго молчали, сидя друг против друга* (М. Горький). Номинативные предложения: *Рыжий глинистый обрыв, баржа, река, чужие, недобрые люди, голод, холод, болезни — быть может, всего этого нет на самом деле. Вероятно, все это только снится* (А.П. Чехов), а также именительный представления и бытийные предложения: *Снегири! Как же я не замечал их раньше* (В. Солоухин), *Осень. Обсыпается весь наш бедный сад* (А.К. Толстой) являются следующей за детерминацией ступенью обособления, на которой второстепенные члены приобретают признаки самостоятельной предикативной единицы. Интересно, что среди значений, входящих в сложную семантическую структуру именительного представления, В.В. Бабайцева отмечает семы, непосредственно связанные с выражением эго-категории: 1) сообщение о наличии предмета в сознании говорящего,

- 2) наглядно-чувственная основа, обуславливающая субъективный подтекст (субъективные наглядно-чувственные образы),
- 3) недосказанность, незавершенность вербального выражения,
- 4) сема медитации (интонация размышления) [1: 576].

С точки зрения намеренного выделения фрагмента речи в тексте говорящим субъектом интересны также явления присоединения – «*Ефремова жена слыла бабой неглупой – и недаром*» (И.С. Тургенев) и парцелляции – *Вот и я в Быкове. Один. На дворе осень. Поздняя.* (В. Астафьев). Рассматривая присоединение и парцелляцию на материале художественной речи, В.В. Бабайцева отмечает, что отчленение и присоединение планируются автором как способ актуализации их семантики, причем при присоединении изолированный фрагмент подается как добавочное сообщение, возникшее в мысли при произнесении (написании) базовой части, а типичная парцелляция аналогична скандированию слов [1: 556]. При этом изоляция фрагментов, по мнению автора, не только усиливает их семантическую значимость, но и способствует сближению их с предикативными единицами: «...*А кто не сумел достичь В искусстве особых успехов, Покупает машину «Москвич» Или ходит пешком. Как Чехов*» (С. Маршак). Применительно к этим, казалось бы, непредикативным фрагментам, сохраняющим, однако, структурные и семантические связи с базовой частью и имеющим таким образом свойства предложений, В.В. Бабайцева использует понятие «*потенциальная предикативность*» [1: 558], замечая при этом, что в сравнении с номинативными предложениями «легче приобретают признаки предложения, в частности интонацию предложения, актуализированные компоненты в постпозиции» [1: 587].

Кроме порядка слов, другим средством выражения эго-категории является *интонация* (или, по А.М. Пешковскому, мелодически-ритмическое средство), которая, хотя и считается грамматическим средством, также зависит от говорящего субъекта: например, связь между уточняемым и уточняющим членом «как бы ни была логически ясна, может и **не осознаваться**, и тогда обособления не будет»: *да ты эту, деревянную, лопатку возьми, а не ту, железную* [7: 379].

Связь обособления с интенцией говорящего субъекта, т.е. с эго-категорией, отражает также *субъективная модальность*, для выражения которой могут использоваться модальные слова и наречия времени: «говорящий, подчеркивая достоверность (*конечно*) или предположительность (*вероятно*) высказываемого, дает тем самым свою оценку соотношения этого высказываемого с действительностью» [5: 96]. Модальные слова и наречия «формируют значение полупредикативности и в ряде случаев являются главным условием обособления или средством введения обособляемого члена в предложение» [8: 319]: *Пудель, вероятно возбужденный необычайностью всего происходившего, вдруг припал на передние лапы – и принялся лаять* (И.С.Тургенев), *И в рабовладельческом обществе была демократия, кстати, тоже не для всех* (А.В. Васильев).

Таким образом, обособление хотя и относится к синтаксическим явлениям, отражающим особенности взаимоотношения языковых категорий, однако в первую очередь этот процесс связан с говорящим субъектом, от эмоциональных интенций которого зависит и порядок слов, и интонации, а также наличие или отсутствие тех или иных лексико-грамматических маркеров субъективной модальности, так как «в предложении

выражается не только сообщение о действительности, но и отношение к ней говорящего» [3: 389].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка: Моногр. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
2. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963. 512 с.
3. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения//Вопросы грамматического строя. М., 1955. 481 с.
4. Копелиович А.Б. Некоторые спорные вопросы словообразования и синтаксиса / Владимир, Изд-во Владим. гос.ун-та, 2011. 156 с.
5. Лекант П.А. Грамматические категории слова и предложения. М: Изд-во МГОУ, 2007. 215 с.
6. Мещеряков Б., Зинченко В. Большой психологический словарь. М., 2003. 672 с.
7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении: Учебное пособие. Изд. 8-е. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 432 с.
8. Фурашов В.И. Современный русский синтаксис. Избранные работы. Владимир: ВГУ, 2010.

ИСКРЕНКОВА Мария Сергеевна (*Владимир, Россия*)

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
iskr.vggu@mail.ru

ЧАСТИЦЫ КАК СРЕДСТВО УСИЛЕНИЯ В ОСЛОЖНЁННОМ ПРОСТОМ ГЛАГОЛЬНОМ СКАЗУЕМОМ

В.И. Фурашов, представляя парадигматическую концепцию членов предложения, отмечает, что «с точки зрения синтаксической системы языка член предложения представляет собой некоторый инвариант, вариантами которого являются элементы его парадигмы. В разных речевых высказываниях мы имеем дело с многообразием речевых репрезентаций одного и того же члена предложения. На первой ступени обобщения эти репрезентации подводятся под определённый вариант (типичный или синкретичный), на второй ступени обобщения различные варианты одного и того же члена предложения выстраиваются в парадигматический ряд и подводятся под общий для них инвариант» [5:196]. Таким образом, сказуемое – это инвариант, вариантами которого являются элементы его па-

радикалы: простое глагольное сказуемое, составное глагольное сказуемое и составное именное сказуемое. Осложнённые формы сказуемого являются результатом варьирования внутри этих элементов парадигмы. При таком понимании осложнённых форм сказуемого типичный элемент простого глагольного сказуемого является исходным в парадигме, а осложнённые элементы развёртывают эту парадигму простого глагольного сказуемого.

По характеру осложняющих средств в осложнённых формах простого глагольного сказуемого П.А. Лекант выделяет две конструктивные разновидности: а) спрягаемые глаголы с частицами, б) спрягаемые глаголы в повторах грамматического характера [3: 55].

С точки зрения семантики осложнённые формы выражают разнообразные добавочные оттенки.

В осложнённых формах простого глагольного сказуемого активно используются частицы, характеризующие действие со стороны его интенсивности или полноты осуществления.

Частица *так и* является наиболее распространённой частицей в составе осложнённых простых глагольных сказуемых. Она вносит в сказуемое добавочное значение интенсивности, полноты проявления предикативного признака. Наиболее часто частица *так и* сочетается с глаголами ощущения (*замереть, обомлеть, обмереть*): *Елена выпрямилась, а Берсенева так и замерла на месте* (И. Тургенев); *Я так и обомлел* (Н. Гоголь); эмоционального состояния (*покатиться* (со смеху), *заливаться* (смехом), *заливаться* (плачем), *прыснуть*): *Сладкий помещик так и покотился* [со смеху] (И. Тургенев); *Бедная помешанная так и залилась вся тихим плачем, закрыв лицо руками* (Ф. Достоевский); движения, перемещения (*покатиться* (катиться), *сыпаться* (посыпаться), *сыпать, бежать, бежать* (побежать), *лезть, ходить, броситься, мелькать, летать,*

лететь, прыгать): Катерина Ивановна, только что узнала, что вы пришли, Алексей Фёдорович, **так и бросилась** ко мне, она вас жаждет, жаждет (Ф. Достоевский); Баба, услышав мужнины слова, **так и покати́лась** по земле... (А. Платонов).

Усилительная частица **как** в сочетании с глаголом в форме будущего времени совершенного вида обозначает интенсивное и внезапное недлительное действие.

Наиболее активно частица **как** сочетается с глаголами следующих тематических групп:

1) резкое движение (**ударить, огреть, стукнуть, шарахнуть, размахнуться, ахнуть** («ударить»), **пихнуть, ткнуть, дать** («ударить»), **царапнуть**): *Через пару минут он тихонько подходит до неё и **как ахнет** её по загривку* (М. Зощенко); **Кэ-эк шарахнет тройка** (В. Шишков);

2) изменение положения в пространстве (**броситься, кинуться, проскочить, покатиться, стрекануть, помчаться, прыгнуть, вскочить**) [4: 40]: *-...Так однажды, увидавши издали речку, побежали мы к ней водицы напиться; бежим, а из камышей **как прыгнет** на нас зверь дикий* (П. Мельников-Печерский); *А Митя-то **как вскочит** с ругательствами...* (Ф. Достоевский);

3) звуковые явления (**закричать, гаркнуть, фыркнуть, завизжать, заорать, гикнуть, заскулить, зыкнуть, взвыть, рывкнуть, завывать, заржать, ахнуть, загоготать, застонать, зазвонить**): **Как застонет** всё кругом (В. Шишков); *А во дворце на чердаке, **как завоюет, засвищет** нечистая сила!* (А. Толстой).

Менее активно частица **как** сочетается с глаголами других тематических групп, например, с глаголами, обозначающими изменение состояния: *Князь всё молчит-молчит, да вдруг **как побагровеет** да глазами **сверкнёт** – страшный был во гневе человек* (А.

Куприн); чувства, эмоции: *А он [Пётр Алексеевич] как осерчает* (А. Толстой).

Частицы *давай, ну* в сочетании с инфинитивом глагола несовершенного вида обозначают внезапный и интенсивный приступ к действию. Данные частицы сочетаются с глаголами, обозначающими конкретные физические действия, и «вообще не сочетаются с глаголами состояния» [1:94]: *Увидал он, как я мальчишку за ухо хватаю, и давай кричать: «Не смей, говорит, христианскую душу за уши трепать! А то, говорит, влетит!»* (А. Чехов); - *И он [Пётр Алексеевич] схватил Алёшеньку, прижал к груди и ну его целовать, миловать* (А. Н. Толстой).

Также усилительную функцию в составе сказуемого выполняют глагольные частицы *взять, взял, возьмёт, возьми + и, да, да и* [2: 253] и препозитивная частица *и*, осложняющая глагольные образования, внешне сходные с формами повелительного наклонения: *скажи, попадись, покажись*. Такие сказуемые содержат оттенок внезапности, неожиданности недлительного действия: *Что же вы думаете? Ведь узнала барыня Матрену и меня узнала старая, да жалобу на меня и подай...* (И. Тургенев); *А стакашек, будь он проклят, возьми и трещину дай* (М. Зощенко).

Соединение глагола с глагольной частицей *знай* (вариант *знай себе*), имеющее значение ничем не обусловленного действия, осуществляющегося независимо от каких-либо неблагоприятных для него условий или вопреки чему-либо, содержит оттенок усиления: *Тоже хотел в люди его вывести, от войны выкупить даже, а он, слышу, однажды толкует в моей же лавке с мужиками: облеженья в жизни, братцы, матюгами не сделаешь, вы, дескать, матюгаете хозяина моего Кафтанова, а он **знай сосёт** вашу кровушку* (А.

Иванов); - *Покою не даёт, проклятая*, - продолжала *Василиса*, - *воем знай на всю избу* (Д. Григорович).

Таким образом, оттенок интенсивности действия осложнённых форм простого глагольного сказуемого создаётся за счёт присоединения различного рода частиц, причём чаще всего к глаголам определённых тематических групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демиденко Л.П. Способы выражения начала глагольного действия в русском языке // УЗ ЛГПИ. Т. 248. 1963. С. 85-103.
2. Колесникова С.М. Градуальная семантика простого глагольного сказуемого (эмоциональный аспект) // Рациональное и эмоциональное в русском языке: Международный сборник научных трудов. М.: МГОУ, 2012. С. 249-254.
3. Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М.: Высшая школа, 1976. 143 с.
4. Родионова И.Г. Об одной аналитической форме времени в современном русском языке (частица *как* в сочетании с глаголом в форме будущего времени) // Вестник МГОУ серия «Русская филология». № 1. 2010. С. 39-42.
5. Фурашов В.И. Члены предложения: синтаксические позиции и парадигмы // Филология: Междунар. сб. науч. трудов (К 70-летию Александра Борисовича Пеньковского). Владимир: Изд. Владимирского пед. ун-та, 1998. С. 182-197.

ЙОНАШ Эржебет Ч. (*Ньиредьхаза, Венгрия*)

Ньиредьхазская высшая школа
jonase@nyf.hu

ДВУПЛАНОВОСТЬ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ТЕКСТА И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

(роман Людмилы Улицкой «*Зелёный шатер*» на венгерском языке)

Аннотация. Метафора и ирония – две стилистические фигуры, которые характерны для стилистики произведений Людмилы Улицкой. Её роман «*Зелёный шатер*» уже в заглавии вызывает трудности в переводе на венгерский язык. Метафоризация как перенос по сходству определяет текст романа. Двуплановостью значения также маркируется ирония стиля романа в описании жизненных ситуаций. Целью нашей работы является решение этих проблем в венгерской интерпретации.

Тенденции литературы нашей эпохи

Симптоматично, что сегодня в центре исторической и художественной рефлексии оказываются 1970–1980-е годы. Совсем недалекое советское прошлое становится историей — но историей, актуальной для нынешнего. Типология, особенности современного взгляда на мир, характер чаяний и разочарований выводятся имен-

но из этой эпохи. Причем 1970–1980-е подвергаются показательному и довольно специфическому анализу. Осмысляются не политика, социальная структура, экономика или идеология Советского Союза той поры. Речь идет в первую очередь об осмыслении интеллигентского сознания и даже шире — о попытке описания ментальности, мировоззрения интеллигенции периода застоя. Это мировоззрение, система оценок и ценностей априори рассматриваются как не советские, то есть другие, инакие по отношению к официальной советской идеологии. Как частный случай в инакомыслие входит диссидентство, то есть более или менее активное противостояние советскому режиму (ср.: [1]).

Об авторе романа «Зеленый шатер»

Людмила Улицкая, известный представитель современной русской прозы, родилась 21 февраля 1943 года в Башкирии, ее семья была там в эвакуации. После войны семья вернулась в Москву. Людмила окончила биофак МГУ. В 70-м ее уволили из Института общей генетики АН СССР за самиздат. С тех пор она занималась писательским трудом и гражданской деятельностью. Ее книги переведены на 25 языков. Пять лучших книг: *«Медя и ее дети»*, *«Искренне ваш Шурик»*, *«Даниэль Штайн, переводчик»*, *«Казус Кукоцкого»*, *«Зеленый шатер»*.

Людмила Улицкая в романе «Зеленый шатер» пересказывает узнаваемые истории о диссидентах, вписанные в семейную хронику, даже хроники. Диссидентство здесь погружено в быт. *«Зеленый шатер»* – это роман о любви, о судьбах, о характерах. Он вышел в 2011 г. (Москва, издательство «Эксмо»), и в том же году был готов и его венгерский перевод от Йожефа Горетить под заглавием *«Имаго»* (Будапешт, издательство «Магвете»: Budapest, Magvető).

Йожеф Горетить (1961–...) русист, литературовед, препода-

ватель Дебреценского университета. Заведующий институтом Славянской филологии. Он перевел целый ряд произведений Людмилы Улицкой.

«Зеленый шатер» – настоящая психологическая проза. Одни рецензенты оценивают как историю русских диссидентов, другие как историю «маленьких человечков», третьи как иронический обзор советских 50 – 80-х годов. Эта книга вызывает интерес у венгерского читателя из-за параллельной проблематики венгерской действительности той же эпохи и из-за актуальной проблематики многих поколений до наших дней (ср.: [5]).

«Зеленый шатер» как намек на всеобщее прощение имеет отношение ко всем людям конца двадцатого века. Это роман о том, что настоящая зрелость в нынешней цивилизации почти никогда не достигается, особенно когда на желаемую взлететь и развернуть крылья личность надавливает некий груз идейный, властный.

И, как всегда у Улицкой, кроме идейного и нравственного посыла, есть еще эмоциональная живопись, тот ее уникальный дар, который и выводит книги писательницы на десятки языков к миллионам читателей. Только ей присуща ироничность, благодаря чему многие эпизоды на уровне одного абзаца перетекают из высокой трагедии в почти что швейковский комизм. «Зеленый шатер» – очень серьезная и очень смешная книга.

О чём эта книга? На первый взгляд – о диссидентах. О том, как нелегко было жить думающему человеку при прежней власти. Как нелегально перепечатавали и распространяли запрещённые произведения. Как трудно было устроиться в жизни, имея «неправильную» национальность или неблагонадёжных родственников. «Зеленый шатер» – прежде всего история о людях, о том, как взрослеют, мучительно ищут свой собственный путь, влюбляются, женятся,

разводятся, любят, ненавидят, завидуют, стареют и умирают.

Главные герои – шесть человек, в начале романа три мальчика и три девочки, чьи судьбы переплетаются самым неожиданным и причудливым образом. Трое мужчин: диссидент-фотохудожник Илья, педагог и неудавшийся поэт Миха, витающий в эмпиреях музыкальный теоретик Саня. Три женщины: выросшая на всём готовом генеральская дочь Ольга и её менее удачливые подруги Тамара и Галя. О жизни этих людей Улицкая рассказывает, используя вполне современный приём нелинейного повествования. Роман состоит из тридцати законченных новелл, перемешанных во времени [2].

Метафоры Улицкой в заглавиях романа

«Метафора – перенесение свойств одного предмета (явления) на другой на основании признака, общего для обоих сопоставляемых членов» [4: 128; 3: 286]. Основная особенность содержания метафорических наименований заключается в их смысловой двуплановости.

Нет, кажется, ни одной рецензии на книгу Улицкой, где бы критик не принялся рассуждать о теме взросления и личиночного общества, восхищаясь смелой метафорой писательницы, использующей понятие из биологии — имаго. По словам самой Улицкой, она даже хотела назвать свой роман «Имаго», но в издательстве никто этого слова не знал, и название отвергли, зато оно сохранится в изданиях за рубежом, где это слово знакомо. Дело в философском наполнении метафоры. Есть такое явление: не достигшие взрослой стадии личинки начинают размножаться. Метафора эффектная: люди-личинки и общество личинок. Цель личинки – съесть как можно больше.

Детскость (или подростковость) все шире распространяется в

современном мире как вечное состояние, когда уже найдено главное в человеке, но – незрело, невыражено. То, что должно последовать за детством, свершается уродливо или вовсе не свершается. Образуются подростковые цивилизации, где люди перестали взрослеть. В этой книге Улицкая предлагает новаторскую формулу как бы *anti-Bildungsromana*.

Другая важная для автора метафора вынесена в название «Зеленый шатер». Смертельно больная Ольга видит сон: на огромном лугу стоит зеленый шатер, а к нему длинная толпа народа и бывший муж, жестоко ее предавший, обидевший, но все равно любимый, протягивает к ней руки. Ну, в общем, понятно: чертог Божий, и всеобщее равенство в смерти, и всеобщее примирение, и новый Эдем. Русская литература темой этой очень даже интересовалась. Иван Карамазов, помнится, тоже хочет увидеть, «как зарезанный встанет и обнимется с убившим его», да вот с детскими страданиями поделаться ничего не может и восклицает в конце концов: «Не хочу я <...> чтобы мать обнималась с мучителем, растерзавшим ее сына псами!» И все толкователи Достоевского, вся русская религиозная философия так и не решили дилеммы Ивана Карамазова, сколько ни бились [6].

Все заголовки романа – и авторский, и переводческий на венгерском языке («Имаго»), и издательский («Зеленый шатер») – несут положительную энергетику, хотя на самом деле одна идея явно спорит с другой, одна смягчает другую: неразвитость поколений и «соборность», смирение поколений под «зеленым шатром». Венгерский переводчик выбрал заглавием первую метафору, «Имаго», как более подходящую и характерную метафору для венгерского поколения того же времени.

Ирония в оценке эпохи и речи героев

Ирония в описании ситуации

«Ирония – особый вид идейно-эстетической оценки явлений действительности, для которой характерны скрытое отрицание или насмешка, замаскированной внешней серьезностью. Ирония заодно как изобразительно-выразительное средство, один из тропов. Отличительный признак – двойной смысл, где истинным будет не прямо высказанный, а противоположный ему, подразумеваемый» [4: 96–97; 3: 264]. Тонкая, скрытая насмешка иронии тоже основывается на двуплановости значения, на «игре» переносного и буквального значения слова.

Улицкая – внимательный свидетель эпохи, цепкий наблюдатель, подмечающий яркие детали, хоть в жизни, хоть в документах, и умелый конструктор, способный найти им применение. В романе иронией изображаются эти детали жизни. Венгерский переводчик легко находит подходящую лексику, ведь ситуации в Венгрии были очень похожи на советские в России. Вот как описывает автор девочку Олю, дочку офицера, с иронией к миру взрослых:

ЗЕЛЕНый ШАТЕР (1)

Как легко и радостно быть *хорошей советской девочкой!* Пионерский Артек с синими ночами и красными галстуками *прекрасно сочетался* с продовольственным распределителем, а персональные машины родителей, возившие ее на дачу по субботам, – *с равенством и братством*. Она была ни в чем ни перед кем не виновата и *любила радостно и безмятежно* Ленина-Сталина-Хрущева-Брежнева, Родину и партию. Была она *морально устойчива*, как написали ей в характеристике, когда вступала в седьмом классе в комсомол, и в

IMÁGÓ (1)

Milyen könnyű és örömteli dolog *jó szovjet kislánynak* lenni! Az artyeki úttörőtábor a maga kék éjszakáival és vörös nyakkendőivel *gyönyörűen illeszkedett* a zárt áruelosztóhoz, a szülei szolgálati kocsija pedig, amelyen szombatonként a dácsára vitték őt, *az egyenlőséghez és a testvériséghez*. Semmiben, senki előtt nem érezte bűnösnek magát, és *örömmel, ellenszegülés nélkül szerette* Lenint–Sztálint–Hruscsovot–Brezsnyevet, a Hazát és Pártot. *Morálisan megbízható* volt, mint ahogyan a jellemzésében írták róla, amikor hetedikes korában je-

высшей степени политически грамотна.

(УЛИЦКАЯ 2011, http://www.e-reading.co.uk/chapter.php/1002323/5/Ulic_kaya_Lyudmila_-_Zelenyy_shater.html 2014-01-28)

lentkezett a Komszomolba, és **a legmagasabb fokú politikai érettséget mutatatta.**

(ULICKAJA 2011, 133–134.)

Венегскому переводчику не было трудно найти подходящие по стилю обороты, ведь в венгерской жизни того времени номенклатура пользовалась такими же стереотипами в языке.

Ирония и стилистический синкретизм в речи интеллигенции

Эта же ирония звучит в описании утра, когда по радио сообщают известие о «болезни» Сталина. В это время любимый учитель литературы школьников, Виктор Юльевич Шенгели, дома с мамой готовится к завтраку:

ЗЕЛЕНый ШАТЕР (2)

Чай был заварен крепко, как любил покойный муж. Мирный завтрак был прерван правительственным сообщением – о болезни Сталина. Ксения Николаевна всплеснула руками, Виктор дернулся лицом. Помолчал, потом сказал:

– **Дуба дал. Точно. Неделю будут морочить голову,** а потом объявят.

– Не может быть.

– Почему же? Да было уже. Когда Александр Первый умер в Таганроге, курьер с известием о смерти ехал в Петербург, и после того, как он проехал через Москву, Голицын приказал разносить бюллетени о состоянии здоровья государя. Неделю городские носили по домам сводки.

– Да что ты! Откуда ты взял такое?

IMÁGÓ (2)

A teát erősre főzte, ahogy a férje annak idején szerette. A békés reggelit kormányközlemény szakította félbe – bejelentették, hogy Sztálin beteg. Ksenyija Nyikolajevna összecsapta a kezét, Viktornak megrándult az arca. Egy darabig hallgatott, aztán azt mondta:

– **Beadta a kulcsot. Egész biztos. Egy hétig még hintik a port,** aztán majd bejelentik.

– Az lehetetlen.

– De hát miért? Volt már ilyen. Amikor I. Sándor Taганroгban meghalt, futárt küldtek a hírrel Pétervárra; aztán amikor Moszkván áthaladt, Gorlicin közleményt adott ki a cár egészségi állapotáról. A rendőrök egy hétig házról házra jártak a jelentéssel.

– Ugyan már! Honnan szeded ezt?

– Ну, сначала набрел в записках князя Кропоткина на эти бюллетени, а потом уж в Историчке и бюллетени нашел.

Наденьте лицо, мадам, изображайте скорбь. Идут перемены.

– Страшно, – прошептала она. – Страшно, Вика.

– Ничего. Хуже не будет.

(Улицкая 2011, http://www.e-reading.co.uk/chapter.php/1002323/5/Ulickaya_Lyudmila_-_Zelenyy_shater.html 2014-01-28)

– Hát előbb Kropotkin herceg feljegyzéseiben bukkantam rá a közleményekre, aztán a Történelmi Múzeumban magukat a közleményeket is megtaláltam. **Úgyhogy fel az álarcot, hölgyem, mutasson bánatot.** Változások jönnek.

– Szörnyű – suttogta az anyja. – Ez szörnyű, Vika.

– Semmi gond, rosszabb nem lesz.

(Ulickaja 2011: 56–57.)

Видно, как кроме иронии, стилистический синкретизм характеризует слова разговорной речи **«Дуба дал»** и изысканной фразы: **«Наденьте лицо, мадам, изображайте скорбь»**. Венгерский переводчик дает верный перевод русских фраз.

Ирония в словах простых людей

Тон иронии чувствуется в оценочных высказываниях простой старушки в провинции, которая говорит не только о сухом законе, но о советской эпохе в целом:

ЗЕЛЕНЬ ШАТЕР (3)

Когда Борис Иванович стал понимать ее не совсем внятный выговор, он оценил остроту и живость ее мыслей.

– **Слышь, жилец**, а этот Сталин теперешний, **как его величают**, он еще **позлее того будет**, – поделилась как-то с Борисом Ивановичем своим соображением.

– Почему это?

– Тот все забрал, а этот уж остатки **подчищает**. Ох, ото всего освободили, родные, – **вперед** всего от земли освободили, потом от мужа, от детей, от коровы, от курей... От водки осво-

IMÁGÓ (3)

Amikor Borisz Ivanovics érteni kezdte az öregasszony motyogását, értékelni kezdte éles és mozgékony elméjét.

– **Idehallgass komám**, ez a mostani Sztálin, **vagy hogy is híják**, ez még **gernyőbb**, mint a másik **vót** – osztotta meg egyszerre Borisz Ivanoviccsal a gondolatait.

– Aztán miért?

– **Mer'** az mindent elvitt, ez meg most a maradékot is kisöpri. Ja, **mindentű** megszabadítottak a drágák: **előbb** a **fődtű**, aztán az **uramtű**, aztán a **gyerekemtű**, a **tehénkemtű**, a **baromfitű**...

бодят, и полная будет свобода...

(УЛИЦКАЯ 2011, http://www.e-reading.co.uk/chapter.php/1002323/5/Ulickaya_Lyudmila_-_Zelenyy_shater.html 2014-01-28)

Most megszabadítanak a **vodkátú, oszt** teljes lesz a szabadság...

(ULICKAJA 2011, 349.)

Интересно заметить, что венгерский переводчик пользуется адаптацией русских просторечий стилистическими элементами грамматики и лексики южно-венгерских говоров, где он и сам вырос, который ближе к нему и эмоционально. В русском морфология глагола, лексика и порядок слов сочетается со стилистическими средствами, а в венгерском, кроме лексики, сокращенные окончания, изменения гласных и выпадение определенных согласных обеспечивают стилистическую окраску.

Выводы. Риторические фигуры и перевод

Риторические или стилистические фигуры – система исторически сложившихся способов синтаксической организации речи, применяемых преимущественно в пределах фразы и реализующих экспрессивные (главным образом эмоционально-императивные) качества высказывания. Стилистические фигуры используются в речи как нехудожественной (в обиходно-бытовом и газетно-публицистических стилях), так и художественной (особенно в поэзии).

Изучение стилистических фигур имеет длительную историю. С современной точки зрения, стилистические фигуры – обычные, «естественные» способы использования выразительных возможностей языка, применяемые говорящим (пишущим) при осуществлении конкретных актов речи и являющиеся одним из важнейших компонентов индивидуального стиля. Таковы метафоры и ирония, которые характеризуют язык Улицкой.

На наш взгляд, эквивалентность художественного перевода на уровне способа выражения, на уровне синтаксических конструкций, а также на уровне языковых знаков, грамматических средств отчасти зависит от передачи стилистических фигур и метафор такими же средствами стилистики на целевом языке. Несомненно, это высшее требование к переводу, которое полностью, наверное, едва ли достижимо, но отчасти может реализоваться как особые маркеры стиля оригинального текста.

Фигуры выражаются прежде всего адаптацией, другой образностью языка. С одной стороны, характеризующей данного автора, данную культуру (определённую эпоху), а, с другой стороны, характеризующей данного переводчика и его арсенал языкового восприятия мира. Неконкретные содержательные уровни стилистических фигур и метафор всегда дают возможность для новой интерпретации художественного текста переводчиками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Н. Инаковость восьмидесятых: попытки художественного осмысления. ЛЕХАИМ ноябрь, Хешван <http://www.lechaim.ru/ARHIV/235/aleksandrov.htm> (2015-07-28)
2. Кузечкин А. Людмила Улицкая. "Зеленый шатер" / Централизованная библиотечная система Канавинского района: <http://book-hall.ru/litsovet/70> (2015-07-28)
3. Романова Н.Н., Филиппов А.В. Стилистика и стили. М.: Флинта, 2006.
4. Русова Н. Ю. От аллегии до ямба. Терминологический словарь-тезаурус. М.: Флинта-Наука, 2004.
5. Савельева М. Маленькие человечки (Людмила Улицкая. Зеленый шатер. М.: ЭКСМО, 2011) // Октябрь. 2011. №5; http://magazines.russ.ru/october/2011/5/sa22-pr.html#_ftnref4 (2015-07-28).
6. Latinyina A. «Зеленый шатер» Людмилы Улицкой // Новый Мир. 2011. № 6; http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2011/6/la11.html (2015-07-28)

ИСТОЧНИКИ

1. Улицкая Л. Зеленый шатер. М.: Эксмо, 2011. Режим доступа – http://www.e-reading.co.uk/chapter.php/1002323/5/Ulickaya_Lyudmila_-_Zelenyy_shater.html (2015)
2. Ulickaja L. *Imágó*. (перевод на венг.: Goretity József). Budapest: Magvető Kiadó, 2011.

КОРНИЛОВ Николай Викторович (Владимир, Россия)

ПОЛУЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ: А.А. ДМИТРЕВСКИЙ

Публикация данной статьи в сборнике к 80-летию Владимира Ивановича Фурашова, доктора филологических наук, профессора ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, заслуженного работника высшей школы РФ, имеет свою историю: в студенческие годы автор был слушателем читавшегося В.И. Фурашовым курса «Общее языкознание», значительная часть которого была посвящена истории лингвистических учений, а в годы обучения в аспирантуре под его руководством подготовил и защитил кандидатскую диссертацию «Вопрос об аппозитивных сочетаниях в истории русской грамматической мысли» (Владимир, 2010). Хотя В.И. Фурашов в своём научном творчестве больше всего занимался исследованием синтаксической сочетаемости слов, проблем теории словосочетания, синтаксического членения предложения, атрибутивной валентности субстантивов, категорий полупредикативности и обособления, он всегда проявлял интерес к истории русской лингвистической мысли (см. его статьи о А.А. Потебне, Л.В. Щербе, Б.Н. Головине, Н.Н. Прокоповиче, А.М. Иорданском, А.Б. Пеньковском, В.Ф. Киприянове, А.Б. Копелиовиче, В.В. Носковой).

В истории отечественной синтаксической науки, кроме таких корифеев, как Ф.И. Буслаев (1818 – 1897), А.А. Потебня (1835 – 1891), А.А. Шахматов (1864 – 1920), А.М. Пешковский (1878 – 1933) и др., было немало довольно оригинальных исследователей, имена и взгляды которых в настоящее время, к сожалению, продолжают оставаться малоизвестными. К их числу можно отнести отечествен-

ного педагога XIX века, филолога, последователя Харьковской лингвистической школы **А.А. Дмитриевского**¹, преподававшего в Корочанской женской прогимназии², находившейся на территории бывшей Курской губернии (современная Белгородская область). К сожалению, сведения из его биографии пока не многочисленны. Более того, впервые познакомиться с синтаксическими идеями А.А. Дмитриевского мне удалось благодаря книге В.В. Виноградова (1894/1895 – 1969) «Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова)» (1958) [4], работе Н.М. Александрова «Проблема второстепенных членов предложения в русском языке» (1963) [2] и статьям В.С. Храковского [39; 40].

Известно, что А.А. Дмитриевский написал большую статью под названием «Практические заметки о русском синтаксисе», которая частями печаталась в журнале «Филологические записки» за 1877 – 1878 гг. [18; 19; 20; 21; 22] (работа была опубликована в виде монографии в Воронеже (1878 год) и в Москве (1882 год) [23; 24]). В 1878 году в шестом выпуске тех же «Филологических записок» была опубликована другая его статья «Ещё несколько слов о второстепенности подлежащего (ответ г. Миловидову)» [11], а в первом и втором номерах за 1880 год был представлен в качестве приложения «Опыт учебника русского синтаксиса для младшего возраста» [16]. Наконец, в 1881 году в Воронеже вышла в свет книга А.А. Дмитриевского «Опыт синтаксиса русского языка (со статьёй о периодах, рассмотренных с новой точки зрения)» [15].

¹ Профессор Гданьского университета (Польша) З.Л. Новоженова называет А.А. Дмитриевского языковедом-славянофилом [29, с. 153]. Однако известно, что последний не имел непосредственного отношения к славянофильскому движению [6, с. 485].

² До 1871 года данное учебное заведение называлось «Корочанское женское училище». В качестве прогимназии оно просуществовало 32 года. 26 января 1908 года гимназии было присвоено имя Дмитрия Константиновича Кромского, почётного гражданина города Короча, мецената и купца первой гильдии. Она стала называться «Корочанская женская имени Д.К. Кромского гимназия».

Кроме того, А.А. Дмитриевский является автором методических работ и статей, среди которых можно выделить следующие: «Добро-азбука. Обучение грамоте по способу фонетическому (звуковому в точном смысле этого слова) с приложением подвижной азбуки и руководящего письма к народному учителю» (1881) [9], «Букварь для совместного обучения русскому и церковнославянскому чтению и письму» (1881) [8], «Подвижный гражданский и церковный алфавит с объяснением обучения чтению по способу фонетическому (звуковому в точном смысле этого слова)» (1881) [17], «Древние языки в наших гимназиях пред авторитетом митрополита Филарета» (1889) [10], «О мерах к поднятию уровня сочинений абитуриентов» (1893) [14], «Желательная постановка экстенпоральных работ по древним языкам» (1893) [12], «Методические заметки по чтению, письму и счету (из курса начальной школы)» (1903) [13] и др.

При детальном изучении сведений, касающихся биографии А.А. Дмитриевского, были обнаружены некоторые несоответствия с официальными источниками.

Во-первых, в лингвистических энциклопедиях отмечено, что он родился в 1856 году [31: 695; 42: 667]. Однако сохранилось письмо А.А. Дмитриевского (от 21 декабря 1881 года), адресованное А.А. Потемне. Оно содержит любопытные факты, позволяющие усомниться в указанной дате рождения педагога. Приводим текст письма полностью³ (цитирую по [36: 531 – 532]).

Милостивый государь, Александр Афанасьевич!

Если я и не имел счастья быть Вашим слушателем, то, по крайней мере, могу с гордостью считать себя Вашим учеником: Ва-

³ Оригинал данного письма и другие письма А.А. Дмитриевского хранятся в архиве А.А. Потемни (ед. хр. 71) [36, с. 531].

ши «Записки по русской грамматике» впервые открыли мне свет в тёмной доселе для меня области русского языка.

Поэтому позвольте мне надеяться, что Вы не откажетесь просмотреть прилагаемые при сем два листка. И если Вы согласитесь с моим мнением, то не будете ли добры помочь мне при написании исследования: 1) указать то, что для этого я должен прочитать; 2) сосудить мне из университетской и Вашей библиотеки указанные Вами сочинения (русские и иностранные) и 3) отметить места, относящиеся к моему исследованию, чтобы дойти скорее до цели.

Я более года назад посылал написанных мной несколько листов А.А. Хованскому, который сначала был в восхищении и намеревался печатать, но предварительно послал выдержку Бодуэну де Куртенэ, который, по выражению письма, «зло отозвался о таком исследовании», почему Хованский и возвратил мне рукопись. Пришлось мне остановить продолжение сочинения, и я даже думал забросить совсем свою попытку. Но личное убеждение в моём мнении никогда не оставляло меня: «а всё-таки вертится», – сказал Галилей.

В самом деле: если бы и ложно бы[ло] моё мнение, то чем же оно хуже ряда доселе высказанных мнений разных учёных, хотя бы и самого Бодуэна де Куртенэ (еа)? Если он держался, высказывая свой взгляд на моё толкование, убеждения, «может ли от назарета быть что доброе», то, мне кажется, и я не ошибусь, если скажу, что наука, утаив иное от премудрых и разумных, открывает то младенцам. И хоть зайца в басне спросили:

«Ба, ты, косой!.. Пожаловал отколе?

Тебя никто на ловле не видал»,

а всё-таки в конце концов дали ему клочок медвежьего ушка.

Выслужа 15 лет в провинции, мог ли я сделаться учёным, ничего не видя и не имея в руках, кроме Вашей книги и «Филологических записок» за время моего сотрудничества. В Короче не только иностранных, но и русских сочинений по филологии не имеется (например, Срезневского, Каткова, Павского – ничего подобного), и я их видом не видал, хоть и слышал. Попытки мои перейти на службу в университетский город безуспешны доселе, а прошение моё, поданное по совету Вашему (пример К.....) в Ваш факультет, не удостоено даже ответа. Прогимназия наша в опале у нынешнего попечителя – и надежды нет перейти, где бы можно иметь всё под рукою. Поэтому не откажитесь, Александр Афанасьевич, исполнить мою просьбу – высказать Ваше мнение о моём мнении и ссудить меня книгами. Чтобы придать своему исследованию научный характер, я предварительно изложил его пред Вами в тезисах, которые нуждаются в научном освещении. И если бы на праздниках я получил Ваш ответ с возвращением прилагаемых двух листков – и ответ благоприятный, то или сам бы приехал за книгами, или поручил бы гимназисту, возвращающемуся в Корочу, взять от Вас по моему письму.

Прося извинения, что осмелился беспокоить и отрывать Вас от Ваших непрерывных занятий, остаюсь с истинным к Вам почтением и совершенною преданностью

21 декабря 1881

Короча

Ваш покорный слуга

А. Дмитриевский

Как видим, приведённый текст письма содержит информацию о тех препятствиях, которые стояли перед А.А. Дмитриевским, пытающимся заниматься научной деятельностью, работая педагогом в городе Короча. Кроме того, автор сообщает о том, что он преподаёт

в провинции уже 15 лет. Учитывая тот факт, что письмо датировано 1881 годом, А.А. Дмитриевский начал свою педагогическую деятельность примерно с 1866 года, но ему в то время было всего лишь 10 лет, если принять год рождения (1856), указанный в официальных источниках?!

Во-вторых, принято считать, что инициалы в подписи А.А. Дмитриевский следует читать как Алексей Афанасьевич [31: 695; 42: 667]. Однако представленные на сайте Российской государственной библиотеки (РГБ) сведения об авторе «Практических заметок о русском синтаксисе» и других работ как будто бы опровергают традиционную точку зрения, обозначенную в энциклопедических изданиях. Оказывается, что Дмитриевского звали не Алексей Афанасьевич, а *Александр Алексеевич*⁴. Об этом сказано и в электронном каталоге нового поколения (ABSOPAC Unicode)⁵. Кроме того, на сайте Российского государственного исторического архива содержится информация о том, что в 1884 году Александр Алексеевич Дмитриевский был инспектором Корочанской гимназии⁶.

В-третьих, среди исследователей нет единого мнения и относительно написания фамилии интересующего нас педагога. Так, одни языковеды используют вариант *Дмитревский* [2: 91 – 94; 4: 289 – 295, 372 – 375, 379 – 381; 5: 90, 361; 6: 483, 485, 495 – 496, 499 – 500; 29: 153, 156; 31: 475, 614, 695; 35: 260, 265], в то время как у других лингвистов находим вариант *Дмитриевский* [7: 67, 70; 25: 4; 26: 89, 386; 30: 179; 32: 7, 12, 93; 33: 85, 154; 37: 295; 38: 279 – 280, 299; 39: 115 – 116; 40: 158 – 161; 41: 82], причём сторонников второй точки зрения оказалось больше. Кроме того, в работе «Языкозна-

⁴ Ссылка: <http://old.rsl.ru/table.jsp?f=1016&t=3&v0=дмитревский+a.a.&f=1003&t=1&v1=&f=4&t=2&v2=&f=21&t=3&v3=&f=1016&t=3&v4=&f=1016&t=3&v5=&cc=a1&i=21&ce=4&useExternal=true>

⁵ Ссылка: <http://library.univer.kharkov.ua/OpacUnicode/index.php?url=/notices/index/IdNotice:784503/Source:default>

⁶ Ссылка: <http://www.fgurgia.ru/showObject.do?object=648941645>

ние. Большой энциклопедический словарь» (главный редактор В.Н. Ярцева) в аннотированном именованном указателе читаем: «Дмитревский Ал. Аф. (1856 – 1929; Россия, СССР)» [42: 667]. Однако в статье Н.Д. Арутюновой «Подлежащее» в том же энциклопедическом словаре автор использует вариант Дмитриевский [42: 379 – 380].

Итак, варианты Дмитревский / Дмитриевский встречаются не только в работах разных исследователей, но и в рамках одного энциклопедического издания. Истоки подобного расхождения, по видимому, необходимо искать в ложной аналогии. Дело в том, что носителем фамилии Дмитриевский является современник преподавателя из Корочи Алексей Афанасьевич Дмитриевский, выдающийся византист, историк Церкви, член-корреспондент Императорской Академии наук (отделение русского языка и словесности), профессор по кафедре церковной археологии и литургики в Киевской духовной академии, основоположник русской литургической школы. Полагаю, что его год рождения (1856) и смерти (1929), а также имя и отчество ошибочно приписали А.А. Дмитревскому. Биографы А.А. Дмитриевского ничего не пишут о его педагогической деятельности в Короче (см. [1; 27; 34]). Кроме того, в списке трудов профессора А.А. Дмитриевского не находим статей, посвящённых синтаксису русского языка [28: 95 – 109]. Следовательно, А.А. Дмитревский и А.А. Дмитриевский – это современники, имеющие совершенно разные научные интересы, при том, что первый, вероятно, старше второго.

В настоящей заметке мы используем вариант фамилии *Дмитревский*, поскольку именно он обозначен в тексте приведённого выше письма, а также в «Журнале министерства народного просвещения» и «Филологических записках» – прижизненных изданиях авто-

ра «Практических заметок о русском синтаксисе». Безусловно, необходимо привлечь дополнительные архивные материалы, чтобы получить более точные сведения об этом педагоге. Хочется надеяться, что обнаруженные расхождения, возможно, впоследствии станут для нас предметом специального изучения, в котором будут учтены новые факты, касающиеся биографии Александра Алексеевича Дмитриевского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишин С.Ю. Биография профессора А.А. Дмитриевского и характеристика его научной деятельности [Электронное издание] // Наследие русских литургистов: А.А. Дмитриевский. СПб.: Аксион эстин, 2008. С. 1 – 22.
2. Александров Н.М. Проблема второстепенных членов предложения в русском языке // Учёные записки ЛГПИ им. А.И. Герцена, Т.236. Л., 1963. С. 3 – 391.
3. Арутюнова Н.Д. Подлежащее // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Главный редактор В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 379 – 380.
4. Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса: (От Ломоносова до Потемби и Фортунатова). М.: Издательство Московского университета, 1958. 400 с.
5. Виноградов В.В. История русских лингвистических учений: Учебное пособие для филологических специальностей университетов. М.: Высшая школа, 1978. 367 с.
6. Гаспаров Б.М. Лингвистика национального самосознания (значение споров 1860 – 1870 гг. о природе русской грамматики в истории философской и филологической мысли) // Логос 1991 – 2005. Избранное: В 2 т. Т. 1. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 482 – 507.
7. Даниленко В.П. Мемуар о предикато- и субъектоцентризме во фразообразовании // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 2. С. 66 – 70.
8. Дмитриевский А.А. Букварь для совместного обучения русскому и церковнославянскому чтению и письму. М., 1881.
9. Дмитриевский А.А. Добро-азбука. Обучение грамоте по способу фонетическому (звуковому в точном смысле этого слова) с приложением подвижной азбуки и руководящего письма к народному учителю. М.: Типография Н.В. Любенкова, 1881. 72 с. XVIII с.
10. Дмитриевский А.А. Древние языки в наших гимназиях пред авторитетом митрополита Филарета // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). Ч. ССLXI. 1889 (январь). С. 1 – 19.
11. Дмитриевский А.А. Ещё несколько слов о второстепенности подлежащего // Филологические записки. Выпуск 6, 1878. С. 15 – 27.
12. Дмитриевский А.А. Желательная постановка экстемпоральных работ по древним языкам // Русская школа. 1893. № 9-10. С. 140 – 148.
13. Дмитриевский А.А. Методические заметки по чтению, письму и счету (из курса начальной школы). Нежин, 1903. 59 с.
14. Дмитриевский А.А. О мерах к поднятию уровня сочинений абитуриентов // Русская школа. 1893. № 9 – 10.
15. Дмитриевский А.А. Опыт синтаксиса русского языка (со статьёй о периодах с новой точки зрения). Воронеж: Типография губернского правления, 1881.
16. Дмитриевский А.А. Опыт учебника русского синтаксиса для младшего возраста // Филологические записки. 1880. Вып. 1. (Прил. С. I – III, 1 – 26); Вып. 2. (Прил. С. 27 – 62).

17. Дмитриевский А.А. Подвижный гражданский и церковный алфавит с объяснением обучения чтению по способу фонетическому (звуковому в точном смысле этого слова). М., 1881.
18. Дмитриевский А.А. Практические заметки о русском синтаксисе: I. Определение предложения // Филологические записки. Выпуск 3, 1877. С. 1 – 15.
19. Дмитриевский А.А. Практические заметки о русском синтаксисе: II. Два ли главных члена в предложении? // Филологические записки. Выпуск 4, 1877. С. 15 – 37.
20. Дмитриевский А.А. Практические заметки о русском синтаксисе: III. Сказуемое и его определение; IV. Придаточные члены предложения // Филологические записки. Выпуск 1, 1878. С. 37 – 61.
21. Дмитриевский А.А. Практические заметки о русском синтаксисе: V. Дополнение // Филологические записки. Выпуск 2, 1878. С. 61 – 76.
22. Дмитриевский А.А. Практические заметки о русском синтаксисе: VI. Обстоятельство; VII. Определение; VIII. Заключение // Филологические записки. Выпуск 4, 1878. С. 75 – 89.
23. Дмитриевский А.А. Практические заметки о русском синтаксисе: Монография. Воронеж: Воронежская типография губернского правления, 1878. 91 с.
24. Дмитриевский А.А. Практические заметки о русском синтаксисе: Монография. 2-е изд. М.: Типография Н.В. Любенкова, 1882. 91 с.
25. Жданова В.В. Простые предложения с именной причинной группой, выражающие причинно-следственные отношения в мире неживой природы: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 186 с.
26. Комлева Е.В. Функционально-семантическая категория апеллятивности как фактор текстообразования (на материале современного немецкого языка): Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2014. 441 с.
27. Летницкий Н.И. Новый член-корреспондент Императорской Академии Наук, ординарный профессор Киевской духовной академии Алексей Афанасьевич Дмитриевский. Астрахань, 1904. 10 с.
28. Махно Л. Список трудов проф. Алексея Афанасьевича Дмитриевского в порядке их публикации // Богословские труды. Сборник IV. М.: Издание Московской патриархии, 1968. С. 95 – 108.
29. Новоженова З.Л. Проблемы типологии предложения в классический период развития русской синтаксической мысли // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2013. №9(36). Том 1. С. 150 – 156.
30. Попова З.Д. Размышления над забытыми страницами (к вопросу о лингвистической методологии) // Труды по русской и славянской филологии. XXII. Серия лингвистическая. Из истории русского языкознания. Тарту: Издательство Тартуского государственного университета, 1973. С. 177 – 182.
31. Русский язык. Энциклопедия / Главный редактор Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 703 с.
32. Самойлова И.Ю. Динамическая картина мира И. Бродского: лингвистический аспект. Монография. Гродно: ГрГУ, 2007. 191 с.
33. Смирнова О.И. Сочетания «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с» в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2014. 166 с.
34. Сове Б.И. Русский Гоар и его школа // Богословские труды. Сборник IV. М.: Издание Московской патриархии, 1968. С. 39 – 84.
35. Телкова В.А. Синтаксический разбор в трудах методистов буслаевской школы // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки», 2012. №5. С. 258 – 266.
36. Франчук В.Ю. К столетию «Из записок по русской грамматике» А.А. Потебни (1874–1974) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1974. Т. 33, №6 (ноябрь – декабрь). С. 527 – 535.
37. Холодович А.А. К вопросу о доминанте предложения // Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979. С. 293 – 298.

38. Храковский В.С. Вербоцентрический подход к конструкциям и/или грамматика конструкций // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сборник статей в честь 80-летия И.А. Мельчука. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 288 – 300.

39. Храковский В.С. Истоки вербоцентрической концепции предложения в русском языкознании // Вопросы языкознания. 1983. №3. С. 110 –117.

40. Храковский В.С. Концепция членов предложения в русском языкознании XIX века // Грамматические концепции в языкознании XIX века. Л.: Наука, 1985. С. 124 – 180.

41. Цыпин О.А. Типология предикатов (опыт синтаксической теории – на материале русского языка) // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки», 2002. №2. С. 75 – 83.

42. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Главный редактор В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

КРАСИНА Елена Александровна (*Москва, Россия*)

Российский университет дружбы народов
kaf_yazik_rudn@mail.ru

РУССКОЕ ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ОПЫТ ЕГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ЦЕЛЬНО-СИСТЕМНОЙ ТИПОЛОГИИ

Аннотация. Статья предлагает анализ одной из типологических языковых классификаций, которая опирается на триединство языковых функций в акте коммуникации – репрезентативной, экспрессивной и апеллятивной, по К. Бюлеру. Категория лингвистического стереотипа исходит из этих функций и является основанием для трехчленной классификации. Русский язык представляет собой семиотический тип «языка от действительности».

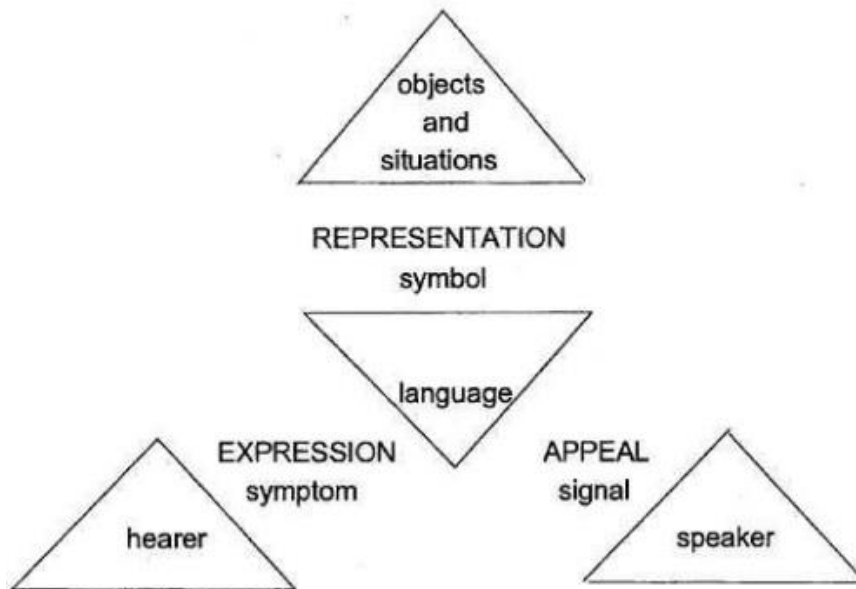
В синтаксической теории предложение и высказывание взаимодействуют как виртуальная и актуальная языковые единицы. При таком самом широком понимании их сосуществования нетрудно представить, что предложение оформлено как единица структуры языка, демонстрирующая свою типологическую специфику, поэтому его семантика в первую очередь является семантикой грамматической, хотя и не исключаящей учета номинативной основы и коммуникативного фокуса, зависящих от морфологических характеристик языка, если таковые имеются. Именно этот параметр и словоцентризм (вербоцентризм для флективных индоевропейских языков) как ведущая тенденция были положены в основу многих типологических классификаций, начиная с XIX века.

Предлагая создать цельно-системную типологию языков, проф. Г.П. Мельников вводит понятие внутренней детерминанты [5: 128], тесно связанной с морфологическими классами слов, тем более что она «оказывается более емкой характеристикой *внутренней формы* языкового типа, определяемой через понятие *коммуникативного ракурса* строя языка» [там же]. Здесь, полагаем, и происходит осмысление высказывания как носителя некоторого «конечного смысла», или просто выявления содержания высказывания. Таким образом, функция репрезентации смысла становится самоцелью высказывания, а каждый из известных типов языка отличает особая внутренняя форма языкового строя и особый коммуникативный ракурс. Используя такой механизм языка, автор концепции включает русский язык в событийный тип, подобно всем прочим флективным языкам.

Более явно такая структурно-семантическая схема описания типа языка объективируется при функциональном подходе, когда выделяются три основные семантические функции языка: экспрессивная, репрезентативная, апеллятивная, создающие три семантические сферы в акте коммуникации – сферы говорящего субъекта **я**, слушателя-адресата **ты** и сферы предметов и ситуаций, по К. Бюлеру [2: 34]. Сфера предметов и ситуаций необходима для реализации основной репрезентативной функции языка как функции отражения содержания высказывания, как референциальной функции, создающей и передающей смыслы через отношения к денотатам и референтам действительности или психической деятельности человека.

В упрощенном виде схема К. Бюлера предстает в работе современного датского лингвиста П. Дурста-Андерсена [7: 132], который выдвигает идею целостной типологии языков на основе трех

лингвистических стереотипов: язык говорящего, язык слушающего и язык действительности, постулируя примат синтаксических категорий и их вербализации:

Bühler's Organon Model.

На этой схеме в центре в виде перевернутого треугольника предстает **язык** (language) как одна из знаковых систем, которая окружена триединствами функций – репрезентация, экспрессия и апелляция, опирающихся, соответственно, на три типа знаков – символы, сигналы и симптомы, и триединством необходимых компонентов акта коммуникации – действительность вообще, говорящий и слушающий.

Основой семантики каждого из стереотипов языка являются событие, действие, действие как событие, процесс, процесс как событие. Важным моментом описания языковых стереотипов, по П. Дурст Андерсену, является и временной фактор – непосредственное отражение и восприятие, ретроспективное (обращение к прошлому) и проспективное (обращение к будущему) отражение и восприятие.

Такие семантические параметры описания в сочетании со структурными и функциональными характеристиками языкового стереотипа позволяют автору утверждать, что русский язык относится к языку действительности, т.е., как минимум, номинативное семантическое содержание русского языка символично в отношении к предметам и ситуациям, в отношении к событию, которое либо раскрывается как ситуация, либо трактуется в духе естественных наук как, например, точка пространственно-временного континуума в общей и частной теории относительности, в том числе, по Ю.М. Лотману, событие – это и то, что «произошло, хотя могло и не произойти» [4: 14].

В качестве примеров рассматриваются глагольные двусоставные предложения, поскольку глагольные предикаты наиболее явно передают семантику процессуальности, времени и аспекта, способа глагольного действия, тем самым «привязывая» содержание высказывания к событию. Категория времени и видо-временная глагольная форма её вербализации в русском языке сконцентрированы на выражении оригинала действительности, хотя и представляют копию последней, например: *Вчера я ходил в кино.*

Я увидел молодого актера в главной роли и т.д. На самом деле, все эти значения, как и значение объективной модальности, формируют грамматическое значение предикативности. Уточним, вслед за проф. О.А. Крыловой, что значение предикативности, подкрепленное грамматическими значениями объективной модальности и синтаксического времени, как правило, в высказывании дополняется предикативностью актуальной в результате тематического членения высказывания [4].

Существенным дополнением предлагаемой целостной классификации (holistic classification) с необходимостью оказывается

учет именных категорий, присущих субъекту, объекту и адресату. Различая семантический субъект хотя бы как агенс и пациенс, Пер Дурст-Андерсен приходит к заключению, что категория одушевленности / неодушевленности именного компонента синтаксической структуры оказывается ведущей. С учетом активных и пассивных конструкций значимость этой категории становится важной и для семантического объекта, например: *Я увидел **двух мышей***. – *Я увидел **две мыши*** (компьютерные). Очевидно, что субъектно-объектные конструкции вовлекают в сферу референциальных семантических категорий падеж и число.

Анализ можно было бы и продолжить, если проанализировать морфологическое обеспечение связи координации, которая на уровне предложения оформляет предикативность. В случае *Кефир скисл. Простокваша скисла. Молоко скисло. Сливки скисли* (примеры В.А. Белошапковой [1]) координация и согласование представлены аналогичными формами, но соотношение именных и глагольных категориальных значений в пределах комплекса значений предикативности остается специфическим. Самое элементарное высказывание *Мальчик читает книгу* говорит нам о том, что субъект реализует значения одушевленности, грамматического мужского рода, единственного числа (единичности), именительного падежа, но только одушевленность и падеж характеризуют семантический субъект-агенс и участвуют в корреляции с глагольными значениями числа и лица (индикатив оставляем за скобками), т.е. семантически одушевленность и падеж координированы с предикатом.

Что же касается действительности-реальности, событийности и участников коммуникации – говорящего и слушающего-адресата, то оба они принадлежат одной и той же симультантной ситуации общения, но при этом каждый из них по-своему осваивает и присва-

ивает событие как фрагмент реальности-действительности, как набор предметов и значимых компонентов ситуации. Поэтому возможно предположить, что говорящий, вербализуя высказывание, адресует его слушающему, но не напрямую, а через событие, в свою очередь слушающий через адресованное ему высказывание, содержащее и интенцию говорящего, как бы восстанавливает то самое событие, о котором идет речь, также апеллируя к некоторому набору предметов и ситуаций. При этом слушающий в целях понимания восстанавливает событие дважды: сначала это событие от действительности самого слушающего, а потом – от действительности говорящего.

Таким образом, участники коммуникации в «языках от действительности» и в русском языке, в частности, не исключаются из сферы общения, а отталкиваясь от функции экспрессии либо апелляции корректируют символическое представление действительности в высказывании.

Известно, что существует множество языковых классификаций, которые опираются на различные критерии, но, коль скоро описывается семиотическая классификация, хотелось бы, завершая краткий обзор критериев выделения лингвистических синтаксических языковых стереотипов, напомнить о классификации Ю.С. Степанова, который предлагал различать три синхронные модели языка: 1) язык с семантикой только; 2) язык с семантикой и синтактикой; 3) язык с семантикой, синтактикой и прагматикой-дектикой [6: 281 – 308]. Полагаем, что в предложенной российским ученым макротипологии русский язык в полной мере предстает как язык с семантикой, синтактикой и прагматикой-дектикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая школа, 1977. 248 с.

2. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка: Пер. с нем. Общ. ред. и коммент. Т.В. Булыгиной, вступит. ст. Т.В. Булыгиной и А.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1993. 528 с.

3. Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 176 с.

4. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство СПб, 1998. 285 с.

5. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / Отв. ред. Л.Г. Зубкова. М.: Наука, 2003. 395.

6. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. 336 с.

7. Durst-Andersen, P. Towards a Theory of Linguistic Stereotypes: Speaker-based, Hearer-based, and Reality-based Languages // Proceedings of LP'96: Typology: Prototypes, Item Orderings and Universals. Ed. By B. Palek. Prague, Charles Univ. Press (Karolinum), 1996. P.125 – 152.

ЛЕДЕНЁВА Валентина Васильевна (*Москва, Россия*)

Московский государственный областной университет

farul-rf@mgou.ru

ВАРВАРИЗМЫ В ПИСЬМАХ Н.С. ЛЕСКОВА

Аннотация. Статья посвящается представлению варваризмов как единиц эпистолярия Н.С. Лескова 90-х гг. XIX в., рассматриваются их функции в связи с особенностями языковой личности автора, прагматикой текстов писем, характером семантико-стилистических трансформаций в контексте.

Отсутствие варваризмов в эпистолярном тексте можно объяснить рядом причин: характером воспитания и образования автора как языковой личности, прагматическими установками по отношению к использованию иноязычных слов, темой письма, знанием и учётом адресантом особенностей языковой личности адресата, эстетическим чувством, тенденциями культуры и даже моды на использование заимствованной лексики. При некоторых различиях в определениях варваризма мы придерживаемся традиционной точки зрения: «Варваризмом именуется внедрение в связную речь слов чужого языка. Наиболее простым случаем является внедрение иностранного слова в неизменной форме» [10; ср. 9].

Варваризмы в письмах Н.С. Лескова 90-х гг. встречаются нечасто. И это обусловлено несколькими причинами. Писатель любил

и ценил русское слово, ощущал его силу, имел вкус к народно-разговорным элементам как средству создания речевого портрета персонажа и воплощения идеи произведения. М. Горький справедливо считал, что этот «Колумб слова» не кто иной, как «замечательнейший знаток речевого языка», которому он «учился у няньки, солдатки» [2]. Этим двух писателей известный литературовед, лексиколог Н.И. Либан сближал как людей, не получивших качественного образования, причём прямо, без смягчения красок, написал об особенностях формирования языковой личности каждого: «Детство другое (у Горького была только бабушка-поэт), отрочества нет, университета тоже нет. Молодая личность черпает знания и воззрения вне университета. Горький такой же невежда, как и Лесков, хотя Лесков более образован» [8: 355-356]. Нельзя забывать, однако, важные вехи в биографии Н.С. Лескова: жизнь в Киеве у брата его матери С.П. Алферьева, профессора Киевского университета, доктора медицины, работу у другого родственника, англичанина-радикала А.Я. Шкотта, что дало свои рефлексии в творчестве, проявившись в особом отношении к английской литературе и культуре [3]. Эти контакты, образованная среда оказали влияние на языковую личность писателя, как известно.

К иноязычной лексике у Н.С. Лескова было сдержанное отношение: писатель осуждал необдуманное использование заимствований – малопонятных современному читателю слов – в языке печати. Он резко, например, отреагировал на употребление в «Новом времени» слова *экстрадиция* в статье-реплике «Новое русское слово»: *Новые слова иностранного происхождения вводятся в русскую печать беспрестанно и часто совсем без надобности, и – что всего обиднее – куются в тех самых органах, где всего горячее стоят за русскую национальность и её особенности* [7, XI:

213]. Глагольной лексемой *ковать(ся)* (ср. синонимичные *создавать(ся)* – *ковать(ся)* – *печь(ся)* с общей семантикой ‘созидания’), в лексическом значении которой автором возбуждаются и наращиваются семы ‘быстрота, неподготовленность’, как следствие – ‘некачественности’, по-лесковски полемично, с коннотацией открытого неодобрения характеризуется «скорохватность» внедрения через печать иноязычных единиц. Это поддержано контекстуальным партнёром *беспременно*. Н.С. Лесков говорит об отсутствии принципиальной позиции (см. подчёркнутое автором противоречие реальной политики печатного органа провозглашаемой им же установке: *где... стоят за русскую национальность*), языкового вкуса (см. *без надобности*) по отношению к заимствованиям.

В текстах писем Н.С. Лескова мы отметили только такие варваризмы, использование которых было характерной приметой эпистолярия в XIX в. Это широко известные устойчивые обороты из латыни и французского языка, служившие традиционным средством лаконичной передачи мысли в письменной коммуникации, для понимания которых не требуется глубоких лингвистических знаний: *à propos* (фр. «кстати, вовремя, между прочим»), *qui pro quo* (лат. «буквально «одно вместо другого»; путаница, недоразумение»), *politesse* (фр. «вежливость, любезность, учтивость») и антонимичный оборот *qui manque de politesse* (фр. «невежливо (*манкируя политес)»). Например: *Я указал, что уже и пользовался этим в рассказе «Дурачок», который я озаглавил «Прохвост», но цензура не снесла этого названия (рассказ вышел в детском издании) — «Продукт природы» есть **à propos**, которые я очень люблю писать и которых можно бы много давать и всегда кстати, да негде было этого делать во всю мою жизнь.* (М.О. Меньшикову) [7, XI: 556].

Выделение таких оборотов кавычками, т.е. элиминирование в тексте письма, служило адресату сигналом появления коннотации – от шутки до иронии и негодования, в зависимости от темы и обсуждаемой проблемы, но всегда было, по нашим наблюдениям, знаком интимизации изложения (термин Ю.А. Бельчикова), т.е. демонстрации в речевом поведении доверия, известной открытости адресату как прагматической установки. Например: *Ну, характерец! Кстату: не помните ли, у французов есть какая-то очень хорошая пословица, что если употреблять очень много «politesse», то может выйти... «qui manque de politesse». Не рассердитесь опять!* (Л.И. Веселитской) [7, XI: 547].

Зафиксировано нами и употребление варваризма как специального наименования. Он функционирует как медицинский термин, который не должен иметь ассоциаций, присущих русскому слову. Таково название заболевания, которым страдал в последние годы жизни Н.С. Лесков, – *грудная жаба* (стенокардия): *Здоровье мое коварно. Называют мою **Angina pectoris**, а на самом деле это то, что «кол в груди становится», и тогда ни двинуться и ни шевельнуться.* (Л.Н. Толстому) [7, XI: 494].

Заимствованные единицы служили для писателя «строительным материалом» для создания оригинальных гибридных образований по принципу народной этимологии, когда в результате словотворческой деятельности, чуткой работы с «подслушанным» у народа словом появлялись экспрессивные единицы, которые могли быть причислены к обладающим стилистическим статусом разговорно-просторечных, сниженных, как правило, негативнооценочных. При этом изменялся фонетический облик, морфологические признаки или происходило переосмысление значения иноязычного слова на основе ассоциаций со словами русского языка. Некоторые, считаем,

входят в круг идиолектем – узнаваемых примет идиостиля: *тугамент* (ср. лат. Documentum), *клеветон* (ср. фр. feuilleton, от feuille — «лист», «листок») и др.

Такие, по-лесковски переосмысленные, развившие коннотации и ставшие экспрессивно-оценочными единицы есть и среди слов, введённых в эпистолярные тексты писателя как варваризмы. Французское нейтральное наименование женщины, дамы (адресантом востребована форма множественного числа) *mesdames*, элиминированное кавычками, – сигнал иронической коннотации, трансформации семантики: оно перестает быть средством выражения пиетета, отражает негодование действиями общественниц, чья забота о чужих детях кажется Н.С. Лескову назойливой, подменяющей истинную христианскую гуманность: *Теперь, впрочем, все «mesdames» успокоены, что «по крайней мере деток очистят, а то они в чесотке».* Не могу про это говорить более и удивляюсь нечеловеческому самообладанию дам и поэтов. (Л.Н. Толстому) [7, XI: 370]. У писателя есть написанное в 90-е годы произведение «Дама и фефёла», в котором входящие в заглавие слова выступают как поляризованные оценочные характеристики типов женщин: образованной, но вычурной, эгоистичной, не мудро относящейся к жизни – *дамы*; неграмотной, простой, но искренней, готовой к помощи ближнему, живущей в любви к Богу и людям – *фефёлы* (героиня по имени Праша) [5]. Использование варваризма *mesdames* как средства трансляции имплицитной негативной оценки и иронии в эпистолярном тексте не должно было встретить непонимания у адресата-современника [1].

Ёмким, стилистически выпуклым, расширившим арсенал экспрессивных негативнооценочных единиц в идиолекте автора является слово *неглиже*, освоенное русским языком («1. ср. нескл.

устар. Легкое, простое домашнее платье. 2. прил. неизм. устар. Одетый в легкое, простое домашнее платье. 3. нареч. устар. Не обращающая ни на что внимания; небрежно, невнимательно») [4]. Введением его как варваризма *neglige* Н.С. Лесков подчеркнул ключевую роль в контексте, особое наполнение, негативное семантико-стилистическое содержание, которое проявляет синтагматика (разговорная единица предикатной лексики *разнузданный* – ‘дошедший до крайней распущенности, беззастенчивый’): *Фельетон о балах очень хорош, то есть — любопытен, обстоятелен и толковито написан, по обдуманному и ранее сочиненному в голове плану. В это ужаснейшее время разнузданного литературного **neglige** и это уже заставляет радоваться или по крайней мере не создает повода к мучению для литературного вкуса, и за это Вам спасибо.* (С.Н. Шубинскому) [7, XI: 513]. В этой оценке проявился сложившийся вкус, принципиальность зрелого мастера слова, критиковавшего низкопробные произведения, небрежность в литературном труде, выпуск в свет некачественно подготовленных публикаций (*литературного **neglige***), ведь сам Н.С. Лесков стремился к тому, чтобы о его произведениях, их языке могло быть сказано: «Тут поработано!» – как он писал А.С. Суворину.

Итак, в текстах писем Н.С. Лескова варваризмы используются нечасто, но могут стать актуализированными носителями важного для адресанта содержания, средством выражения субъективной позиции, трансляции оценки, создания шутки, иронии, приёма «интимизации изложения» [6]. Но, как показали наблюдения, круг варваризмов ограничен широко известными единицами, которые не требовали перевода. Функции их в лесковском эпистолярии коммуникативная, метатекстуальная.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасименко Н.А. Соотношение объективного и субъективного компонентов смысла в бисубстантивных предложениях // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2012. № 4. С.177-181. URL: <http://evestnik-mgou.ru/Articles/View/245> doi:10.18384/2224-0209-2012-4-245
2. Горький М. Беседа с молодыми. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/editors/g/gorxkij_m/text_1934_beseda.shtml
3. Дыханова Б.С. В зазеркалье волшебника слова: поэтика «отражений» Н.С. Лескова. Воронеж: ВГПУ, 2013.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. [Электронный ресурс]. URL: [<http://www.efremova.info/>]
5. Леденёва В.В. Предикатная лексема фефёла: слово и образ // Русский язык и литература: история и современность [вып. II]. Сб. науч. статей по материалам докладов и сообщений конференции, посв. 75-летию юбилею профессора Л.Ф. Копосова. М.: МГОУ, 2015. С. 309-316.
6. Леденёва В.В. Слово Лескова: Монография. М.: МГОУ, 2015. С.197-203.
7. Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11-ти томах. Т. 11. М.: ГИХЛ, 1958.
8. Либан Н.И. Творчество Н.С. Лескова 60-80-х годов XIX века // Избранное: Слово о русской литературе: очерки, воспоминания, этюды. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 355-426.
9. Маринова Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2012.
10. Томашевский В.Б. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие. М.: Аспект-Пресс, 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.clubochek.ru/lib.php?dog=1156&rat=1>

ЛЕКАНТ Павел Александрович (Москва, Россия)

Московский государственный областной университет

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФОРМА ИНФИНИТИВНОГО ПРЕДИКАТА С УЧАСТИЕМ ГЛАГОЛА *ИМЕТЬ*

Я имею честь поздравить Владимира Ивановича Фурашова, доктора филологических наук, профессора, с юбилеем! В лице Владимира Ивановича *мы имеем* известного учёного-филолога, изысканного интеллигента, патриота, очень доброго человека.

В.И. Фурашов, достойный представитель филологической школы академика В.В. Виноградова, рассматривает русское предложение как многоаспектную грамматическую единицу. «Не вызывает сомнения тот факт, что в предложении есть собственно грам-

матический аспект с особыми единицами членения, членами предложения, <...> выделяемыми с учётом как формальных (структурных), так и семантических признаков» [5: 20].

Упомянутый в названии статьи глагол *иметь* занимает в лексической, фразеологической и в грамматической системе русского языка заметное место, как «древний» (общеславянский), многозначный и многофункциональный. На основе его главного, первичного значения «обладать» сложились особые употребления: от фразеологического *иметь место* «быть» и описательных глагольно-именных оборотов *иметь применение*, *иметь влияние*, *иметь отношение* и пр. [СО 1984: 213; см. также: 6: 96 - 97] до формального спрягаемого компонента глагольно-инфинитивного аналитического сказуемого, который можно отнести к «гибридному типу слов, совмещающих функции глагола и связки» [1: 675]: *Члены среды имели возможность влиять на самые разнообразные стороны жизни* (Н. Телешов); *Майор Ковалёв имел обыкновение каждый день прохаживаться по Невскому проспекту* (Н. Гоголь). Применительно к разным функциям *иметь* следует учесть мнение Л.В. Щербы: «глагольность может быть более или менее ярко выражена» [7: 79]. Полнота и определённости лексического значения *иметь* означает его употребление в качестве сказуемого простого или основного компонента сказуемого составного: *Если цель брака есть семья, то тот, кто захочет иметь много жён и мужей, получит много удовольствия, но ни в коем случае не будет иметь семьи* (Л. Толстой); *А как это ужасно не иметь никакого мнения!* (А. Чехов).

Фразеологизм *иметь честь* – форма речевого этикета («удостоиться»); его употребление не связано с семантикой основного компонента аналитического сказуемого, а формы представляют предикативные категории модальности, времени, лица; напр.: *Я бу-*

ду иметь честь прислать к вам нониче моего секунданта (М. Лермонтов); [Трилецкий] **За генеральшей... за генеральшей три рубля... Итого с прежними – десять. Эге! Когда я буду иметь честь получить с вас эту сумму?** (А. Чехов).

В глагольно-именном обороте *иметь* семантически опустошён, выполняет формальную функцию; напр.: [Треплев] **Ей уже досадно, что вот на этой маленькой сцене будет иметь успех Заречная, а не она** (А. Чехов).

Отметим, что *иметь* с инфинитивом полного глагола как форма сказуемого является грамматическим архаизмом (об исторической перспективе употребления *иметь* в разных значениях и в различных конструкциях см.: [6: 97]). Например: **На крыльце кто-то его остановил за руку, промолвив: «Я имею с вами поговорить»** (М. Лермонтов).

Предмет нашего описания – инфинитивный предикат в аналитической форме с участием *иметь* имеет длительную историю и активное употребление. Ср.: **Жизнь его могла быть очень приятна; но он имел несчастье писать и печатать стихи** (А. Пушкин); **Вы имеете несчастье быть женщиной, стало быть, по себе самой знаете женскую натуру** (А. Чехов). Было возможно даже употребление такого рода формы в полупредикативной функции (деепричастный оборот); напр.: **Но Ленский, не имел конечно Охоты узы брака несть, С Онегиным желал сердечно Знакомство покороче свесть** (А. Пушкин).

Аналитический инфинитивный предикат с участием *иметь*, безусловно, относится к арсеналу книжного (не разговорного!) стиля, так что его «регистрация» и описание отвечают заданию В.В. Виноградова: «Особенно важно выяснение синтаксических своеобразий форм разговорной и книжно-письменной речи» [2: 270].

Однако «книжность» характеризует *форму* предиката, но не ограничивает предельно его лексический состав, даже в служебном компоненте *иметь что*. Это будет показано ниже.

Грамматизованное значение служебного компонента очень разнообразно и может быть отнесено к разным категориальным типам: модальному, оценочному, мотивационному и др.

По мнению Г.А. Золотовой, «модальные значения долженствования, необходимости, возможности выявляются в отношениях между действием и его субъектом» [3: 143]. Эти модальные значения, по определению («внутрисинтаксические»), оформляются в составном глагольном сказуемом, т.е. в аналитическом инфинитивном предикате, спрягаемыми формами модального глагола *мочь*, аналитическими формами модальных предикативов *можно, должно, надо, нельзя, необходимо* и др. со связкой *быть*. К перечню основных модальных значений, конечно, следует добавить желательность, а также привычность, недопустимость, неуместность, целесообразность и нек. др. [4: 72 – 73].

Особую аналитическую форму выражения этих модальных (и около- модальных) значений представляет аналитическое сочетание спрягаемых форм опустошённого глагола *иметь* с девербативами и прочими отвлечёнными существительными: *возможность, желание, цель, основание, намерение* и др. [4: 78 – 79]. Например: *Только Чехов и Короленко **имели мужество поступить так и сложить с себя почётное звание в виде протеста*** (Н. Телешов); *Мама **имеет привычку играть по вечерам на фортепьяно*** (С. Ковалевская); *Офицеры **имели основания приглядываться к своему генералу*** (Л. Леонов); *Я так **рассуждать привычки не имею*** (К. Симонов). В составе аналитической формы глагол *иметь* совершенно «безразличен» к сочетаемости с субстантивным компо-

нентом, который, напротив, **открыт** для любого рода определений, напр.: *иметь* (странную, необычную, удивительную, скверную, смешную и т.п.) *привычку*, т.е. для оценки.

Сама же аналитическая форма с *иметь* может быть употреблена для выражения не модального, а *оценочного* значения (оценочно-эмоционального, оценочно-этического и пр.). Мы полагаем, что это её **главное** назначение; см.: *Лично я дважды **имел радость быть**, по поручению, в кабинете Льва Николаевича в хамовническом доме* (Н. Телешов); [Треплев] *Я **имел подлость убить** сегодня эту чайку. Кладу у ваших ног* (А. Чехов); *В Казани я **имел неосторожность пойти** в трактир* (Грин). Круг оценочных значений и соответствующих имён существительных чрезвычайно широк, и трудно представить какие-либо ограничения. Иллюстрируем их примерами из текстов Национального корпуса русского языка. *В том же коридоре, где я сидел, но на противоположном конце, содержалась студентка, бывшая тоже членом одного из многочисленных кружков, Вера Обухова. Ее молодость, красота и бесконечно веселое настроение не давали, видимо, покоя одному из помощников смотрителя, и он **имел подлость сделать** ей гнусное предложение. Вера Обухова отвесила ему основательную оплеуху.* [О.С. Минор. Это было давно... (1933)]; «И ты **имел наглость просить** у меня какие-то рубли и трёшницы?» [Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970)]; Быстренько пересекаю прихожую. — Что такое? — спрашивает Сфинкс у меня за спиной. Кто-то все-таки **имел наглость протиснуться**. Совсем совесть потеряли. [Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)]; Они привыкли к этому столу, и Данзас **имел наглость заявлять**, что за ним удобнее, чем за конторкой. [Ю.Н. Тынянов. Пушкин (1935-1943)]; Вот с этих пор он и держит себя особняком и не без дерзости доказывает, что если б

вот тут на вершок убавить, а там на вершок прибавить (именно как он в то время **имел наглость** почтительнейше **полагать**), то все было бы хорошо и ничего бы этого не было. [М.Е. Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи (1872-1876)]; Когда Сенковский, по истощении сил Шенина, достиг своей цели — прибрать в свои руки главную редакцию Лексикона, он **имел наглость** **написать** ко мне письмо на французском языке с предложением взять вновь на себя редакцию, которую ему предлагают, и уверял, что никогда ее не домогался. [Н.И. Греч. Записки о моей жизни (1849-1856)]; Сначала я думал про Петра Столыпина, когда **имел наивность** **предлагать** ему выступление с проектом освобождения земли от собственности, что он только ограничен и запутан своим положением, думал и про Николая Романова... [Л.Н. Толстой. Не могу молчать (1-я редакция) (1908)]; А вина моя заключалась в том, что я **имел наивность** **поверить** уверениям в благорасположении ко мне Ванновского. [В.П. Мещерский. Мои воспоминания (1897)]; Солнцев описал поселок «Спартак» и Нешумова в повести «Конструктор», которую **имел наивность** **послать** директору завода «Спартак». [Евгений Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов» (1997)]; Какой-то чешский эскадрон **имел неосторожность** **расположиться** неподалеку от наших батарей, и пока чех-поручик на расстеленной салфетке пил кофе, наши доблестные огневики сняли с его коня новенькое седло, изготовленное на советском Кавказе. [Виктор Астафьев. Веселый солдат (1987-1997) // «Новый Мир», 1998]; Когда я **имел радость** **беседовать** с Микеланджело Антониони, он, с подачи одного из своих ассистентов, спросил: «А вы помните, где была напечатана первая статья обо мне в Советском Союзе? [Армен Медведев. Территория кино (1999-2001)]; Больше других я узнал Б.М. Эйхенбаума, так как **имел радость** **встречаться** с ним и в студенческом воз-

расте, и потом, когда уже был молодым актером. [Михаил Козаков. Актерская книга (1978-1995)]; Я имел огорчение познакомить читателя с ними в свободном состоянии; теперь приходится познакомиться с ними же в тюрьме. [М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856-1857)].

Таким образом, аналитические формы инфинитивного предиката с участием *иметь* представляют весьма сложное устройство. Они разделяются на два разряда – *модальные* и *оценочные*.

Модальные субстантивные компоненты имеют грамматизованное значение, соответствующее с видом модальности: *возможность, желание, намерение, предназначение, обыкновение* и пр.

Оценочные субстантивные компоненты не только лексически однозначны, но сохраняют и реализуют стилистическую отмеченность и даже коннотативные смыслы (ср., напр.: *иметь дерзость, иметь удовольствие*); напр.: *Войны были, и мы тоже войны имели несчастье видеть...* (С. Сергеев-Ценский).

Важно заметить, что рассматриваемые аналитические формы реализуются **только** в двусоставном предложении, что подлежащее представлено **только** именем лица или личным местоимением, а модальное отношение или оценка устанавливается лицом говорящим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.-Л., 1947. 784 с.
2. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения / Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 254 – 295.
3. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. 350 с.
4. Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М., 1976. 140 с.
5. Фурашов В.И. Синтаксис современного русского языка. Избранные работы. Владимир, 2010. 366 с.
6. Шаталова О.В. Лексико-семантические группы глаголов в этимологическом гнезде с вершиной *иметь* // Русский язык: история, диалекты, современность. Выпуск XI. Сборник научных работ. М., 2011. С. 95 – 99.

7. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке / Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 63 – 85.

МАЛАХОВ Александр Сергеевич, БОГРОВА Ксения Михайловна
(Владимир, Россия)

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
vladlingvist@yandex.ru

**ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ
СЛОВАРЯ ЯЗЫКА ПИСАТЕЛЯ**
(на материале произведений В.А. Солоухина)

В последнее время возрос интерес к изучению языка писателей. Об этом свидетельствуют изданные словари языка многих русских писателей: «Словарь языка Пушкина» под редакцией В.В. Виноградова (М., 1956-1961), «Словарь комедии „Горе от ума“ А.С. Грибоедова» В.Ф. Чистякова (Смоленск, 1939), «Словарь неологизмов В.В. Маяковского» под редакцией Н.М. Шанского (Тбилиси, 1991), «Словарь языка Василия Шукшина» В.С. Елистратова (М., 2001), «Словарь языка Михаила Шолохова» под редакцией Е.И. Дибровой (М., 2005) и др. Однако до сих пор являются малоизученными и не находят отражения в словарях языковые особенности писателей Владимирского края. Так, например, существуют отдельные попытки анализа лексики произведений В.А. Солоухина, но нет системного подхода к описанию языка произведений этого писателя. В связи с этим возникает необходимость изучения языковых особенностей произведений В.А. Солоухина.

Настоящая статья намечает перспективы исследования одного из аспектов языка В.А. Солоухина, а именно изобразительно-выразительных средств, используемых автором в своих произведениях: эпитетов, метафор, метонимии, сравнения, синонимов и др.

В произведениях В.А. Солоухина употребляется много слов с переносным – метафорическим или метонимическим – значением. Метафорическая связь значений, по мнению Л.А. Новикова, возникает на ассоциативных связях по сходству [3]: *И рядом с ним еще лежали там розовая **глыба** домашнего окорока, несколько белых сдобных пышек, вареные вкрутую яйца, литровая банка с густой сметаной и большой кусок запеченной в тесте баранины* («Каравай заварного хлеба»). В приведенном примере можно зафиксировать переносное употребление слова *глыба*. В основе переноса лежит сходство предметов по размеру: *большой обломок* → *большой кусок*.

Метонимическая связь возникает в результате переноса «имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности» [1: 236]. Так, в предложении *По правде говоря, **заводу** было не до этого* («Мошенники») переносное значение слова *завод* возникает на основе смежности по принципу «вместимое – вместилище».

К числу изобразительно-выразительных средств относится и сравнение, под которым следует понимать фигуру речи, состоящую в уподоблении одного предмета другому, у которого предполагается наличие признака, общего с первым [2: 450], или стилистический прием, основанный на образной трансформации грамматически оформленного сопоставления [4: 534]. В произведениях В.А. Солоухина встречаются как устойчивые сравнения, которые функционируют в качестве фразеологических единиц: *Юрка покраснел, как **вареный рак*** («Ножичек с костяной ручкой»), так и собственно авторские сравнения: *Так вот и появилась та самая праздность, от которой, как известно, **все равно как мокрицы***

от сырости, заводятся в душе человека самые разнообразные пороки («Мошенники»).

Особого внимания заслуживают общеязыковые и контекстуальные синонимы, встречающиеся у В.А. Солоухина: *Какое бы интересное дело, ожидающее меня в будущем, ни вспомнилось, мне казалось оно теперь совсем **неинтересным и скучным**: не хочу летом купаться в реке, не хочу ходить на рыбалку, не хочу читать книги, не хочу в лесу жечь костер, не хочу ходить в кино и есть мороженое, безразлично мне даже, есть ли на свете Оксана, самая красивая со всего нашего курса синеглазая девчонка («Каравай заварного хлеба»).* Безусловно, без выявления синонимических рядов и определения их роли в художественном тексте невозможно представить авторский стиль писателя.

Ярким изобразительно-выразительным средством являются аппозитивные сочетания, представляющие собой сочетание приложения с определяемым словом. По мнению В.И. Фурашова, «приложение, характеризуя определяемое существительное, вместе с тем представляет собой второе наименование предмета, обозначенного определяемым существительным» [5: 179]: *По книгам можно узнать, что, когда совершилась революция и иконы стали не нужны, **мастера-иконописцы** остались без ремесла («Владимирские проселки»); **Две девочки и мальчонка-бутуз, все трое русоголовые, синеглазые, забрались на упавшую ветлу и затеяли там игру** («Владимирские проселки»).* Очевидно, что без аппозитивных сочетаний нельзя будет постичь в полной мере языковую картину мира в произведениях В.А. Солоухина.

Перечисленные изобразительно-выразительные средства должны найти отражение в словаре языка В.А. Солоухина. Принцип расположения материалов в словаре – алфавитный. Словарная

статья может включать следующие структурные элементы: само слово или выражение, его значение, особенности употребления, грамматические и стилистические характеристики, возможные варианты (лексические, словообразовательные, морфологические), иллюстративный материал, а также различные виды комментариев – этимологический, географический, культурологический и др. В словарной статье может быть указание на культурологические и лингвистические словари и справочники, в которых содержится подробная информация о данной языковой единице.

Приведем образцы словарных статей:

ХОЛОДНЫЙ / ХОЛОДНЫЕ КАК ЛЯГУШКА / ЛЯГУШКИ. О ком-то, чем-то, имеющем низкую температуру: *И хоть целый день грело солнце, они [грибы] все равно были холодные, как лягушки* («Мститель»). В произведении В.А. Солоухина речь идет о **рыжике** – съедобном грибе с шляпкой и ножкой красновато-желтого цвета, обычно растущем в низких, мшистых местах. (Источник: Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2012).

ЛЕПЕСТКИ-заливы. О форме озера. *Кшара по форме напоминает цветок о нескольких лепестках, и эти лепестки-заливы придают озерному пейзажу свою прелесть и свою живость...* («Владимирские проселки»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Метонимия // Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Дрофа, 1998. С. 236-238.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
3. Новиков Л.А. Семантика русского языка: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.

4. Одинцов В.В. Сравнение // Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Дрофа, 1998. С. 534.

5. Фурашов В.И. Современный русский синтаксис. Избранные работы. Владимир: ВГГУ, 2010. 368 с.

МАЛАХОВА Майя Сергеевна (*Владимир, Россия*)

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
vladlingvist@yandex.ru

СИНКРЕТИЗМ КАК ЯЗЫКОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

Термин «синкретизм» получил довольно широкое распространение в лингвистических учениях.

Понятие синкретизма как общего свойства языка было введено в лингвистику Л. Ельмслевом, который определяет синкретизм в общем виде как случай устранения мутации: «устраненную мутацию между двумя функциями мы назовем совпадением, а категорию, установленную совпадением, назовем (в обоих планах языка) синкретизмом» [9: 109].

Г.В. Валимова называет условия проявления синкретизма: 1) нежесткий характер, подвижность языковой системы, обусловленные коммуникативным назначением языка; 2) асимметрия языкового знака; 3) многомерность единиц языка (набор признаков, на основании которых они выделяются); 4) наличие слабых и сильных позиций для противопоставленных компонентов системы; 5) речь как форма проявления языка (приспособление взаимодействующих компонентов системы к целям и условиям коммуникации) [4: 5-6].

По словам А.А. Бурова, синкретизм «служит естественным регулятором отношений плана содержания и плана выражения, когда между ними наблюдаются сдвиги динамического характера» [3: 31]. Таким образом, синкретизм рассматривается не только как свойство языковой единицы, но и как естественное свойство языка.

Явление синкретизма можно выделить на разных уровнях языка. Так, Л. Ельмслев в работе «Пролегомены к теории языка» использует термин «синкретизм» применительно к грамматике и фонетике: «Мы можем теперь остановиться на явлении, известном в традиционной грамматике под именем синкретизма, а в современной фонетике под названием нейтрализации. Оно заключается в том, что коммутация между двумя инвариантами в некоторых условиях пропадает». В качестве примера он приводит совпадение форм именительного и винительного падежей латинского языка, а также нейтрализацию между датским р и b в конце слога [9: 108-109].

На морфологическом уровне выделяют падежный синкретизм и синкретизм в области частей речи.

Б. Дельбрюк [7: 107] и Н.Н. Дурново [8: 98-100] под падежным синкретизмом понимают упрощение различий падежных форм.

А. Мартине термином «синкретизм» обозначает явление «частичной омонимии» [11: 102] и говорит о том, что «синкретизм полностью вытекает из морфологии, определяемой как изучение вариации означающих, а нейтрализация полностью относится к синтаксису» [Там же: 109].

Р.О. Якобсон определяет синкретизм падежей как «совпадение падежей», «как упразднимые различия между падежными флексиями», как нейтрализацию оппозиции в пределах одной парадигмы [16: 173, 183, 195].

Синкретизм в области частей речи исследуется в связи с описанием некоторых грамматических классов слов: так, отличительным признаком порядкового числительного является сочетание признаков имени числительного и имени прилагательного; как гибридное образование, совмещающее черты существительного и глагола,

рассматриваются отглагольные существительные (В.В. Бабайцева, Х.Н. Абдуллаев); промежуточное положение между самостоятельными и служебными частями речи занимают местоимения (Ю.И. Леденев).

Таким образом, синкретизм в области частей речи исследуется в связи с неоднозначностью структурно-семантических свойств частей речи и подвижностью морфологического статуса некоторых слов в разных синтаксических условиях [6: 32].

Синкретизм на лексическом уровне проявляется в формально-содержательной языковой асимметрии, при которой один знак может выражать два (и более) значения (семасиологический аспект лексической семантики) и, соответственно, одно значение может выражаться двумя (и более) знаками (ономасиологический аспект), поскольку «... если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы простым собранием этикеток» [10: 85].

В парадигматическом плане «асимметричными» с точки зрения семасиологического аспекта (когда одному означаемому соответствует несколько означаемых) являются, как известно, полисемичные единицы, а также омонимичные пары и энантиосемичные слова. С точки зрения ономасиологического аспекта «асимметричными» являются синонимичные единицы. В синтагматическом плане лексико-семантическая «асимметричность» выражается не свободными сочетаниями различных видов [12: 19-48].

В синтаксисе синкретизм обнаруживается, прежде всего, в системе членов предложения. Лингвистами давно установлено, что в словоформе как члене предложения сосуществуют два типа грамматических значений: значение слова как части речи (категориаль-

ное значение) и типовое значение члена предложения (синтаксическое значение).

Функционирование словоформы в структуре предложения обнаруживает два типа соотношений этих значений: 1) категориальное и синтаксическое значения совпадают и 2) категориальное и синтаксическое значения не совпадают. Совпадение категориального и синтаксического значения свидетельствует о выполнении словоформой первичной синтаксической функции. Различие категориального и синтаксического значений – показатель вторичной синтаксической функции.

Функционирование словоформы во вторичной синтаксической функции может иметь два следствия: 1) изменение категориального значения (переход одной части речи в другую); 2) качественное изменение синтаксической функции и возникновение синкретичных функций. Синкретизм возникает в результате столкновения во вторичной синтаксической позиции двух несовпадающих значений.

Вопросом о синкретизме членов предложения занимались такие ученые, как В.В. Виноградов, В.В. Бабайцева, В.И. Фурашов, Л.Д. Чеснокова, Л.А. Чернова.

Так, В.В. Виноградов говорил о том, что «необходимы углубленные исследования структуры простого предложения, синтаксических соотношений и взаимоотношений между членами предложения, посвященные детальному расчленению и грамматической характеристике тех форм синтаксической связи, которые подводятся под категории определения, дополнения и обстоятельства, а также описание переходных или «синкретических» случаев. Этим будет подготовлена база для углубленного, всестороннего решения вопроса о членах предложения в современном русском языке» [5: 29].

В системе членов предложения синкретизм, по В.В. Бабайцевой, – это совмещение (синтез) в одном члене предложения дифференциальных признаков разных членов предложения, разных их функций [1].

По мнению Л.Д. Чесноковой, синкретичные члены предложения образуют целую систему, центром которой следует признать особый тип синкретичных членов предложения – дуплексив, так как в семантическом плане дуплексив выражает одновременно два синтаксических отношения к двум грамматически разным словам – к имени и к глаголу: по отношению к имени дуплексив выражает атрибутивные отношения, по отношению к глаголу – обстоятельственные или объектные [15: 41-47].

Л.А. Чернова к синкретичным относит: дуплексивы; составные именные члены предложения; различные обособленные члены предложения (определения, приложения, обстоятельства), включающие полупредикативное значение; необособленные определения, связанные с двумя членами предложения; второстепенные члены предложения, выраженные инфинитивом (глагольный дуплексив); второстепенные члены предложения, выраженные именами существительными с предлогами, с двумя связями [14: 46-50].

В.И. Фурашов делит второстепенные члены предложения на типичные и синкретичные. Обобщенные, категориальные синтаксические значения второстепенных членов предложения отражены уже в самих названиях этих категорий: для определения таким значением является «определительность» (атрибутивность), для дополнения – «дополнительность» (объектность), для обстоятельства – «обстоятельность» (циркумстантность). Синтаксическая семантика того или иного второстепенного члена предложения в свободном от каких-либо добавочных функционально-синтаксических

оттенков виде представлена только у типичных второстепенных членов. Что касается синкретичных членов предложения, т. е. таких, где совмещаются в различной степени значения разных второстепенных членов, то в этих случаях имеет место сокращение (редукция) основного синтаксического значения соответствующего второстепенного члена и наличие добавочного оттенка значения [13: 84].

В.В. Бабайцева говорит о проблеме синкретизма логико-синтаксических типов семантики простого предложения. Выделенные типы семантики предложения «в чистом виде встречаются реже, чем синкретичные, в которых дифференциальные признаки типичных случаев совмещаются, один тип семантики накладывается на другой, чем создается многослойная семантика простого предложения, формирующая многокомпонентность общего информативного значения простого предложения» [2: 71].

По мнению И.В. Высоцкой, в последнее время отмечается синкретизм функциональных типов предложения (А.А. Калинина); изучается синкретизм в сфере осложненного предложения (Г.Г. Инфантова, Т.Ф. Глебская, А.Н. Наумович, Е.М. Виноградова, Т.М. Смоленская), синкретизм структурных типов сложного предложения (Г.Ф. Гаврилова, Г.Ф. Калашникова, В.Ю. Бутрим, Г.Д. Фигуровская). Встречаются синкретичные явления и на уровне текста (Н.Д. Рыбка, К.Э. Штайн, И.А. Сыров и др.). Исследователи отмечают семантическую емкость и синкретичность структур, создающих многоплановость текста [6: 32].

Таким образом, синкретизм языковых единиц отмечается на всех языковых уровнях: от фонетического до синтаксического (включая синтаксис текста).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В.В. Синкретизм // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

2. Бабайцева В.В. Синкретизм в системе логико-синтаксических типов семантики простого предложения // Исследование языковых единиц в их динамике и взаимодействии. М.-Уфа, 2000.
3. Буров А.А. Синтаксическая номинация как динамическое проявление синкретизма в русском языке // Языковая деятельность: переходность и синкретизм. М.-Ставрополь. 2001.
4. Валимова Г.В. Явления синкретизма как результат функционирования системы языка // Явления синкретизма в синтаксисе русского языка. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1992.
5. Виноградов В.В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения // Вопросы языкознания. 1954. № 1.
6. Высоцкая И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. М., 2006.
7. Дельбрюк Б. Введение в изучение языка (из истории методологии сравнительного языкознания) / Общ. ред. С. Булича. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2003. (Лингвистическое наследие XIX века).
8. Дурново Н.Н. О склонении в современном великорусском литературном языке // Вопросы языкознания. 1971. № 4.
9. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Выпуск 1. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.
10. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965. С. 85-90.
11. Мартине А. Нейтрализация и синкретизм // Вопросы языкознания. 1969. № 2. С. 96-109.
12. Пименова М.В. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С.19-48.
13. Фурашов В.И. Современный русский синтаксис. Избранные работы. Владимир: ВГГУ, 2010.
14. Чернова Л.А. Обстоятельство или определение? Основные типы синкретичных членов предложения // Русская словесность. 2003. №8. С. 46-50.
15. Чеснокова Л.Д. Синкретизм в сфере членов предложения // Филологические науки. 1988. № 4. С. 41-47.
16. Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: «Прогресс», 1985.

МАНАЕНКО Геннадий Николаевич (*Ставрополь, Россия*)

Северо-Кавказский федеральный университет
manaenko@list.ru

ФУНКЦИИ ОСЛОЖНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В АНАЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Статья посвящена описанию функциональной предназначенности системы осложненного предложения. Опираясь на понятие коммуникативной значимости информации, можно определить информацию, представленную осложняющими конструкциями, как комментирующую. Полный функционал осложняющих конструкций проявляется в текстах определенной дискурсной формации.

В современной науке есть точка зрения, согласно которой *информация* – это передаваемое в коммуникации языковыми форма-

ми *знание*, которое представляет собой семантическое, т.е. опосредованное социальной практикой и конвенциональное по своей сути, *содержание* пропозиционально структурированных ментальных репрезентаций когнитивного пространства индивидуума. Иначе говоря, выступая в виде знания, информация обязательно передает в конвенциональном коде индивидуальный опыт человека, содержание результатов всей его деятельности и процессов познания им мира. В то же время каждый индивид имеет специфическую систему связей и ориентиров (личностных смыслов) организации своего когнитивного пространства, которые могут и не иметь конвенционального характера. Таким образом, понятие смысла не обладает презумпцией знаковой системы, но детерминирует наличие как субъекта, так и момента коммуникации.

Любая речевая коммуникация, по Г.-Г. Гадамеру, представляет собою акт означивания текста в процессе его интерпретации, т.е. любой индивидуум, создавая свою картину мира, основывается на *пред-понимании*, включающем в себя допущения, неявно выраженные в используемом языке. В теории коммуникативной компетенции О.Т. Йокояма коммуникация рассматривается как процесс передачи знания от одного собеседника другому в соответствии с правилами кооперации. Минимальная единица общения включает четыре набора знаний: знания индивидуума о мире и о самом себе и знания, важные в данный момент, как для первого участника коммуникации, так и для второго [3: 95 – 96]. По О.Т. Йокояма, в речевом общении передается три типа информации: информационное знание, метаинформационное знание (о коде и ситуации общения) и информация об отношении говорящего к высказыванию (что как бы остается вне *знания* – Г.М.). Однако Т. Виноград и Ф. Флорес утверждают, что фоновые знания (в т.ч. и «важные в данный момент» –

Г.М.) – это не множество суждений, а общая ориентированность человека миром, который всегда «организован вокруг фундаментальных замыслов человека» [2: 199].

Отсюда следует, что: 1) процесс межличностной коммуникации характеризуется интенциональностью, что согласуется и с положением О.Т. Йокояма об основании говорящим своих высказываний на *субъективной* картине между четырьмя наборами знаний; 2) знание никогда не передается объективно, «навязывание» важного для говорящего набора знаний обусловлено тем, говорящий не описывает ситуацию, а сам *создает* ее; 3) употребление языковых форм определяется необходимостью координации деятельности индивидуума с деятельностью других людей, т.к. речевой акт всегда осуществляется в контексте и на основе общего фонда знаний; 4) передаваемое знание выражается посредством конвенциональных значений, основанных на закрепленных в речевых актах «принятых обязательствах» и на обращенных к коммуникации способах их оформления.

С позиций современной психолингвистики каждый индивид формирует свою специфическую систему связей и ориентиров, организующих когнитивное пространство. Выведение так называемых функциональных ориентиров «вовне» требует перехода от интрапсихического к интерпсихическому, что возможно, как уже отмечалось, с помощью *логической обработки информации* и её *вербализации*, т.е. с привлечением конвенциональных значений семантического уровня, придающих этому процессу характер экстерииоризации и позволяющих его продуктам соотноситься с правилами описательной грамматики. В то же время функциональные ориентиры, или индивидуальные оперативные единицы мышления (личностные смыслы), могут и не иметь знакового, т.е. конвенционального харак-

тера: «Личностные смыслы, из которых кристаллизуется мысль, могут иметь разный субстрат» [7: 29].

По современным научным представлениям мысль изначально существует (зарождается) в виде целостного *гештальта* как своеобразного сгустка личностных смыслов (индивидуальных функциональных опор и ориентиров): «... исходным материалом для любой мысли является фонд энграмм; мысль рождается при их активной перегруппировке, новых объединениях; образные и «картинные» энграммы в правом полушарии связываются с их коррелятами в левом... связь полушарий означает фактически переход от целостного видения ситуации к её расчленённому представлению, переход от гештальта – к его отдельным частям, от холистического образования – к составляющим его отдельным структурам, что лингвистически соответствует трансформации многомерных структур в линейно организованные, выбору из гештальта темы и ремы, топиков и комментариев, противопоставлению данного и нового и т.п.» [7: 52].

Таким образом, если *замысел* (речи) говорящего представляет целостный гештальт, своеобразный континуум личностных смыслов, включающих «содержание» фрагмента картины мира говорящего, его отношение к нему, приоритеты и интенции в предстоящей коммуникации (внутренний контекст), а также учет условий общения, отношений к слушающему и возможных речевых стратегий (внешний контекст), то *текст* выступает как информационно завершённая конвенциональная репрезентация замысла речи в акте коммуникации, дискретно организованная и линейно структурированная в соответствии с общим контекстом и на основе языковых значений. При этом в ментальном пространстве внутренней речи холистическое образование замысла претерпевает последовательно расщепление на коммуникативно значимые ситуации и отношения между

ними, структуризацию посредством выбора пропозиций, перераспределение информации в нем на основе придания пропозициям грамматического статуса и коррекцию при выборе «упаковочных» компонентов пропозиционального содержания непосредственно в ходе порождения речи.

Поскольку языковые значения (грамматические и лексические), являясь областью «конвенциональной образности», суть не только акты видения мира (идеальные действия), но и способы организации человеческого опыта как достояния социума, языковые выражения в определенной степени навязывают свой образ фрагмента картины мира говорящему, ограничивая его в адекватности представления личностных смыслов и их роли в замысле речи. Соответственно, коммуникативная сверхзадача говорящего заключается в реализации потенциала значений языковых выражений в максимальном соответствии со своим замыслом (что и представляет его языковую компетенцию), однако полное раскрытие этого потенциала возможно только при правильной интерпретации текста слушающим, поэтому говорящий априори стремится к «прояснению» своего замысла в тексте, используя весь арсенал имеющихся языковых средств для придания последнему полифоничности и многомерности через комментирование одних передаваемых знаний посредством других.

Преодоление ограничений, накладываемых языковыми значениями на репрезентацию замысла, возможно, как это ни парадоксально, с помощью других языковых значений при «комментарии» говорящим своего замысла в тексте. Комментарий может относиться как к онтологии выражаемого фрагмента картины мира, так и ее оценкам говорящим (которые при соответствующих интенциях субъекта коммуникации могут быть представлены в качестве онтологических сущностей). Передаваемое знание не только субъектив-

но по своей природе, но и обладает коммуникативной значимостью, определяемой интенциями говорящего и опирающейся на условия общения вообще и его успешности в частности, а также на арсенал «технических средств» языка, способствующих полной реализации замысла речи. К числу последних относится механизм *приоритетных стратегий* (М.Б. Бергельсон, А.Е. Кибрик), благодаря которому говорящий закрепляет ценность знания на основе иерархии грамматических средств представления его пропозициональной структуры: *простое предложение >придаточное предложение >оборот >ко-предикат >определитель >именная группа >служебное слово >грамматическая категория >часть лексического значения >нулевое выражение* [1: 344 – 346].

Однако языковая система не только позволяет указывать *степень приоритетности* знания в картине мира говорящего через номенклатуру своих единиц, но и подчеркивать его *актуальность* через их комбинаторику. Выбор говорящим синтаксической структуры – простого, сложного и осложненного предложений – «подсказывает» другим участникам коммуникации, что наиболее актуально в том или ином высказывании, соответственно: а) отношение между участниками ситуации, б) отношение между ситуациями, в) отношение либо между коммуникативно неравнозначными ситуациями, либо между репрезентируемой ситуацией и говорящим.

Система осложнённого предложения, как и системы простого и сложного предложений, определяющая коммуникативный ранг выражаемой информации в «возможном мире» говорящего, позволяет создавать дополнительные (второстепенные и метатекстовые) линии («нити») сообщения в тексте. При этом даже сам выбор говорящим той или иной синтаксической единицы показывает, какой аспект представления данной единицы информации является для него

коммуникативно приоритетным: представление ситуации – тогда используется простое предложение; связь между ситуациями, ее вектор – применяются различные виды сложного предложения; комментарий, выражение отношения, позиции говорящего или ответственность в рамках репрезентируемой ситуации «следа» / отношения к другой ситуации – появляется осложненное предложение с разными типами осложняющих категорий.

Именно таким образом, т.е. за счет последовательности используемых синтаксических единиц, генерируется и актуализируется интенциональная направленность текста. Помимо выбора грамматических единиц и их комбинаторики говорящий при реализации замысла может опираться на «упаковочные» компоненты пропозиционального содержания высказывания. Так, эмпатия, важность и актуальное членение, ориентированные на «эго» говорящего, относятся к когнитивному содержанию языкового значения. Оппозиции данное / новое и известное / неизвестное, а также частично постановка логического ударения в высказывании предполагают ориентацию говорящего на фонд знаний слушающего, условия ситуации общения и апелляцию к уже известному контексту, следовательно, ориентированы на «внешний» контекст и принадлежат к прагматическим компонентам значения языкового выражения.

Осуществление комментария – основная функция системы осложненного предложения, в первую очередь обозначающей коммуникативный ранг информации в тексте в соответствии с личностными смыслами говорящего. В зависимости от коммуникативного статуса выражаемой информации значения осложняющих категорий актуализируют в тексте либо смыслы дополнительных топиков и исходных точек, отношений и пресуппозиций, либо смыслы достоверности и различных оценок сообщаемого, авторизации и адресата

побуждения, а также отражают коммуникативные интенции говорящего. Таким образом, можно утверждать, что наряду с системами простого и сложного предложений осложненное предложение предназначено для обеспечения полноценного воплощения замысла говорящего в тексте.

Автор публицистического произведения, проявляя свои интенции в тексте, усиливает его воздействие, и с этой целью использует в большей степени языковые средства непрямого способа их отображения. Неявное и минимизированное отображение авторских интенций с помощью предложений, осложненных вводными синтаксическими конструктами, во-первых, снимает прямое воздействие на мировоззренческие позиции адресата, а во-вторых, представляет автора публицистического произведения не как социально-типизированного субъекта, но как «живого» человека, способного довериться своему партнеру по разговору. Спектр отображаемых вводными конструктами коммуникативных интенций позволяет составить представление о его собственных мировоззренческих позициях и отношении к отображаемому «информационному» содержанию текста, поскольку осложняющие текст вводные компоненты комментируют не только особенности познания мира автором, но и проявляют в своих рамках ценностные установки журналиста при формировании общей модальности произведения [см.: 5; 6].

Исходным пунктом анализа при данном подходе может стать дискурсная формация – корпус текстов аналитической журналистики, рассматриваемый с точки зрения задач общения в соотносительной с дискурсной формацией сфере деятельности. Анализ в таком случае опирается на постулат единства содержания и формы – информационного наполнения речемыслительных процессов и способов его представления, а также риторических стратегий и тактик.

Информация о наиболее значимых для социума событиях и явлениях, представляющая их отображение, обсуждение и оценку, подается на основе сравнения и детализации, обобщения и предсказания, сопровождается установкой на сотрудничество и взаимопонимание. Тем самым в аналитико-публицистическом дискурсе порождается информация двух типов – основная, содержащая аксиологические значения, и дополнительная (комментирующая), создающая благоприятные условия для принятия основной информации. Распределение информации по двум данным типам манифестируется соответствующими языковыми выражениями. Комментирующая информация репрезентируется, в частности, на основе осложненного предложения, относясь как к диктумному, так и модусному планам и отображая значения конкретности и контрастности, новизны и ясности, с одной стороны, эмоциональности и интенциональности, с другой. Именно таким образом комментирующая информация обеспечивает принятие / непринятие основной информации [см.: 4].

Применение осложненного предложения позволяет решать и такие задачи данного дискурса, как фокусировка внимания на коммуникативно значимых единицах информации, постулирование связи содержания текста с приоритетами жизнедеятельности адресата, обозначение уровня и авторства анализа, указание ключевых моментов в представлении события или в системе аргументации, координация интенциональных состояний автора и адресата. Осложненные вводными конструктами предложения не только обуславливают единую модальную тональность пространства текста, но и участвуют в организации модели развертывания основного содержания, задавая композиционно-синтаксический контур (по Г.Я. Солганику) наряду с другими типами осложненных предложений.

Создавая композиционно-синтаксический контур, осложненные предложения выступают в качестве материальной базы для создания высказываний как полноценного языкового знака. В высказывании отображается не только собственно пропозициональное содержание, но и речемыслительная деятельность автора, связанная как с организацией высказывания, с коммуникативными действиями, обусловленными его креативной иллокутивной рефлексией, так и разнообразными информационными интенциями, связанными с решением коммуникативных задач по представлению информации в качестве тезиса, аргумента, прогноза, оценки и т.п.

Примечательно, что в комментарии как жанре аналитико-публицистического дискурса, где превалирует отношение автора к уже известному аудитории отображаемому событию, кардинально меняется «удельный вес» комментирующей информации. Соответственно, изменяется роль высказываний, организованных на основе осложненных предложений, в композиции и структуре этого жанра по сравнению с другими жанрами. В комментарии осложненное предложение выступает как доминирующая синтаксическая конструкция, задающая принципы организации высказываний как в формальном, так и содержательном планах.

Тип осложненного предложения, положенного в основу высказывания, прежде всего отображает жанровую специфику комментария: отношения и оценки автора основной информации репрезентируются в основном с помощью соответствующих вводных конструкций, а сжатие анализа при одновременном усилении аргументации осуществляется за счет широкого применения однородных синтаксических конструкций, в том числе представляющих те или иные осложняющие категории. Задавая параметры квантирования информации, типы осложненных предложений при этом актуализиру-

ют единицы информации, т.е. комментариев в комментарии отображает основную интенциональную направленность текстов, принадлежащих данному жанру.

Указывая границы цельных высказываний, предложения, осложненные различными синтаксическими конструктами, обеспечивают и такую яркую особенность жанра комментария, как строгость и прочность структуры доказательного рассуждения при гибкости формы его представления. Высказывания, соотносительные с генеральной мыслью комментария, отображающие его пафос, как правило, формулируются осложненными предложениями, которые могут обозначать и смену речевых задач, детерминированных предметной (информационной) и иллюкативной рефлексией автора. В чисто формальном плане жесткость структуры доказательного рассуждения как закона жанра проявляется на уровне синтаксической организации текста: строгая последовательность и упорядоченность синтаксических конструкций разных типов – обязательная черта грамотно созданного комментария, безотносительная к индивидуальным особенностям и стереотипам речевого поведения автора текста.

Этическая сторона речемыслительной деятельности, отображаемая языковыми знаками в текстах жанра журналистского расследования, вскрывает сущностные моменты социальных взаимодействий при организации информационного пространства социума и развития социальной памяти (общественного сознания). Установка на этику как проявление принципа сотрудничества в общении обуславливает выделение и анализ единиц информации из содержания текста, которые обеспечивают ориентиры и предписания для координации социального взаимодействия. В этом плане существенной становится комментирующая информация, репрезентиро-

ванная осложненными предложениями, т.к. адекватность представления и интерпретации основной информации определяется высказываниями, построенными именно на основе данного типа языковых выражений.

Многофункциональность осложненных предложений, организующих высказывания в текстах данной дискурсивной формации, предопределена не только их соответствием мотивам и целям общения в этой сфере. Этическая составляющая речемыслительной деятельности, проявленная с помощью осложненных предложений, раскрывает механизмы установления соотношений между основной и комментирующей информацией, а также использования коммуникативных регистров речи, смены гарантов речи, последовательности решения коммуникативных задач именно на основе определения специфики функционирования различных осложняющих предложений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е. Прагматический «принцип Приоритета» и его отражение в грамматике языка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 40. 1981. № 4.
2. Виноград Т., Флорес Ф. О понимании компьютеров и познания // Язык и интеллект. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996.
3. Йокояма О. Теория коммуникативной компетенции и проблематика порядка слов в русском языке // Вопросы языкознания. 1992. № 6.
4. Манаенко Г.Н. Функционирование осложненного предложения в публицистическом тексте: информационно-дискурсивный подход: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ростовский государственный педагогический университет. Ростов-на-Дону, 2004.
5. Манаенко Г.Н., Манаенко С.А. Дискурсивные слова и интенциональность аналитического текста политического дискурса // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 65-71.
6. Манаенко С.А. Языковое выражение коммуникативных интенций автора в аналитическом тексте публицистики // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2006. № 1. С. 108-113.
7. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991.

МАСЛОВА Валентина Авраамовна (*Витебск, Белоруссия*)
Витебский государственный университет
mvavit@tut.by

СИНТАКСИС С ПОЗИЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу новых направлений в лингвокультурологии. В работе показано, что новая антропоцентрическая парадигма не отменяет достижений предыдущих, а потому может активно использовать наработки системно-структурных исследований. Например, достижения классиков синтаксиса, таких как В.И. Фурашов, на основании концепций которого может быть построен лингвокультурологический синтаксис.

Рубеж тысячелетий в сфере гуманитарных дисциплин заявил о себе исследованием проблем языка вкпе с литературоведческими, культурно-историческими, психологическими и др. Так возникли когнитивная лингвистика, лингвополитология, лингвокультурология, юридическая лингвистика, прагмалингвистика, компьютерная лингвистика, межкультурная коммуникация и др. Особенно активно развиваются в последние два десятилетия лингвокультурологические исследования.

В основе лингвокультурологии – учение В. Гумбольдта, а также разработка проблемы *языка и культуры* Я. Гримом в немецкой филологии начала XIX в., во второй половине XIX в. – в русской мифологической школе – Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня, в русской лингвистике – Е.Д. Поливанов.

В XX веке появились концепция Л. Вейсгербера, гипотеза лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа, исследования по культурной антропологии и культурологии и др. исследования. Э. Сепир писал о языке как о строго социализированной части культуры и инструменте для выражения ее значения [4: 141].

Жизнь человека должна рассматриваться в зеркале культуры [1], именно культура составляет тот общий фон, на котором воспринимается язык, который не просто выражает идеи, но и создает их.

Взгляды названных ученых мы условно выделяем в первый период развития лингвокультурологии – период предпосылок развития науки. Второй период – период оформления лингвокультурологии как самостоятельной области исследований. Это появление работ В.Н. Телия, В.В. Воробьева, В.А. Масловой в 90-е годы прошлого века. Сейчас можно говорить еще об одном периоде – разработка фундаментальной междисциплинарной науки лингвокультурологии.

К началу «нулевых» годов сложилось 3 основных направления лингвокультурологии: 1) лингвокультурология отдельной социальной группы, этноса в какой-то яркий в культурном отношении период, т.е. исследование конкретной лингвокультурной ситуации; 2) диахроническая лингвокультурология, т.е. изучение изменений лингвокультурного состояния этноса за определенный период времени; 3) сравнительная лингвокультурология, исследующая лингвокультурные проявления разных, но взаимосвязанных этносов и др. [2].

Сейчас, спустя полтора десятилетия, можно говорить о появлении новых направлений в лингвокультурологии: 4) лексикографическая лингвокультурология (Словарь «Русское культурное пространство»); 5) лингвокультурологические методики преподавания языка (В.П. Синячкин, Л.А. Худенко и др.); 6) региональная лингвокультурология – появление ряда лингвокультурологических словарей регионов (Н.В. Бубнова, С.В. Николаенко, В.А. Маслова и др.); 7) сопоставительная лингвокультурология (активно развивается казахскими учеными); 8) лингвокультурология поликультурного пространства (Г.Ю. Богданович); 9) лингвокультурология вместе с когнитивной стала одним из приоритетных направлений – **концептуальной лингвистикой**. В ее основе лежит идея о том, что язык от-

ражает определенный, специфический для него способ концептуализации мира. Хотя сама идея принадлежит В. Гумбольдту и А.А. Потебне, но только в современной лингвокультурологии и концептуальной лингвистике она стала доминантной. Реконструкция цельной картины мира по данным языка становится сверхзадачей лингвистики вообще; 10) экспериментальная лингвокультурология (М.Л. Ковшова). Появление экспериментальной лингвокультурологии объясняется тем, что процессы, которые происходят в сознании человека, не поддаются непосредственному наблюдению, а значит, ментальные операции со смыслом не могут быть полностью эксплицированы. Еще Л.В. Щерба писал, что «в возможности применения эксперимента и кроется громадное преимущество с теоретической точки зрения. Проблемы экспериментальной методологии получили разработку в работе К.Я. Сигала и Н.М. Юрьевой [5]; 11) синергетическая лингвокультурология, в которой на первый план выдвигается креативное измерение языка и культуры. Е. Ничипорович пишет: «Если лингвокультурологи хотят отвечать на «вызовы времени», они должны интересоваться не только «руслами» – проявлениями *репродуктивной* функции культуры в языке (заданной естественной ориентацией коллективного сознания на опыт прошлого), но и «джокерами» - проявлениями ее *креативной* функции в будущих состояниях системы» [3: 193]. И действительно, наука не только описывает готовый мир, но и по-своему творит его.

Если к началу третьего тысячелетия сложились и функционировали четыре лингвокультурологические школы, то теперь их множество: не только в Москве, но и других городах России, в Белоруссии, Украине, Казахстане, Кыргызстане и др., а также в Европе в Словакии (Эва Коларова), Польше (Иоанна Коженевска) и других странах.

Лингвокультурология породила ряд новых понятий, которые сейчас активно наполняются содержанием. Это *этнокультурная картина мира, концептосфера, языковая личность, языковое сознание, ментальность, концепты культуры, межкультурная коммуникация*.

Однако новая антропоцентрическая парадигма не отменяет прежних, а, напротив, использует их достижения. Сейчас назрела необходимость создания поуровневой лингвокультурологии: лексико-лингвокультурологическое направление, лингвокультурологическая семантика, лингвокультурологический синтаксис. Классические работы таких исследователей, как В.И. Фурашов, П.А. Лекант и др. дают основания посмотреть по-новому на синтаксическую структуру предложения.

Что мы имеем в виду? Дело в том, что различия между разными языками и культурами народов носят неслучайный и существенный характер. Важнейшими в языковом отражении мира являются не логические категории, а категории наивного отражения мира.

Для лингвокультурного синтаксиса важен, например, такой вопрос: в какой мере порядок слов отражает особенности видения мира тем или иным народом? В. Вундт считал, что последовательность «прилагательное + существительное» (в английском, немецком, русском) свидетельствует об особом выделении признаков по сравнению с последовательностью «существительное + прилагательное» (во французском). Впрочем, и в одном языке данные последовательности обозначают разные сущности. Например, в словосочетании *непредсказуемая глупость* особо выделяется такой случайный признак *глупости*, как непредсказуемость; а в выражении *глупость непредсказуема* появляется предикативность, которая, во-первых, делает это выражение предложением, а во-вторых

– закрепляет эту характеристику за глупостью. Следовательно, нарушение порядка слов в последовательности «прилагательное + существительное» меняет смысл, и шире – строит иной взгляд на мир.

Еще пример, на другие виды сочетаемости: *Опасность может появиться с неожиданной для власти стороны*. При таком порядке слов – это констатация факта, предостережение. При его изменении – *С неожиданной для власти стороны опасность может появиться* – вероятность появления опасности уменьшается, это предложение-успокоение и т.д.

В безличном предложении есть какая-то безысходность. Инфинитив может выражать разные значения, усиливая семантику глагола: *В моей руке не быть мечу, / Не зазвенит струне* (с помощью инфинитива усиливается категорическое выражение фатальности). Парцелляция: казалось бы, должна разрывать, дробить мысль, а она, напротив, делает ее более цельной:

*Я погрузил весло
в телегу,
спасательный овал
намаслив
на всякий случай. Стал
запаслив. (И. Бродский)*

Особо можно говорить о знаках препинания. Не случайно И. Бабель сказал: «Ни одно железо не может войти в человеческое сердце так леденяще, как точка, поставленная вовремя». Таким образом, современные наблюдения показывают, что синтаксическая связь слов и их порядок способны отразить специфически национальное мировидение.

Вывод: избирательная системная комбинаторика различных способов выражения определенного значения в совокупности с другими единицами создает специфический взгляд на мир.

Лингвокультурологический синтаксис способен донести до нас многое из того, что делает, чувствует и о чем думает отдельный индивид, говорящий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1. Язык. М.; СПб, 2002.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.
3. Ничипорович Е. Индивидуальное языковое сознание и национальная лингвоконцептосфера: метафоры креативного взаимодействия // Творчество вне традиционных классификаций гуманитарных наук. Материалы конференции 2008. М.- Калуга: Эйдос, 2008. С. 192-201.
4. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
5. Сигал К.Я., Юрьева Н.М. Метод эксперимента и его применение в речевых исследованиях. М.: Ключ-С, 2009. 240 с.

МОНИНА Тамара Степановна (*Электросталь, Россия*)

Новый гуманитарный институт
Ngi_04@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ И РЕЧЕВАЯ СЕМАНТИКА КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ»

Аннотация. Статья посвящена языковой и речевой реализации концепта «любовь». Показан механизм семного варьирования понятийного инварианта на вербальном уровне. Исследована роль синтагматики и парадигматики при реализации аксиологической составляющей концепта в дихотомии язык / речь.

Идея диалектической противоречивости феномена языка, подчеркнутая В.Ф. Гумбольдтом, является одним из базовых постулатов современной лингвистики. Проявленная в концепции Ф. де Соссюра в виде дихотомии языка и речи, она имеет огромную объяснительную силу.

Необходимость разграничения языкового и речевого содержания в языковом знаке заставляет предположить и два уровня сигнификативного значения слова: языковую семантику, сформирован-

ную в языковой системе, и речевую семантику, сформированную системой, проявляемой в речевом высказывании. Языковое значение знака сформировано в открытой виртуальной системе его синтагматических и парадигматических связей, речевое значение - это результат связей между знаками, функционирующими в закрытой системе речевого субъекта. Важно подчеркнуть, что языковая и речевая значимость одного и того же языкового символа не идентичны, поскольку различны системные отношения в языке и речи, однако механизм формирования синтагматических и парадигматических отношений в языке и речи тождествен, а потому соотносительность речевой и языковой семантики слова очевидна.

Лингвистика речи, возникшая в рамках антропоцентризма, рассматривает речевую семантику как вариант языкового инварианта: речь и язык и тесно связаны между собой и взаимно предполагают друг друга: факт речи всегда предшествует языку и формирует обобщенную семантику языкового инварианта, который, в свою очередь, становится содержательной базой концепта. Если языковой инвариант знака-символа стремится к устойчивости, неизменности, то речевые инварианты его проявления разнообразны и семантически непредсказуемы, что создает некоторую расплывчатость и «туманность» формальных границ концепта и концептосферы вообще. Так, рассматривая концепт «любовь», Ю.С. Степанов пишет: «внутренняя форма этого концепта ... противоречива, разорвана и местами как бы исчезает из ментального поля...» [4: 418].

Языковая семантика лексемы «любовь» отражена в толковых словарях. Большой академический словарь русского языка приводит следующую семантическую структуру лексемы «любовь»:

1. Чувство глубокой эмоциональной привязанности, преданности к кому-, чему-л., основанное на врожденном внутреннем чув-

стве, инстинктивной потребности // чувство искреннего расположения, симпатии, привязанности, преданности к кому-л., основанное на взаимопонимании, благодарности, уважении и т. п.

2. Чувство горячей сердечной склонности, чувственное, страстное, плотское влечение к кому-л. // о человеке, внушившем такое чувство.

3. Внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-л. // пристрастие к чему-л., предпочтение чего-л., дающее удовлетворение, радость, удовольствие [1: 363-365].

Хотя в словарях решаются преимущественно практические вопросы описания лексической семантики, они дают большой материал для компонентного анализа семантической структуры лексемы. В словарной статье в начале определения практически каждого ЛСВ располагается идентификатор, содержащий в себе указание на наиболее общие, родовые признаки. В данном случае им является сема "чувство". Наряду с идентификатором располагаются слова, которые практически номинируют дифференциальные семы, конкретизирующие семантику идентификатора, (например, в первом ЛСВ: привязанность, преданность, расположение, симпатия, взаимопонимание, благодарность, уважение), по сути дела представленные в виде синонимического ряда. Парадигматические показатели семантики, выраженные конкретизаторами, дополняются синтагматическими пометами в виде вопросов (преданность к кому-, чему-л., тяготение к чему-л.: *преданность родине*; склонность к чему-л.: *склонность к поэзии*).

Парадигматический и синтагматический потенциал лексемы выявляет ее базовую языковую семантику, которую мож-

но описать используя метаязык семантических примитивов [2: 328-332]:

*X чувствует что-то;
со мной произошло что-то хорошее;
это происшествие связано с определенным предметом // живым существом.*

На базе этого описания определяются семантические множители лексемы, ее базовые семы, присущие всем ЛСВ лексемы: 1. Чувство 2. Положительная оценка чувства: его сила и влияние на человека. 3. Объект чувства.

Инвариантное значение лексемы является предельно обобщенным и наиболее простым: оно представляет идеальный денотативный смысл понятия. Периферийные значения более сложны, чем центральное значение. Соотношения между инвариантным и периферийными значениями определяют внутреннюю форму слова. Именно инвариантное значение детерминирует смыслы периферийных значений, проявляющихся в синтагматическом и парадигматическом потенциале слова. Чем дальше ЛСВ от центра, тем сложнее его сочетаемость и значение.

Одна и та же лексема подчиняется в системе языка и речи разным закономерностям. У слов, включенных в контекст, наблюдается изменение их общеязыкового смысла и как частный случай – «приращение смысла»: происходят различные процессы семного варьирования: перераспределение сем, ослабление сем, расщепление сем, модификация сем, конкретизация сем и т.д. Важно подчеркнуть, что языковая значимость слова не совпадает с речевой значимостью, поскольку речевой контекст определенным образом нарушает языковую систему, изменяя в ней количество слов и, соответственно, систему их противопоставленности друг другу. Зна-

чимости в широком, сосюрловском понимании, формируются из совокупности отношений, существующих в языке между словами и определяются местом, занимаемым словом в системе языка. Таким образом, в дискурсе в сигнификативном значении слова происходит актуализация новых сем.

В стихотворении М.И. Цветаевой «Любовь» (*Ятаган? Огонь? // Поскромнее, – куда как громко! // Боль, знакомая, как глазам – ладонь, // Как губам – // Имя собственного ребенка.*), речевая семантика лексемы «любовь» определяется тремя минимальными контекстами: *любовь – ятаган*, *любовь – огонь*, *любовь – боль*. Языковая семантика существительных **ятаган** ('большой кривой турецкий кинжал' [З: 796]), **огонь** ('горящие светящиеся газы высокой температуры, пламя'; 'свет от осветительных приборов'; 'боевая стрельба' [З: 379], **боль** ('ощущение страдания' [З: 49]) соответственно актуализирует в лексеме «любовь» периферийные семы: опасность; свет, опасность; сильное неприятное ощущение.

В стихотворении А.С. Пушкина «Я вас любил...» (*Я вас любил: любовь еще, быть может, // В душе моей угасла не совсем; // Но пусть она вас больше не тревожит; // Я не хочу печалить вас ничем. // Я вас любил безмолвно, безнадежно, // То робостью, то ревностью томим; // Я вас любил так искренно, так нежно, // Как дай вам бог любимой быть другим.*) речевая семантика лексемы «любовь» определяется двумя минимальными контекстами (*любовь угасла*, *любовь не тревожит*). Синтагматика компонентов контекста детерминирует парадигматику лексемы «любовь», способствуя созданию ее речевого смысла. Языковое значение глагола **гаснуть** определяемое в толковых словарях как 'переставать гореть', 'переставать светить' [З: 110], актуализирует в лексеме «любовь» периферийную сему "свет". Глагол **тревожить** ('приводить в тревогу, в

волнение', 'беспокоить' [3: 702], в свою очередь, актуализирует в лексеме «любовь» периферийную сему "покой", "гармония", антонимичную семам "волнение", "беспокойство". Соотнесенность лексемы *любовь* с каузативным глаголом *тревожит* создает ее синтаксическую многозначность [5: 8-11]: сема "субъект атрибуции" (ср.: *любовь – ятаган, любовь – огонь, любовь – боль*) сочетается в этом случае с семой "субъект каузации" и семой "субъект действия", что дополняет сигнификативное значение лексемы аксиологической мелиоративной характеристикой чувства: "сильное", "могущественное".

Как видим, в приведенных минимальных словосочетательных контекстах речевая семантика лексемы расширяет свой объем за счет дополнительно актуализированных сем, отражающих сферу разновекторных оценок: у А.С. Пушкина подчеркивается положительная характеристика чувства, у М.И. Цветаевой – отрицательная, другие базовые семы лексемы изменений не претерпевают.

В современных дискурсивных контекстах обнаруживаются дальнейшие попытки уточнения границ концепта. Ярким примером является стихотворение Елены Яковенко «Любовь», которое представляет собой сумму дефиниций лексемы (*Любовь – это море эмоций без дна, // Любовь – это вечная в сердце весна, // Любовь – это греющий душу очаг, // Любовь – это ночь осветивший маяк, // Любовь - это самый надежный магнит, // Любовь, как напиток, что сладко пьянит. // Любовь, как подарок бесценный небес. // Кто вновь полюбил, тот душою воскрес!*), расширяющих сферу положительных коннотаций. А поэтессе В. Полозкову трудности определения семантики концепта заставляют отказаться от лексемы «любовь» путем замены ее на авторский окказионализм «люболь»: *Я больная. Я прокаженная. // Мой диагноз – уже пароль: //*

«Безнадежная? // Зараженная? // Не дотрагиваться – Люболь». Девербализация концепта «любовь» в русском языке была отмечена еще Ю.С. Степановым: в народном быту лексема *любовь* часто реализуется словом *жалость*, этимологически восходящим к глаголу *жалить*. Это обстоятельство, на наш взгляд, ярко свидетельствует о том, как важен для русского менталитета аксиологический множитель концепта «любовь». Поэтому понятно, что из базовых сем лексем варьируется только сема оценки, приобретающая ярко выраженный диалектический характер. Философская категория объективности и субъективности получает в этом плане особое преломление: в современном русском языке проявляется тенденция к расширению сферы субъективного содержания языкового знака.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой академический словарь русского языка / РАН. Ин-т русск. яз.; Гл. ред. А.С. Герд. 2-е изд., перераб., доп. М.-СПб.: Наука, 2003-2013. Т.9. 658 с.
2. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю.Шведовой. 16-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1984. 797с.
4. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 992с.
5. Фурашов В.И. О так называемой многозначности членов предложения // Русское слово, высказывание, текст: рациональное, эмоциональное, экспрессивное. М.: МГОУ, 2007. С. 6-11.

НИКИТИН Олег Викторович (*Россия, Москва*)

Московский государственный областной университет
olnikitin@yandex.ru

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ.

Аннотация. В статье рассматривается проблема изучения русской деловой письменности в XVIII – начале XIX вв. Используются редкие научные данные о первых исследователях делового письма и стиля в отечественном языкознании. Приводятся факты интерпретации лексических и грамматических элементов делового слога В.Н. Татищевым, М.В. Ломоносовым, И.Ф. Тимковским. Характеризуется общая тенденция в исследовании памятников русской истории и культуры того времени в контексте формирования литературного языка.

XVIII век явился переломной вехой в развитии научных знаний в разных отраслях. В филологии впервые был четко обозначен и поставлен вопрос о значении *национального* языка для просвещения и историко-культурного развития, намечены пути его исследования. Толчком к преобразованию системы научных представлений стала реформаторская деятельность Петра Великого.

Для нашего вопроса имеют особое значение несколько фактов из «деловой» биографии России того периода:

1) Петр I был законотворцем нового времени, требовавшего от него иных общественных и языковых установок. Поэтому его деятельность в этой области во многом отличалась от прежних нормативов.

2) Введение гражданской азбуки активизировало процесс перехода языковых отношений от славянской культурной парадигмы к гражданской, нацеленной на другой вектор развития. Соответственно этому менялось представление о норме, и деловые тексты заняли ведущую позицию в государственной сфере, в публицистике, получили широкое отражение в литературных памятниках и ученых сочинениях того времени.

3) Интерес к российской истории вызвал всплеск научных исследований, ориентированных на изучение коренных основ национальной культуры — её памятников (как письменных, так и устных) (см. подробнее [9; 12]).

Однако, несмотря на большую реформаторскую деятельность в области государственного делопроизводства, *филологического* изучения такого феномена, как *деловая письменность*, практически не проводилось за исключением отдельных трудов, связанных с открытием и комментированием текстов приказного содержания (В.Н. Татищев) [15]. Но это послужило основой для организации ра-

боты по регистрации словарного запаса (именно тогда возникают многочисленные «разговорники», «словотолкователи» и «лексиконны», уже вобравшие в свой состав элементы деловой культуры XVIII в., а в Академии наук работала целая группа переводчиков-лексикографов: Богданов, Кондратович и др.) (см. изданные нами тексты деловой письменности, особ. XVIII в. [13]).

Так, выдающийся русский историк В.Н. Татищев издал «Правду Русскую» и «Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича», снабдив их собственноручными примечаниями. Это были не только пояснения историко-культурных и юридических реалий, но и *лингвистические* комментарии. После каждого пункта Закона великого князя Ярослава Владимировича В.Н. Татищев делал надлежащие разъяснения. В п. 2 написано: «Аще не будетъ кто мьстя: то 40 гривень за голову, аще боудеть Роусинь, любо гридинь, любо коупчина, любо ябетникъ, любо мечникъ, аще изъгои боудеть, любо Словенинь: то 40 гривень положити зань» [17: 1]. За текстом следовал комментарий В.Н. Татищева: «...По народамъ Руссы отъ Славянъ, по чинамъ дворянина, купца и холопа.

Гривна, взятое от гривы значило цѣна лошади <...>.

Гридня имяновалось покой господскій или княжескій, какъ ниже судебную избу или канцелярію гридня имяноваль, и отъ того дворянинъ или шляхтичь гридинь имянованъ» [там же].

Очень обстоятельно рассмотрены бытовая и юридическая терминология, чины: В.Н. Татищев разбирал происхождение слова, указывал на развитие и изменение его семантики, социолингвистического статуса, т.е., по сути дела, осуществлял историко-языковедческое исследование приказной лексики. В «Изъяснении», приложенном к «Судебнику царя и великого князя Ивана Васильевича», содержатся статьи о таких знаковых для древнерусского

юридического обихода понятиях, как *бояринъ, окольничей, дворецкій, казначей, діакъ, приказные люди, намѣстники, волостели, тиунъ, правая грамота, судъ съ головы, истцы* и мн. др.

Вот какой комментарий В.Н. Татищев дает к первой статье «Судебника»:

Бояринъ слово сарматское испорченное, прямо бояринъ или пояркъ значить умная голова или мудрый человекъ: ибо въ Сарматскомъ языкѣ *поо* и *ярикъ* значить умная голова или остроумной человекъ, и здѣшніе Сарматы всегда вмѣсто *б* выговариваютъ *п* какъ то еще у Финовъ примѣчаемъ; Черемисаже (так! — О. Н.) выговаривая *б* какъ надлежить, называютъ голову *боо*. Чинъ сей былъ первый въ государственномъ правленіи изъ самой древности: они всѣ обще называны ближніе бояре и преимуществовали по старшинствамъ. По избраніи Царя Михайла Ѳеодоровича для его юности опредѣлили къ нему для нужныхъ и тайныхъ разсужденій комнатные бояре, что непрерывно продолжалось до возраста ПЕТРА Великаго, которой ту разность учинилъ дѣйствительными и просто тайными Совѣтниками. При Императрицѣ ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ учиненъ верховный тайный совѣтъ въ восьми персонахъ, которой до вступленія на Престоль Императрицы АННЫ ІОАННОВНЫ продолжался, а Ею оной отставленъ и учиненъ Кабинетъ, состоящій въ пяти или четырехъ министрахъ и одномъ или двухъ секретаряхъ. Число бояръ ближнихъ неопредѣленное было; кромѣ что у всѣхъ удѣльныхъ Князей были собственные, въ полатѣ при Государѣ, при войскахъ и при городахъ знатными воеводами было до тритцати и болѣе.

Окольничей имя отъ околичности; они имѣли въ смотреніи границы и судъ пограничный, какъ то въ наказѣ губныхъ старость написано, что имъ въ пограничныя суды не вступать, а отсылать къ

окольничимъ, и они имѣли власть съ заграничными имѣть переписку. Ониже присудствовали при полевомъ бою или поединкахъ, какъ ниже показано: по томъ введены въ Полату или Сенатъ, и имѣли мѣсто по боярехъ выше думныхъ дьяковъ» [17: 111–112].

Примечательно, что историк делал подробный разбор не только статей «Судебника», но и предпринимал градацию терминов, включенных в его состав. При этом комментарии В.Н. Татищева выходили далеко за пределы XVI в. и «приспосабливались» к событиям «деловой» истории России современного ему времени. Так, по его мнению, «*стряпчія* были разныхъ качеств [:] 1) придворныя подобны Камеръ-Юнкерамъ, которыя стрепню за Государемъ носили, а въ церквѣ или въ Сенатѣ держали. Стрепня оная шапка, рукавицы, платокъ и посохъ для котораго каждой имѣлъ сукна краснаго аршинъ, на оное принималъ, а не голыми руками: по сихъ напоследѣди было болѣе тысячи, и ровно съ протчимъ дворянствомъ особыми ротами служили, а при дворѣ было дѣйствительныхъ малое число, и то когда спросятъ. 2) Дворцовыя стряпчіе ниже подклюшниковъ, опредѣлялись къ запасомъ и погребомъ къ смотренію и посылались по волостямъ для дѣлъ: они иногда носили кушанье, у которыхъ принимая столъники предъ Государя носили. 3) То самое, что Юристы или Адвокаты называются; ходили какъ въ приказѣхъ за дѣлы господъ своихъ, такъ и постороннихъ изъ найму. Здѣсь же мню секундантовъ или охранителей разумѣть» [17: 117].

Особо следует сказать о деятельности Ломоносова как проповедника русского языка и его *нормализатора*. Это последнее качество очень важно, так как письменная культура (в том числе и деловая) в течение многих веков развивалась по традиции, по закону. Он указывает на ценность древнерусской книжности (прежде всего церковной) [7: 587], а, значит, хорошо чувствует *коренные* основы род-

ного языка. По справедливому замечанию А.И. Ефимова, «ломоносовская теория трех стилей блестяще решала проблему церковнославянизмов, а также исконно русских речевых средств в русском литературном языке» [3: 177]. Помор по рождению, он впитал и церковные песнопения, и живой народный говор, подлинную красоту северной речи, её мелодику и напевность. С другой стороны, он прекрасно владел навыками делового этикета. Так, «Краткому руководству к красноречию» предшествовало следующее посвящение: «Е. и. в. пресветлейшему государю, великому князю Петру Федоровичу, внуку государя императора Петра Великого <...> от искреннего усердия желаю, пресветлейший государь, великий князь, милостивейший государь, в. и. в. всенижайший и всеусерднейший раб Михайло Ломоносов» [4: 91–93]. «Российская грамматика» открывается посвящением, также исполненным в стиле приказного зачина: «Пресветлейшему государю, великому князю Павлу Петровичу, герцогу...» [6: 392].

В его терминологии нет такого обозначения, как *деловой слог*, но он, несомненно, учитывал его свойства при выделении трех стилей литературного языка. Сам же ученый владел им искусно и охотно вводил в свои грамматические «штудии» типичные «деловые» обороты: «Того ради надлежит, чтобы учащиеся красноречию старались...» («Краткое руководство к красноречию») [4: 96]; «Грамматика: <...> Буде же за благо рассудите, чтобы они пришли к окнам на ходулях, явятся так, [как] их в старинных книгах под заставками писали или как и ныне в Вязьме на пряниках печатают. <...> Буде же хотите, чтобы они явились как челобитчики в плачевном виде, то упадут перед вами, растрепав волосы, как их пьяные подьячие в челобитных пишут; наконец, если видеть желаете, как они недавно между собою подрались, то вступят к вам сцепившись, как судьи

однем почерком крепят указы» («Суд российских письмен») [5: 383, 386–387].

Кроме указанного, деловой слог выступал и в качестве языкового образца для обозначения парадигмы. В «Материалах к Российской грамматике» мы обнаружили следующую грамматическую цепочку:

Бьючеломъ.

Бьешчеломъ.

Бьетчеломъ.

etc.

Битчеломъ.

Билчеломъ. [8: 623].

Любопытно и такое наблюдение, показывающее, как Ломоносов работал над своим текстом. «Краткое руководство к красноречию» завершается «деловым» примером: «Бьют челом те, которые в его пожитки нахально вступили <...>. Бьют челом те, которые его самого умертвить весьма желали <...>. Наконец, бьют челом те, которым весь народ казни желает <...>» [4: 377–378]. Начальное слово абзаца *бьют* по рукописи написано вместо зачеркнутого *обвиняют* [4: 377].

К концу столетия деятельность Екатерины II, её особый интерес к филологии приводят к созданию научной лексикографической школы и разнообразных лингвистических разработок в области философской грамматики и т. п. (см. подробнее об этом периоде [2]), где определённое место отводится «подьяческому слогу». Тогда же, на рубеже XVIII и XIX вв., усиливается интерес ученых к проблеме происхождения русского языка, возникают первые опыты его периодизации, основанные на памятниках отечественной книжной культуры.

Небезынтересны и во многом показательны наблюдения над эволюцией родного языка И.Ф. Тимковского, изложенные им в «Опытном способе к философическому познанию российского языка, сочиненном Ильею Тимковским». На фоне интереса к «всеобщей грамматике» ученый одним из первых говорит об этапах развития русского языка, его «древностях» и связи с другими языками, опираясь при этом уже не на западную традицию, а на те еще малочисленные попытки научного изучения проблемы, которые под влиянием Ломоносова, лингвистических трудов А.А. Барсова, А.С. Шишкова и позднее А.Х. Востокова обретут целенаправленное русло. Этому посвящена отдельная глава (VIII) «Опытного способа...», разнящаяся с тем, что представлено в других книгах. И хотя рассуждения И.Ф. Тимковского очень отрывочны и их нельзя назвать состоятельными (с точки зрения современной науки), все же они содержат начатки сравнительно-исторического изучения отечественного языка и весьма оригинальны по форме, потому и заслуживают нашего внимания. «Язык, — пишет он, — есть одно из племенных отличий всякого народа. В свойстве и переменах того и другого действующие причины так совокупны, что история народа содержит в себе и историю языка его» [18: 43]. Вот как определяет ученый место родного языка в кругу других: «В глубочайшей древности языка славянского обретается некоторое сходство его с ученым, народу неведомым языком в Индии, самскрет, или самскрыт, которым одни брамины говорят и пишут. Больше сходство явствует с кельтским, а потому и с языками ближайших народов кельтского поколения. Судя же по произведению славян, как и однородных им венетов, или вендов, от сарматов, или савро-мидов, корнем языка их мидский принимаем» [18: 43]. Можно согласиться с мнением Ф.М. Березина, что «автор впервые в русском языкознании говорит о тесной связи

истории языка и истории народа» [1: 32]. Обоснованно выглядят (теперь уже с точки зрения современных этимологических исследований) взгляды И.Ф. Тимковского и на родство славянского языка с санскритом и кельтскими языками, на различие русского и старославянского языков и др.

Существенным представляется схема эволюции письменно-литературного языка, в которой И.Ф. Тимковский выделяет **пять** периодов (заметим, что это одна из первых научных классификаций исторического развития русского языка по его памятникам):

«а. К первому (здесь и далее подчеркнуто нами.— *О. Н.*) относятся начальные переводы книг церковных и составляют древнейшие памятники в словесности. <...> Правда, первые оных книг переводы не таковы были, как теперь их имеем, но по векам несколько переменены в словах, как то судить можем и по дошедшим до нас старинных тех книг рукописям и печатным изданиям. Приметны вышедшие в них при самом переводе многие выражения по свойству восточных и греческого языков. <...>

б. Ко второму 1) Русская правда <...>. 2) Повести временных лет <...>. 3) Слово о полку Игореве <...>. 4) Поучение, или духовная, Владимира Мономаха детям своим.

в. К третьему 1) продолжатели Несторовой летописи <...> Симон Суздальский, Иоанн Новгородский и другие, полагаемые в XIII и трех следующих веках. 2) Договорные и другие грамоты князей с XIII века <...>. 3) Судебник царя Ивана Васильевича. 4) Уложение царя Алексея Михайловича. 5) Приказные и другие сочинения тех времен.

г. Четвертый период составляют последняя половина XVII века и начало XVIII. Сюда принадлежат: 1) Уставы, указы и слог судебных дел. 2) Разные богословские, философские, риторские и пиити-

ческие сочинения духовных, как то особенно Симеона Полоцкого и Феофана Прокоповича. <...> 4) Другие к наукам относящиеся сочинения и переводы. 5) Избранные исторические и другие народные песни того времени.

д) Пятый период поставляет Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова основателями нынешнего чистого слога, филологией и критикою обработанного» [18: 48–49].

И.Ф. Тимковский подмечает и такие свойства родного языка, как незамкнутость, открытость, способствовавшие его распространению на большой территории. «Рассуждая все изменения русского языка по месту и времени, видим, — пишет учёный, — что он при всех приращениях и изворотах не только удержал силу славянского (языка. — О. Н.) в существе и высшем употреблении своем; но и тем племенам в сем виде сообщился, которые с славянами смешались» [1: 50].

И.Ф. Тимковский выделяет в составе русского языка разные пласты лексики: заимствования, устаревшие слова и др., причём первые распределяет на «слова татарские», к которым он относит *алтын, аршин, баран, барыш, лошадь, кушак, хозяин, шалаш* [1: 51, 269]; «слова обыкновенные греческие и латинские»; «слова, взятые из нынешних европейских языков»; «слова еврейские и греческие, принятые церковью», такие как *Апокалипсис, Апостол, епископ, Иоанн* и др. [1: 51, 270]; «слова иностранные, которых употребление определено правительством», например: *адмирал, академия, асигнация, экспедиция, империя, офицер, генерал, герб* и др. [там же]. Интересен представленный учёным подбор «древних русских слов», вышедших из употребления или получивших другое «знаменование». Это — *головник* (убийца), *губный* (уголовный), *ку-*

на, резань (деньги), *продажа* (штрафная пошлина и понаровка вино-ватому) и некоторые другие [1: 270].

Как видно из данного обзора идей И.Ф. Тимковского (подробнее о его биографии и ученой деятельности мы писали [10]), деловая письменность занимает важное место в эволюционной системе национального языка, пронизывая все его этапы. И хотя автор ещё очень осторожно говорит об этом, но фактом явилось то обстоятельство, что «философические» труды, имевшие западные прототипы и создававшиеся по их моделям, всё активнее и смелее используют наблюдения и научные гипотезы, полученные опытным путем на ниве отечественной языковедческой практики. И.Ф. Тимковский убедительно показал, что памятники приказной культуры имеют свой терминологический аппарат, причём весьма древний и русский по происхождению, и воздействовали в целом на формирование лексического фонда русского языка.

Итак, в XVIII – начале XIX в. наблюдался повышенный интерес к проблеме изучения русского языка (см., например, наблюдения над языком указов Екатерины II [11]), его нормализации путём составления грамматик и лексиконов. Вершиной научной работы в этой сфере можно признать издание «Словаря Академии Российской», вобравшего лучшие традиции академических исследований и опыт предшествовавших рукописных словарей. При этом их авторы всё более полагались на отечественный языковедческий опыт и нередко избирали объектами своего исследования «подьяческий слог» и юридические, документальные материалы прошлых веков. Многие из них были не только искусными и яркими филологами, но и профессиональными юристами, правоведами, как, например, И.Ф. Тимковский [10], А.С. Шишков [16], М.Л. Магницкий [14] и нек. др. Они принимали активное участие в законодательной деятельно-

сти, составляли документы и приказы, которые со временем становились для их современников образцами «деловой словесности».

Эти эпизоды из архива отечественной лингвистики, по нашему мнению, должны войти в хрестоматии по истории лингвистических учений и раздвинуть рамки традиционного понимания синхронии – диахронии. Ещё в 1960-е – начало 1970-х гг. об этом писал В.И. Фурашов [19; 20], когда популяризировал труды наших классиков. И сейчас он остаётся верен своему пути и живёт в науке её подлинными ценностями. И эта статья, может быть, в чём-то выбивающаяся из проблематики юбилейного сборника, показывает, насколько важна оценка научных событий прошлого, без неё не может быть новых открытий, идей и импульсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березин Ф.М. История лингвистических учений: Учеб. для филол. спец. вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1984. 319 с.
2. Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. I. (XIII в. – 1825 г.). СПб., 1904.
3. Ефимов А.И. История русского литературного языка: Курс лекций. М.: Изд-во Московского ун-та, 1954. 432 с.
4. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. VII. Труды по филологии 1739–1758 гг. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952а. С. 89–378.
5. Ломоносов М.В. Суд российских писем, перед разумом и обычаем от грамматики представленных // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. VII. Труды по филологии 1739–1758 гг. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952б. С. 379–388.
6. Ломоносов М.В. Российская грамматика // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. VII. Труды по филологии 1739–1758 гг. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952в. С. 389–578.
7. Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. VII. Труды по филологии 1739–1758 гг. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952г. С. 585–592.
8. Ломоносов М.В. [Материалы к Российской грамматике] // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. VII. Труды по филологии 1739–1758 гг. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952д. С. 595–760.
9. Никитин О.В. Проблемы этнолингвистического изучения памятников деловой письменности: Монография. М.: Флинта: Наука, 2000. 204 с.
10. Никитин О.В. Илья Федорович Тимковский (1772–1853) // Русская речь. 2002. № 5. С. 57–70.
11. Никитин О.В. Язык указов Екатерины II 1762 г. и формирование официально-делового стиля в XVIII в. // Филологические науки: Научные доклады высшей школы. 2003. № 6. С. 93–99.

12. Никитин О.В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.). Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004а.
13. Никитин О.В. Деловая письменность XI–XVIII вв. Хрестоматия: Учебное пособие / Министерство образования РФ, Министерство образования Московской области, Московский гос. областной университет (МГОУ). М.: Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2004б. 298 с.
14. Никитин О.В. М.Л. Магницкий и его «Краткое руководство к деловой и государственной словесности» // Русская речь. 2006. № 5. С. 88–98.
15. Никитин О.В. Василий Никитич Татищев — русский просветитель XVIII в. // Русский язык в школе. 2010. № 7. С. 86–93.
16. Никитин О.В. Забытые труды А.С. Шишкова // Русская речь. 2005. № 1. С. 93–102.
17. Татищев В.Н. Правда Русская и Судебник Царя и Великого Князя Ивана Васильевича, с примечаниями тайного советника Василья Никитича Татищева. Мышкин: Издание мышкинской земской библиотеки, 1899.
18. Тимковский И.Ф. Опытный способ к философическому познанию русского языка, сочиненный Ильею Тимковским. Харьков, 1811.
19. Фурашов В.И. Рец. на кн.: Шеулин В.В., Медведева В.И. Хрестоматия по истории лингвистических учений в России // Русский язык в школе. 1966. № 5. С. 113–115.
20. Фурашов В.И. Проблема языка и метода его исследования в лингвистической концепции академика Л.В. Щербы // Ученые записки Владимирского пед. ин-та. Вып. 4-ый. Владимир, 1971. С. 3–11.

ПАЛОШИ Ильдик (*Будапешт, Венгрия*)

Университет имени Лоранда Этвёша
palosiildiko@gmail.com

СПОСОБЫ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению способов глагольного действия, выражающих кратность действия. В рамках исследования анализируется структура семантического поля соответствующих глаголов, устанавливается иерархическая связь между семами кратности, результативности, интенсивности и темпоральности действия.

1. Вступительные замечания

Рассматривая проблематику количественной аспектуальности мы исходим из известных взглядов Ю.С. Маслова, согласно которым темпоральная квантификация выражается понятийной категорией количественной темпоральности и количественной аспектуальности. Количественная аспектуальность охватывает кратность, длительность и интенсивность. К сфере количественной аспекту-

альности относятся явления, связанные с понятием множества и операцией счета (кратность, прерывность/ непрерывность), и явления, связанные с понятием величины и операцией измерения (длительность, интенсивность) [8: 305–307]. Кратность, длительность и интенсивность характеризуют одно и то же действие, только с разных сторон (ср.: *плакать – поплакивать, всплакнуть, наплакаться, доплакаться, выплакаться*).

Данная работа посвящена описанию некоторых средств выражения кратности действия, а именно способам глагольного действия (в дальнейшем – СД). В рамках настоящей статьи вопроса о выражении длительности и интенсивности мы не будем касаться.

Методом исследования мы выбрали один из методов структурного языкознания – метод компонентного анализа. Особое внимание уделяется глаголам, в семантическом поле которых сема кратности сочетается с другими семами, например, с семой интенсивности и темпоральности. В ходе компонентного анализа мы попытаемся установить иерархическую связь между упомянутыми выше семами.

Подобно длительности и интенсивности действия, кратность действия можно представить в виде шкалы. Однако, в отличие от них, шкала кратности не имеет центра, представляющего собой норму. В малом полюсе шкалы находятся однократные действия, отходя от малого полюса постепенно нарастает регулярность действия, и в большом полюсе шкалы расположены действия чрезмерной регулярности.

2. СД с сочетанием сем кратности, интенсивности или темпоральности действия

2.1. Малый полюс шкалы кратности действия представляется однократным СД, который как с морфологической точки зрения, так

и с семантической, является достаточно гетерогенным. Предлагаем его разделить на 5 групп:

2.1.1. Семельфактивы с суффиксом *-ну-*, указывающие на однократное, мгновенное действие, осуществляемые в один прием. Они соотносительны с мультипликативами и выражают один квант многоактного действия, передаваемого мультипликативным коррелятом [2: 25]. Ср.: *кидать–кинуть, прыгать–прыгнуть, нырять–нырнуть, чихать–чихнуть, моргать–моргнуть, ахать–ахнуть, зевать–зевнуть, вилять–вильнуть, двигать–двинуть, хлопать–хлопнуть* и т. д.

[1] *Но тот вдруг прыгнул и толкнул Максима в кусты* (В. Крапивин. Болтик).

Семельфактивы с суффиксом *-ну-* могут быть дериватами глаголов гомогенного действия, ср. *дуть–дунуть, глядеть–глянуть, ругать–ругнуть, пугать–пугнуть, курить–курнуть* и т. д. Данные глаголы имеют более сложное семантическое поле, чем первый тип, поскольку кроме семы однократности они содержат еще семы «быстро» и «сильно», т. е. они указывают на выполнение интенсивного действия за короткое время [11: 598; 10: 401].

[2] *Подняв воротник, сунув руки в карманы и оскальзываясь, водитель просеменил к дверям, а войдя, ругнул погоду, гололед и американские сигареты* (А. Волос. Недвижимость).

Следует отметить, что данные глаголы (в силу того что они мотивированы не от глаголов, разложимых на отдельные кванты действия) в строгом смысле нельзя рассматривать как семельфактивы. Такое узкое понимание термина отражается в монографии Е.В. Падучевой, в которой глаголы типа *дунуть* называются «незаконными» семельфактивами [9: 120]. На наш взгляд, к «незаконным

семельфактивам» можно причислить и следующие ниже группы глаголов.

2.1.2. Глаголы с приставкой *с-*, типа *селупить*, близки по значению к предыдущей группе, они также обычно образуются от глаголов гомогенного действия и выражают одноразовый характер действия, нерасчлененного на отдельные фазы.

[3] *С первого раза кнопка не **сработала*** (А. Волос. Недвижимость).

2.1.3. В значении одноактного СД с суффиксом *-ану-*, типа *долбануть*, *крутануть*, *резануть* и т.д., сема однократности сочетается с семой интенсивности и неожиданности. Все эти глаголы указывают на действие, проводимое «резко, с силой и грубо» [4: 101].

[4] *Спустя секунду она вспомнила, чья это машина, но что-то неприятно **резануло** глаз* (А. Маринина. Смерть и немного любви).

2.1.4. По мнению Й. Крекича, некоторые глаголы с приставкой *про-* типа *просвистеть* передают значение протяженной однократности действия, т. е. они указывают на выполнение однократного действия за короткое время [6: 29]. Такое понимание отражается и в работах [13: 189] и [3: 105], в которых данные глаголы называются представителями протяженно-одноактного СД. Описанная выше трактовка Й. Крекича позволяет установить, что в семантическом поле этих глаголов сочетаются семы однократности и малой длительности.

[5] – *Кручу, верчу, много выиграть хочу, – вдруг **проскрипел** наперсточник* (В. Пелевин. Желтая стрела).

2.1.5. Некоторые глаголы с префиксально-суффиксальным образованием *вз-/вс-...-ну-*, типа *всхрапнуть*, помимо однократности

содержат семы внезапности и интенсивности действия. Их семантика сближается к глаголам ингрессивного СД типа *вскричать* [2: 25; 4: 101].

[6] *Рената секунду посидела с разинутым ртом, потом истошно **взвизгнула*** (Б. Акунин. Левиафан).

2.2. По порядку регулярности действия следующий СД на шкале кратности действия следует прерывисто-смягчительный СД, который выражает длительно-прерывистое и ослабленное в своем проявлении действие, совершаемое время от времени. На прерывистость и неполноту действия указывает приставка *по-*, а на нерегулярную кратность – итеративный суффикс [*-ыва-/ива-, -ва-*]: *побаливать, поглядывать, попивать, похваливать, поговаривать, покашливать* и т. д. [11: 600; 13: 195].

[7] *Он караулил у окна, **посматривал** то во двор, то на Анну, ...* (А. Слаповский. Заколдованный участок).

2.3. Глаголы многократного СД с суффиксом *-ыва-/ива-, -ва-* имеют значение неоднократной повторяемости типа *хаживать, езжать, видывать, слыхивать, говаривать, певать* и т. д. За исключением глагола *бывать*, данные глаголы встречаются в ограниченном употреблении. Данные глаголы характеризуются дефектностью парадигмы, поскольку они преимущественно употребляются в форме прошедшего времени, редко в форме причастия и инфинитива [1: 293–294].

[8] *Они частенько **сживали** вдвоем на палубе, **поглядывали** на пологий берег канала, курили... и беседовали на разные любопытные темы* (Б. Акунин. Левиафан).

В отрицательных оборотах глаголы многократного СД выражают сильнейшее отрицание, являются его экспрессивным выражением.

[9] ...*есть Великое Сокровище, равного которому не **видывали** смертные* (Б. Акунин. Левиафан).

2.4. Большой полюс шкалы кратности действия представлен глаголами интенсивно-кратного СД, в значении которых сема итеративности сочетается с семой подчеркнутой интенсивности действия [13: 196], напр.: *вызванивать, выделявать, названивать, нахлестывать, отплясывать, откалывать* и т. д.

[10] *Младший Мишаков неустанно **названивал** брату, пытаясь понять, куда он делся* (А. Слаповский. Заколдованный участок).

[11] – *Я тебе это серебро в пасть вобью, свинья поганая! – перебил Князь и еще долго **выкрикивал** бессвязные угрозы и ругательства* (Б. Акунин. Любовник смерти).

3. СД с сочетанием сем кратности, результативности или неединичности субъекта / объекта действия

По нашему мнению, сема количества может проявляться не только в самом действии, но и в субстанционных элементах ситуации, т. е. в субъекте и объекте действия или, пользуясь термином Й. Крекича, в аспектуальных актантах [15: 18].

Таблица №1 показывает, в чем может проявляться значение количества: в субъекте, в объекте действия или в самом действии.

Таблица №1

СД	Проявление семы количества			Примеры
	субъект	объект	действие	
Одноактный	–	–	+	<i>прыгнуть, долбануть, сработать, прошептать, укусить, вздохнуть</i>
Множественный	–	–	+	<i>хаживать, выдывать, бывать</i>
Прерывисто- смягчительный	–	–	+	<i>покашливать, посвистывать, поговаривать</i>
Интенсивно- кратный	–	–	+	<i>вызванивать, названивать, отплясывать</i>
Взаимный	+	–	+	<i>пересмеиваться, перестреливаться, перемигиваться</i>

				<i>ваться</i>
Распределительный-1	+	–	+	<i>поумирать, повыпрыгнуть, перезнакомиться,</i>
Распределительный-2	–	+	+	<i>пооткрыть окна, перечитать все книги</i>
Кумулятивный-1	–	+	+	<i>накосить травы, понастроить домов</i>
Кумулятивный-2	+	–	+	<i>понаехать</i>

3.1. Глаголы многократно-дистрибутивно-взаимного СД типа *переговариваться, пересмеиваться, переглядываться, перемигиваться, переписываться, перезваниваться, переругиваться, перестукиваться* и т. д., указывают не только на повторяемость действия, но и на осуществление действия несколькими субъектами, поскольку происходит взаимный обмен действиями [11: 601]. На неединичность субъектов может указывать форма множественного числа глагола и субъекта:

[12] *Люди собираются какими-то группами, о чем-то шепчутся, как-то странно между собой **переглядываются*** (В. Войнович. Москва 2042).

На множественность субъектов могут указывать и обстоятельства:

[13] *...Лео, предвкушая это место, заранее начинал улыбаться, кивать головой, **переглядываться с собравшимися**, поощряя их обратить внимание на то, что сейчас последует* (В. Войнович. Москва 2042).

Собирательные существительные также способны передавать значение взаимности:

[14] *Зал начал оживленно **перешептываться*** (А. Слаповский. Заколдованный участок).

3.2. В семантическое поле глаголов распределительного СД типа *перезнакомить, перепробовать, пережениться, перечитать, переболеть, покидать, порубить, пооткрыть, повстать, по-*

выйти, позыгнать входит сема количества самого действия, субъекта или объекта действия. Данные глаголы имеют оттенок поочередности отдельных актов [5: 289]. Действие распространяется либо на ряд объектов, либо выполняется рядом субъектов [11: 603]. Появление нескольких субъектов или нескольких объектов в актантной структуре данных глаголов зависит лишь от переходности/непереходности глаголов. Следовательно, в случае непереходных глаголов действие производится несколькими субъектами (в таблице № 1 см. глаголы распределительного СД-1). См. примеры [15] и [16]:

[15] *Агенты **посходили** с ума* (В. Войнович. Москва 2042).

[16] *...Через несколько лет, когда все они уже **переженились**, Фира пригласила ее с мужем на день рождения, ...* (Д. Рубина. Несколько торопливых слов любви).

Действие, выражаемое переходным глаголом распределительного СД, направлено на все объекты из множества [4: 104] (в таблице №1 см. глаголы распределительного СД-2).

[17] *Затем подбежал к своему столу, **повыдергивал** штепсели всех телефонных аппаратов, посмотрел с сомнением на потолок и поманил меня к себе* (В. Войнович. Москва 2042).

Правильно замечается в работе Бондарко и Буланина, что дополнительный оттенок очередности необязателен [2: 20].

[18] *...ее гостиница была на той же улице, где **переубивали** кучу народу?* (Б. Акунин. Левиафан).

В примере [18] действие (*переубивали*) прикрепляется к одной ситуации, но действие распространяется на множество объектов, которые выражаются собирательными существительными *куча* и *народ*. Значение поочередности в этом контексте иррелевантно.

Наш семантический анализ подтверждает утверждение, что в семантике данных глаголов сема результативности занимает центральную позицию, а семы кратности и темпоральности отодвигаются на периферию.

3.3. Подобно семантике распределительного СД, в семантическом поле глаголов кумулятивного СД сема кратности действия отодвигается на задний план, а на первый план выдвигается сема большого количества результата действия, т.е. доминантной семой является сема результативности. Иначе говоря, преобладающая часть глаголов кумулятивного СД указывает на «достижение значительного количества одних и тех же результатов путем многократного осуществления действия» [14: 144]. Изученный нами количественный компонент в значении данных глаголов наиболее ярко проявляется в результате выражаемого действия. Например, *накопить (травы)*, *настирать (белья)*, *надавать (книг)*, *нажарить (мяса)*, *наварить (варенья)*. Как показывают перечисленные примеры, объект при данных глаголах стоит в форме родительного падежа. Объект является обязательной валентностью глаголов и в качестве косвенного дополнения входит в семантический минимум предложения. Принадлежность дополнения к семантическому минимуму предложения В. И. Фурашовым рассматривается как причина ослабления семантико-синтаксической связи дополнения со сказуемым [12: 336, 337].

Некоторые глаголы кумулятивного СД образуются при помощи комбинации приставок *по-* и *на-*, напр. *понастроить (домов)*, *понаоткрыть (магазинов)*, *понавыдумывать (историй)*, *понадавать (поручений)*, *понаехать* и т. д. Такие глаголы имеют пренебрежительный оттенок, отрицательную коннотацию [4: 97].

[21] *Да еще за триста лет новых ходов **понарыли** – сам черт ногу сломит* (Б. Акунин. Смерть Ахиллеса).

4. Итоги

Результаты нашего анализа позволяют прийти к выводу, что интегральным компонентом значения проанализированных нами СД является сема кратности, которая в значении одноактного, многократного, прерывисто-смягчительного и интенсивно-кратного СД занимает доминантную позицию, а в семантике распределительного и кумулятивного СД – периферийную позицию. Семы интенсивности, результативности и темпоральности действия выступают в качестве дифференциального компонента в значении выше упомянутых СД.

Таблица №2 показывает наличие или отсутствие сем кратности, интенсивности, результативности, темпоральности и неединичности субъекта / объекта действия в значении проанализированных глаголов. Доминантная сема выделена знаком + жирным шрифтом.

Таблица №2

СД	Сема кратности действия	Сема интенсивности действия	Сема результативности действия	Сема темпоральности действия	Сема неединичности субъекта / объекта
Одноактный	+	+/-	+/-	+	-
Многократный	+	-	-	-	-
Прерывисто-смягчительный	+	+	-	-	-
Интенсивно-кратный	+	+	-	-	-
Взаимный	+	-	-	-	+
Распределительный-1	+	-	-	-	+
Распределительный-2	+	-	+	-	-
Кумулятивный	+	-	+	-	+

ЛИТЕРАТУРА

1. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976.
2. Бондарко А.В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967.
3. Бондарко А.В. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Отв. ред.: А.В. Бондарко, Л.: Наука, 1987. С. 98–123.
4. Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Лекции по аспектологии. [Slavistische Beiträge 353.] München: Verlag Otto Sagner, 1997.

5. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Т. 2. Братислава: Изд-во Словацкой академии наук, 1960.
6. Крекич Й. Педагогическая грамматика русского глагола. Семантика и прагматика. Сегед: Танькёньвкиадо, 1997.
7. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л.:Изд-во Ленинградского ун-та, 1984.
8. Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004.
9. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.
10. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011.
11. Русская грамматика. Т. 1. Отв. ред.: Н.Ю. Шведова, М.: Наука, 1980.
12. Фурашов В.И. К проблеме обособления дополнений // Современный русский синтаксис. Избранные работы. Владимир: ВГГУ, 2010. С. 334-347.
12. Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского языка. Теоретические основы. Таллин: Валгус, 1983.
13. Шелякин М.А. Категория аспектуальности русского глагола. М.: УРСС, 2007.
14. Krékits József, Jászay László: Szláv igeaspektus – különös tekintettel az orosz nyelvre. Budapest: Akadémiai, 2008.

ПЕТРОВ Александр Владимирович (*Симферополь, Россия*)

«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» Таврическая академия (структурное подразделение),
e-mail: liza_nada@mail.ru

**ФРАЗЕМЫ И ИХ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ
В АСПЕКТЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕРИВАЦИИ
(на материале субстантивных фразеологизмов модели
«имя прил. + имя сущ.»)**

*Дорогому Владимиру Ивановичу
с глубоким уважением и признательностью
за отзывчивое сердце, за творчество,
которое излучает свет,
открывает глубины родного языка и
вселяет уверенность в научном поиске:
«Я спросил у высокого солнца,
Как мне вспыхнуть светлее зари,
Ничего не ответило солнце,
Но душа услышала: “Гори!”»
(К. Бальмонт)*

Аннотация. В статье исследуется деривационный потенциал компонента(ов) устойчивого словосочетания и его узуального / незуального лексического варианта. Установлено, что в результате фразеологической деривации образуются преимущественно композиты.

Для фразеологизма, как и для слова, характерны словообразовательные отношения. Так, А.М. Бабкин отмечал, что «функцио-

нально-грамматическая близость фразеологической единицы и слова приводит к своеобразной способности некоторых из них свёртываться, т. е. формировать дериваты-слова и продуктивные производящие основы» [2: 11]. По проблеме отфразеологической деривации существует значительная научная литература. Многолетние наблюдения в этой области позволили Н.М. Шанскому выделить специальный раздел «Фразеология и словообразование» в учебном пособии «Фразеология современного русского языка» [14]. Отфразеологическая деривация активно изучается и в украинском языкознании [7].

Фразеологические единицы, выступающие в роли мотивирующих, характеризуются рядом особенностей, среди которых В.В. Истомина и Т.М. Кондратюк выделяют «различные типы избирательности: 1) избирательность компонентного состава; 2) семантическая избирательность; 3) лексическая избирательность; 4) грамматическая избирательность» [9: 15]. Обратим внимание на лексическую избирательность, которая, по мнению исследователей, «проявляется в том, что в генетически производном слове реализуется один определённый вариант» фразеологической единицы (далее ФЕ). Близкую позицию занимает А.М. Бушуй: «Словообразовательная вариация компонентов ФЕ характеризуется следующими особенностями: вариации подвергаются основные строевые полнознаменательные компоненты ФЕ; словообразовательные трансформации компонентов ФЕ весьма ограничены» [4: 54].

Однако этот вопрос не был предметом самостоятельного исследования. По нашим наблюдениям, лексическая избирательность не является абсолютным признаком для фразем, поскольку в языке зафиксированы параллельные дериваты, образованные как от компонента (компонентов при сложении и сращении), так и от его лек-

сического варианта (при участии лексического варианта). Во фразеологии принято считать, что лексический вариант – это такая разновидность ФЕ, в которой один или несколько лексических компонентов могут быть заменены другими при сохранении тождества фраземы (см. работы В.Л. Архангельского, С.Г. Гаврина, Е.И. Дибровой, В.П. Жукова, А.В. Кунина, В.М. Мокиенко, Л.И. Ройзензона, В.Н. Телия, Н.М. Шанского и др.). Обязательным формальным признаком лексической вариантности ФЕ является наличие хотя бы одного общего компонента.

Таким образом, лексическими вариантами фразеологизма называют такие «словесные видоизменения, происходящие в рамках одной и той же синтаксической конструкции и не вносящие каких-либо смысловых оттенков в содержание фразеологизма. От фразеологизмов, охваченных явлением вариантности, требуется полная взаимозаменяемость в любых контекстах» [8: 168].

Одним из первых обратил внимание на характер заменяющихся компонентов фразем В.Л. Архангельский. Исследователь заменил субституцию одного из слов-компонентов синонимом, семантическим эквивалентом или словом, принадлежащим к одному и тому же семантическому ряду. Замену компонента(ов) фразем учёный оценивает как отступление от нормы. Первым опытом построения теории вариантности лексического состава идиом являются исследования В.Н. Телия [13]. Автор обращает внимание на то, что варьироваться может любой компонент идиомы, независимо от грамматического типа. Диапазон вариационных рядов сводится, по мнению В.Н. Телия, к парадигматически системным объединениям (синонимические, предметно-тематические группировки) или парадигматически неупорядоченным взаимозаменам. В дальнейшем В.П. Жуков и Е.И. Диброва расширяют состав субституций за счёт а) слов с ро-

довыми и ассоциативными признаками [8], б) гиперо-гипонимов, антонимов, метафор и метонимий [5].

Таким образом, исследователи пришли к выводу о том, что при лексических вариациях взаимозаменяемые компоненты ФЕ находятся в тесных системных связях. Выбор слова-субститута определяется прежде всего контекстом. Вот что пишет по этому поводу Е.И. Диброва: «Во взаимодействии “значение слова – постоянный контекст (ФЕ)” первенство принадлежит контексту – интегрирующему началу, и потому вариантная парадигма во фразеологии отражает необходимые и случайные, общеязыковые и окказиональные ассоциации» [5: 148].

Возможности лексемных взаимозаменяемых компонентов в составе ФЕ не безграничны, отмечают Л.Н. Колесникова и Р.Н. Попов [10]. Они, как полагает Е.И. Диброва, строго очерчены «дисциплиной ассоциаций, дисциплиной разного порядка, где в одних случаях компонентный материал реализует общеязыковые словесные объединения, в других контекст ФЕ стимулирует одно из возможных употреблений слова» [5: 148].

Традиционно лексическое варьирование фразеологизмов исследуется в аспекте его отграничения от фразеологической синонимии. Вопрос о деривационных возможностях лексического варианта ФЕ сравнительно недавно был поставлен Т.П. Белоусовой. Исследовательница пришла к выводу о том, что «лексическое варьирование фразеологизмов может быть предпосылкой разнонаправленности словообразования в их гнёздах, может способствовать становлению внутригнездовой словообразовательной синонимии, расширять деривационные возможности ФЕ и тем самым содействовать пополнению лексического фонда языка новыми экспрессивными единицами» [3: 243]. Проблема деривационного потенциала компо-

нента фраземы и её лексического варианта нуждается в дальнейшем углублённом исследовании.

Цель статьи – исследовать компоненты фразем и их лексические варианты с позиции словообразовательной деривации. В качестве объекта для изучения были взяты субстантивные фраземы, образованные по модели «прил. + сущ.». Материалом для исследования послужила картотека, которая включает контексты употребления отфразеологических дериватов русского языка. В качестве источников фактического материала использовались «Национальный корпус русского языка» и Интернет-ресурсы.

Лексические варианты были подразделены на варианты узуального и незуального типа. Узуальные лексические варианты закрепились в лексикографических источниках; во фразеографии они обозначаются специальным знаком []. Незуальные лексические варианты ФЕ отмечаем условным знаком < >.

Фразеогнездо с вершиной *голубая <синяя> кровь*

Фразема *голубая <синяя> кровь* употребляется в значении «человек дворянского сословия, аристократического происхождения» и имеет иронический оттенок. В состав ФЕ входит лексический вариант – адъектив *синий*. И адъективный компонент фраземы, и её лексический вариант в свободном употреблении относятся к лексико-семантической группе цветообозначений. Во фразеогнезде представлены адъективные композиты *голубокровый, голубокровный* и *синекровный*. Ср.: *Одну секунду полковник Юрченко глядел на экран и думал. А потом он сделал то, что Малахов никак не ожидал от хорошо выдрессированного голубокрового военного: <http://lib.ru>. Рамблер 12.03.04; Зато когда оно [большевистское терпение] наконец лопнуло, «слабоумный» кузен сразу же предал нас анафеме и оплакал голубокровных родственников* (Нодар Джин.

Учитель. НКРЯ); *Между тем, как доказал опыт XX века, развалить государство может как «голубокровный» император, так и простой комбайнёр*: <http://proshkolu.ru>. Образно о Санкт-Петербурге в структуре перифраза: ***Голубокровный**, королевский, умеет головы кружить. Ах, как хорош он, город невский! Но всё равно мне в нём не жить*: <http://iconosquare.com>.

Наблюдается субстантивация единиц в форме мн. числа: *Мы заняли большую палатку «голубокровых», в которой жил Сафьян* (В. Чивилихин. Пёстрый камень); *Просто многим ничего не известно о голубокровых и их изначальной еврейской крови как самых благородных потомков колен Израиля*: <http://jendosey.livejournal.com>; ***Голубокровные** были членами правлений, наёмными руководителями и специалистами по привлечению денежных средств*: <http://houseofnight.hutt.ru>.

Показательно, что производное *синекровный* сочетается как с одушевлёнными, так и с неодушевлёнными именами и способно выступать в качестве мотиватора: *синекровный* (синекровный наследник), *синекровный* (синекровные телевизионные каналы): *Итак: династия Великобритании ждёт появления на свет синекровного наследника престола. Россияне тоже ждут. По крайней мере, по всем российским телевизионным каналам, столь же синекровным, как и будущий королевский первенец, эта новость идёт вне конкурса*: <http://pan33as.livejournal.com>. Рамблер 29.10.13; *могущественно-синекровная фамилия* [о Лорде Аспеде]: <http://indonbass.narod.ru/proza>. Рамблер 12.03.04.

Субстантивный композит со значением лица образуется на основе адъективного компонента ФЕ – *голубокровник*: *Боцман является старшим офицером и непосредственно проводником приказов капитана. Учитывая специфику разбойного социума, это дол-*

жен быть, как и капитан, очень уважаемый человек – вряд ли пираты слушались команды расфуфыренного «голубокровника»: <http://www.mestechko.com.ru/forum>. Рамблер 12.03.04.

Фразеогнездо *тугой [толстый] кошелёк у кого*

Фразема употребляется в значении «кто-л. имеет много денег». Лексический вариант ФЕ и её адъективный компонент в свободном употреблении имеют следующие значения: *тугой* 2 «плотно набитый или сильно надутый» (*тугой мешок, тугой мяч*), *толстый* 1 «большой, значительный в объёме, поперечном сечении; *противоп.* тонкий» (*толстые стены, толстое дерево, толстая книга*). Лексемы сближаются на основании квантитативной семы. В гнезде отмечены адъективные композиты, при этом большей деривационной активностью характеризуется лексический вариант. Ср.: ...*не «тугокошельный» клиент австрийского банка:* <http://banki.ru>. Рамблер, 01.10.2015.; ...*теперь работаю в фирме, строящей дома для тугокошельных:* <http://astrogalaxy.ru>. Рамблер, 01.10.2015; Беда в том, что не всегда на эти «кусочки земли» находится свой Сёмочкин, умеющий сказать так, чтобы поверили не только друзья, но и чиновники, и **толстокошельные бизнесмены:** <http://www.livejournal.com>. Нигма 21.12.05; С профессией получил «точный, **толстокошельный» результат**»: <http://forum.advocat-as.ru>. Нигма 21.12.05. Фразеогнездо пополнили и субстантивы: *Как правило, в России тугокошельность сочетается с тупоголовостью:* <http://forum.volgograd.ru>. Нигма 21.12.05; *Я считаю, что толстокошельники не имеют ни малейшего права присваивать себе нашу землю, реки, дороги, озера:* <http://bolshoyforum.com>. Рамблер, 01.10.2015.

Фразеогнездо *тощий [пустой] карман у кого*

У фраземы *тощий [пустой] карман у кого* «кто-л. очень беден, совсем не имеет денег или испытывает нужду в деньгах» деривационно активен лексический вариант и именной компонент «карман». В гнездо входит композит *пустокарманный*: *В лавочке [у Яковлева] рылись чаще всего пустокарманные учёные, находившиеся с владельцем только в тёплых, дружеских отношениях и не дававшие дохода* (Е. Иванов. Меткое московское слово); *Ах, люди странные, Пустокарманные, Вы – постоянные клиенты ресторанные...* (В. Высоцкий, Баллада о маленьком человеке); *Вот сцена, в которой талантливый, но «пустокарманный» Остап Бендер выступает в качестве художника на агитпароходе «Скрябин»:* <http://klub-kolekzionerov.blogspot.com>. Рамблер, 01.10.2015.

Фразеогнездо *дальний [далёкий] прицел у кого*

В Словаре А.И. Молоткова выделяется фразема *далёкий прицел* «далеко идущие замыслы, планы» с лексическим вариантом «*дальний*», хотя в иллюстративной части словарной статьи приводятся контексты, содержащие только лексический вариант. Фразеологический оборот восходит к составному термину *дальний прицел* – «часть приспособления на огнестрельном оружии для наводки на цель» [6]. На наш взгляд, значение соответствующей фраземы сформировалось на базе терминологического значения составного наименования с дальнейшей фиксацией лексического варианта *далёкий*. Деривационно активными являются компоненты ФЕ, но не её лексический вариант: *Долго и крылато цвел Далмат. И умерев, не умер в своих творениях и в сказке моей милой бабушки Анны Лаврентьевны. Старухи глубинной, огневой... и дальноприцельной* (Е. Пермяк. Про дедушку Само); *Есть у тракторозаводцев и дальноприцельный, но основанный на точных расчётах план — дове-*

*сти к 2011 году выпуск тракторов до 75 тысяч в год: <http://ng.by>. Рамблер, 01.10.2015.; Как-то была у Сталина в его кремлевской квартире мужская вечеринка. За столом происходил вроде бы шуточный, но, похоже, весьма **дальноприцельный** разговор: <http://libok.net>. Рамблер, 01.10.2015.*

Рассмотренный аспект проблемы «фразеология и словообразование» нуждается в дальнейшем исследовании с привлечением обширного фактического материала с использованием различных Интернет-источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1964. 316 с.
2. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л.: Наука, 1970. 263 с.
3. Белоусова Т.П. Лексическое варьирование фразеологизмов и отфразеологическое словообразование // Явление вариантности в языке. Кемерово, 1994. С. 241–243.
4. Бушуй А.М. К изучению деривационных процессов во фразеологии // Проблемы фразеологии. Тула, 1980. С. 53–59.
5. Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Издательство Ростовского университета, 1979. 192 с.
6. Ермакова О.Л. О семантике фразеологизмов, восходящих к составным терминам // Лексическая и фразеологическая семантика языков народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 3–14.
7. Жуйкова М.В. Актуальні проблеми вивчення компресії сталих виразів // Культура народів Причорномор'я. Симферополь, 2005. № 60. Т. 3. С. 92–98; Стишов А.А. Отфраземные образования в современном украинском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. К., 1991. 18 с.; Ужченко В.Д. Творення слів на базі фразеологічних одиниць // Вісник Харківського ун-ту. № 237. Харків, 1982. С. 54–61.
8. Жуков В.П. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986. 310 с.
9. Истомина В.В., Кондратюк Т.М. К проблеме словообразования на базе фразеологических единиц // Проблемы русской фразеологии. Тула, 1976. Вып. 2. С. 14–26.
10. Колесникова Л.Н., Попов Р.Н. К вопросу о вариантности фразеологических единиц // Проблемы фразеологии. Тула, 1980. С. 3–12.
11. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977. 284 с.
12. Попов Р.Н. Словообразование на почве фразеологических единиц // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд, 1972. С. 53–63.
13. Телия В.Н. О лексических компонентах фраземы как элементах структуры // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967. С. 210–220.

14. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1985. 160 с.

ПИМЕНОВА Марина Васильевна (*Владимир, Россия*)
Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и
Николая Григорьевича Столетовых
pimenova-vgpu@yandex.ru

ПОНЯТИЕ ШКАЛЫ В ТРУДАХ В.И. ФУРАШОВА И ЯЗЫКОВАЯ ОБРАЗНОСТЬ

Работа выполнена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 15-24-01007 а(м)

Аннотация. Статья посвящена понятию шкалы в трудах известного лингвиста, профессора Владимира Ивановича Фурашова (г. Владимир) применительно к лексико-семантическому явлению языковой образности.

*Дорогому Владимиру Ивановичу, Учителю и Коллеге,
с благодарностью*

В своих трудах профессор **Владимир Иванович Фурашов** неоднократно обращается к понятию языковой шкалы (1976, 1981, 1983, 1986, 1989, 1993, 2002, 2003, 2004, 2007, 2010), благодаря которому им описываются и систематизируются «разные модели подчинительных сочетаний слов по степени связанности их компонентов» («*О нерешенных вопросах теории словосочетания*» [6: 10]); явления полевой структуры, переходности и синкретизма членов предложения («*О синкретизме и смежных явлениях*» [6: 53, 59], «*О полевой структуре, шкале переходности и синкретизме (применительно к синтаксическим явлениям)*» [6: 59-64, 66-67], «*О так называемой многозначности членов предложения*») [6: 68-69, 74]; субстантивные слова по характеру сочетаемости с атрибутивными распространителями: синсемантические слова ↔ субстантивы с минимальными сочетаемостными возможностями (личные, возврат-

ные, указательные, относительные, определительные субстантивные слова местоименного характера) (*«Вступительное слово на защите докторской диссертации «Определение как синтаксическая категория в современном русском языке» [6: 132-134], «Шкала атрибутивной валентности местоименных существительных» [6: 136-138], «О сочетаемости неопределенных местоимений с прилагательными и причастиями» [6: 153], «Атрибутивные распространители местоименных существительных» [6: 174-175], «О синтаксических функциях приместоименных косвенных падежей имен существительных» [6: 192, 197], «Присубстантивный инфинитив» [6: 235], «Присубстантивный компаратив» [6: 254]*). В.И. Фурашов указывает также на тесную связь шкалы с описанием функционирования той или иной категории. Так, «шкала атрибутивной валентности субстантивных слов прямо соотносится с большей или меньшей вероятностью полупредикативного функционирования определений: чем меньше нуждается определяемое слово в атрибутивном распространителе, тем вероятнее при нем обособление определений (при прочих равных условиях)» (*«Полупредикативность как семантическое свойство обособленных членов предложения» [6: 308]*).

Обратимся к нижележащему по отношению к синтаксису уровню – лексико-семантическому – и рассмотрим явление **языковой образности**, под которой исследователи понимают «семантическое свойство языкового знака, его способность выразить определенное внеязыковое содержание <...> посредством целостного наглядного представления-образа» [2: 71]. Различные аспекты языковой образности рассматривались в работах Н.Д. Арутюновой, Ш. Балли, В.В. Виноградова, И.Р. Гальперина, С.С. Гусева, М. Джонса, Л.С. Выготского, Е.М. Галкиной-Федорук, К.А. Кедрова,

Л.А. Киселевой, Е.А. Ключева, Дж. Лакоффа, В.П. Москвина, Л.А. Новикова, Е.В. Огольцевой, М.М. Покровского, М. Редди, Г.Н. Складневской, В.Н. Телия, А. Хаверкампа, В.К. Харченко и др. Накопленный исследователями лингвистический материал позволяет «построить» условную **шкалу языковой образности** на основаниях, разработанных профессором В.И. Фурашовым.

На крайней («исходной») границе данной шкалы находятся лексические единицы с прямым «устойчивым» значением, обладающие «нулевой» образностью – это **отвлеченная лексика/терминология**, принадлежащая, как правило, к книжным стилям (научному и официально-деловому), например: *анализ, аргументировать, бездоказательный, болеутоляющий, взыскание, вербальный, вышеназванный, данный, двояковогнутый, дедукция, дифференцировать, допущение, заявитель, займодержатель, извлечение, инверсия, индукция, исходящий, квартиронаниматель, классифицировать, локомотив, местожительство, мышление, носоглотка, обоюдный, отымённый, проживать, ратификация, синхронизатор, систематичный, умозаключение, целенаправленный* и под. [З: 26, 30, 40, 53, 69, 76, 114, 139, 141, 144, 154, 161, 190, 210, 221, 228, 229, 237, 250, 254, 301, 319, 337, 383, 396, 443, 561, 617, 661, 662, 765, 801].

На противоположной границе шкалы – слова с предельно «неустойчивым» значением, создающие в контексте **художественную метафору** или **художественное сравнение**, степень образности которых стремится к бесконечности:

*Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана,
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;*

*Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.* (М. Лермонтов. Утес)

Между крайними точками шкалы языковой образности расположены следующие группы лексики.

Во-первых, это слова, имеющие **безобразное** («устойчивое») **переносное значение**. Например: в нем *радость боролась с завистью*, *градус* внимания, *запас* впечатлений, люди разного *калибра*, *коснуться* какой-н. темы, в нем *клокочет* гнев, *колорит* эпохи в историческом романе, *курс* рубля, в мировом *масштабе*, *накопиться* (о негодовании, обиде), *опереться* на цифры, обычные представления о скоростях *опрокинуты*, опыт *подсказал* правильное решение, здоровье *подточено*, *подтянуть* отстающих, *предел* совершенства, *пристал* грипп, *проекция* чувства, *пролог* событий, *прятать* свои мысли, *разразиться* смехом, *схлынул* первый поток пассажиров, *тормозить* рефлексy, *точить* нож на кого-л. ('готовиться к нападению'), *бить* в одну *точку* ('направлять все действия на что-л. одно'), *уперся* и не поехал никуда, *хроническое недосыпание* и т.п. [З: 55, 132, 198, 241, 247, 256, 261, 288, 313, 347, 413, 416, 498, 499, 500, 532, 551, 561, 565, 580, 601, 719, 738, 739, 767, 799].

Во-вторых, это слова, обладающие «полуустойчивым» переносным значением с так называемой «потухшей» образностью: **номинативная метафора** – образование имен предметов, обычно непоименованных, замена одного дескриптивного значения другим. Например: *баранка* – '(перен.) рулевое колесо автомобиля (прост.)'; *белок* – 'выпуклая непрозрачная белая оболочка глаза'; *ветка* – 'отдельная линия в системе железных дорог, отклоняющаяся в сторону

от основного пути»; *грудная клетка*. – ‘часть туловища, ограниченная ребрами’; *гусеница* – ‘широкое полотно, состоящее из отдельных звеньев, служащее вместо колес у тракторов, самоходных кранов и т.п.’; *журавль* – ‘длинный шест у колодца, употребляемый как рычаг при подъеме воды’; *колесо* – ‘отдельное сочленение, звено, отрезок в составе чего-н., являющегося соединением таких отрезков (*коленья бамбука, коленья железной трубы*)’; *кошка* – 2) ‘род железных шипов (или иных приспособлений), надеваемых на обувь для лазания на столбы, по отвесным местам’, 3) ‘небольшой якорь’; *лапка* мн. – ‘разновидность кавычек’; *носик* – ‘выступающая в виде трубки часть чайника, молочника, кофейника и т.п., через которую выливают жидкость’; *ручка* – ‘часть предмета, за которую его держат или берут рукой; рукоятка’, *таз* – ‘часть скелета, костный пояс в нижней части туловища у человека (у животных в задней части)’, *дымовая шашка* – ‘футляр, наполненный дымовой смесью (для создания дымовых завес, для окуривания растений и т.п.)’ и т.д. [3: 36, 43, 72, 137, 180, 255, 260, 276, 291, 383, 634, 723, 819].

Г.Н. Складаревская указывает на метафоры, не обладающие образностью (утратившие двуплановый характер), но имеющие «...коннотативное содержание (эмоциональность, экспрессивность, оценку), например: *карга* – ‘сварливая, злая или безобразная старуха’ (из диалектного *карга* – ‘ворона’); *мыкаться* – ‘испытывать нужду, невзгоды’ (из диалектного *мыкать* – ‘чесать лен, пеньку’); *олух* – ‘невежда, дурак’ (из устаревшего *волух* – ‘пастух волов’) [5: 46].

Третья группа – это слова, обладающие «неустойчивым» переносным значением и выражающие **языковую метафору** разных видов (с «живой» образностью).

Первый и наиболее частотный вид языковой метафоры – **мотивированная образная метафора**, при которой происходит пере-

ход предметного значения в категорию признаков слов. Например: *калейдоскоп* – '(перен.) быстрая смена чего-н. (явлений, лиц; книжн.)'; *кариатура* – '(перен.) смешное, жалкое подобие чего-н.'; *корявый* – 'неискусный, некрасивый (разг.), *корявый почерк*'; *кремень* – '(перен.) о человеке с твердым характером (разг.)'; *лиса* – '(перен.) хитрый, льстивый человек (разг.)'; *орел* – '(перен.) о гордом, смелом, сильном человеке'; *паяц* – '(перен.) о человеке, который паясничает (неодобр.)'; *петух* – '(перен.) о задорном человеке, забияке (разг.)'; *пульс* – '(перен.) темп жизни, движение чего-н.'; *сверлить* – '(перен.) причинять какую-н. непрерывную боль, страдание, неприятность'; *как теленок кто-н.* ('простоват и доверчив'); *чурбан* – '(перен.) неповоротливый, тупой человек, болван (разг. бран.)' и др. [3: 241, 274, 279, 298, 418, 454, 472, 581, 645, 727, 816]. Следует отметить, что один и тот же объект/предмет может ассоциироваться с различными признаками, например: *темная лошадка* – '(перен.) о человеке, внутренние качества, свойства которого неясны, неизвестны'; *рабочая лошадка* – '(перен.) о трудолюбивом человеке, безотказном работнике'; *лошадиное здоровье* – '(перен.) очень крепкое'; *лошадиное лицо* – '(перен.) с тяжелой и вытянутой нижней челюстью' [3: 303].

По мнению Н.Д. Арутюновой, еще один вид языковой метафоры – это **когнитивная метафора**, указывающая на признак вспомогательного субъекта без отсылки к термину сравнения (в среде признаков слов – *острое слово, острый ум, острый конфликт, острая боль, острая обида, острый кризис* и др.) [1: 235].

Между языковой и художественной метафорой на условной шкале языковой образности расположены так называемые «потенциальные» метафоры, которые, образуясь по законам языковой метафоры, как правило, не функционируют в языке на правах готовых

лексических единиц (в связи с чем не фиксируются в словарях), приближаясь к художественной метафоре по своим функциям, например: *бубенчики влаги, дорога вливается в шоссе, выплеск подробностей, жиденькая мысль, захлебываться книгой, нырнуть вглубь атомного ядра, озеро голов, парафиновые щеки, пучина высокой политики, пучина уголовного кодекса, свежая радость, фасолины зубов, хлынули поляны* и др. [5: 41, 127].

Необходимо подчеркнуть, что данная шкала помимо различной степени языковой образности отражает способность тех или иных групп лексики к семантической деривации, а также наглядно демонстрирует зону **«семантического синкретизма»**, представляющую собой, на наш взгляд, особую лексико-семантическую категорию [4: 47-48], объединяющую лексические единицы, общим свойством которых является «качественный» дифференциальный признак (указывающий на качество означаемых/означающих), проявляющийся на синтагматическом уровне – наличие синкретичного (нерасчленённого) означаемого и/или синкретичного (нерасчленённого) означающего. Данную лексико-семантическую категорию мы предложили называть термином **синкретсемия** – ‘нерасчлененность значений/знаков’ (от греч. *συνκρητισμός* – ‘соединение, объединение, связывание’ и *σημα* – ‘знак, признак, знамение, сигнал’) [там же].

В заключение хочется пожелать дорогому Владимиру Ивановичу *синкретизма* крепкого здоровья, вдохновения и творчества!

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Метафора // Русский язык: энциклопедия. М.: Русский язык, 1997. С. 233-236.
2. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск: Наука, 1986. 230 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 12-е изд. М.: Русский язык, 1978. 846 с.
4. Пименова М.В. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Владимир: Издательства СПбГУ; ВГПУ, 2007. 416 с.

5. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. 2-е изд. СПб.: Издательство СПбГУ, 2004. 166 с.

6. Фурашов В.И. Современный русский синтаксис. Избранные работы. Владимир: ВГГУ, 2010. 366 с.

РЕПАШИ Дьёрдьнэ, СЕКЕЙ Габор (*Ньиредьхаза, Венгрия*)

Ньиредьхазская высшая школа

repasine@gmail.com

szekelygaborster@gmail.com

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЕНГЕРСКИХ И РУССКИХ СЕМЕЙНЫХ ТЕРМИНОВ

Аннотация. В статье даётся краткий фрагмент из исследования, проведённого венгерскими лингвистами в области семейных терминов. В работе рассматриваются в сопоставительном плане венгерские и русские термины прямой родословной ветви, боковой линии родства, термины брачного сожителства и отсутствия родственных отношений. Анализ языкового материала проводится на лексико-морфологическом уровне, и особое внимание уделяется авторами вопросам эквивалентности венгерских и русских терминов.

Введение

Группой венгерских лингвистов составляется монография, описывающая семейные и родственные термины двенадцати языков (английского, испанского, итальянского, китайского, корейского, немецкого, румынского, русского, сербского, финского, французского и японского). Исходя из венгерского языка, авторами отдельных глав монографии обращается внимание кроме языковых фактов и на их общественный фон в представленных языках.

В настоящей работе в центре нашего внимания стоит язык на его лексико-морфологическом уровне. Нашей целью является сопоставление семейных терминов как лексических единиц венгерского и русского языков. На общественные явления, связанные с ними, обращается меньше внимания. Языковой материал рассматривается нами с точки зрения эквивалентности отдельных языковых терминов.

В лексических единицах, рассматриваемых нами двух языков, наблюдаются два типа соответствий:

1) эквивалентные лексические единицы в данных языках (единицы наиболее близки друг к другу);

2) безэквивалентные лексические единицы (единицы, которые не имеют соответствия в другом языке) [1: 18-19].

Нам хотелось бы представить, в какой мере соответствуют русские семейные термины венгерским семейным терминам. (Безэквивалентные термины обозначены серой окраской).

1. Термины прямой родословной ветви

В русском языке эквивалентом венгерского слова **rokonság** является производное слово от глагола родить: **‘родня’**.

Наличие отношений тождества [1: 18] существует между венгерским словом **vérrokon** и его русским эквивалентом: **‘кровный родственник’**.

Русское слово **родители** является также производным словом от глагола **родить** точно так же, как венгерское слово **szülők** **‘родители’** является производным словом от глагола **szül** **‘родить’**. Венгерское слово употребляется и в единственном числе: **az egyik szülő** **‘один/одна из родителей’**. Венгерские слова **rokon(ok)** **‘родственник(и)’**, **rokonság** **‘родня’** не являются производными словами от слова **szül**.

Эквивалентом венгерского слова **anya** является тоже непроизводное слово в русском языке: **мать**.

Мать **‘anya’** – это женщина, вынашивающая, родящая и воспитывающая ребёнка. В венгерском языке существует и сложное слово **édes|anya**, первый элемент которого, **édes-** обозначает **‘сладкий’**. Слову **édes** в русском языке соответствует в этом случае опять слово, происходящее от глагола **родить** → **родной**: **édesanya**

‘родная мать’. В венгерском языке употребляется так же и сложное слово **szülőanya** **‘родная мать’**. Первый элемент этого венгерского слова происходит от глагола **szül** **‘родить’**, то есть наблюдается тождество выражений в двух языках. В венгерском языке гораздо больше словосложения, чем в русском языке. Венгерским сложным словам часто соответствуют атрибутивные конструкции, которые можно воспринимать как эквиваленты венгерским сложным словам:

édesanya	родная мать
szülőanya	родная мать

В венгерском языке так же, как и в русском, параллельно употребляются термины **anya** **‘мать’** и **anya** **‘мама’**, но в разных речевых ситуациях и с различной стилистической окраской. Первый можно считать официальным термином, и он употребляется в изъяснительных предложениях, когда говорится о матери, когда ссылаются на неё, а второй – скорее всего в обращениях, и он имеет небольшой ласкательный оттенок, пожалуй, самый низкий на шкале **мама/мамочка/мамуля/мамуся**. Употребление слов **apa** **‘отец’** и **apuka** **‘папа’** похоже на употребление слов **anya** **‘мать’** и **anya** **‘мама’**. Венгерские слова **gyermek** **‘ребёнок’**, **gyermek** **‘дети’** именно так, как их русские эквиваленты, обозначают и **‘не взрослый человек’** и **‘ребёнок/дети человека’**.

Слово **lány/leány** имеет семантику **‘молодая незамужняя женщина’** и **‘чья-либо дочь’**. Слово **fiú** имеет значение **‘молодой мужчина’** и **‘чей-либо сын’**. В русском языке эти значения выражаются разными словами. В венгерском языке употребляется словосочетание с родительным падежом:

lány	девочка/девушка
vkinek a lánya	дочь

fiú мальчик

vkinek a fia сын

В русском языке нет эквивалента у венгерского слова **mostoha(-)** ‘неродной’: **mostoha szülők** ‘неродные родители’:

mostohaszülők неродные родители

mostohaanya мачеха

mostohaapa отчим

mostohagyermek/vkinek пасынок

a mostohafia

vkinek a mostohalánya падчерица

В русском языке прилагательное **приёмный** употребляется со словами, обозначающими лиц, принадлежащих как к восходящей, так и к нисходящей родословной ветви. В венгерском языке слова **szülők** ‘родители’, **anya** ‘мать’, **apa** ‘отец’ сочетаются с прилагательным **nevelő** ‘воспитывающий’.

nevelő szülők приёмные родители

nevelő anya приёмная мать

nevelő apa приёмный отец

fogadott gyerek(ek) приёмный ребёнок/ приёмные дети

vkinek a fogadott lánya приёмная дочь

vkinek a fogadott fia приёмный сын

Как в русском, так и в венгерском языке недавно появилось совершенно новое понятие: **суррогатное материнство** ‘**béranyság**’. В русском языке прилагательное **суррогатное** является непосредственным заимствованием из английского языка, а в венгерском появилось сложное слово **béranyság**. **Bér-** ‘зарплата’, **anyság** ‘материнство’.

По восходящей линии при названии предков для отношения венгерских и русских лексем характерно отсутствие эквивалентности, так как:

1) в венгерском языке вторая часть сложного слова – это термин, обозначающий представителя первого поколения, а в русском языке лицо, принадлежащее ко второму поколению

2) в русском языке нет отдельного термина для названия одним словом **бабушки** и **дедушки**, а в венгерском языке есть такой термин: **nagyszülők ← nagy+szülők**

3) в венгерском языке в терминах, обозначающих представителей разных поколений, фигурируют разные первые составные элементы (**nagyszülők**, **dédszülők**), а в русском языке повторяется префикс **пра-** : **прабабушка**, **прапрабабушка**:

nagyszülő(k),	дедушка и бабушка,
nagyanya, nagyapa	бабушка, дед(ушка)
dédszülő(k),	прародители, прабабушка,
dédanya, dédapa	прадед
ükszülő(k), ükanya,	прапрародители,
ükapa	прапрабабушка, прапрадед
szépszülő(k), szépanya,	прапрапрародители,
szérapa	прапрапрабабушка,
	прапрапрадед

Что касается терминов, обозначающих членов потомства, можно сказать, что ситуация проще. 1. В таких случаях вторая часть терминов в обоих языках совпадает с терминами, обозначающими членов первого поколения по нисходящей линии. 2. Все русские термины употребляются и во множественном числе, так же, как и венгерские термины. Несмотря на это, нужно сказать, что русские и венгерские термины и в этом случае не соответствуют друг другу,

так как в русском языке повторяется префикс **про-**, а в венгерском появляются разные первые морфемы.

(fiú)unoka, (lány)unoka	внук, внучка
dédunoka (fiú), (lány)	правнук, правнучка
ükunoka (fiú), (lány)	праправнук, праправнучка
szépunoka (fiú),(lány)	прапраправнук, прапраправнучка

2. Термины боковой линии родства

В русском языке нет эквивалента у венгерского слова **testvérek. Mi testvérek vagyunk.** Это предложение можно перевести на русский язык только следующим образом: **Мы братья и сёстры.** Или: **Мы брат и сестра.** То есть:

testvérek	братья и сёстры / брат и сестра
------------------	--

Термины для названия непосредственных родственников разного пола существуют в обоих языках:

nővér	сестра
fivér	брат

В русском языке – в отличие от венгерского – нет специальных терминов для названия сестёр и братьев разных возрастов:

vkinek a nénye	старшая сестра
vkinek a bátyja	старший брат
vkinek a húga	младшая сестра
vkinek az öccse	младший брат

Для обозначения братьев и сестёр, рождённых в одно и то же время от одной матери, есть особые выражения в обоих языках: **ikrek: близнецы; (az egyik) iker: близнец.** Для терминов родственных отношений такого рода характерна безэквивалентность:

iker-testvér	брат- близнец
---------------------	----------------------

hármás iker

тройня

Отсутствие эквивалентности характерно и для венгерских и русских слов, обозначающих братьев и сестёр, родившихся от разных матерей, или от разных отцов:

féltestvérek

сводные братья

***vkinek a félnővére**

сводная сестра

***vkinek a félfivére**

сводный брат

В венгерском языке нет специального термина для обозначения сводной сестры или сводного брата. Нет термина и для обозначения отношений сводных братьев и сестёр к родителям, а в русском языке такие термины существуют:

'egy anyától származó

единоутродные братья и

testvérek'

сёстры

'egy apától származó

единокровные братья и

(fél)testvérek'

сёстры

В венгерском языке термины для обозначения двоюродных/троюродных братьев и сестёр именуются сложными словами. В русском языке в таком случае появляются атрибутивные конструкции, или употребляются термины, заимствованные из французского языка:

unokanővér

двоюродная сестра, кузина

unokafivér

двоюродный брат, кузен

idősebb másodfokú unokanővér

старшая двоюродная сестра

idősebb másodfokú unokafivér

старший двоюродный брат

fiatalabb másodfokú unokanővér

младшая двоюродная сестра

fiatalabb másodfokú unokafivér

младший двоюродный брат

Термин для обозначения брата или сестры матери или отца по отношению к ребёнку в венгерском языке именуется сложными словами, а в русском – коренным словом:

nagynéni	тётя
nagybácsi	дядя

Русский термин **племянник/племянница** происходит от слова **племя**. В венгерском языке и в этом случае употребляется сложное слово: **unoka|fivér, unoka|nővér**.

В русском языке кроме названных, существуют ещё несколько терминов, которые нуждаются в описании/разъяснении при переводе их на венгерский язык:

'az apa vagy az anya nagybátyja'	двоюродный дед
'az apa vagy az anya nagynénje'	двоюродная бабушка
'az apa, anya unokafivére'	двоюродный дядя
'az apa, anya unokanővére'	двоюродная тётя
'a fivér vagy a nővér fiúunokája'	внучатый племянник
'a fivér vagy a nővér lányunokája'	внучатая племянница

3. Термины „искусственного родства”

3.1. Термины брака

Венгерскому сложному слову **házasságkötés** в русском языке соответствует несколько выражений: **бракосочетание, вступление в брак, заключение брака**. Люди (мужчина и женщина), живущие в браке, являются **супругами**. В венгерском языке **házastársak**. В обоих языках существует несколько выражений, обозначающих людей, живущих в браке: **házastársak** ‘супруги’; **férj/vkinek a férje/vkinek az ura** ‘супруг/муж’; **feleség** ‘супруга/жена’, ‘баба’,

‘супружница’ (в народном языке). При сопоставлении этих слов и выражений можно сделать такой вывод, что в данном случае наблюдается отсутствие эквивалентности. Венгерское слово **házas|társak** является сложным словом, первый элемент которого связан с семантикой слова **дом**. **Házás** ‘тот, кто имеет дом’. Значение второго элемента: ‘спутник (жизни), товарищ’. Слова **férj** ‘**муж**’, **úr** ‘**господин**’ являются коренными словами. **Vkinek az ura** так же, как и **vkinek a lánya/fia** (см. выше), являются похожими выражениями. Слово **feleség** от слова **fél** ‘**половина**’. Русские слова **муж** и **мужчина**, **жена** и **женщина** – от того же корня.

При сопоставлении терминов родства девяти европейских языков выяснилось, что в таком смысле европейские языки можно разделить на четыре группы: 1) североевропейские языки; 2) южно-европейские языки; 3) славянские языки; 4) венгерский язык. В силу строго ограниченного объёма настоящей статьи здесь у нас нет возможности более подробно заниматься вопросами языковых фактов других языков. Что касается русского и венгерского языков, бесспорным фактом является, что термины родства со значениями ‘отец и мать мужа жены’, ‘жена и муж дочери и сына’, ‘брат и сестра мужа и жены’, в основном отличаются друг от друга.

'a férj anyósa'	тёща
'a férj apósa'	тесть
'a férfi menyé'	сноха
'a férfi veje'	зять
'a feleség anyósa'	свекровь
'a feleség apósa'	свёкор
'a nő menyé'	невестка
'a nő veje'	зять

sógor	шурин ('a feleség fivére') деверь ('a férj fivére') зять ('a feleség nővérenek a férje') свояк ('a feleség nővérenek a férje', 'a feleség fivére')
sógornő	золовка ('a férj nővére') невестка (сноха) ('feleség, a férj fivérének, nővérenek, a testvérei feleségeinek, illetve férjeinek viszonylatában') свояченица ('a feleség nővére')

Глубину отличий нам хотелось бы продемонстрировать всего лишь одним примером. Простое венгерское предложение **Az após otthon van.** можно перевести на русский язык только в том случае, если мы знаем, что отец мужа, или отец жены, дома. У данного венгерского предложения два перевода на русский язык: **Тесть дома. Свёкор дома.** Русский язык, и вообще славянские языки по терминам брака в основном отличаются от венгерского языка (и от других европейских языков).

3.2. Термины брачного сожительства

Как в венгерском, так и в русском языке имеется мало выражений, отражающих этот тип сожительства. В венгерском языке второй элемент сложного слова **élet|társ** переводится на русский язык словом **товарищ**, однако как термин брачного сожительства это слово не употребляется.

élettárs

спутник жизни

спутница жизни

В венгерском языке словом **élettárs** называется как женщина, так и мужчина. Женской формы данного слова ***élettársnő** не существует.

Семейные отношения, связанные с брачным сожителем, невозможно выражать специальными терминами. Их можно лишь описывать иными словами. Например: **отец моего спутника (жизни)** ‘**az élettársam apja**’; **сестра моего спутника (жизни)** ‘**az élettársam lánytestvére**’.

Из английского языка заимствовано слово **пэчворк-семья**. Немного иронические мысли опубликованы Абрамовской в связи с этим понятием [2]. В венгерском языке существует несколько эквивалентов у выражения **пэчворк-семья**: **pecsvörk-család, mozaik család, kevert család**.

3.3. Термины остальных связей родства

Имеется несколько терминов, связанных с обручением, с крещением и миропомазанием. Слова **невеста** ‘**menyasszony**’, **жених** ‘**vőlegény**’ относятся к безэквивалентной лексике. В венгерском языке имеется и термин, называющий мать жениха/невесты **örömanya** и отец жениха/невесты **örömapa**. Нужно отметить, что эти последних два термина употребляются сугубо лишь во время церемонии заключения брака. После него они перейдут в термины **anyós, após**.

Слова, связанные с крещением, так же как и само слово крещение, производны в обоих языках от слова **крест** ‘**keresztelő**’:

keresztanya	крёстная мать
keresztapa	крёстный отец
vkinek a keresztlánya	крестница
vkinek a keresztfia	крестник

Венгерские термины, связанные с миропомазанием, '**bérmálás**', в русском языке выражаются описательными оборотами/словосочетаниями: **bérmaara** 'восприемник при миропомазании', **bérmaanya** 'восприемница при миропомазании'.

В венгерском языке существует сложное слово **névadás**, 'наименование ребёнка/дать имя новорождённому/присвоить имя новорождённому без крещения'. Сама церемония называется **névadó ünnepség** 'торжественная регистрация новорождённого'. Нет эквивалентности у следующих терминов, связанных со словом **névadás**: **névadó szülők** 'почётные родители', **névadó anyja** 'почётная мать', **névadó apa** 'почётный отец'. Семантика венгерских терминов указывает на сам процесс присвоения имени, а элемент **почётный** в русских терминах по-венгерски можно передать словом **tiszteletbeli**.

4. Отсутствие родственных отношений

Смерть, печальное событие отца или матери или обоих родителей становится причиной возникновения специальных терминов, которыми называются дети такого семейного/общественного положения: **árva** 'сирота', **félárva** 'наполовину сирота', **teljes/en árva** 'круглый сирота', **arátlan/anyátlan árva** 'сирота без отца и матери'. Слово **árva** 'сирота' относится как к женскому, так и к мужскому полу в обоих языках. Русское слово **сирота** имеет несколько стилистических синонимов, возникших на морфологическом уровне с помощью разных суффиксов: **сиротка, сироточка, сиротиночка, сиротинушка** [см. 3.]. В венгерском языке стилистический и ласкательный оттенки выражаются отдельными словами: **kis, szegény**.

Русский эквивалент венгерского слова **özvegység** 'вдовство' считается немного устарелым. В венгерском языке женщина, потерявшая своего мужа, и мужчина, потерявший свою жену, называют-

ся сложными словами, а в русском языке словами, образованными от одного и того же корня: **özvegy|asszony** ‘вдова’, **özvegy|ember** ‘вдовец’. Интересно отметить, что второй элемент термина **özvegy|ember** в венгерском языке имеет немного просторечно-разговорный оттенок, поскольку восходит к такому старому и устарелому мировоззрению, что человеком считается только мужчина. Такое восприятие отражается и в оборотах **az én emberem; Mondd meg az embernek...** Официальным вариантом слова **вдовец** является ‘**özvegy férfi**’. У слова **вдовушка** венгерским эквивалентом является не сложное слово, а словосочетание: ‘**fiatal özvegy**’.

Венгерским эквивалентом русского слова **развод** является ‘**válás**’. Нет эквивалентности на уровне управления у следующих выражений: **разводиться/развестись с кем-л.** ‘**vki elválík vkitől**’; **разводить/развести мужа с женой** ‘**elválasztani a férjet a feleségtől**’. Полная эквивалентность наблюдается у слова **разведённый** ‘**elvált**’ как на лексическом, так и на морфологическом уровне.

Следующие выражения, связанные с отсутствием родственных отношений, тоже могут заслуживать внимания: **расторгать/расторгнуть брак** ‘**házasságot felbontani**’, **расторжение брака** ‘**a házasság felbontása**’, **обручение сорвалось** ‘**felborult az eljegyzés**’, **неполная семья** ‘**csonka család**’, **холостяк/холостой человек** ‘**agglegény**’, **старая дева** ‘**vénlány**’.

Семейные термины представляют собой особое семантическое поле. К нему принадлежат не очень много выражений, но на наш взгляд, как показывает многолетнее преподавание русского языка как иностранного, они являются важными, ведь они частотны в употреблении. Их сопоставительный анализ может помочь правильно пользоваться ими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пете И. Лексикография русского языка для венгерских студентов-русистов. Будапешт: Танкёньвкиадо, 1989.
2. <http://lady.tsn.ua>
3. Alekszandrova З.Е. Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л.А. Чешко. М.: Русский язык, 1986.

РУДЕЛЕВ Владимир Георгиевич (Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный университет
имени Гавриил Романовича Державина
rudelevao@mail.ru

МОНОЛОГ ОДНОГО ИЗ АВТОРОВ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» (реконструкция и герменевтический анализ)

Аннотация. В статье обсуждаются данные о том, что «Зачин» «Слова о полку Игореве» является *интерлюдией*, отделяющей монолог 1-го Автора этого произведения, прерванный слушателями, от монолога 2-го его Автора В качестве 1-го Автора «Слова» представляется активный участник похода 1185 г боярин Лавр.

Будучи половцем по отцовской линии, боярин Лавр (Лаворъ, Овлуръ) хорошо знал половецкий язык и (по некоторым причинам) был связным между князем Игорем Святославичем и ханом Кончаком Атраковичем во время половецкого плена. Сам Игорь, оскорбленный предательством Кончака, ни в какие контакты с ханом не вступал [5, 8].

Лавр знал хорошо и русский язык, не подвергнутый креолизации древнеболгарской литературной речью, ставшей в X веке языком официальной православной церкви в Киеве и иных русских городах. Такой абсолютно русский язык, без налета старославянизмов, в нетронутой седой своей древности, был открыт в наше время выдающимся советским ученым С.П.Обнорским [4]. Но открытие Обнорского касалось в основном внешней стороны древнерусского языка (фонетики и морфологии); лексика оставалась в стороне,

особенно та, которую до сих пор называют пережиточной, языческой, а она – подлинно христианская, только очень древняя, идущая от Первокрестителя нашей земли апостола Андрея Первозванного, роль которого по каким-то неясным причинам принижена (ср. [6, 7, 8, 9]). Все встанет на свое место, если внимательно вникнуть в замечательную речь Лавра, прерванную его неблагодарными слушателями; речь эта в самых важных своих моментах еще почти не осмыслена исследователями «Слова» (ср. [10]).

Будучи ограниченными рамками статьи, мы представим здесь всего лишь 4 фрагмента этого блестящего, переполненного информацией текста.

В известных публикациях «Слова о полку Игореве» [10] монолог Лавра сохранился; он был даже усилен восстановленными профессором В.В.Колесовым ударениями (акутовыми и циркумфлексными), и это представлено в роскошном издании «Слова» поэтом А. Комлевым [3], к которому мы теперь обращаемся, подвергая герменевтической обработке нужные нам участки текста:

1) *[Дивъ кличетъ върху дерева...].

Герменевтическое осмысление : «Речь идет о конном и пешем вооруженном выходе князя Игоря Святославича (1151-1202), внука Ольгова («Гориславичева»), из Путивля на клятвенно договоренную встречу с половецким ханом Кончаком Отроковичем для совместного похода ради освобождения третьей (морской) Русской столицы Тьмутаракани Азовской и законного вступления Новгород-Северского князя на Тьмутараканский царский престол, который принадлежал ему по наследственному праву».

...Выход войска из города задержался возникшим внезапно солнечным затмением, которое представилось Божьим знаменем, запрещающим поход [1], Верный рыцарской клятве, Игорь Свято-

славич пренебрег всевышним запретом и продолжил движение, не зная, что Кончак Отрокович уже предал его и готовится встретить свата ловко спланированным убийством.

<Вот тогда-то и подал свой голос несомый на древке Образ **Бога Святого Духа**, изображенный на хоругви буквенно, v-образно (такой **тайный** знак (буква «ВѤли», из старой славянской азбуки-глаголицы, времен еще самого Андрея Первозванного, ныне сохраняется на пальцах Пресвятой Богородицы почти на всех канонических иконах). На иконе «Сошествие Святого Духа на апостолов» Прохора с Городца Святой Дух представлен и антропоморфно (под именем **Космосъ**), и в виде белого U-образного плата, который «Космосъ» разворачивает перед собою обеими руками, так что Бог Святой Дух на несомой воинами Игоря хоругви представляется достаточно ясно>...

В Монологе боярина-поэта Лавра Бог Святой Дух назван своим древним народным славянским именем «**Дивъ**», официальной Киевской церковью запрещенным и объявленным языческим [6], так что святые образы на очень древних хоругвях, несомых воинами князя Игоря представляются некоторым вызовом Киевской Софийной церкви, с которой у северских православных людей отношения были не вполне спокойными, как и у их князя Игоря Святославича – с Киевским великим князем Святославом Всеволодовичем (1125-1194).

Дальнейшее прогнозируется следующим фрагментом «Слова», рождающегося способом импровизации:

2) *[О руская земле! Уже за Шеломенемъ еси].

<В этом фрагменте Монолога Лавра речь идет о втором тайном из-за иконоборческой ереси (717-842 гг.) буквенном (глаголическом) знаке, относящемся к Пресвятой Богородице Марии [6]. Эта

буква имела фоническое значение [х] и называлась по-болгарски словом *Хлъмъ*, а по-русски – *Хълмъ* (древние русские диалектные варианты: *Шеломъ*, *Шеломя*, а также: *Гора*, *Горька*; современные имена Богородичных образов: «*Тучная Гора*», «*Несекомая Гора*», «*Красная Гора / Горка*» и т.д. – вплоть до крика «*Горько!*» на свадьбах)>.

На хоругвях, несомых русскими воинами князя Игоря, были и иные буквенные Богородичные образы, ныне представленные на канонических иконах: «*Всех скорбящих Радость*», «*Прибавление ума*», «*Покрый насъ кровомъ крилу своею*» и др. (об этом см.: [5, 6, 8])>.

Князь Игорь Святославич, между тем, оскорблённый предательством хана Кончака, попавши в плен к последнему, с ним, в обиде, никоим образом не общался. Все переговоры вел Лавр, и это он сообщил Игорю о том, что князю грозит казнь и следует воспользоваться устроенным Кончаком побегом... Кончак Отрокович страдал от того, что вынужден был предать друга, побратима, свата Игоря Святославича – к этому его принудили иные половецкие ханы, особенно Гзак (Гза = Иса = Исая). Преследуя вместе с Гзой бежавшего из плена Игоря, Кончак делал все от него зависящее, чтобы бежавший из плена отец его зятя Владимира Игоревича не был пойман и убит, как этого хотел Гзак. Живым князь Игорь остался только благодаря уму и находчивости своего спутника боярина Лавра, которому и чин за эти качества пожаловал. А вот Песню свою про поход Игоря-князя боярин Лавр по возвращении в Путивль до конца не допел: не понравилась она его слушателям из-за старых словес насчет *Дива* и *Красной Горы*: путивльские-то люди в церквах и монастырях, кои были на Северной земле в обилии [5-7], послуш-

но молитвы читали на церковнославянском (древнеболгарском), без **Дива и Шеломени...**

Второй Автор «Слова», князь Владимир Ярославич, прозванный **Ходыной**, сын великого князя Ярослава Осмомысла, брат юной супруги Игоря Ефросиньи Ярославны, всех беглецов, неблагодарных слушателей боярина Лавра, повылавливал, вновь усадил на место, произнес-пропел свой компромиссный «Зачинь», а потом и завершил «Слово».

В печальном походе Игоря Святославича он участия не принимал, потому что был оставлен княжеский Дом и Стол сторожить и юную княгиню Ярославну беречь от разных бесстольных «князей-сироток» и от киевских слуг своего тестя великого князя Святослава Всеволодовича (сына известного былинного героя Чурилы Плёнковича: это по крестильному имени-отчеству: *Кирилл Флегонтович*).

Владимир Ярославич был поклонником и учеником великого **Бояна**, знал все его песни и свои песни слагал в духе славного слепца [8]. Говорят, хорошо получалось. Ходына и «Слово о полку Игореве» завершил *«по замышлению Бояню»*. Боярин Лавр, которому много что еще осталось пропеть, сидел, наверное, печальный и слушал... И – удивлялся: «Вот ведь не был в походе князь Владимир, а как всё точно описал! Как будто вживую всё видел. Поэт есть поэт!». Мы еще напишем, Бог даст, статью о Ходыне. А пока вернемся к Монологу Лавра. Нам еще осталось два его фрагмента обещанных описать и прочувствовать...

3) * [Игорь къ Дону вои ведеть. Уже бо Бѣды его пасеть пѣтиць по дубью...].

<В этой фразе подлежащим является слово *беда*, но – в старом своем варианте на ***и долгое**>. Именно это наше утверждение, которое мы готовы подтвердить фактами, уничтожает начисто рас-

суждения о каком-то **Пътице** мужского пола [10]. **Пытьць** в «Слове» – да, есть: это <колдун, еретик>; таковым словом назван Бояном и вместе с ним Ходыной – болгарский церковный деятель **Гораздъ**, начисто отвергший глаголицу – в иконоборческом экстазе. А вот о *пътице* в мужском роде ни Лавр, ни Ходына додуматься не могли – это забавы нынешних «знатоков» «Слова»>...

И вот апофеоз нашей статьи и ее завершение:

4) * [А половьци нѣговыми дорогами побѣгоша къ Дону Великому.].

<Над этой фразой, в которой трудами невежественных переписчиков дороги были представлены «неготовыми» (и даже еще хуже: «неготовами»), сходили с ума многие исследователи «Слова», в том числе и великий А.С.Пушкин, не в силах представить живьем эпитет к слову *дороги*. Не будем скрывать, автор настоящей статьи, будучи еще студентом, тоже сходил в этом случае с ума, пока не стал диалектологом и не попал невдалеке от рязанского села *Шумошь* в местечко *Неговая Поляна*, где местные жители жили и не тужили, охотясь за болотной живностью. Чужие приходили – и враз тонули в болоте. А свои – все болотные тонкости знали, все тропинки, сухие кочки и всё подобное...>.

...Вот и половцы, договорившиеся с русскими встретиться где-то возле Дона великого, тоже знали тайные мокрые (болотные) дороги. Подошли они к месту встречи с русскими поздно, почти в полночь, со стороны этих топких болот. И сразу же вступили с русичами в перепалку. Оскорбляли святые хоругви и помеченные крестами («чурлёные») щиты – сами-то были хоть и христиане, но не православные, а несториане или ариане [2]. Соблазняли девушками и привезенными на скрипучих телегах по тем же *неговым* дорогам обильными богатствами (читаешь про эти богатства – голова кру-

жится!). А день, между тем, был постный, пятница! Оскорбления сносить было невозможно, вот и бросились русичи в бой на своих друзей (оказалось – врагов!). И сразу же начали тонуть и, чтобы не сгинуть, под ноги принялись трофеи бросать. Еле выбрались из трясины живыми. А Лавр едва князя удержал от напрасной смерти и от потери важных пергаментов, дающих ему право на Тьмутараканское княжение.

А дальше что было? А дальше было то, о чём уже не Первый, а Второй Автор «Слова» пел-повествовал. Боярину Лавру было об этом петь невмочь, да и слушать его, архаиста, никто не хотел. Второй Автор «Слова», князь Владимир Ярославич, сын великого Галицкого князя Ярослава-Осмомысла, брат Ефросиньи Ярославны, юной жены князя Игоря, в походе северских правителей в 1185 году не участвовал. Он был оставлен сторожить княжеский Дом и Стол, и все княжество Новгород-Северское, и молодую княгиню (девочку!) Ефросинью Ярославну, свою сестру. Он не мог быть свидетелем жуткого разгрома северских князей на другой день после позорной болотной схватки. Завершать «Песню о полку Игореве», начатую боярином Лавром, ему, князю Владимиру Ярославичу, прозванному в народе Ходыной, пришлось по мотивам и образцам своего великого учителя Бояна, меняя имена и места, где происходили схватки. Но всё было описано и воспето так, как и было на самом деле. Об этом мы – как-нибудь потом, в другой статье расскажем, коль будем живы и здоровы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокуров Б.З. К истории похода князя Игоря на половцев. О Русская земле! // Культура и образование: сборник материалов регионального научно-методического семинара. Тамбов, 2007. С. 38-51.
2. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970. .
3. Комлев А.П. (сост.). Слово о полку Игореве. Древнерусский текст и переложения. Свердловск, 1985.
4. Обнорский С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.-Л., 1946.

5. Руделев В.Г. Смысл и цель Половецкого похода северского князя Игоря Святославича в 1185 г. // Вестник Тамбовского университета, Серия: Гуманитарные науки. Вып. 8 (100), 2011. С.180-193.

6. Руделев В.Г. «Песнь о полку Игореве» (1185 г.) – ярчайший памятник русского православного христианства в его древнейшем Троическом обряде // Там же. Вып. 7 (123), 2013, С.228-236.

7. Руделев В.Г. Рассуждение о «Зачине» (Еще одно погружение в загадочный текст «Слова о полку Игореве») // Там же. Вып 3 (143), 2015. С. 74-83.

8. Сафонова О.В., Руделев В.Г. Названия животных как средство создания героического образа (К реконструкции и герменевтической обработке «Слова о полку Игореве»). Тамбов, 2010.

9. Толстой М.В. Рассказы из истории русской церкви. Изд-во Спасо-Преоб. Валаамского монастыря, 1001. С. 21-22.

10. Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб, 1995. Т. 1. С. 8.

Посвящение городу

Владимиру

...А в глазах еще завесы, ширмы
и людей подземных камнепад...
Здравствуй, тёзка, окальщик кувшинный!
Я приехал. Что же ты не рад?

Подними бесчувственную маску,
не криви улыбку, не гони.
Я к тебе не в очередь за маслом,
я в твои бессуетные дни...

Впрочем, было ль что-нибудь без цели?
Может, цели были почестней!
Как же сохранились эти церкви
в камнепаде беспощадных дней?

В штурме слов, до помраченья резких,
и в кровавом пламени знамен?
Золотые, огненные фрески –
Мастера великого намёк...

Смелые, торжественные лица
праведников – тех, что соль и суть.
И от нас он, и от них так близко,
ожидаемый веками Суд.

Не спасут изверженные нервно
суетные крики и слова...
Только белый лебедь Покровá
будет плыть над голубою Нерлью.

Только неба трепетная синь,
облаков белеющие струги...
И голубоглазый Дамаскин,
звонко ударяющий по струнам...

8 июля 1982 г.

САФРОНОВА Наталья Анатольевна (*Владимир, Россия*)
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
natalia_1271@mail.ru

ПОЛУПРЕДИКАТИВНОСТЬ И ОБОСОБЛЕНИЕ

Аннотация. В статье представлен обзор существующих в лингвистике взглядов на категорию полупредикативности. Традиционно полупредикативность связывается с обособленными членами предложения, однако наметилась тенденция расширения употребления данного термина по отношению к именам пропозитивной семантики, детерминантам и т.д. В то же время нередко обособление членов предложения связывают с полипредикативностью, а ряд обособленных членов (пояснительные и уточняющие) лишают полупредикативного статуса. В работе сделана попытка обоснования неразрывной связи обособления и полупредикативности.

Внимание лингвистов к обособленным членам предложения не ослабевает в течение длительного времени. Так, ещё в XIX веке была предложена теория «сокращённых придаточных». А.Х. Востоков отметил сходство придаточных предложений и причастий, а также деепричастий, указав на возможность замены «полных» придаточных «сокращёнными» с сохранением значения предложения [7]. Было выдвинуто предположение, что обособленные члены возникли путём сокращения придаточных предложений. Так, Ф.И. Буславев писал, что «...полные предложения сокращаются в имена существительные, прилагательные и наречия, т.е. переходят в какой-

либо отдельный член предложения» [4: 535]. Аналогичных взглядов придерживался и Н.И. Греч [9: 351-352].

В конце XIX века А.А. Потебня подверг критике теорию «сокращенных придаточных предложений», обосновывая это тем, что причастия не возникали из придаточных, так как предложения с относительным словом *который* стали появляться в русском языке позднее и развивались независимо от конструкций с причастием. Вместе с тем учёный предлагал разграничивать два понятия: «собственно определения (*attributum*) и приложения (*appositio*)» [12: 109]. Приложением, или аппозицией, А.А. Потебня называет член предложения, обладающий большей по сравнению с определением самостоятельностью, которая проявлялась в «обычае отделять на письме приложение от определяемого посредством запятых... Под относительной самостоятельностью приложения следует понимать его большую предикативность сравнительно с собственным определением» [12: 109-110]. Иными словами, под приложением А.А. Потебня понимал обособленные члены предложения, отмечая их большую предикативность в сравнении с необособленными. При этом отмечается особая функция приложения, «средняя между собственным определением и определительным предложением с глагольным сказуемым» [12: 110]. (Подробнее об истории изучения обособления в русистике см. работу В.И. Фурашова [19: 289-301]).

Особую природу обособленных членов предложения отмечали многие лингвисты, занимающиеся синтаксическими проблемами.

В настоящее время с обособленными членами предложения традиционно связывают понятия «полупредикативный» и «полупредикативность». В. Матезиус к полупредикативным конструкциям относил предложения с обособленными приложениями (аппозицией) и деепричастиями, отмечая: «Сказуемое... является закономерной

основой предложения, в то время как собственно определение является только членом предложения. Между этими крайними полюсами лежат полупредикативные конструкции, которые хотя и выражают, подобно сказуемому, только что возникшие языковые связи, но таким образом, что предложения при этом не образуются» [10: 504]. Под полупредикативностью обычно понимается способность обособленных членов предложения передавать дополнительное сообщение (утверждение, отрицание): «В современном языкознании к полупредикативным конструкциям обычно относят синтаксические построения, в которых в большей или меньшей степени, с большей или меньшей ясностью выступает элемент предикативности, добавочного утверждения» [14: 149]. Добавочный характер сообщения, передаваемый обособленными членами, «оформляется через полупредикативные отношения, которые возникают в предложении в дополнение к предикативным, передаваемым главными членами» [5: 243].

Отметим, что существует и иная точка зрения: «Термин «полупредикативность» понимается в синтаксисе неодинаково... скрытая, явно не выраженная предикативность какого-либо обособленного оборота или *иной части предложения* (выделено нами), не совпадающая с полупредикативностью, также служит осложнению предложения» [13: 7].

Некоторые лингвисты рассматривают полупредикативность независимо от обособления. В частности, Г.А. Золотова указывает на полупредикативность неличных форм глагола и девербатива. А.А. Камынина связывает полупредикативность с содержательной стороной высказывания, а не с конструктивно-синтаксическим уровнем предложения, квалифицируя детерминирующие обстоятельства как члены предложения, потенциально обладающие полупредика-

тивностью [1: 45-46]. В. Грабье считал, что «второстепенный предикат нельзя отождествлять ни с одним из членов самостоятельного предложения» [8: 253]. «Хоть и правда, – замечает лингвист, – что мы можем и в другом месте в предложении искать скрытую предикацию, однако в этом случае мы раскрываем её уже преимущественно логическим путём и не можем в достаточной мере опереться на грамматические признаки» [8: 253]. Н.В. Берницкая наряду с полупредикативностью выделяет свёрнутую предикативность [3: 46]. При этом в высказываниях со свёрнутой предикативностью «одна предикативность охватывает две или более семантические пропозиции» [3: 47]. К подобным явлениям исследователь относит имена пропозитивной семантики (*выстрел, бульканье, арест* и т.д.). Н.Д. Арутюнова замечает, что «пропозитивная семантика базируется именно на функции предиката. Она может присутствовать... только у тех образований, которые выведены из предложения путём синтаксической деривации, опирающейся на предикат» [2: 79]. Однако нам кажется справедливым утверждение Н.В. Берницкой о том, что «встроенный элемент сохраняет свою процессуальную семантику, но его предикативные категории свелись к нулю» [3: 47].

В последнее время выдвигается точка зрения, что предложения с обособленными конструкциями являются структурами полипредикативными. Отмечается, к примеру, что деепричастие способно формировать полипредикативную конструкцию: «Полипредикативность заключается в том, что в предложении с деепричастным оборотом наличествует два предиката – в основной части – глагольный или именной предикат... и в деепричастном обороте – вторичный, зависимый, «неконечный» предикат – само деепричастие» [17: 8]. Подобной точки зрения придерживаются представители Новосибирской лингвистической школы (в частности, Н.И. Черемиси-

на). Они «доказывают, что деепричастие так же, как основной предикат, формирует предикативную единицу, предикативный узел, так что лишать деепричастие предикатной функции и тем самым умалять его синтаксические потенции нет оснований» [17: 8]. Д.Н. Шмелёв также высказывает мысль о том, что обособленные члены предложения обладают разной степенью «скрытой предикативности», «которая в зависимости от различных условий может становиться "полупредикативностью" или "полной предикативностью"» [22: 71]. И здесь, на наш взгляд, следует учесть позицию В.И. Фурашова, который предостерегает «от буквального понимания термина, имеющего прозрачную "внутреннюю форму"», так как «полупредикативность имеет градацию: обособленные члены обладают свойством полупредикативности в разной степени её проявления» [20: 207]. При этом отказываться от термина «полупредикативность» в пользу терминов «предикативность» или «полипредикативность» по отношению к обособленным членам предложения едва ли оправданно, так как «полупредикативное отношение формирует только некоторую часть предложения (а не предложение как таковое), оно не создает предикативного минимума» [13: 23].

Мы будем придерживаться традиционного понимания полупредикативности как значения добавочного сообщения, характерного для обособленных членов предложения. Это значение можно считать семантической составляющей полупредикативности. Вместе с тем полупредикативность в предложении имеет и грамматическую опору.

Если исходить из определения предикативности, предложенного В.В. Виноградовым, как «отнесенности высказываемого содержания к реальной действительности, грамматически выражающейся в категориях (синтаксических, а не только морфологических) мо-

дальности (наклонения), времени и лица» [6: 227], то следует предположить, что эти категории должны, хоть и частично, проявляться в обособленных конструкциях, что и отмечается большинством синтаксистов.

В.И. Фурашов указывает, что сопутствующая предикативность имеет грамматическое выражение в соответствующих категориях относительного времени, сопутствующей модальности и персональности: «Отличие этих категорий от тех, которые формируют основную предикативность предложения, в том, что «точкой отсчета» относительного синтаксического времени является не момент речи, а временной план предикативной основы предложения; сопутствующая модальность соотносит содержание обособленного фрагмента предложения с действительностью... не непосредственно, а только через модальный план предикативной основы; сопутствующая категория персональности морфологической базой имеет не личный глагол, личные местоимения и т.п., а выражается обычно посредством модальных слов и сочетаний, устанавливающих соотношение автора модальных оценок полупредикативного признака с отправителем речи, говорящим лицом...» [20: 206].

Модально-временной план обособленной конструкции может совпадать с модально-временным планом предикативной основы: *Григорий, нахохлясь, сидел в баркасе* (М. Шолохов); *Из Туретчины привёз он жену – маленькую, закутанную в шаль женщину* (М. Шолохов). Однако нередко обособленные конструкции имеют модально-временной план, не совпадающий с модально-временным планом предикативной основы. См., например: 1) *Полки, раньше пустые, теперь были плотно заставлены...* (В. Пелевин); 2) *Опера была написана Маяковским и Хлебниковым, роль ведущего исполнял Крученых, ныне тоже мертвый* (В. Шкловский); 3) *И кому бы не*

было приятно вести под руку хорошенькую женщину, молоденькую и стройную (И. Тургенев); 4) Наше дворянство и теперь, потеряв права, могло бы оставаться высшим сословием, в виде хранителя чести, света, науки и высшей идеи... (Ф. Достоевский); 5) ...далеко по блестящей слюде побежало от лозинки что-то маленькое и темное, – может быть, лисица, – и в чуткой тишине долго замирало чуть уловимое, таинственное потрескивание наста (И. Бунин); 6) Он уже усвоил себе бесцеремонность с поклонницами, легкий и скорый переход от первых минут знакомства с ними к вольности обращения, якобы артистического, и эту наигранную простоту расспросов... (И. Бунин). В примерах 1-2 наблюдается несовпадение временного плана предикативного и полупредикативного признаков. При отнесении обособленных оборотов к глаголу в ирреальном наклонении временное соотношение между ними затруднено. Обособленные конструкции могут обнаруживать при этом реальную модальность и ориентацию на момент речи (примеры 3-4). Субъективно-модальные значения предположительности, сомнения, неуверенности и т.д. (примеры 5-6) способствуют тому, что обособленный оборот приобретает значение ирреальной модальности, тогда как предикативная часть обладает значением реальной модальности. Показатели субъективной модальности (*может быть, якобы*) в рассматриваемых примерах в то же время выявляют позицию лица – отправителя речи.

При полупредикативности «есть не только семантика предиката, но и признаки предикаций» [13: 20], то есть актуализации признака, привязки его к действительности, что и подчёркивал В. Матезиус, говоря о «только что возникших языковых связях», характерных для полупредикативных конструкций, которые сближаются в этом со сказуемым [10: 504]. Нередко отношение ко времени и модальности

в обособленных конструкциях эксплицируется при помощи различных лексико-грамматических показателей темпоральности и субъективной модальности: *Прохор Зыков, только что вернувшийся из лазарета, с рубцеватым следом кованого копыта на щеке, ещё таил в углах губ боль и недоумение, чаще моргал ласковыми теплыми глазами* (М. Шолохов); *...во дворе рыли колодец, и она – тогда ещё девчонка, – вычерпывая бадьёй влажную глину, делала тяжёлых кукол и коров с рассыпчатыми рогами* (М. Шолохов); *Три сокрушительных удара он, как видно, искусный фехтовальщик, отразил играючи* (М. Шолохов).

В «Русской грамматике» (1980) обособленные члены в зависимости от функций, выполняемых ими, разделяются на 2 основных типа: 1) полупредикативные и 2) поясняющие (или уточняющие) [16: 181]. Таким образом, уточняющие и поясняющие обособленные члены предложения лишаются статуса полупредикативных конструкций. Между тем эта точка зрения не может не вызывать возражений. В. Матезиус полагал, что в оценочных приложениях «предикативная функция не так сильна, как в пояснительном и уточнительном приложениях» [10: 505]. Е.С. Скобликова, говоря об обособленных уточняющих обстоятельствах и определениях, замечает, что «в широком понимании даже и этим обособленным членам предложения присущ элемент полупредикативности..., что обнаруживается в возможной иногда замене их придаточными или вставными предложениями» [18: 254]. Полупредикативную природу поясняющих членов предложения доказывают также В.И. Чуглов, С.В. Мещеряков и др. [21, 11]. В.И. Фурашов подчёркивает, что «разбиение всех обособленных членов на полупредикативные и поясняющие (уточняющие) осуществлено на разных основаниях: полупредикативность понимается как явление конструктивно-синтаксического уров-

ня, а пояснение (уточнение) как явление логико-синтаксического уровня» [20: 205]. Понимание полупредикативности как значения дополнительного сообщения, утверждения (семантическая составляющая сопутствующей предикативности), передаваемого обособленными членами предложения, не препятствует отнесению к полупредикативным членам уточняющих и поясняющих членов предложения, т.к. уточнение и пояснение – разновидности добавочного сообщения.

Если согласиться с тем, что «при пояснении два понятия выступают как смысловое тождество, но словесно по-разному выраженное», а «при уточнении имеются наименования двух разных понятий, из которых одно более общее, другое его конкретизирующее» [5: 258], то, очевидно, и модально-временной план поясняющей или уточняющей конструкции является отраженным, т.е. повторяющим модально-временной план предикативной части. И только в тех случаях, когда говорящий (пишущий) намеренно акцентирует свое внимание на совпадении или несовпадении модально-временных планов уточняемого (поясняемого) и уточняющего (поясняющего) членов предложения, он пользуется специально предназначенными для этого средствами – лексико-грамматическими показателями субъективной модальности или темпоральности. С.В. Мещеряков приводит такие примеры: *Они (нигилисты) популяризировали естественнонаучную, т. е. в то время материалистическую, философию* (Н. Бердяев); *Принц Валлийский, то есть будущий король Георг IV, у её ног...* (А. Герцен) [11: 121]. См. также: *Я видел, как наши солдаты, – кажется, 241-й и 273-й пехотные полки, – бежали панически* (М. Шолохов); *В прежнее время, – допустим, в шестнадцатом году, – я мог избить казака, рискуя тем, что в бою он мне пустит в затылок пулю, а после февраля при-*

шло свернуться... (М. Шолохов). Немногочисленность подобных примеров связана, вероятно, с теми логическими отношениями, которые представляют собой уточнение и пояснение. Если уточнение понимать как сужение объёма понятия, а пояснение как тождество, равнозначность соотносимых понятий, то очевидно, что совпадение модально-временных планов поясняемого (уточняемого) и поясняющей (уточняющей) конструкции будет наиболее обычным для данных конструкций. При этом возможность включения лексико-грамматических показателей субъективной модальности и темпоральности в состав уточняющих и поясняющих обособленных конструкций доказывает их полупредикативную природу.

Итак, в лингвистической литературе намечается несколько взглядов на полупредикативность и обособленные члены предложения. Традиционно обособление членов предложения связывается с полупредикативностью. Это представление нашло отражение в «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя, М.А. Теленковой, в учебниках и учебных пособиях для вузов [5, 15, 18 и др.]. Полупредикативные отношения – это отношения «между обособленным второстепенным членом и тем словом в основной части предложения, которое поясняется обособленным членом. Эти отношения занимают промежуточное положение между чисто атрибутивными, аппозитивными или обстоятельственными, с одной стороны, и предикативными — с другой, на что указывает имеющаяся обычно возможность замены обособленного члена придаточным предложением, однородным или второстепенным сказуемым» [15: 286]. Ряд исследователей к полупредикативным не относит уточняющие и пояснительные конструкции [16 и др.]. Однако, на наш взгляд, достаточно аргументированной оказывается точка зрения, что указанным конструкциям присущ элемент предикативности.

Вместе с тем нельзя согласиться с мнением, что обособленные конструкции являются конструкциями полипредикативными, так как обособленный член предложения не является полноценным предикатом.

В лингвистической литературе встречается также стремление связать полупредикативность не только с обособлением, но и с другими явлениями в области семантики и структуры предложения (временными детерминантами, девербативами, неличными формами глагола и др.). Полагаем, что такое расширение понятия «полупредикативность» также вряд ли можно считать целесообразным, так как оно ведёт к смешению семантического и конструктивно-синтаксического уровней.

Таким образом, под полупредикативностью мы понимаем особое семантическое свойство обособленных членов предложения, которое заключается в том, что обособленный член получает значение добавочного сообщения. Сопутствующая предикативность является обязательным свойством любых обособленных конструкций, в том числе уточняющих и пояснительных, и находит грамматическое выражение в категориях относительного синтаксического времени, сопутствующей модальности и персональности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа, 1990.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976.
3. Берницкая Н.В. Средства выражения зависимого таксиса (на материале французского и русского языков): Дис. ...канд. филол. наук. Кемерово, 1999.
4. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 623 с.
5. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М.: Высшая школа, 1991.
6. Виноградов В.В. Основные принципы русского синтаксиса в «Грамматике русского языка» Академии наук СССР (1954) // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 221-230.
7. Востоков А.Х. Русская грамматика. Изд. 7. СПб., 1848.

8. Грабье В. О полупредикативной конструкции и второстепенной предикации // Языкознание в Чехословакии. 1956-1974. Сб. статей / Под ред. А.Г. Широковой. М.: Прогресс, 1978.
9. Греч Н.И. Практическая русская грамматика, изданная Николаемъ Гречемъ. Второе издание, исправленное. СПб., 1834. 526 с.
10. Матезиус В. Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок: Сборник статей. М.: Прогресс, 1967.
11. Мещеряков С.В. О полупредикативности поясняющих членов предложения // Языковые значения, формы и категории: Сборник научных статей к 70-летию профессора В.И. Фурашова. Владимир, 2005.
12. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I-II. М.: Учпедгиз, 1958.
13. Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М.: Высшая школа, 1990.
14. Прокопович Н.Н. Вопросы синтаксиса русского языка. М.: Высшая школа, 1974.
15. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976.
16. Русская грамматика. В 2 тт. Т. 2 / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
17. Рябова А.И. Русское деепричастие в функциональном аспекте // Рябова А.И., Одинцова И.В., Кулькова Р.А. Структурные и семантические типы осложнения русского предложения. М.: Издательство Московского университета, 1990.
18. Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс): учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006.
19. Фурашов В.И. Из истории изучения категории обособления в русистике // Фурашов В.И. Современный русский синтаксис. Избранные работы. Владимир: ВГГУ, 2010.
20. Фурашов В.И. Полупредикативность как семантическое свойство обособленных членов предложения // Многоаспектность синтаксических единиц. М.: Прометей, 1993. С. 204-216.
21. Чуглов В.И. Осложненное предложение: полупредикативные и пояснительные конструкции в современном русском литературном языке (структурно-семантический аспект): Автореф. дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.01. Ярославль, 2012 // <http://www.dissers.ru/avtoreferati-doktorskih-dissertatsii1/a10.php>
22. Шмелев Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М.: Наука, 1976.

СИГАЛ Кирилл Яковлевич (Москва, Россия)

Институт языкознания РАН
kjseagal@yandex.ru

АНАФОРИЧЕСКИЕ СОЧИНТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются параметры классификации анафорических сочинительных конструкций, а также предложен объяснительный

анализ соотношения союзов в анафорически связанных сочинительных конструкциях.

В свете коммуникативно-смыслового принципа грамматики анафорические сочинительные конструкции (далее – АСК) следует рассматривать, с одной стороны, как средство текстового сцепления синтаксических единиц, а с другой стороны, как текстовую, т.е. ориентированную в референциальном плане на текст, номинацию множества предметов, отличающегося бинарностью состава.

АСК могут быть дифференцированы по таким признакам, как синтаксическая организация их antecedентов, лексико-грамматический способ выражения сочиненных компонентов, свободный / связанный характер структуры.

В зависимости от особенностей синтаксической организации своих antecedентов АСК делятся на два подтипа: 1) с antecedентом – другой сочинительной конструкцией (далее – СК), состоящей из номинативно обозначенных компонентов; 2) с antecedентом, представленным иным синтаксическим способом выражения множества. Ср., например: *Тетка кинулась к котлу, забыв, где черпак и миска, и я подал ей **то и другое*** (К. Воробьев); *В углу стоял **мольберт**, под ним лежали **гури** – **и то, и другое** Мамонтов оставлял в гостинице* (М. Алданов).

В плане лексико-грамматического выражения компонентов АСК выделяются три способа: 1) лексикализованная (и лексикографически закрепленная) схема СК с общим семантически инвариантным составом указательных местоименных компонентов и варьирующейся (в зависимости от коммуникативно-смыслового задания) союзной частью: *тот (та, то, те) + СС + другой (другая, другое, другие) / этот (эта, это, эти)*, где СС – сочинительный союз любого структурного типа: одиночный, повторяющийся, двойной. Ср.: ***Горе и ужас** мадам Беломут не поддаются описанию. Но, увы, **и***

то и другое было непродолжительно (М. Булгаков); 2) личные местоимения 3-го лица, различающиеся как лексемы: *он и она* и **он и он*; ср.: *Нехлюдову* всегда было приятно видеть *Катюшу*, но еще и в голову не приходило, что *между ним и ею* могут быть какие-нибудь особенные отношения (Л. Толстой); 3) повторяющиеся местоименные наречия пространственно-дейктической семантики, например: *Я ездил и в Безбумлит, и в Бумлит. Но и там, и там часовые скрещивали передо мною автоматы, а один из них даже замахнулся прикладом* (В. Войнович).

Для общей характеристики АСК не менее важным оказывается признак структурной свободы / связанности. Под свободными АСК понимаются такие их структуры, которые допускают формальную перестановку сочиненных компонентов (ср.: *он и она* → *она и он*; но: *то и другое* → **другое и то*) и / или относительно произвольный, в определенных структурой языка пределах, выбор обоих сочиненных компонентов (ср.: *там и там*, а в других прагматико-ситуативных условиях – *здесь и здесь*; в АСК типа *то и другое* первый компонент константен, т.е. не подлежит варьированию, а второй – предельно ограничен в варьировании). К связанным же АСК относятся такие их структуры, которые не допускают формальной перестановки сочиненных компонентов и создаются в речи по конкретной, в той или иной степени лексикализованной схеме.

Рассмотрим далее проблему соотношения союзов в АСК типа *то и другое*, в качестве antecedента имеющих другую СК с номинативно обозначенными компонентами.

Наблюдения над распределением союзов (и реже – нулевого союзного типа, или бессоюзия, СК-antecedента) в анафорически связанных СК позволяют говорить о наличии семантической основы в соотношении формальных средств выражения сочинительной

связи. Обобщим далее обнаруженные закономерности соотношения союзов в СК, вступающих в анафорические отношения между собой, в форме таблицы и приведем типичные примеры, иллюстрирующие речевую реализацию каждой коррелятивной пары сочинительных союзов (и бессоюзия). В записи схем СК с повторяющимися сочинительными союзами и в таблице, и в заголовках иллюстративных примеров мы ставим условный разделительный пунктуационный знак – запятую, хотя в письменном речевом узусе она факультативна (особенно в АСК с *и ... , и*).

№ п / п	Союзы в СК-антецедентах	Союзы в АСК
1.	и	и; и ..., и; или
2.	и ..., и	и ..., и
3.	ни ..., ни	и; и ..., и
4.	или	и; и ..., и
5.	∅ _{союз} – нулевой союзный тип (бессоюзие)	и; или

1. *и ~ и*: *Приезд гостя разбудил собачонок, спавших на солнце: **мохнатую Адель**, беспрестанно путавшуюся в собственной шерсти, **и кобелька Попури** на тоненьких ножках. **Тот и другая** с лаем понесли кольцами хвосты свои в переднюю... (Н. Гоголь); *и ~ и ..., и*: *Бабушка хотела отвечать, но в эту минуту ворвался в комнату Викентьев, весь в поту, в пыли, **с книгой и нотами** в руках. Он положил **и то и другое** на стол перед Марфинькой (И. Гончаров); *и ~ или*: ***Миша и Димка** стояли в общей толпе. Татьяну это не смутило. Это, конечно, важно: кто будет рядом – **тот или этот**. Но еще важнее то, что она сама есть у себя (В. Токарева);***

2. *и ..., и ~ и ..., и*: *Иначе говоря, учащиеся, как и учитель, как и ученый, совмещают в себе **и читателя, и исследователя** (в*

простейшем и несамостоятельном виде). Всмотримся в подходы **и того и другого** к произведению... (Г. Гуковский);

3. **ни ..., ни ~ и**: Нет, **ни Миронику, ни ее корову** было не слышать, будто они враз **та и другая** не дождалась сегодняшнего дня (В. Распутин); **ни ..., ни ~ и ..., и**: – Ах! – воскликнул он (Алцест. – К.С.), – это не девушка, – это ангел. Я не знаю еще **ни имени** ее, **ни званья**, но уверен, что **и то и другое** соответствует такой небесной красоте! (А. Погорельский);

4. **или ~ и**: И едят примерно одно. Какая разница – **икра или селедка?** Кстати, **то и другое** вредно (В. Токарева); **или ~ и ..., и**: То, что ему (Галичу. – К.С.) дано было свершить, вышло далеко за пределы «**феномена бардов**» или **разоблачительной литературы**, хотя связано **и с тем, и с другим** (Р. Орлова);

5. $\emptyset_{\text{союз}} \sim \text{и}$: Я видел китайских христиан: **китайский костюм, борода** – сочетание **того и другого** здесь производит очень странное впечатление (Н. Гарин-Михайловский); $\emptyset_{\text{союз}} \sim \text{или}$: – Убедите себя, что мой **покой, мои досуги, моя комната, моя ... «красота» и любовь ...** если она есть или будет ... – это все мое и что **посягнуть на то или другое** – значит ... Она (Вера. – К.С.) остановилась (И. Гончаров).

Получается, что вступающие между собой в анафорическую связь СК выражают обычно соединительные и разделительные отношения в различных их комбинациях, причем как с помощью базовых, прототипических сочинительных союзов: одиночного и повторяющегося соединительного **и** (и **ни ..., ни** в общеотрицательных предложениях-высказываниях), одиночного разделительного **или**, так и с помощью бессоюзия. Наибольшее количество коррелятивных сочинительных союзов обоих типов семантики допускают в соотносительных АСК сочинительные antecedенты с одиночным со-

единительным *и*, обладающим синтаксически инвариантным значением сочинительной связи; наоборот, лишь с единственным и при этом тождественным себе сочинительным союзом соотносится в анафорически связанных СК повторяющийся соединительный союз *и ...*, *и*, что скорее всего обусловлено семантическим оттенком эмфатического соединения, характеризующего стилистико-семантическую специфику этого союза.

Относительно других обнаруженных корреляций сочинительных союзов возникают следующие вопросы: 1) почему союзы *ни ...*, *ни* и *или* в СК-антецедентах соотносятся с одинаковым составом союзов (*и*; *и ...*, *и*) в АСК? 2) почему не вступают в анафорические отношения между собой СК с союзом *или*? 3) как происходит выбор между союзами *и* и *или* в АСК, соотносимых с бессоюзными СК-антецедентами? Ответим последовательно на эти вопросы.

Первое. Союзы *ни ...*, *ни* и *или*, относящиеся к соединительным и разделительным сочинительным союзам соответственно, обладают как деривационной, так и семантической общностью. По наблюдениям А.К. Киклевича, «отрицательные предложения с союзом *ни ...*, *ни* с деривационной точки зрения представляют собой результат отрицания утвердительного предложения с дизъюнкцией, ср.: *Неверно, что я знаю Петра или Ивана* → *Я не знаю ни Петра, ни Ивана*» [1: 21]. В семантических же толкованиях условных выражений *ни X*, *ни Y* ‘ни один из двух вообще’ и *X или Y* ‘ни один из двух одновременно’ имеется общий семантический (негативный) компонент ‘ни один из двух’, модифицируемый кванторной и темпорально-лимитативной семами соответственно. По-видимому, наличие у сочинительных союзов *ни ...*, *ни* и *или* сходных (пересекающихся) семантических зон в толковании и включенность этих союзов в единый синтаксический деривационный процесс обуславливают также и

общность их функционирования, одним из проявлений которой является соотношение образованных на их основе СК-антецедентов с АСК, характеризующихся одинаковым составом союзов (*и; и ..., и*).

Второе. Не обнаружив до сей поры примеров анафорической связи двух СК с одиночным разделительным союзом *или*, но в принципе не отрицая их допустимости в узусе, считаем возможным объяснить их непродуктивность с позиций текстообразования. При текстовом сцеплении двух синтаксических единиц не типично фокусирование модальной ситуации незавершенного выбора, поскольку для передачи информации в синтаксически движущемся тексте характерна смена неизвестного известным, вопроса – ответом, неопределенного – определенным, незавершенного выбора – его осуществлением и т.п. и поскольку эта тенденция на уровне синтаксиса текста отвечает принципу адресованности речевого сообщения, согласно которому адресат должен с наименьшими затратами когнитивных усилий получить достоверное и как можно более полное знание о предмете речи и которому, вне сомнения, противоречит нагнетание в тексте семантической неопределенности изложения (а ее бы и создавали анафорически связанные СК с разделительным союзом *или*).

Третье. Из примеров следует, что выбор союзов *и* или *или* в АСК, референциально соотнесенных с бессоюзными СК-антецедентами, преимущественно (но не обязательно) зависит от компонентного состава СК-антецедента: двухкомпонентная СК в антецеденте → соединительный союз *и* в АСК; многокомпонентная СК в антецеденте → разделительный союз *или* в АСК. Однако нельзя недооценивать здесь и собственно семантических факторов, входящих в коммуникативно-смысловое задание.

Представляется, что размышления об АСК могут оказаться интересными В.И. Фурашова, который много и плодотворно занимается синтаксисом местоименных существительных [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Киклевич А.К. Соединительный союз *ни ... ни* с деривационной точки зрения // Деривация в речевой деятельности (языковые единицы). Пермь: ПГУ, 1988. С. 21–22.
2. Фурашов В.И. Современный русский синтаксис. Избранные работы. Владимир: ВГГУ, 2010. 368 с.

СЛОВАК Вацлав (Оломоуц, Чехия)

Университет имени Палацкого
vaclavslovak@seznam.cz

СУБЪЕКТНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ: СИНКРЕТИЧНЫЙ ЧЛЕН ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается синкретичный характер выделенного Р. Мразеком члена предложения – субъектного дополнения, который совмещает в себе дифференциальные признаки двух членов предложения (чаще всего подлежащего и дополнения). Языковой материал распределен на шкале переходности.

Анализируя структуру предложения, необходимо разбить его на составные части – члены предложения. В ходе данного процесса нередко возникают трудности, встречаются такие члены предложения, которые нельзя однозначно отнести ни к одной традиционно выделяемой лингвистами категории. В данной статье проанализируем предложения, в которых субъект не выражается именительным падежом, напр.: **Мне** хочется есть. **У мамы** болит голова. **Лодку** уносит течением. **Его** нет дома. **Сегодня** отсутствует **шесть учеников**. Подобные предложения привлекают внимание лингвистов издавна, однако нет единого мнения, можно ли такие члены предложения считать подлежащим. Напр., К. Говоров (на Казанском съезде учителей русского языка, 1866) пишет об отличии синтаксических отношений от логических [3: 266]. В Грамматике Фи-

липпьева (1869) пишется, что «подлежащее может быть выражено не только именительным падежом, но и формами всех косвенных падежей, даже предложного, напр.: **В богатом житье как в море**» [3: 286]. В. Классовский признает существование даже двуподлежащих предложений, напр.: **У меня нет книг** [4: 25–27]. В настоящее время кроме именительного падежа синтаксического существительного, подлежащее выражается только родительным падежом в отрицательных предложениях или в предложениях с количественным значением (**Его нет дома. Сегодня отсутствует шесть учеников**).

В статье «Синтаксические отношения и члены предложения» Р. Мразек представляет систему членов предложения, дополненную новым членом предложения – субъектным дополнением (по-чешски *subjektové určení, podmětové určení, subjektivý determinant*) [7: 49–50]. В литературе встречаются и другие наименования члена предложения с тем же самым или подобным значением, напр., семантический субъект [8: 348, 9: 46–48], синтаксический субъект [2: 66, 6: 197–204], субъект действия [2: 65], косвенный субъект [5: 52–53] и др.

Основной причиной выделения субъектного дополнения является, на наш взгляд, отсутствие названия для второстепенного члена предложения, выражающего субъект. В подлежащем и субъектном дополнении совмещается значение субъекта с другими второстепенными членами предложения (чаще всего дополнением, реже с обстоятельством); субъектное дополнение связано формой выражения – косвенными падежами синтаксического существительного и их зависимым характером.

С целью показать синкретичный характер субъектного дополнения составим шкалу переходности, предложенную в работах

В.В. Бабайцевой, полярные ядра которой представлены подлежащим и дополнением, исходя из того, что все члены предложения делятся на типичные и синкретичные. Из работ многих лингвистов, которые описывают систему членов предложения с учетом наличия в ней синкретичных фактов, будем опираться прежде всего на работы В.В. Бабайцевой [1] и В.И. Фурашова [10].

А – типичное подлежащее, выраженное именительным падежом синтаксического существительного. *Папа работает в больнице. На площади находится старое здание театра.*

Аб – периферия подлежащего. К данному звену можно отнести подлежащее в отрицательных предложениях или в предложениях с количественным значением, в которых оно выражается родительным падежом. *Денег уже не хватает. Пришло много знакомых.* Данные члены предложения еще можно считать подлежащими, так как в положительных предложениях или в предложениях без количественного определителя они принимают форму именительного падежа. Ср.: *Деньги еще хватают. Пришли знакомые.* Однако данные члены предложения уже нельзя считать независимыми (в отличие от типичного подлежащего, которое является единственным независимым членом в предложении). В отрицательных предложениях подлежащее принимает форму родительного падежа, требуемую отрицательным предикатом. В предложениях, в которых выражено количественное значение, подлежащим считается целое словосочетание (вместе с квантитативным показателем); причем тот член, количество которого выражается в предложении, под влиянием количественного показателя принимает форму родительного падежа – значит, он не независимый.

АБ – субъектное дополнение. К данному звену относим все остальные случаи, в которых субъект выражается косвенным паде-

жом, напр., дательным (*Ему плохо*), винительным (*Меня трясет*), творительным (*Дорогу занесло снегом*) или разными предложно-падежными конструкциями (*У него пересохло в горле. Со мной беда. Среди посетителей – жалобы.*). Субъектное дополнение чаще встречается в односоставных (бесподлежащих) предложениях, но они могут выступать и в двусоставных предложениях рядом с подлежащим, которое в данном случае называется грамматическим субъектом, а субъектное дополнение – семантическим (логическим, глубинным) субъектом [11: 270–273], напр.: *Памятник охраняется государством. Мне вспомнилась интересная история. У студента подготовлен доклад.*

аБ – периферия дополнения. В члене предложения иногда совмещаются субъектные значения с объектными, напр.: *Небо покрылось тучами. Почва пропитана влагой.* Данные предложения можно превратить в активные конструкции, в которых субъект принимает форму именительного падежа: *Тучи покрыли небо. Влага пропитала почву.* Глаголы *покрыть, пропитать* могут управлять одновременно и творительным падежом: *покрыть (что?) небо (чем?) тучами, пропитать (что?) почву (чем?) влагой.* Напр.: *Используя современную технику, мы сможем покрыть небо тучами / пропитать почву влагой.* Значит, в данных членах предложения субъектное значение совмещается с объектным. Ср. с предложением: *Памятник охраняется государством.* – *Государство охраняет памятник* (субъектное значение). Но уже нельзя **охранять памятник государством.*

Б – типичное дополнение. Оно выражается косвенными падежами синтаксического существительного, управляется главным словом и обозначает объект, напр.: *Дедушка читает газету. Я встретился с друзьями. Мы говорили о поездке в Прагу.*

Позиция субъектного дополнения на промежутке между подлежащим и дополнением не случайна. С семантической точки зрения данные члены предложения считаются подлежащим (они выражают субъект), с формальной точки зрения их надо отнести к дополнениям (они выражаются косвенным падежом синтаксического существительного и зависят от предиката).

Субъектные значения могут смешиваться также с обстоятельственными значениями, чаще всего места, напр.: **В Америке** говорят по-английски. **В деревне** его знали. Такие члены предложения порою выражаются наречием: **Дома** меня не спрашивали. **Вокруг** засмеялись. Данные члены предложения обозначают 'люди в этих местах': *Люди в Америке говорят по-английски. Люди, которые со мной живут дома, меня не спрашивали.*

Данная статья показывает синкретичный характер субъектного дополнения – члена предложения, который совмещает в себе дифференциальные признаки подлежащего и дополнения (или обстоятельства), находясь на грани между главными и второстепенными членами предложения. В созданной шкале переходности налицо и члены предложения, относящиеся к периферии подлежащего (Аб) / дополнения (аБ), близкие и к субъектному дополнению. Таким образом, доказываемая связность и непрерывность системы членов предложения, которую нельзя понимать как дискретную, атомизированную, не связанных друг с другом группировок языковых явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке. М.: Наука, 2011. 496 с.
2. Бертагаев Т.А. Субъект и подлежащее // Вопросы языкознания. М.: Изд. академии наук СССР, 1958. С. 65–69
3. Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса. М.: Изд. Московского университета, 1958. 400 с.
4. Классовский В. Нерешенные вопросы в грамматике. СПб., 1870. 92 с.
5. Кубик М. и кол. Русский синтаксис в сопоставлении с чешским. Прага: SPN, 1982. 282 с.

6. Лекант П.А. К вопросу о синтаксическом субъекте // Вопросы филологии. М.: 1969. С. 197–204
7. Мразек Р. Синтаксические отношения и члены предложения // Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity. Řada jazykovědná. Брно: 1961. С. 47-60
8. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 797 с.
9. Фурашов В.И. Современный русский синтаксис. Избранные работы. Владимир: ВГГУ, 2010. 368 с.
10. Флидрова Г., Жажа С. Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским. Оломоуц: Университет им. Палацкого, 2005. 163 с.
11. Mrázek R. K metajazykové stránce kategorie subjektu // Slovo a slovesnost, vol. 39, č. 3–4, 1978. С. 270–273

СОКОЛОВА Ольга Ивановна (*Владимир, Россия*)

АНО ВПО «Владимирский институт бизнеса»
sok.ol@list.ru

ПРЕДИКАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ В СОСТАВЕ СОЧИНЕННЫХ ОБОСОБЛЕННЫХ РЯДОВ

Аннотация. Статья посвящена анализу сочиненных обособленных рядов, включающих в свой состав нетипичные определения, в частности предикативные единицы. Нарушая границы иерархической языковой системы, они объединяются в сочиненные ряды, по-разному обнаруживая структурные и семантические признаки типичных определений.

Синтаксические построения последних лет в публицистике, художественной литературе и в особенности в сети Интернет обнаруживают близость к разговорному стилю, происходит своего рода «демократизация» языка – влияние разговорных конструкций на книжный синтаксис. Исследователи указывают на изменение синтаксического облика речи, отмечая общую направленность – от непрерывности синтаксической цепочки к актуализированным построениям с имплицитно представленными синтаксическими связями, к расчлененности грамматических структур [3: 29].

Особенно интересны случаи, когда синтаксические единицы нарушают границы иерархической языковой системы, возникают явления синкретизма.

Подробный обзор изучения явлений синкретизма в области синтаксиса был сделан профессором В.И. Фурашовым в работе «О синкретизме и смежных явлениях» [9: 42-59]. Нетипичным явлениям в области синтаксиса также посвящены работы «О полевой структуре, шкале переходности и синкретизме (применительно к синтаксическим явлениям)» [9: 59-68], «О так называемой многозначности членов предложения» [9: 68-76], «Полупредикативность как семантическое свойство обособленных членов предложения», где подробно рассмотрены многочисленные случаи переходных, смешанных, «синкретических» явлений [9: 301-318].

В строе предложения могут возникать синтаксические условия для создания новых моделей сочетаемости определяемого слова с зависимыми компонентами. Появление подобных конструкций является результатом «ветвления смысла предложения вглубь» [6: 4].

Рассмотрим явления, когда в синтагматические отношения вступают единицы, традиционно относимые к разным уровням иерархии – полупредикативные и предикативные, возникает особый обособленный однородный определительный ряд, включающий в свой состав предикативные единицы.

Типичными признаками определения В.И. Фурашов называет следующие: (1) структурные: 1) морфологическая представленность полным прилагательным, причастием, местоименным прилагательным, числительным; 2) наличие связи согласования; 3) отнесенность к члену предложения, выраженному субстантивом; 4) положение перед определяемым членом; 5) односторонний характер синтаксической отнесенности; 6) вхождение в состав одной интонационной группы с определяемым членом предложения; (2) семантические: 1) обозначение непредикативного (вневременного и внемодалного) признака предмета; 2) корреляция с понятийно-

семантической категорией атрибута; 3) корреляция с категорией данного в аспекте актуального членения предложения [9: 40].

Очевидно, что ряды, включающие в свой состав нетипичные определения, не отвечают всем перечисленным признакам. Рассмотрение в качестве определений становится возможным благодаря их вхождению в однородные ряды – и прежде всего с типичными определениями.

Чтобы стать однородными, члены ряда должны оказаться в сочиненном ряду, то есть вступить друг с другом в перечислительные, сопоставительно-противительные или разделительные синтаксические отношения, что возможно лишь при логической однозначности сочетающихся слов и их лексической сопоставимости [2: 207]. Кроме этого, однородные члены обязательно синтаксически однородны (занимают одинаковую синтаксическую позицию).

Требование логической однозначности и лексической сопоставимости может быть нарушено, и тогда речь идет либо о речевой ошибке, либо об особой стилистической фигуре – зевгме: *Одни обедают с вином, другие с друзьями, одни пользуются палочками, другие случаем, одни едят за столом, другие задаром* (П. Вайль, А. Генис. Русская кухня в изгнании).

Связь с определяемым словом обеспечивают специальные средства: особая интонация, понижение голоса, относительно большая пауза перед определительным рядом, структурная и грамматическая независимость основной части высказывания и грамматически зависимая для типичных определений.

В однородный ряд могут включаться определения и приложения: *... в нижнем этаже /.../ засветился слабенькими желтенькими огнями инженер и трус, буржуй и несимпатичный, Василий Иванович Лисович...* (М. Булгаков. Белая гвардия).

В состав сочиненного определительного ряда могут входить также и деепричастия: *Печорин, закутанный в шинель и надвинув на глаза шляпу, старался пробраться к дверям* (М. Лермонтов. Герой нашего времени). В подобных случаях значение атрибутивного признака обнаруживается в возможности трансформации деепричастий в согласованные или несогласованные определения, а это не всегда оказывается возможным. Ср.: *Марьяванна, напившись чаю, повеселевшая, заходит в детскую сказать спокойной ночи* (Т. Толстая. Любишь – не любишь) – здесь отражена последовательность событий: *напившись чаю, заходит*, но не *напившаяся чаю и повеселевшая*. Можно усмотреть несколько видов отношений в зависимости от интонационного оформления: *Иринка пришла около двенадцати, мрачная, ни слова не говоря, пробежала в свою комнату* (Ю. Трифонов) – *мрачная, ни слова не говоря; ни слова не говоря, пробежала в свою комнату*.

В составе одного сочиненного синтаксического ряда возможно функционирование причастных оборотов и придаточных определительных, что считается стилистическим недочетом [5: 401; 8: 227; 7: 300 и др.], но примеры такого употребления встречаем и в классической литературе: *... разговор тотчас же перешел на Рогожина, так капитально участвовавшего в утрешней истории и которым тоже с чрезвычайным любопытством стали интересоваться Афанасий Иванович и Иван Федорович* (Ф. Достоевский). С другой стороны, это явление становится источником окказиональных преобразований, являющихся результатом «демократизации» языка.

Для «необычного» определения, выраженного предикативной единицей, характерна не грамматическая, а структурная и логическая зависимость, в особенности в тех случаях, когда в состав сочиненного определительного ряда попадают формально самостоя-

тельные предикативные единицы. Как правило, такой обособленный сочиненный определительный ряд открывается морфологизованным членом: *Горкин, худой и желтый, как мученик, ребрышки все видать, прыгает со ступеньки в прорубь, выскакивает и окунается...* (И. Шмелев. Лето Господне); *Каким был в парнях, таким и остался – высокий, статный, выгоревшие волосы упали на лоб* (В. Тендряков. Не ко двору).

Но ряд может начинаться и неморфологизованными членами – несогласованными определениями-существительными в косвенных падежах: *Под кроватью, ближе к стене – всем известно – лежит Змей: в шнурованных ботинках, кепке, перчатках, мотоциклетных очках, а в руке – крюк* (Т. Толстая. Любишь – не любишь).

Включение в сочиненный ряд предикативных единиц ослабляет их предикативную значимость, так как они функционально подчиняются влиянию близлежащих словоформ [2]. Функциональная общность единиц, входящих в сочиненный определительный ряд, следует из общности семантической, которая заключается в характеристике внешних признаков предмета или лица. Н.С. Валгина так объясняет существование подобных сочинительных рядов [3: 88]: «необычные для этого сочетания слов и даже целые предикативные единицы подчиняются окружающему контексту и начинают функционировать как одинаковые члены предложения, члены одного ряда».

Следуя признакам типичного определения, данным В.И. Фурашовым, у предикативных единиц, входящих в сочиненный ряд, можно обозначить лишь два структурных признака – отнесенность к члену предложения, выраженному субстантивом, и вхождение в состав одной интонационной группы с определяемым членом предложения и семантические признаки, принимаемые условно.

Как отмечает В.В. Бабайцева, несмотря на синкретичный характер неморфологизованных членов, при сочетании с морфологизованными «доминирует значение, соответствующее морфологизованным» [1: 473], т.е. актуализируется значение атрибутивности, а предикативное значение подавляется. По мнению А.Н. Гвоздева, «говорящий благодаря недостаточной сосредоточенности соскальзывает с одной синтаксической конструкции на другую», эти элементы «располагаются в виде постепенно присоединяемых добавлений, которые первоначально не были предусмотрены говорящим» [4: 334].

Нормой для расположения неморфологизованных определений является постпозиция, не случайно мы не встретили сочиненные ряды, включающие в свой состав предикативные единицы, которые бы находились в препозиции относительно определяемого слова.

При различном интонационном оформлении по-разному могут быть квалифицированы и следующие конструкции: *Комнату сторожат и другие породы вечерних существ: ломкий и полупрозрачный Сухой, слабый, но страшный, стоит всю ночь напролет в стенном шкафу, а утром уйдет в щели* (Т. Толстая. Любишь – не любишь); *Так ведь и с Леонтием Андреевичем не в первый раз вместе работать приходилось. Неприятный господин – дергающий весь, беспрестанно посмеивается, а глаза колючие. Одет с иголки, воротнички будто из алебаstra, манжеты и того белее, сам все по плечам щелкает, соринки сбивает* (Б. Акунин. Декоратор).

По интонированию ряд напоминает связь однородных членов, неконечность фразы простого предложения требует от интонации значения незавершенности, восходящий тон подчеркивает значение

незавершенности, смысловой зависимости перечисляемых компонентов от определяемого слова. Нисходящий тон подчеркивал бы смысловую самостоятельность предложений. Коммуникативная независимость при этом утрачивается, но сохраняются структурно-семантические особенности, присущие предикативной единице.

Как кажется, в отдельных случаях определения могут функционировать и без опоры на согласованные или несогласованные определения: *В другой раз написал страницу прозы – перечитал: харьковский Томас Манн, все корни наружу* (Л. Гиршович. Обмененные головы); *Стеша сейчас на кухне, войдет – только что от печи, все лицо в румянце, если прижаться – кожа горячая...* (В. Тендряков. Не ко двору); *При последних словах Федор представил себе Стешу, лицо осунувшееся, с несвежей от беременности кожей, искаженное злостью и обидой, растрепанные волосы...* (В. Тендряков. Не ко двору).

То же наблюдаем при парцелляции: *В первый раз Александра Эрнестовна прошла мимо меня ранним утром, вся залитая розовым московским солнцем. Чулки спущены, ноги – подворотней, черный костюмчик засален и потерт* (Т. Толстая. Милая Шура); *Пришел не один, привел девушку. В голубом шелковом платье, медлительная, белолицая, с высокой грудью, подбородок надменно вздернут* (В. Тендряков. Не ко двору);

Предикативная значимость единиц, входящих в сочинительный ряд, ослаблена (время, лицо, модальность). Особенно если предложение неполное, или номинативное, или с нулевой связной в именном сказуемом. При наличии глагола-сказуемого необходимо учитывать его семантику: так, при выражении сказуемого глаголом активного действия субъекта, при наличии видовременной соотнесенности с «основным» глаголом-сказуемым считать подобную пре-

дикативную единицу определением вряд ли имеются основания. Если же в глаголе невыраженная активность действия, страдательный залог, отсутствие видовременной соотнесенности, появляется гораздо больше оснований считать их определениями: *Надя была прямо с поезда, свежая, обворожительная и вся как бы благоухала дуплянскими ландышами* (Б. Пастернак. Доктор Живаго);

Дифференциальные признаки представлены в таких определениях в редуцированном виде, и каждый подобный случай нуждается в детальном анализе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Изд-во «Дрофа», 2000. 640 с.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие. М.: Логос, 2001. Эл. ресурс. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/part-009.htm>
3. Валгина Н.С. Современный русский язык. Синтаксис. 4-е изд., испр. М.: Высшая школа, 2003. 416 с.
4. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Комкнига, 2009. 408 с.
5. Голуб И.Б. Стилистика русского языка: Учебное пособие для вузов. М.: Айрис-пресс, 2010. 448 с.
6. Кормилицына М.А. Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи. М.: УРСС, 2003. 152 с.
7. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку: Практическая стилистика русского языка. М.: Оникс 21 век, 2001. 382 с.
8. Солганик Г.Я., Дроняева Т.С. Стилистика современного русского языка и культура речи: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 256 с.
9. Фурашов В.И. Современный русский синтаксис. Избранные работы. Владимир: ВГГУ, 2010. 368 с.

СУПРУН Василий Иванович (*Волгоград, Россия*)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
suprun@vspu.ru

ПРОБЛЕМЫ ОНОМАСТИЧЕСКОГО СИНТАКСИСА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ПРИЛОЖЕНИЕ В ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ И АПЕЛЛЯТИВНО- ОНИМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ *

Аннотация. В статье рассматриваются согласованные и несогласованные определения и приложения, входящие в состав сложных имён собственных и апеллятивно-онимических комплексов. Определяется зависимость структуры онима и его окружения от ядерно-периферийной отнесённости единицы.

Ономастика развивается преимущественно как лексикологическая наука: учёные рассматривают специфику значения онимов, их этимологические связи, функционирование в языке и речи, лексикографическую обработку имён собственных. Реже встречаются труды по ономастической морфологии и деривации. Между тем среди онимов регулярно встречаются словосочетания, имена собственные входят в состав апеллятивно-онимических комплексов, что позволяет провести синтаксический анализ этих структур.

У истоков ономастического синтаксиса стоит известный владимирский учёный-филолог В.И. Фурашов. Во многих его трудах подробно анализируется специфика функционирования имени собственного в составе предложения. Отмечается, что онимы характеризуются «конситуативной конкретизацией и вследствие этого мало нуждаются в атрибутивных распространителях» [21: 114]. Среди препозитивных обособленных определений, по наблюдениям автора, в подавляющем большинстве наблюдаются обстоятельственные оттенки значения [21: 114]. Несмотря на преимущественную конситуативную конкретизацию в предложениях, обособленные опреде-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № № 15-04-00137 «Особенности ономастического пространства Юга России (на примере Республики Калмыкия)»).

ления при именах собственных допускают возможные лексико-синтаксические конкретизации.

Внимательно изучив большой массив примеров из произведений русской художественной литературы, В.И. Фурашов отмечает, что наиболее употребительны в предложениях, построенных по схеме «определение + подлежащее + сказуемое» обособленные определения, осложнённые обстоятельственными оттенками значения: 1) состояния предмета или лица; 2) причины; 3) способа совершения действия; 4) времени [21: 117-118]. Подобные оттенки значения могут встречаться также в предложениях, построенных по схемам «сказуемое + определение + подлежащее» и «определение + сказуемое + подлежащее» [21: 119]. Однако отмечаются контексты без обстоятельного значения: *Высокая, сухая, Софья легко и твердо шагала по дороге стройными ногами* (М. Горький. Мать). Обособление может быть к приложению: *Каждый партизан, особенно юный Бакланов, старавшийся во всём походить на командира, перенимавший даже его внешние манеры, думал примерно так: «Конечно, я, грешный человек, имею много слабостей<...>»* (А. Фадеев. Разгром).

Постпозитивные обособленные определения при именах собственных также способны выражать обстоятельные оттенки значения: 1) причины; 2) состояния предмета или лица в момент действия; 3) уступительный; 4) способа проявления действия; 5) времени. Учёный отмечает: «Поскольку имена собственные обычно являются конситуативно конкретизированными словами, они легко “отпускают” от себя обособленные определения» [21: 127]. Обособление определения чаще встречается при именах собственных, стоящих в именительном падеже, в косвенных падежах оно отмечено в 4 раза реже [21: 129]. Это, видимо, связано с выявленной

А.В. Суперанской морфолого-синтаксической особенностью онимов: имя собственное чаще встречается в прямом (именительном) падеже, чем в косвенных [17: 7].

Эти же идеи высказывались В.И. Фурашовым и в других трудах. Он пишет, что различные функционально-синтаксические оттенки значения наблюдаются при отнесении определения к члену предложения, представленному именем собственным. В этом случае «обособленные согласованные определения нередко имеют оттенки обстоятельственных и других отношений – причинный, уступительный, условный, временной и нек. др.» [20: 325]. Владимир Иванович рассматривает функционирование имён собственных в художественной речи, исследует их синтагматику. Он придерживается идей Л.В. Щербы, который утверждал: «Нельзя забывать того, что, занимаясь “языком”, мы лишь обобщаем частные случаи “речи”, которые только и даны нам в опыте» [23: 185]. Однако для учёного важны и парадигматические связи слов, он пишет: «...элементы парадигм членов предложения отождествляются и противопоставляются нами функционально» [20: 324]. В.И. Фурашов сочувственно относится к взглядам выдающегося отечественного лингвиста Н.В. Крушевского, который писал: «...каждое слово связано двоякого рода узлами: бесчисленными связями сходства со своими родичами по звукам, структуре или значению и столь же бесчисленными связями смежности с разными своими спутниками во всевозможных фразах» [10: 65].

Опираясь на взгляды В.И. Фурашова и используя положения академических грамматик, проанализируем особенности сложных онимов и апеллятивно-онимических комплексов. Отметим прежде всего, что синтаксический анализ имён собственных существенно отличается у единиц разных разрядов, зависит от ядерно-

периферийной принадлежности онима. Ядерные конститuentы «наиболее специализированы для выполнения функций поля, систематически используются, выполняют функцию поля наиболее однозначно, наиболее частотны по сравнению с другими конститuentами и обязательны для поля» [14: 6]. Киевский учёный А.А. Белецкий справедливо утверждал, что «собственное имя по преимуществу» есть антропоним, имена людей являются главными онимами, а «прочие имена как бы уподобляются или приравниваются к ним» [2: 161]. Следовательно, антропонимия является, по терминологии В.П. Конецкой, центральной, или базовой совокупностью ономастических единиц, а другие имена собственные составляют периферийные и маргинальные совокупности [9: 26]. Рядом с ядром принято выделять околядерное пространство [8: 12], а периферия распределяется на ближнюю, дальнюю и крайнюю зоны [5: 45].

Ядерные единицы способны функционировать в языке и речи самостоятельно, без апеллятивного сопровождения. В тексте они принимают согласованное и несогласованное определение в основном в той же степени и по тем же правилам, как и нарицательные слова. Особенность их функционирования в речи определяется лишь отмеченной В.И. Фурашовым «конситуативной конкретизацией» или, говоря современными семантическими терминами, обладанием более дифференцированным, чем у апеллятива, контенсионалом и менее объёмным экстенсионалом [1: 167]. Ядерный оним имеет семантическое наполнение, т.е. весь объём информации о данном объекте, которую даёт язык [3: 15]. Вряд ли справедливо замечание о том, что имена вне их связи с историко-литературными и художественно-эстетическими ассоциациями обобщённо-понятийных значений не имеют [11: 18]. Имя является словом, а оно существует в языке как единица ряда, в котором каждый конститу-

ент объединяется с одними и противопоставляется другим. Антропоним уже на языковом уровне обладает ономастическими и ассоциативными семами: «мужской / женский», «русский / нерусский», «известный / редкий», «встречающийся у известных или знакомых людей / никогда ранее не встречавшийся», «полный / краткий», «старый / новый», «привычный / необычный», «красивый / некрасивый» и пр. [18: 19].

Только у антропонимов существует особое языковое состояние, когда один и тот же субъект может именоваться единицей, состоящей из одной, двух, трёх и более частей: *Иван Иванович Иванов, Иван Иванович, Иван Иванов, Иван, Иванов, Иванович (Иваныч)*. Грамматика – 1950 указывает, что не членятся сочетания, обозначающие имя, отчество и фамилию [6: 554], т.е. выводит данные единицы за пределы синтаксиса. Грамматика – 1970 и Грамматика – 1980 не затрагивают проблему синтаксических отношений внутри многокомпонентного антропонима, но вторая из них полагает, что у полилексемных прозвищ вторая часть является приложением: *Я Монтигомо Ястребиный коготь, Белый Бим Чёрное ухо* [16: 58]. Отметим, что в обоих случаях в тексте последнее слово, входящее в состав онима, написано со строчной буквы, что не соответствует Правилам русской орфографии и пунктуации: «С прописной буквы пишутся имена, отчества, фамилии, прозвища, псевдонимы <...> Примечание 1. Прозвища пишутся без кавычек, например: Владимир Красное Солнышко, Ричард Львиное Сердце. <...> Клички животных пишутся с прописной буквы» [15].

М.С. Суханова на основании одного примера у *Владимира Красное Солнышко* делает вывод, что в приложениях согласования не происходит, если в качестве приложения выступает прозвище [19: 233], но в данном случае, видимо, несклоняемость связана с

расхождением в роде основного антропонима и приложения. Однако ничто не мешает нам просклонять приложение в примере из академической грамматики: у *Монтигомо Ястребиного Когтя*, к *Монтигомо Ястребиному Когтю*, о *Монтигомо Ястребином Когте*, с *Монтигомо Ястребиным Когтем*. Правда, в рассказе А.П. Чехова «Мальчики», где встречается это имя с неточной отсылкой к Майн-Риду, оно отмечено трижды только в именительном падеже. В повести В. Каверина «Два капитана» в искажённом виде антропоним приведён в родительном падеже в несклоняемой форме: «от твоего *Монготимо Ястребиный Коготь*», а затем по три раза в именительном падеже в точной и искажённой формах, в т. ч. в виде отсылки к предшествующему тексту: *Между прочим, оказалось, что это имя совсем не из Густава Эмара, как думали мы с Катей, а из Чехова. У Чехова есть такой рассказ, в котором какой-то рыжий мальчик все время называет себя Монтигомо Ястребиный Коготь.*

В Грамматике – 1980 словосочетания *тётя Катя*, *дядя Ваня* также рассматриваются как приложения наравне с примерами *мальчик Петя*, *собака Шарик*, *боец Петренко*, однако в примечании отмечается, что эти конструкции «при падежном изменении» могут трансформироваться в притяжательное прилагательное: *тёти Катино* (и *тётикатино*) *угощенье* [16: 59], что свидетельствует о неделимости данных антропонимов, о семантическом единстве всего комплекса.

Околядерные единицы способны употребляться в языке и речи с родовым термином, имена собственные в таких конструкциях традиционно считаются приложениями, хотя семантические отношения внутри подобных апеллятивно-онимических комплексов не вполне соответствуют определению приложения как синтаксическо-

го явления: «выражает качество, свойство предмета, через сопоставление м его с другим предметом, выразителем этого качества, свойства, то есть оно характеризует предмет» [13: 72]. И хотя при перечислении качеств, сторон, которые характеризуют определяемое, обычно начинают с названия [16: 57], явно бросается в глаза, что здесь наблюдается отличие от определяющего, характеризующего первое существительное по функции, назначению (*судно-холодильник*), качественным признакам (*студент-отличник*), по основной или эпизодической деятельности (*Репин-художник*), подобию (*цветок-огонёк*) и пр. [16: 57-58]. Даже у включённого в число примеров, определяющих существительное по названию, словосочетания *лампа-молния* [16: 57] приложение не просто именуется предмет, но и даёт ему качественную характеристику на основе метафоры: 'яркая, дающая много света, как мощный искровой разряд атмосферного электричества между облаками или между облаками и землёй' (ср.: [4: 552]), чего нет в приложениях типа *город Москва*, *порт Находка*.

Околядерные и находящиеся на ближней периферии единицы могут употребляться без родового термина, его необходимость определяется степенью известности онима. Для топонимов А.Э. Мильчин и Л.К. Чельцова отмечают, что «сокращение г. (город), как и полное слово, рекомендуется употреблять ограниченно, главным образом перед названиями городов, образованными от фамилий (г. Киров)» [12]. На сайте Грамота.ру постоянно подчёркивается, что варианты *в г. Москве* и *в городе Москве* следует характеризовать как специфически-канцелярские (т. е. употребительные преимущественно в официально-деловой речи) [Грамота.ру]. Для малоизвестных населённых пунктов и физико-географических объектов родовой термин желателен или даже обязателен, поскольку с

его помощью можно определить, о каком объекте идёт речь: *река, город, село, посёлок, станция Дубовка*. Что же касается периферийных онимов, то для них употребление в составе апеллятивно-онимического комплекса является естественной формой существования, поскольку без родового термина они перестают выполнять номинативную и коммуникативную функции, не позволяют распознавать именуемый объект: *конфета, кафе, торт, журнал, детский сад, стихотворение «Василёк»*.

В виде апеллятивно-онимического комплекса выступают в языке и речи урбанонимы. При этом урбанотермин может занимать пре- и постпозицию, а сам урбаноним является согласованным или несогласованным определением или – реже – приложением. В разные периоды развития общества и языка выбирались различные модели построения урбанонимического комплекса. В XIX в. для названий улиц чаще выбирались прилагательные: *Гоголевская улица, Пушкинская площадь*. В XX в. эта модель продолжает использоваться, но в силу тенденции к увековечиванию в названиях улиц имён героев и политических деятелей её вытесняет модель в виде «урбанотермин + несогласованное определение в родительном падеже». Так, в Элисте отмечены в названиях улиц и переулков качественные и относительные прилагательные: *улица Новая, Солнечная, Спортивная, Родниковая, Вязовая, Витражная, проезд Кирпичный, переулок Продольный, Тенистый, Пролетарский, тупик Партизанский*. Многие урбанонимы адъективного типа образованы от топонимов, причём прежняя модель, указывающая на город или физико-географический объект, в направлении которого можно выехать, сменяются произвольным выбором оттопонимического прилагательного: *улица Яшалтинская, Чограйская, Кемеровская, переулок Волгоградский, проезд Каспийский 1-й, 2-й, 3-й, въезд Ростов-*

ский. Нужно знать местные особенности, чтобы понять, что *улица Красноярская* в Элисте названа не по крупному сибирскому городу, а по селу Красный Яр, районному центру соседней Астраханской области. Всё большее развитие получает мемориальная модель, увековечивающая деятелей различных эпох: *переулок А.П. Чехова, въезд П. Осипенко, улица А.С. Пушкина, Гагарина, Б.К. Пашкова, М. Горького, С. Разина, Н.С. Хрущёва, Сухэ-Батора, Некрасова, М. Пюрвеева, Ломоносова, Поповича* и мн. др. По этой модели образуются и урбанонимы с нарицательным существительным: *улица Романтиков, Победы, Правды, Строителей*. Национальная специфика населения отразилась в нарастающем числе урбанонимов калмыцкого происхождения, которые в составе апеллятивно-онимического комплекса выполняют синтаксическую роль приложения: *квартал Гурвн Сала, переулок Алдр, Алтн Булг, проезд Сяяхн Тенгр, Чойпал, улица Балб Цецг, Улан-Туг, Шар-Баргс, Тогтун, Тенгрин, Уйдл*. Подобные единицы в других российских городах отражают исторические традиции: *улицы Балчуг, Мневники* в Москве.

В речи происходит эллипсис родового термина, при этом согласованное определение, переходя в самостоятельную единицу, склоняется, а несогласованное определение употребляется в застывшей форме родительного падежа: *Пройду по Абрикосовой, / Сверну на Виноградную / И на Тенистой улице я постою в тени. / Вишнёвые, Грушёвые, Зелёные, Прохладные – / Как будто в детство давнее ведут меня они. / И, может, на Сиреневой, а, может, на Каштановой, / А не на этих улочках, тогда на Луговой / С любовью встречу первую, негаданной, нежданною <...> (Ю. Антонов). Садись со мной, мне пахан тачку отдал, с пацанами пять на пять выскочим, потом по Ленина вверх-вниз прокатимся (Гулпа Хирачев; пример из НКРЯ). Они с отцом вошли в парадные двери*

бело-голубого здания на углу Козицкого и Ленина, с башенкой-ротондой на крыше <...> (Д. Рубина; пример из НКРЯ). А иногда наоборот: *выходили с проспекта Мира и шли не по Советской Армии, а по Ленина – Дерибасовской – Советской Армии – Чкалова* (Т. Соломатина; пример из НКРЯ).

Итак, среди онимических словосочетаний и апеллятивно-онимических комплексов широко представлены согласованные и несогласованные определения и примыкание. Для ономастического ядра они являются речевым фактом, а на периферии становятся единственной формой существования онима. Антропоним в полной трёхкомпонентной форме не является словосочетанием, не обладает синтаксическими параметрами на языковом уровне, в речи употребляется наряду с одно- и двухкомпонентными формами как контекстуальные парадигматические замены. Урбанонимы выступают в виде апеллятивно-онимического комплекса, в котором постепенно модель с согласованным определением вытесняется единицами с несогласованным определением. Исторические и национальные традиции отражаются в урбанонимах с приложением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. О природе ономастической семантики // Ономастика Поволжья: Тез. докл. VIII междунар. конф. Волгоград: Перемена, 1998. С. 165-168.
2. Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания. Ономастика. Киев: Изд-во Киев ун-та, 1972. 212 с.
3. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Автореф. дис. <...> д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1999. 39 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
5. Буйленко И.В., Супрун В.И. Периферийные элементы лексико-семантической группы (на материале глаголов движения) // Лексико-грамматические единицы в языке и речи: Сб. науч. тр. / Под ред. Р.И. Кудряшовой. Волгоград: Перемена, 1993. С. 43-55.
6. Грамматика русского языка. Т. II: Синтаксис. Ч. I / Ред. коллегия: В.В. Виноградов, Е.С. Истрина. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 704 с.
7. Грамматика современного русского литературного языка / Ответ. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1970. 768 с.

8. Ищук Д.Г. Лексико-семантическое поле как выражение концептуальной модели времени в языке (на русско-славянском материале). Автореф. дис. <...> канд. филол. наук. СПб., 1995. 16 с.

9. Конецкая В.П. О системности лексики // Вопросы языкознания. 1984. №1. С. 26-35.

10. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке // Известия и уч. зап. Импер. Казан. ун-та. Т. XIX. Январь – апрель. Казань, 1883. 148 с.

11. Лыков А.Г., Чабанец Т.А. Русское личное имя собственное // Филол. науки. 1999. №1. С. 13-21.

12. Мильчин А. Э., Чельцова Л. К. Справочник издателя и автора: Редакционно-издательское оформление издания. М.: Олимп; АСТ, 1999. 687 с. 2-е изд., исправ. и доп. М.: ОЛМА-Пресс, 2003. 800 с.

13. Пипченко Н.М. Современный русский язык: Синтаксис словосочетания и простого предложения. Минск: Изд-во БГУ, 2008. 196 с.

14. Полевые структуры в системе языка / Науч. ред. З.Д. Попова. Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1989. 198 с.

15. Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М.: ЧеРо, 1999.

16. Русская грамматика. Т. II: Синтаксис. М.: Наука, 1980. 710 с.

17. Суперанская А.В. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имён // Антропонимика: Сб. ст. М.: Наука, 1970. С. 7-17.

18. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.

19. Суханова М.С. Приложение // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Сов. энцикл., 1979. 432 с.

20. Фурашов В.И. К вопросу о синтаксической парадигматике // Русский язык: Сб. трудов: Посвящ. памяти Н.Н. Прокоповича. М.: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1975. С. 320-327.

21. Фурашов В.И. Обособленные согласованные определения в современном русском языке: Пособие по спецкурсу «Обособленные члены предложения». Владимир: Изд-во ВладГПИ им. П.И. Лебедева-Полянского, 1975. 192 с.

22. Широков А.Г. Русская урбанонимия в диахроническом освещении: апеллятивно-онимические комплексы. Дис. <...> канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 185 с.

23. Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения // Известия АН СССР. Отд. л-ры и яз. 1945. Т. IV. Вып. 5. С. 173-186.

Сайты Интернета

Грамота.ру = <http://new.gramota.ru/spravka/>

НКРЯ = <http://www.ruscorpora.ru>

ТРОИЦКИЙ Евгений Федорович (Смоленск, Россия)

Смоленский государственный университет
anna6772@mail.ru

ОДНОРОДНОСТЬ В СОЧИНИТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ (из словаря терминов для описания сочинительной конструкции)*

Энтузиасту в лингвистике и доброму человеку В.И. Фурашову

Аннотация. Предметом научного анализа являются типы однородности в сочинительной конструкции. Рассматривается только однородность между равноправными компонентами как таковыми без обращения к общему третьему. Между ними существует формальная, структурная, морфологическая, синтаксическая, модальная и коммуникативная однородность.

Есть два понимания однородности в современной лингвистике: а) однородность как одинаковость, сходство равноправных компонентов между собой и б) однородность как соединение отрезков текста по принципу равноправия. Рассмотрим, например, предложение: *Мы ударили по рукам и разошлись* (Лермонтов). Однородные члены а) одинаковы: оба выражены глаголами, оба выполняют роль сказуемого; б) они однородны, так как связаны сочинительным союзом *и*.

Об однородности-одинаковости можно говорить только при однородности-сочинении. Например, в предложении: *На полке нет шапки матери* нет ни первого, ни второго вида однородности, хотя, на первый взгляд есть однородность-одинаковость: в сочетании *шапки матери* оба слова – существительные, женского рода, в родительном падеже и т.д. Нет однородности-одинаковости, потому что между названными словами подчинительная связь и нет сочинительной: нет однородности-сочинения.

С учетом указанных двух значений термина *однородность* нет ничего странного в выражении: *Это неоднородные однородные члены*. В одном смысле они однородны: связаны сочинительной

* Данная статья продолжает ряд опубликованных работ из словаря терминов для описания сочинительной конструкции.

связью; в другом смысле – неоднородны, например, морфологически. Ср.: *Еще за минуту она была ровна и спокойно отражала свет солнца и синее небо* (Короленко).

Пересечение двух пониманий однородности может быть исчислено.

1) Есть сочинительная конструкция – нет одинаковости в чем-либо: *Один, верхом или с палкой в руке, идешь, идешь* (Герцен).

2) есть сочинительная конструкция – есть одинаковость: *Но кладовка и сенцы не пристраиваются, а – в срубе* (В.М. Шукшин).

3) нет сочинительной конструкции – есть одинаковость: *Ветер надувает занавеску как парус*.

4) нет сочинительной конструкции – нет одинаковости: *Появился зеленый лист*.

Два основных вопроса встают перед исследователем однородности-одинаковости.

Во-первых, представляет интерес, в чем сходны между собой равноправные компоненты. Идентичных сторон может быть несколько. В конкретной сочинительной конструкции равноправные компоненты обладают набором однородностей-одинаковостей. Например, в предложении *Брат принес карандаш и ручку* однородные члены 1) называют элементы множества, ср. со случаями, когда есть цетера или тантум; 2) называют элементы одного множества, а не разных множеств; 3) являются дополнениями – одинаковая синтаксическая функция в предложении; 4) выражены существительными в винительном падеже – морфологическая однородность; 5) входят в рему – коммуникативная однородность; и т.д.

В другой конкретной сочинительной конструкции некоторых из названных однородностей-одинаковостей нет.

Во-вторых, надо знать, какое отношение имеет однородность-одинаковость к сочинению.

Однородность – основа для образования сочинительной конструкции. Длительное изучение сочинительных конструкций разных типов убедило лингвистов в том, что существуют сочинительные конструкции без логической, семантической, морфологической, синтаксической и других типов однородностей.

Существует мнение, что для образования одних сочинительных конструкций важна одна однородность, для других – другая и т.д. Эта точка зрения игнорирует единство всех сочинительных конструкций в современном русском языке. Предлагаем единым основанием для образования любой сочинительной конструкции в русском языке считать коммуникативные намерения говорящего. Для говорящего одинаково важно может быть указание на элемент множества и на то, что есть подобные ему элементы множества; указание на элемент множества и на то, что в описываемой ситуации таких элементов больше нет; указание на действие и его признак и т.д. Морфологическая, синтаксическая и другие типы однородностей – это всего лишь следствие, а не причина для образования сочинительной конструкции. Причиной же для образования сочинительной конструкции является коммуникативная потребность. Поэтому можно говорить о главном виде однородности.

Главный вид однородности, который есть всегда и следствием которого являются все другие виды однородности – это одинаковая важность двух и более моментов в высказывании. Этот вид однородности более всего близок к коммуникативной однородности, наверное, к ней и будут относить однородность по важности, однако в работах о коммуникативной стороне языка этот оттенок слабо выделяется. При анализе коммуникативной градации слово *важность*

называется, но как раз с противоположным рассматриваемому нами смыслу: «равноправные компоненты различны по важности».

Коммуникативная однородность по типу данное-новое бывает в конструкциях, оформленных отрицательно-утвердительными и градационными союзами. Например: *Ну, представьте себе, что вы пришли не к начальству, а к товарищу* (В.М. Шукшин). *Такая обстановка поможет общению не только в рамках запланированного сценария, но и в свободное время* (Студенческий меридиан. 1989. №1. С. 66).

Без однородности-одинаковости не бывает сочинительной связи, то есть не бывает однородности-сочинения.

Долгое время в лингвистике рассматривали простые случаи однородности-одинаковости, когда однородные члены (или стержневые слова в них) были однородны и в морфологическом плане и в синтаксическом. Они были одними и теми же членами предложения: однородными подлежащими, однородными сказуемыми, однородными дополнениями и т.д.

Однако потом были введены в поле зрения лингвистов предложения с вторичной союзной связью и другие конструкции. В них тоже есть однородность-одинаковость. Есть смысл говорить о нескольких разновидностях однородности-одинаковости: морфологической, синтаксической, коммуникативной и др.

Формальная однородность и неоднородность характеризует план выражения ряда равноправных компонентов. Это морфологическая, синтаксическая и структурная разновидности однородности-неоднородности.

Однородность и неоднородность в плане содержания проявляется разнообразно. Это семантическая, лексическая, логическая, коммуникативная однородность-неоднородность, однород-

ность и неоднородность по реальности-нереальности связи с общим третьим, по количеству реальной связи с общим третьим (она выражается союзом *не столько...сколько*) и др.

Морфологическая однородность – наиболее типичный случай однородных членов. Например: *Он пожелтел, посинел; скрытая злоба изобразилась на лице его* (Лермонтов).

Морфологическая неоднородность, как давно было замечено в лингвистике, не является серьезным препятствием для образования сочиненного ряда. Однородные члены бывают выражены разными частями речи или разными формами одной и той же части речи. Например: *Он тоже грустен и много страдает* (Герцен).

Однородные члены могут быть выражены разными частями речи. Видимо, сочетание разных частей речи бывает всех видов. Приведем только сочетание существительного: с прилагательным, с местоимением, с глаголом в форме причастия или деепричастия. См. соответственно:

Как можно было про такого дорогого, милейшего человека говорить, что он гордый, спесивый, сухой и эгоист? (Достоевский).

Я говорил о себе, о своем прошедшем и о вас (Тургенев).

Тимофеич неожиданно предстал перед Базаровым в своей коротенькой чуйке из серо-синеватого сукна, подпоясанный ремненным обрывочком и в дегтярных сапогах (Тургенев).

Госпожа Кукшина роняла свои вопросы один за другим с изнеженной небрежностью и не дожидаясь ответов: избалованные дети так говорят со своими няньками (Тургенев).

Однородные члены бывают выражены разными формами одной и той же части речи. Примеры многочисленны и раз-

нообразны. Приведем только сочетание разных глагольных форм: вида, залога и времени.

Они бежали шумно и быстро мелькнули, но долго еще стоял в глазах Бахирева их скорбный и легкий бег (Г. Николаева).

Я ждал, что она скажет что-то другое, и рассердился на деда, – это он помешал её (Горький).

Княгиня на меня смотрела очень нежно и не отходит от дочери. Плохо! (Лермонтов).

Синтаксическая однородность – явление типическое: однородные члены или стержневые слова в них являются одним и тем же членом предложения. Например: *Он на меня бросил бешеный взгляд, топнул ногою и отошел прочь* (Лермонтов).

Синтаксическая неоднородность чаще всего бывает при вторичной союзной связи и разнофункциональных членах.

Однородные члены бывают однородными или неоднородными по структуре: Они однородны, когда все являются нераспространенными или все – распространенными. Ср.: *Вася уселся и замолчал, Аркадий улегся* (Достоевский). *Молча с Грушницким спустились мы с горы и прошли по бульвару, мимо окон дома, где скрывалась наша красавица* (Лермонтов).

Равноправные компоненты по структуре неоднородны, когда в сочиненном ряде есть и распространенные, и нераспространенные однородные члены. Например: *Он смутился, покраснел, потом принужденно захохотал* (Лермонтов).

Лексическая однородность среди других видов однородности стала анализироваться сравнительно недавно. Например: *Идет он не побежденным, а победившим* (Шолохов).

Однородность и неоднородность равноправных компонентов по способу представления элементов множества представляет собой разновидность логической неоднородности.

Обычно с этой стороны равноправные компоненты однородны: они все называют элементы множества. Например: *Войдя в залу, я спрятался в толпе мужчин и начал делать свои наблюдения. Большая часть из них (записок – Е.Т.), к счастью для вас, потеряна, а чемодан с остальными вещами, к счастью для меня, остался цел* (Лермонтов).

Неоднородность бывает в случаях употребления цетеры и тантума. В первом случае сочиненные элементы называют элементы множества, а цетера лишь указывает на их наличие в описываемой ситуации. Например: *Эта долина была завалена сугробами, напоминавшими довольно живо Саратов, Тамбов и прочие милые места нашего отечества* (Лермонтов).

В случае использования тантума сочиненные элементы называют элементы множества, в то время как тантум указывает лишь на отсутствие других элементов того же множества в описываемой ситуации. Например: *В саду растут яблони и только.*

Различно представляют элементы множества некоторые сочинительные конструкции с равноправными компонентами типа *наоборот*.

Представление равноправных компонентов по местоименному типу наиболее четко обнаруживается в сочинительных конструкциях со словами: *другой, тот, нет, наоборот* и др. Например:

Рая уехала в Москву и устроилась там работать не то машинисткой, не то секретаршей, не то тем и другим сразу (В. Солоухин).

Все было тихо и спокойно. Она постояла, раздумывая, стоит ли ей идти в штаб лагеря или нет, и, решив, что все равно уже поздно и все спят, тихонько прошла в коридор (Гайдар).

Рассматриваемые слова иногда являются только частью последующего равноправного компонента. Например:

Цыганов в солдатах не видал. Татар видал, мордву видал, чувашингов, а цыганов нет (Гайдар).

Суть данного представления равноправных компонентов состоит в том, что один из равноправных компонентов непонятен без учета содержания предшествующего (предшествующих) равноправного компонента.

Однородность и подобие побуждают сопоставить цетера и тантум. Цетера вербально указывает на то, что названные и подразумеваемые элементы множества в конструкции, где она употреблена, подобны. Во многих цетерах есть слова: *подобные, так, в том же роде*. Например, в сочетании с союзом они выглядят так: *и так далее, и тому подобные, и прочие в том же роде*.

И тот ботаник, который найдет, что яблоко падает оттого, что клетчатка разлагается и тому подобное, будет так же прав и так же неправ, как и тот ребенок, стоящий внизу, который скажет, что яблоко упало оттого, что ему захотелось съесть его (Л.Н. Толстой).

Цетера побуждает иметь в виду элементы множества, входящие в то же множество, которое представлено названными до цетеры равноправными компонентами. Они не названы, но могли бы быть названы однородными членами. И все-таки однородность и подобие – не одно и то же.

Значение подобия, содержащееся в цетере (и тантуме), касается только семантического и логического в однородных членах.

Цетера не употребляется после сочиненного ряда, где налицо только коммуникативная однородность. Например, не бывает ни цетеры, ни тантума в конструкциях с вторичной союзной связью. Не претендует цетера и на формальную однородность: неназванные элементы множества, к которым отсылает цетера, могут быть названы различно.

Текстовой неоднородностью можно назвать соединение в одном сочиненном ряде текста и метатекста. Такое бывает в конструкциях с цетерой и тантумом. Например: *Фокусник обращался к нему всякий раз, как ему нужен был носовой платок, часы, кольцо и проч.* (Лермонтов). *А ведь вышло, что я был прав: подарки подействовали только вполовину; она стала ласковее, доверчивее, да и только* (Лермонтов).

В сочиненном ряде перечисляются не предметы, действия и т.д., а слова. Например: *Говорил он мало или, вернее, не говорил, а выпаливал и всегда с примесью собственных словечек: кобылячья голова, дамеша – вместо дама, бекалия, тентерь-вентерь и тому подобное* (Куприн).

Текстовая однородность, видимо, присутствует во всех других сочинительных конструкциях.

Однородность-неоднородность равноправных компонентов по цели высказывания обнаруживается при сочинении частей сложного предложения. Обычно части сложного предложения по цели высказывания однородны. Однако в лингвистике обнаружены и неоднородные равноправные компоненты. Ср.: *Губы его затряслись, подбородок запрыгал, и герой наш заплакал совсем неожиданно* (Достоевский). – *Наш сосед еле концы с концами сводит, а кому это интересно?*

Однородность-неоднородность по запланированности или незапланированности высказывания бывает при соединении как однородных членов простого предложения, так и частей сложного предложения. Ср.:

Хозяйкою оказалась женщина русская, опрятная и с благообразным умным лицом (Тургенев). Дверь отворилась, и Покровский вошел в комнату (Достоевский). –

За окнами воздух был синий, густой. И страшный (Паустовский). Он был в большом волнении: мигал глазами, нервно дышал, руки его дрожали, как в лихорадке, – да у него и точно была лихорадка (Тургенев).

Модальную однородность-неоднородность равноправных компонентов следует отличать от модальной однородности-неоднородности отношения равноправных компонентов к общему третьему, хотя это различие, видимо, всегда только формальное. Первая бывает в сложносочиненных предложениях, вторая – в предложениях с однородными членами. Ср.:

Оба командира подошли, приложили руки к пилоткам, и, очевидно, расслышав ее последнее слова, старший – капитан – сказал <...> (Гайдар). –

Но он слишком честен. И теперь смертельно перепуган. За себя, за Тamarу и, наверно, за меня (Ю.В. Бондарев).

Формально эти два вида однородности-неоднородности принципиально отличаются друг от друга. В сложносочиненном предложении модальное слово стоит в одной из частей, в другой части его нет. Формального общего третьего нет, поэтому отпадает и вопрос о модальной однородности-неоднородности отношения равноправных компонентов к общему третьему. В предложениях с однородными членами, как правило, вербально выражено общее третье:

общий элемент и/или обобщающий элемент. Отношение к нему (к ним) равноправных компонентов разное. Ср:

Он теперь смертельно перепуган за себя. Он теперь смертельно перепуган за Тамару. –

Он теперь смертельно перепуган, наверно, за меня.

В плане содержания нет принципиального различия между модальной однородностью-неоднородностью равноправных компонентов, с одной стороны, и модальной однородностью-неоднородностью отношения равноправных компонентов к общему третьему. Причина состоит в том, что предложения с однородными членами – всего лишь результат сочинительного сокращения. В плане содержания равноценны два предложения:

Он теперь смертельно перепуган за себя, за Тамару и, наверно, за меня.–

**Он теперь смертельно перепуган за себя, он теперь смертельно перепуган за Тамару, и он теперь смертельно перепуган, наверно, за меня.*

Модальная однородность равноправных компонентов наблюдается в большинстве сочинительных конструкций. Она присутствует, например, в таком сложносочиненном предложении: *Она вздрогнула, хотела было что-то сказать, но кровь залила ей лицо* (Достоевский).

Сходства и отличия между однородными членами существуют одновременно. Совсем не случайно некоторое время тождественные однородные члены не принимались за однородные члены. Ср.: *А вокруг него окуньки, окуньки, окуньки.*

Налицо актуализированное сходство.

Ту же участь испытали конструкции противоположной крайности. Предложения с вторичной союзной связью некоторые лингви-

сты не отнесли к сочинительным конструкциям. Ср.: *Признаюсь, сколько я ни старался различить вдалеке что-нибудь подобное лодке, но безуспешно* (Лермонтов).

В этих предложениях актуализировано различие.

Однако в конструкциях обеих названных крайностей есть и сходство, и различие. В конструкциях с вторичной союзной связью общей является коммуникативная установка: налицо две ремы. В предложениях с тождественными членами наличие различия доказать труднее.

Обратимся к тому, что бесспорно: все лингвисты в этих рядах отмечают оттенок усиления. Подчеркивается длительность совершения действия, подчеркивается большое количество и т.д. Например: *Я вчера целый день думала, думала, – отвечала она сквозь слезы, – придумывала разные несчастья: то казалось мне, что его ранил дикий кабан, то чеченец утащил в горы* (Лермонтов).

Формально усиление передается повторением однородного члена. Однако между этими повторами в речи есть доли секунды. Когда речь о действиях (*думала, думала; думала и думала*), то каждый из повторов обобщенно называет большие отрезки времени. Когда повествуется о предметах (*окуньки, окуньки, окуньки*), то представляется наличие подобных предметов в разных местах. Так что при тождестве плана выражения подразумевается нечто разное. То есть перед нами не один и тот же однородный член, но разные однородные члены: первый, второй и т.д.

Однородные члены предложения и однородные члены часто смешивают. Однородные члены предложения – это однородные подлежащие, однородные сказуемые, однородные дополнения, однородные определения, однородные обстоятельства.

Не принято называть однородными членами компоненты вторичной союзной связи, например: *Если б тут был сторож, то он сделал бы то же самое, и еще поспешнее, надеясь получить на водку* (Лермонтов).

Ср.: *Если б тут был сторож, то он сделал бы то же самое еще поспешнее, надеясь получить на водку.*

Здесь сочинительный союз *и* связывает члены предложения: сказуемое *сделал* и обстоятельство *поспешнее* (с зависящими от них словами). Их не называют однородными только по традиции. Фактически это однородные члены предложения, так как перед нами а) члены предложения, б) однородные-одинаковые в коммуникативном аспекте, в) однородные в том смысле, что связаны сочинительной связью.

Однородные члены, членами предложения не являющиеся – явление частое. Однородные члены – понятие более широкое, чем «однородные члены предложения». Перечислим случаи, когда налицо однородные члены, которые нельзя назвать однородными членами предложения.

1. Распространенные однородные члены не являются однородными членами предложения.

Например, союз связывает однородные члены предложения – дополнения в высказывании: *Приходили на чай и беседы другие, кто еще оставался на Матере* (В.Г. Распутин).

Союз связывает не члены предложения, а словосочетания со стержневым словом-существительным в роли подлежащего, например, в высказывании: *Перед Рождеством в Атамановку нагрязнули председатель сельсовета из Карды Коновалов и конопатый участковый милиционер Бурдак, которого за глаза звали Бардаком* (В.Г. Распутин).

Принятое в учебной и даже в научной литературе подчеркивание только стержневых слов иногда оправдано учебно-методическими целями. Однако следует помнить, что союз *и* в последнем предложении связывает не только члены предложения-подлежащие: *председатель, милиционер*, но с ними вместе и другие члены предложения.

2. В вводных и вставных конструкциях сочинительный союз связывает однородные члены или предикативные единицы, причем один из равноправных компонентов может быть в основной части предложения, другой – в вводной или вставной части. Например:

Три случившиеся вслед за тем несчастья, три внезапные смерти – жены, дочери и малолетнего сына – почел он небесною казнию себе и решился непременно оставить свет (Гоголь).

Для Вас это направление – заблуждение, которое следует искоренить, для меня оно – неполная истина, которая всегда найдет (и должна найти) последователей в том возрасте человеческой жизни, когда полная истина еще недоступна (Тургенев).

3. Не являются членами предложения связанные сочинительным союзом модальные слова, междометия и обращения.

4. Не являются однородными членами предложения члены сочиненного ряда – части членов предложения, например части составного сказуемого:

Что-то хотелось отсечь, уничтожить, выкинуть из памяти как не существовавшее (Г. Николаева).

Однородные части сложного предложения. Однородными являются связанные сочинительным союзом части сложного предложения. Об однородности частей сложносочиненного предложения говорят в редких случаях. Однако части сложносочиненного предложения однородны всегда: и с точки зрения однородности-

одинаковости, и с точки зрения наличия сочинительной связи. Конечно, называть части сложносочиненного предложения *однородными членами* неуместно.

Однородными соподчиненные или соподчиняющие части предложений с разными типа связи называют постоянно. Конечно, это тоже не однородные члены.

Итак, **Аспекты рассмотрения однородности** делятся на две группы. Одну из них представляют типы однородности-одинаковости между равноправными компонентами как таковыми без обращения к общему третьему. Это формальная, структурная, морфологическая, синтаксическая (одноименные члены предложения, однородность синтаксического статуса равноправных компонентов), семантическая, логическая, коммуникативная (все равноправные компоненты представляют тему или все – рему, однородность по типу данное-новое, по цели высказывания, по запланированности-незапланированности высказывания, модальная однородность) однородности, а также по способу представления элементов множества, текстовая однородность-неоднородность.

Другая группа однородности-одинаковости включает одинаковое или неодинаковое отношение равноправных компонентов к общему третьему: одинаковость-неодинаковость связи равноправных компонентов с общим третьим, однородность по количеству реальной связи равноправных компонентов с общим третьим, модальная однородность отношения равноправных компонентов к общему третьему.

УСТЮГОВА Людмила Михайловна (*Ужгород, Украина*)

Ужгородский государственный университет
Ustyugova_l_m@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ФАКТОРАХ, ПРЕДОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЕПРИЧАСТИЙ В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

Аннотация. В статье рассматривается несколько особенностей деепричастий (вид, наличие / отсутствие зависимых слов, структура зависимых компонентов – отдельные слова или целые предложения, место деепричастия по отношению к определяемому слову – препозиция или постпозиция), влияющих на функционально-стилистическое использование этой грамматической категории в романе И. А. Гончарова «Обломов».

Настоящая статья продолжает наши исследования деепричастий, представленных в художественных текстах XIX века [6, 7, 8, 9 и др.], т. е. того периода, когда происходил процесс грамматической стандартизации, направленный на упрощение формальной системы русского литературного языка и придание ей большей внутренней цельности [3: 372; 5: 185]. По мнению ряда исследователей, формально-грамматическое становление системы деепричастий до конца не завершено и в настоящее время [1]. Поэтому художественные тексты, справедливо считающиеся основным источником русского литературного языка в указанный период, на наш взгляд, дают достаточно надёжный материал для решения ряда дискуссионных вопросов, касающихся истории формирования деепричастий как самостоятельной грамматической категории.

Объектом исследования в данной статье являются деепричастия, представленные в романе И.А. Гончарова «Обломов» [4], оценивая который, А.Ф. Кони сказал: «Если бы Гончаров написал лишь одного «Обломова», то и этого было бы достаточно, чтобы признать за ним непререкаемое право на одно из самых выдающихся мест в первом ряду русских писателей» (цит. по: [11: 215]).

В тексте анализируемого романа мы зафиксировали 1026 словоформ деепричастий, словоупотребление которых составляет 1502 примера. Средняя частотность словоформ в романе, равная 1,5, свидетельствует о лексическом богатстве деепричастий, употребляемых И.А. Гончаровым. Структура этих деепричастий в основных своих чертах соответствует направлению последующего развития данной грамматической категории в русском литературном языке. Так, словоформы с разговорными суффиксами *-учи /-ючи* (*едучи, идучи, живучи, припеваючи*) и *-вши /-ши* (*вставши, вышедши, задевши, заснувши, привыкши, не увидавши, уставши*) представлены здесь единичными примерами: *Иногда, идучи в жаркий полдень под руку с Обломовым, она лениво обопрётся на плечо его и идёт машинально, в каком-то изнеможении... 277; Задевши его барина, задела за живое и Захара. 153.* Однако функционально-стилистические особенности деепричастий предопределяются не столько структурой отдельных словоформ, сколько спецификой их включения в предложение. В этом плане для деепричастий значимы такие особенности: 1) наличие / отсутствие зависимых слов; 2) структура зависимых компонентов – отдельные слова или целые предложения; 3) место деепричастия по отношению к определяемому слову – препозиция или постпозиция; 4) вхождение деепричастий в синтаксические ряды, включающие обстоятельства и / или определения; 5) количество деепричастий при одном глаголе; 6) средства связи однородных деепричастий; 7) способы присоединения деепричастий к глаголу; 8) форма глагола-сказуемого, с которой соотносится деепричастие; 9) связь деепричастия с определёнными функционально-стилистическими типами речи (повествование, описание, рассуждение, прямая речь) и т. д. Существенное значение для функционирования деепричастий в художественном

тексте имеет и вид словоформы. Исходя из заданного объёма настоящей статьи, мы рассмотрели в ней только несколько факторов, предопределяющих функционально-стилистические особенности деепричастий в художественном тексте, – вид деепричастий и 1 – 3 признаки, отражающие своеобразие включения деепричастий в текст романа «Обломов». Результаты количественного анализа деепричастий, распределённых по этим признакам, представлены в таблице 1:

Таблица 1. Количественное распределение деепричастий по особенностям включения в текст романа «Обломов»

Тип дееприч. Конструкция	Несовершенный вид		Совершенный вид		Всего:
	невозвратные	возвратн.	невозвратные	возвратн.	
1. ПРЕПОЗИЦИЯ					
одиначные	43	10	29	16	98 (27%)
обороты	86	25	130	27	268 (73%)
Всего:	129	35	159	43	366 (24%)
	164 (45%)		202 (55%)		
2. ПОСТПОЗИЦИЯ					
одиначные	72	35	17	9	133 (12%)
обороты	577	176	205	45	1003 (88%)
Всего:	649	211	222	54	1136 (76%)
	860 (76%)		276 (24%)		
Общий итог:	1024 (68%)		478 (32%)		1502
	1502				

Прежде чем перейти к комментированию таблицы 1, отметим, что исследователи романа давно обратили внимание на доминирование в языке «Обломова» глаголов НСВ: из 17-ти глаголов, зафиксированных Д.С. Мережковским в первых трёх абзацах романа, одиннадцать составляют глаголы НСВ (*лежал, гуляла, порхала, сидилась, пряталась, теплился, переходила, пропадала, светилась* и т. д.) (цит. по: [2: 130]). Обозначая незаконченность действия, его неограниченную длительность, такие глаголы часто указывают на многократность, повторяемость действия, создают представление об общераспространенности, привычности обозначенных действий

и состояний, что, по мнению П.Е. Бухаркина, подчёркивает символичность смысла романа «Обломов» [2: 129-130]. Характерно, что несовершенный вид заметно преобладает и в системе деепричастий. Как видно из таблицы 1, деепричастия НСВ составляют здесь 68% (1024 примера). Известно, что деепричастия несовершенного и совершенного вида в тексте различаются временными значениями – одновременности с действием глагола-сказуемого (НСВ) и предшествования действию глагола-сказуемого (СВ). Это можно проиллюстрировать следующим примером: *...старики не боролись с трудной, мучительной смертью, а дожив до невозможности, умирали как будто украдкой, тихо застывая и незаметно испуская последний вздох.* 126. Кроме временных значений, деепричастия в данном примере различаются и обстоятельственными оттенками значений: *дожив* имеет значение обстоятельства времени, а *застывая* и *испуская* – обстоятельства образа действия. Наши наблюдения показывают, что в художественных текстах деепричастия НСВ чаще функционируют именно как обстоятельства образа действия. Ср.: *Захар, по обыкновению, колебля подносом, неловко подходил к столу с кофе и кренделями.* 313; — *Здорово, земляк! — злобно сказал Тарантьев, не протягивая руки.* 458; — *Вон, мерзавец! — закричал Обломов, бледный, трясясь от ярости.* — *Сию минуту, чтоб нога твоя здесь не была, или я убью тебя, как собаку!* 459; и многие другие. Во всех приведённых примерах деепричастия выражают значение обстоятельства образа действия, которое подчёркивается наличием при сказуемом наречий (*неловко подходил, злобно сказал*) или прилагательных, тяготеющих к сказуемому (*закричал ... бледный, трясясь от ярости*).

Деепричастия СВ чаще функционируют как обстоятельства времени и причины. Ср.: (1) *Полежав ничком минут пять, он [Об-*

ломов] медленно опять **повернулся на спину**. 80; (2) **Изменив службе и обществу, он начал иначе решать задачу существования...** 66. В примере (1) деепричастие СВ имеет значение обстоятельства времени, а в примере (2) – обстоятельства причины.

Наши наблюдения показывают, что в романе «Обломов» деепричастиям в большинстве случаев присущи именно обстоятельственные значения. Если же деепричастие имеет значение второстепенного действия, то оно, на наш взгляд, допускает почти равноценную, в смысловом отношении, замену соответствующим глаголом. Например: *Дальше он [Иван Богданыч] не пошел, а упрямо **повернул назад, решив (так как решил), что надо делать дело, и возвратился к отцу***. 164. Однако в большинстве случаев подобная замена приводит к потере смысловых нюансов. Ср.: *Все эти господа и госпожи <...> окружили Ольгу, **начали здороваться, чмокаться, все вдруг заговорили, долго не замечая (и долго не замечали) Обломова***. 283. При замене деепричастия *не замечая* соответствующим глаголом теряется оттенок значения причины (или следствия). В ряде случаев подобная замена вообще невозможна: *Захар ушел и тотчас **воротился, таща (и тащил?!) за собою чемодан и дорожный мешок***. 236.

Именно особым временным значением можно объяснить хотя и незначительное, но всё-таки преобладание деепричастий СВ в препозиции (55% при 45% деепричастий НСВ), хотя в постпозиции заметно преобладают деепричастия НСВ, составляющие 76% (1024 примера).

Таблица 1 показывает, что в романе «Обломов» подавляющее большинство деепричастий (1136 примеров, или 76%) употребляется после определяемого слова, т. е. в постпозиции. Ср.: (1) *Алексеев... **пошел опять ходить, посвистывая, — это все, чтоб не***

мешать Обломову встать и умыться. 37; (2) Илья Ильич кушал, не отвечая на слова. 83. В препозиции зафиксировано лишь 366 примеров, что составляет 24%: (3) *Он [Обломов] начал было, кряхтя, приподниматься на постели, чтоб встать. 17;* (4) *Обломов, комкая письмо в руках, подпер голову руками, а локти упер в коленки и так сидел несколько времени, мучимый приливом беспокойных мыслей. 39.* Для интерпретации столь несимметричного распределения деепричастий в романе «Обломов», на наш взгляд, достаточную объяснительную силу имеет предложенное В.И. Фурашовым выделение для второстепенных членов предложения сильных и слабых позиций [10: 86]. В соответствии с этой классификацией для обстоятельств, выраженных деепричастиями НСВ, сильной синтаксической позицией можно признать постпозицию.

В анализируемом романе достаточно контрастным является и количество деепричастий без зависимых слов (вышеприведённые примеры 1, 3) и с зависимыми словами (примеры 2, 4) Одиночные деепричастия, т. е. словоформы без зависимых слов, составляют 27% в препозиции и только 12% в постпозиции. В целом же в романе «Обломов» зафиксировано 231 пример одиночных деепричастий, что составляет 15%, и 1271 пример, или 85%, деепричастных оборотов. Сравнение предложений с однотипными словоформами показывает, что наличие зависимых слов влияет на синтаксический статус деепричастия. Ср.: *...она [Ольга] укажет ему цель, заставит полюбить опять все, что он разлюбил, и Штольц не узнает его, воротясь. 212; Однажды, возвратясь откуда-то поздно, он [Обломов] особенно восстал против этой суеты. 179.* В 1-м примере одиночное деепричастие *воротясь* мы квалифицируем как обстоятельство времени, а деепричастный оборот *возвратясь откуда-то поздно* – как обстоятельство причины.

В функции зависимых слов часто выступают придаточные предложения: *И Захар, не понимая, что он сделал, не знал, какой глагол употребить в конце своей речи 96.* Более того, деепричастные обороты часто осложняются вводными словами и словосочетаниями, причастными оборотами и целыми предложениями. Например: *Получая, без всяких лукавых ухищрений, с имени столько дохода, сколько нужно было ему, чтоб каждый день обедать и ужинать без меры, с семьей и разными гостями, он благодарил бога и считал грехом стараться приобретать больше. 67; Поискав бесполезно враждебного начала, мешающего ему жить как следует, как живут «другие», он [Обломов] вздохнул, закрыл глаза, и чрез несколько минут дремота опять начала понемногу оковывать его чувства 102.*

Таким образом, функционально-стилистические особенности деепричастий в художественном тексте предопределяются целым рядом факторов, важнейшими из которых, кроме структуры словоформы и её видовой принадлежности, являются наличие / отсутствие зависимых слов; структура зависимых компонентов – отдельные слова или целые предложения; место деепричастия по отношению к определяемому слову – препозиция или постпозиция; вхождение деепричастий в синтаксические ряды, включающие обстоятельства и / или определения; средства связи однородных деепричастий; способы присоединения деепричастий к глаголу; связь деепричастия с определённым функционально-стилистическим типом речи (повествование, описание, рассуждение, прямая речь) и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулхакова Л.Р. Развитие категории деепричастия в русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2007 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://yandex.ua/yandsearch?rdnd=125791&text=>.

2. Бухаркин П.Е. «Образ мира, в слове явленный» (Стилистические проблемы «Обломова») // От Пушкина до Белого: Проблемы поэтики русского ре-

лизм XIX – начала XX века: Межвуз. сб. / Под ред. В.М. Марковича. СПб. 1992. С. 118–135.

3. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.

4. Гончаров И.А. Обломов // Гончаров И.А. Собрание соч.: В 8-ми тт. Т. 4. М.: Гос. изд. худ. лит-ры, 1953. 508 с.

5. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века / Под ред. В.В. Виноградова и Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1964. 320 с.

6. Устюгова Л.М. Структура деепричастий как один из признаков национально-языковой специфики поэмы Н. Гоголя Мёртвые души // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета им. Г.С. Сковороды. 2009. № 4 (41). Харьков. С. 7–14.

7. Устюгова Л.М. Деепричастия как один из показателей своеобразия синтеза гетерогенных элементов в языке прозы А.С. Пушкина // Вестник Ужгородского национального университета. Серия: филология. 2009. №21. С. 23-30.

8. Устюгова Л.М. Структурные особенности деепричастий в прозе М.Ю. Лермонтова // Русский язык и литература в школе и в вузе. Проблемы изучения и преподавания: [сб. науч. тр.]. Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2010. С. 340-345.

9. Устюгова Л.М. Структурные и функционально-стилистические особенности деепричастий в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // Русский язык и литература в школе и в вузе: проблемы изучения и преподавания. Сборник научных работ. Горловка, 2012. С. 308-314.

10. Фурашов В.И. О второстепенных членах предложения // Фурашов В.И. Современный русский синтаксис. Избранные работы. Владимир: ВГГУ, 2010. С. 76–94.

11. Цейтлин А.Г. И.А. Гончаров. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 492 с.

ФЕДОСОВ Виктор Александрович (*Владимир, Россия*)

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
fedosovva@mail.ru

**В.И. ФУРАШОВ. СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ СИНТАКСИС.
ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ. ВЛАДИМИР: ВГГУ, 2010. 368 с.**

Вводные замечания. Названная книга представляет собой сборник статей по современному синтаксису. После каждой статьи в «Примечаниях» называется год и место публикации соответствующей статьи. В основном это 70-80-ые годы – наиболее плодотворный для автора период творчества, когда были написаны и опубликованы две научные монографии [1, 2]. Принцип отбора статей для

данного сборника формулируется автором следующим образом: эти работы посвящены «актуальным вопросам» науки о синтаксисе, не получившим «однозначного истолкования» и поэтому остающимся «дискуссионными» (с. 3). И еще одним принципом руководствовался автор, отбирая статьи в сборник: «...проследить за менявшимися с течением времени научными представлениями автора» (с. 5). Таким образом, задача сборника состоит не только в том, чтобы выявить «актуальные» проблемы русского синтаксиса (так сказать, объективная задача), но и в том, чтобы одновременно проследить и за «менявшимися» представлениями автора об этих проблемах (субъективная задача).

Единственная работа, вошедшая в данный сборник, не будучи ранее опубликованной, – это «Вступительное слово на защите докторской диссертации «Определение как синтаксическая категория в современном русском языке» 7 апреля 1986 г. (Москва, МГПИ им. В.И. Ленина)». Включение этой работы в сборник является очень важным: в ней сформулированы итоги научного развития русского синтаксиса в период до 1986 г. и в кратком виде сформулированы пути дальнейшего развития науки (после 1986 г.). Вступительное слово, занимающее в сборнике 20 страниц печатного текста (с. 115 – 135), содержит самые важные утверждения автора о русском синтаксисе, сформулированные им с опорой на две его монографии [1; 2], благодаря которым диссертация была успешно защищена. В этих положениях, которые автор скромно называет «соображениями» (всего их 8), выражены основные принципы русского традиционного синтаксиса.

Основные утверждения автора. Первое утверждение касается **парадигматики** членов предложения. Автор полагает, что парадигму членов предложения не следует ограничивать только ее

морфологическим представлением. Надо учитывать и семантику членов предложения, в связи с чем в парадигму членов предложения должны входить типичный элемент и синкретичные элементы. Синкретичные элементы парадигмы данного члена предложения предполагают существование типичного элементов парадигмы у других членов предложения.

Предложение, как в целом, так и в отношении каждого из его членов, – **многоаспектно** (второе «соображение» автора). Морфологический (грамматический) аспект – исходный аспект. Логический аспект – это выражение в предложении субъекта, предиката, объекта, обстоятельства. Психологический аспект в предложении – тема и рема предложения.

Члены предложения имеют **значения**: «предмет», «действие», «признак», «время» «место», «причина» и др.

Следующее утверждение автора касается **позиции** членов предложения. В русском языке сильные позиции членов предложения наблюдаются в предложениях типа: *Утреннее солнце мягко пригрело землю* (И. Бунин); *Мелкий дождь упорно поливал тайгу* (В. Шишков); *Ночной буря совершенно замел дорогу* (Б. Полевой). Определение стоит непосредственно перед подлежащим, так как называет признак предмета. Прямое дополнение является объектом, на который переходит действие сказуемого. Если позиция членов предложения будет иной, то это будет означать их слабую позицию, что ведет к тому, что данный член предложения характеризуется синкретизмом – разрешимым (когда все-таки можно определить, какой это член предложения) или неразрешимым (когда трудно определить, какой перед нами член предложения).

Позиция члена предложения – это **синтагматика** члена предложения, обуславливающая элементы его парадигмы: а) исходный

элемент парадигмы – в сильной позиции, б) синкретичный элемент – в слабой позиции, где синкретизм разрешается в пользу некоторого члена предложения, в) синкретичный элемент – в слабой позиции, где синкретизм неразрешимый и нельзя определенно сказать, какой это член предложения.

Член предложения – это **инвариант**, существующий в нескольких **вариантах**, составляющих парадигму данного члена предложения.

Для исследования синтагматики членов предложения надо изучать **сочетаемость** различных классов словоформ, в частности сочетаемость субстантивных и атрибутивных классов словоформ, чему посвящалась диссертация автора, а также одна из двух выше-названных его монографий, а именно [2]. Синсемантические существительные обязательно сочетаются с атрибутивными распространителями: У рояля стояла девочка с *голубыми глазами*. Минимальной сочетаемостью обладают личные местоимения; промежуточное положение занимает сочетаемость автосемантических имен существительных нарицательных. Проблемы соотношения парадигматики и синтагматики членов предложения **очень сложны**. Многие вопросы здесь становятся дискуссионными. Однако автор в своем вступительном слове полагает, что в своей диссертации он приблизил эти проблемы к их разрешению. В рецензируемый сборник (2010 г.) вошли также и статьи, опубликованные после защиты диссертации (1986 г.), в которых продолжают оставаться проблемы, так и не получившие в науке (как в этих статьях отмечает сам автор) однозначного решения.

Надо заметить, что в своих восьми «соображениях» автор сформулировал традиционную грамматику во всех ее основных

направлениях, называя при этом всех русских грамматистов, участвовавших в разработке этой грамматики.

Первая часть книги. Опубликованный сборник статей состоит из трех частей, в которых подробно рассматривается проблематика, кратко сформулированная во вступительном слове на защите докторской диссертации. Первая часть сборника содержит наиболее «актуальные» проблемы, которые до сих пор остаются «дискуссионными». Называется первая часть так: «Вопросы теории словосочетания и синтаксического членения предложения».

В первой статье первой части (с. 7- 15) автор излагает краткую **историю изучения** словосочетания и предложения, которая состоит в том, что словосочетание – это номинативная единица, а предложение – предикативная единица. Автор присоединяется к этой точке зрения, но не вполне ею удовлетворен. Дело в том, что материал, из которого строится номинативная единица, может становиться материалом для предикативной единицы (см. однословные предложения), а предикативная единица может становиться номинативной единицей (например: *Летят журавли* – название фильма).

Во второй статье первой части (с. 15-18) говорится об **аспектах** предложения (иначе называемых направлениями в изучении предложения): логический аспект (субъект, предикат, объект и др.), психологический аспект (тема, рема), грамматический аспект (подлежащее, сказуемое, определение и др.). Автор пишет, что эти аспекты «тесно переплетены»: при анализе предложения их надо соотносить друг с другом. Типичные соотношения (например, подлежащее является субъектом и темой) дают типичные члены предложения (в сильной позиции), а нетипичные соотношения (например, в пассивной конструкции дополнение является субъектом) дают син-

кретичные члены предложения (в слабой позиции). Типичные и синкретичные представления члена предложения составляют его парадигму.

В следующем разделе сборника (с. 18-30) темой обсуждения становится специально **парадигматика** членов предложения. Главный аспект – это грамматика (подлежащее, сказуемое и др.), а не логика (субъект, предикат, объект и др.). Если подлежащее выражает субъект, то это типичный элемент парадигмы подлежащего. Если же подлежащее выражает объект, то это – синкретичный элемент парадигмы подлежащего. Типичный элемент предполагает сильную позицию, для подлежащего – это положение перед сказуемым; для дополнения – это положение после сказуемого.

В последующей статье (с. 30-42) обсуждается проблема **разграничения и объединения** аспектов. Автор предлагает устанавливать корреляции между единицами одного и того же предложения в разных аспектах, например: *Ученик решает задачу* (подлежащее – субъект – тема – типичное соотношение); *Задача решается учеником* (подлежащее – объект – тема – между подлежащим и объектом нет типичного соотношения, что приводит к синкретизму).

В статье сборника на с. 42-59 автор ведёт речь о **синкретизме**, – начиная при этом с «истории вопроса» (Л. Ельмслев, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов и др.). Автор не находит у своих предшественников достаточного решения: «Проблема синкретизма членов предложения продолжает оставаться актуальной» (с. 56). Синкретизм – совмещение части дифференциальных признаков двух членов предложения в одной словоформе, нейтрализация противоположностей в слабой позиции типичных признаков, выраженных у членов предложения в сильной позиции (ср.: *дом отца – отцовский дом*). Этот процесс (утверждает автор) аналогичен тому,

что имеет место в фонологии у фонем, которые, располагая максимумом различительных признаков в сильной позиции (например, у гласных – под ударением), в слабой позиции (например, у гласных – в безударном положении) «теряют» часть своих признаков и не отличаются от «ближайших» фонем. При этом нельзя утверждать (пишет автор), что подобные члены предложения – объединяются друг с другом, они – просто не различаются (ср. гиперфонему).

В статье на с. 59-68 обсуждается **переходность** в области членов предложения, как она излагается в работах В.В. Бабайцевой. В целом автор не возражает против «переходности», даже утверждает, что это – «крупное достижение отечественной лингвистической мысли» (с. 67), но добавляет, что синхронная переходность «таит в себе еще много неразгаданного». Заметим в связи с этим, что переходность предполагает направление перехода, обусловливаемое какими-то внутренними или внешними силами. В последовательности же *рыбная ловля* (определение) → *ловля рыбы* (определение или дополнение) → *ловить рыбу* (дополнение) средний член *ловля рыбы* не является переходом от первого члена ко второму или наоборот. Эти три конструкции находятся в одной синхронной плоскости (время, сопутствующее переходу, здесь отсутствует). Если эти конструкции каким-то образом связывать друг с другом, то для этого конструкцию *ловля рыбы* надо рассмотреть как нейтрализацию остальных двух конструкций – как синхронную конструкцию. И далее, по нашему мнению, считать, что переход представляет собой поле, тоже нельзя, так как поле – это непрерывная область, направленная к центру или к периферии; рассматриваемые же конструкции – это дискретные единицы, и различающие их признаки – тоже дискретная область.

В статье на с. 68-76 автор обсуждает проблему **многозначно-**

сти. Не является ли конструкция типа *ловля рыбы* **многозначной** – со значением дополнения и определения, – в то время как конструкция типа *ловить рыбу* является однозначной – со значением дополнения? В самом деле, так же, как и лексическая полисемия (или омонимия), синтаксическая конструкция типа *ловля рыбы* – в контексте (в ситуации) может быть однозначной, вне же контекста (вне ситуации) она многозначна. Однако к такому выводу автор сборника не приходит, – находя в конструкции *ловля рыбы* только нейтрализацию, делающую конструкцию синкретичной.

В следующей большой статье под названием «О второстепенных членах предложения» (с. 76-94) обсуждается **нейтрализация** членов предложения, например в конструкции типа *жизнь в деревне* имеет место нейтрализация определения и обстоятельства. Многие известные лингвисты предлагали к членам предложения подходить с позиции словосочетания. Автор сборника справедливо замечает, что «член предложения» – это член предложения, а не член словосочетания, и предлагает выделять типичные второстепенные члены предложения – с полным набором дифференциальных признаков, например *рыбная ловля* - определение, т.к. выражено прилагательным, стоящим перед существительным и согласующимся с ним. Синкретичный же член предложения – тот, который теряет некоторые свои признаки, вместо которых появляются признаки другого члена предложения, – происходит неразличение двух членов предложения, например *ловля рыбы*, где вместо согласования имеет место управление. Типичный и синкретичный члены предложения, пишет автор, образуют элементы парадигмы данного члена предложения. Так, *рыбная ловля* – *ловля рыбы* – это два элемента из парадигмы определения, а *ловля рыбы* – *ловить рыбу* – это элементы парадигмы дополнения.

В последней статье первой части книги (с. 94-114) продолжается рассмотрение типичных и синкретичных элементов парадигм членов предложения – в зависимости от занимаемых сильных и слабых позиций в предложении. В сильной позиции различается максимальное количество дифференциальных признаков членов предложения, в слабой же позиции – работает только часть этих дифференциальных элементов. Пример сильной позиции определения: *ночной буран* (позиция перед существительным), *Буран ночью долго не забудется нами* (если *ночью* – определение, то это – слабая позиция, в которой обнаруживает себя уже и другой член предложения). Автор сборника утверждает, что введение парадигматики члена предложения, конечно, усложняет синтаксический анализ предложения, но это означает только то, что этот анализ надо совершенствовать (с. 108). Парадигма члена предложения (повторяет автор) состоит из трех основных элементов: 1) исходный (типичный) элемент – находится в сильной позиции, 2) синкретичный элемент – в слабой позиции частичной нейтрализации между какими-либо (чаще двумя) членами предложения, 3) синкретичный – в слабой позиции полной нейтрализации различий между какими-либо (обычно двумя) членами предложения.

Вторая часть книги. Эта часть содержит статьи по более конкретной тематике (которые освещаются также и в книге «Несогласованные определения в современном русском языке» [2]). Например, в статье «Шкала атрибутивной валентности местоименных существительных» (с. 136-152) утверждается, что атрибутивной валентностью обладают существительные, сочетающиеся с прилагательными и причастиями, причем разные существительные обладают этой валентностью в разной степени, – составляя целую шкалу. Максимальной сочетаемостью обладают синсемантические суще-

ствительные, а минимальной – местоимения личные, возвратные, указательные. Учитывается при этом и влияние порядка слов в конструкции «атрибутив + существительное». Привлекается в статье для анализа большой фактический материал – примеры из художественной литературы. Валентность в конструкции «прилагательное + существительное» – это прежде всего лексическая сочетаемость, причем не просто лексем, а лексических классов, с одной стороны – классов существительных, а с другой – классов атрибутивов. Но классы эти ограничиваются только значениями частей речи: «предмет», «признак» и т.д., маркированные морфологией. Более частные лексические классы в традиционной грамматике обычно не учитываются. Традиционная грамматика, описывая словосочетания и предложения, не описывает, однако, лексической сочетаемости – не формулирует соответствующих лексических классов, - не выходит за классы, маркированные частями речи, «предмет», «действие», «признак» и др. Конечно, лексики очень много, лексических сочетаний – еще больше, – и формулировать лексические классы внутри классов «предмет», «действие», «признак» и др. очень трудно. Требуется разработка соответствующих методов и способов. Но проблема вполне разрешима, о чем свидетельствует то, что при овладении иностранным языком учащиеся овладевают прежде всего этими лексическими классами и их лексической сочетаемостью (см. лексические классы «Семья», «Школа», «Город» и др.).

Следующая статья второй части сборника тоже посвящается сочетаемости, а именно сочетаемости: «**неопределенное местоимение** + прилагательное (причастие)» (с. 152-162). Если бы здесь сочетаемость рассматривать на лексическом уровне (а не только на морфологическом), то пришлось бы формулировать прежде всего лексические классы прилагательных.

Очередная статья в сборнике – «Атрибутивные **распространители местоименных существительных**» (с.162-175) – тоже содержит очень удобный материал для изучения сочетаемости лексики. Здесь каждое отдельное местоимение равняется по сути дела одному лексическому классу – остается сформулировать только классы атрибутивов.

Однопадежные имена существительные при неопределенных местоимениях (статья на с. 176-190) обособляются в большей мере, чем при именах существительных: *Кто-то, вероятно сосед, постучал в дверь*. При наличии модального слова при существительном обособление становится обязательным, сочетания типа *кто-то сосед* невозможны.

В статье «О синтаксических функциях **приместоименных косвенных падежей существительных**» (с. 190-206) (*Мастерил нечто по мебелиной части*) связанность существительного с неопределенным местоимением – разная. Тесная связь имеется обычно у конструкций типа *кто-то из бойцов*.

В статье, посвященной определениям в **косвенном падеже существительного** (с. 206-221), определение не столько противопоставляется дополнению и обстоятельству, сколько составляет с ними синкретизм: а) при частичной нейтрализации различий между определением и дополнением синкретизм оказывается разрешимым в пользу определения: *дом отца (отцовский дом), сарай из кирпича (кирпичный сарай)*, как и в случае частичной нейтрализации различий между определением и обстоятельством: *участок при школе (пришкольный участок), туманы по утрам (утренние туманы)*; при полной нейтрализации различий между определением и дополнением или между определением и обстоятельством синкретизм оказывается неразрешимым: *занятия музыкой (музыкальные*

занятия или *заниматься музыкой*), *встречи в мае* (*майские встречи* и *встречаться в мае*). При разрешимом синкретизме возможна одна трансформация, при неразрешимом – две.

В отдельной статье описывается сочетаемость существительного с **наречием** (с.221-233), например: *чай вприкуску*. В одних случаях синкретизм определения и обстоятельства надо решать в пользу определения: *лес зимой* (*зимний лес*), в других (при отглагольных существительных) чаще всего имеет место неразрешимый синкретизм (*езда верхом – верховая езда – ездить верхом*). Явления разрешимого и неразрешимого синкретизма подробно рассматривается также в статьях «Присубстантивный инфинитив» (с. 234-251) и «Присубстантивный компаратив» (с. 251- 263).

В заключительной статье второй части сборника под названием «О синтаксической **категории определения** в современном русском языке» (с. 263- 288) по сути дела подытоживается теоретический материал всех статей второй части. Показывается единство у определения формы и значения. Значением является атрибутивность, а формой – морфологические и некоторые другие признаки, в том числе и вопросы *Какой? Чей? Который? У* определения ослабевает атрибутивность, если нет согласования с существительным, – в связи с чем появляются оттенки значения других членов предложения – дополнения, обстоятельства. Автор статьи подытоживает: «Варианты определения есть элементы его парадигмы. Парадигма... открывается типичным элементом, имеющим полный набор типичных формальных признаков и атрибутивное значение, свободное от каких-либо добавочных оттенков иных значений» (с. 285) В разработке учения о членах предложения, в том числе и о парадигме члена предложения, автор сборника ушел дальше своих предшественников и современников.

Часть третья. Третью часть книги (с. 289-301), как первую и вторую, автор начинает с изложения **истории вопроса**, – что придает не только третьей части, но и всему сборнику законченность и монографичность. Основное в этой истории вопроса следующее: Ф.И. Буслаев рассматривает обособленные второстепенные члены как сокращенные придаточные предложения (глагол сокращается в имя), а А.А. Потебня критикует его, полагая, что придаточное предложение – более развитая конструкция, чем обособленный член (имя в этом случае предшествует глаголу). Термин «обособленный член» ввел затем А.М. Пешковский: обособленный член предложения сходен с придаточным предложением, например - по интонации, но в то же время отличается от придаточного предложения: обособленный член имеет свойства второстепенного члена предложения. Автор сборника высоко оценивает вышеназванных русистов, которые, по его мнению, «заложили фундамент» учения об обособленных членах предложения.

Автор высказывает об обособленных членах предложения больше мыслей, чем предшествующие ему лингвисты (см. также книгу [1]). Автор утверждает, в частности, что интонация является единственным формальным признаком, объединяющим все виды обособленных членов. Обособленный член, утверждает В.И. Фурашов, занимает промежуточное положение между придаточным предложением (предикативным) и простым членом предложения (непредикативным), – вследствие чего является **полупредикативным** членом предложения. В предложении полупредикативный член сопутствует предикативному члену, являясь в предложении факультативным, необязательным. Предикативность имеет время, модальность, персональность, – полупредикативность тоже имеет эти категории, но – как сопутствующие тому, что имеется в предикатив-

ном члене. Полупредикативность имеет градацию: у обособленного причастия и деепричастия полупредикативности больше, чем у обособленного прилагательного; если обособленный член относится к подлежащему, то он более предикативен, чем если он относится к дополнению. Полупредикативность – это добавочное сообщение. Автор описывает и многие другие свойства полупредикативности (с.301-318). «Полупредикативность отличается от предикативности не только своим сопутствующим характером, но и факультативностью: она не является обязательной принадлежностью всякого предложения» (с. 304).

Исходя из утверждений В.В. Виноградова о том, что предикативность – это соотнесенность содержания предложения с действительностью, реализующаяся в синтаксических категориях модальности, времени и лица, автор в следующей статье (с. 318-334) описывает, однако, только категорию **модальности**, которая бывает объективной модальностью (отношение содержания предложения к объективной действительности) и субъективной модальностью (отношение говорящего к тому, о чем он говорит). Конкретно описывается далее только субъективная модальность – как она проявляется в обособленных членах предложения с определением и приложением. Описывается этот материал очень подробно – и в такой систематизации впервые.

В начале статьи «К проблеме обособления дополнений» (с. 334-347) автор сборника делает несколько важных замечаний относительно обособления вообще и обособления дополнений в частности. Говоря об обособлении вообще, автор имеет в виду прежде всего терминологию: «Термин «сопутствующая предикативность» вообще следовало бы предпочесть обычно употребляемому в этих случаях термину «полупредикативность»: ведь степень полупреди-

кативности обособленных членов бывает различной. Сопутствующая предикативность при обособлении именно сопутствует основной предикативности предложения» (с. 334). Однако сам автор употребляет обычно термин «полупредикативность», в том числе и после данной статьи (после 1985 г.)

Автор сборника замечает далее, что обособление дополнений имеет особенности: это обособление происходит реже, чем обособление определений и обстоятельств. И происходит это потому, что дополнение более тесно связано с главным членом, например со сказуемым, что не способствует его отделению (обособлению) от главного члена. В статье далее подробно описываются случаи обособления дополнения в русском языке: с использованием вводных слов (*очевидно, должно быть* и др.), с употреблением наречий (*сперва, потом* и др.), с применением частиц, союзов (*хоть, да и* и др.) и т.д.

Последняя статья в сборнике (с. 347-366) является самой первой статьей в научной деятельности автора: она написана и опубликована в его студенческие годы (1961 г.). В дальнейшем статей такого содержания автор уже не писал. Статья называется: «Опыт экспериментального исследования интонации предложений с обособленным препозитивным причастным оборотом». Автор берет два предложения: 1) *Угнетенный воспоминаниями, Логинов говорил с новым секретарем горкома сухо*; 2) *Угнетенный воспоминаниями Логинов говорил с новым секретарем горкома сухо*, – и сравнивает их с точки зрения интонации. Первое предложение содержит обособленный причастный оборот, а второе – не имеет этого обособления. С помощью специальной аппаратуры автор измеряет у этих двух предложений мелодику, ритм, темп и интенсивность.

Так, у названных двух предложений оказывается различным

время их произношения: второе предложение в целом было произнесено быстрее, чем первое (с. 355) (так как, добавим мы, в нем нет паузы, которая есть у предложения с обособлением). Что касается темпа звучания, то и в этом случае предложение без обособленного члена было произнесено более быстрым темпом (с. 357); характерно, что при определении темпа звучания внутрифразовые паузы «вычитаются» И далее: в первом предложении интенсивными по звучанию являются слова, входящие в обособленный причастный оборот (с. 357). Что касается высоты тона, то об этом сказано: «Обособленная группа произносится с максимальной в предложении высотой основного тона» (с. 361). Таковы результаты измерения обособленных членов предложения. Во всех случаях эти члены – выделяются, обособляются.

В дальнейшем к физической аппаратуре автор в течение долгой своей научной карьеры не обращался. Создается впечатление, что автор не увидел в этих физических методах особой продуктивности. И действительно, методы исследования языка все-таки должны быть иными. Это должны быть психологические методы. При исследовании восприятия речи должны использоваться методы психологии восприятия, а при исследовании порождения речи – методы порождающей психологии. Только психологические методы могут объяснить, почему пользующиеся языком различают обособленные и необособленные члены предложения; объяснить, что конкретно происходит, когда обособленные и необособленные члены предложения не различаются (или неубедительно различаются) – выступают в синкретичном виде. Является ли этот синкретизм объективно заданным или же в значительной мере – это варианты психологии восприятия.

Заключительные замечания. Статьи в сборнике располага-

ются по темам – разносятся по трем частям. Первая часть – это вопросы теории словосочетания и предложения. Вторая часть – атрибутивная сочетаемость с субстантивом (ср. ранее опубликованную книгу [2]). Часть третья – обособленные члены предложения (ср. другую ранее опубликованную книгу [1]). Внутри каждой из этих частей статьи тоже упорядочиваются по проблематике. В результате такой, тематической, организации книга отходит от жанра «сборника» и приближается к жанру «монографии», что является несомненным достоинством книги. Название (заголовок) книги поддерживает ее как монографию: «Современный русский синтаксис».

Чтобы окончательно оформить книгу как монографию, можно было бы снабдить книгу **предметным** указателем. Книга охватывает всю проблематику русской традиционной грамматики XIX – XX веков, со всеми ее понятиями и терминами, многие из которых развивались, меняли свое содержание. Предметный указатель, даже если бы он был не тематическим, а алфавитным, приводил бы всё это в некоторую систему.

В книге во всех ее местах даются отсылки к ученым, к грамматистам, сделавшим свой вклад в разработку теории членов предложения. При этом даются не просто отсылки, но и анализ работ ученых того или другого грамматического направления. Более того: каждая из трех частей книги начинается «историей вопроса». Всё это свидетельствует о том, что книгу надо было бы снабдить также и **именным** указателем.

Превращение книги из сборника в монографию, с предметным и именным указателями, – способствовало бы знакомству читателя не только с творческим наследием автора данной книги, но и с научным наследием всей традиционной (не структурной, не порождающей) грамматики. По замыслу книга является сборником статей,

написанных в разные годы. Но статьи сходны по тематике, связаны друг с другом – книга таким образом уже стала монографией. При переиздании книги автор может довести книгу до полной монографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фурашов В.И. Обособленные согласованные определения в современном русском литературном языке. Владимир, 1975. 192 с.
2. Фурашов В.И. Несогласованные определения в современном русском языке. М., 1984. 112 с.

ЧЕРНОВА Любовь Афанасьевна (*Коломна, Россия*)
Социально-гуманитарный университет

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МИРООЩУЩЕНИЯ ПЕРСОНАЖА (по рассказу А.П.Чехова «Дом с мезонином»)

Аннотация. Статья посвящена выявлению системы разноуровневых языковых средств, выполняющих смыслообразующие функции при характеристике мироощущения персонажа.

В название рассказа выносятся номинация реалии как опозитивированного пространства, где герой испытал душевное обновление и искреннюю любовь.

Рассказ представляет собой воспоминание героя-повествователя как отзвук и опыт осмысления давних событий, оставивших заметный след в памяти рассказчика, о чем свидетельствует использование глаголов «припомниться», «вспоминать», наряду с глаголом «забывать»:

Я уже начинаю забывать про дом с мезонином, и лишь изредка, когда пишу или читаю, вдруг ни с того ни с сего **припомнится** мне то зеленый огонь в окне, то звук моих шагов, раздававшихся в поле ночью, когда я, влюбленный, возвращался домой и потирал руки от холода. А еще реже, в минуты, когда меня томит одиночество и мне грустно, я **вспоминаю** смутно, и мало-помалу мне поче-

му-то начинает казаться, что обо мне тоже **вспоминают**, меня ждут и что мы встретимся.

В рассказе изображаются события шести-семилетней давности, центральным эпизодом которых является история любви рассказчика-художника к юной обитательнице дома с мезонином Жене, которую близкие звали Мисюсь за ее манеру обращаться к гувернантке вместо «мисс».

Герой рассказа – известный, уже немолодой художник, некогда выставивший свои картины, а ныне томившийся бездействием, недовольный собой, живущий без вдохновения, без ощущения физических и творческих сил и с ощущением тяжести в сердце. Ему жаль себя и свою жизнь, он живет без определенных занятий, созерцая окружающий мир, что выражается набором соответствующих ситуации глаголов: смотрел, читал, спал, уходил, бродил:

Обреченный судьбой на постоянную праздность, я не делал решительно ничего. По целым дням я **смотрел** в свои окна на небо, на птиц, на аллеи, **читал** все, что привозили мне с почты, **спал**. Иногда я **уходил** из дому и до позднего вечера **бродил** где-нибудь.

Грамматические показатели данных глаголов (несовершенный вид, прошедшее время) свидетельствуют о временной неограниченности и повторяемости совершаемых героем действий, а в конечном итоге – об отсутствии их целенаправленности. Объектом наблюдений художника являются природные реалии: небо, птицы, аллеи.

Герой испытывает одиночество, живя в барском особняке знакомого помещика Белокурова, общение с которым не представляется для героя ценностным, что передается языковыми средствами, характеризующими особенности личности Белокурова (именные

словосочетания), привычки, физические и речевые действия (глагольные словосочетания):

Зато мой Петр Петрович, у которого еще со студенчества осталась **манера всякий разговор сводить на спор, говорил скучно, вяло и длинно**, с явным желанием казаться **умным и передовым человеком**;

Он говорил о том, как много приходится работать, когда хочешь стать образцовым сельским хозяином. А я думал: какой это тяжелый и ленивый малый! Он, когда говорил о чем-нибудь серьезно, то с **напряжением тянул «э-э-э-э» и работал так же, как говорил, - медленно, всегда опаздывая, пропуская сроки**. В его деловитость я плохо верил уже потому, что письма, которые я поручал ему отправлять на почту, он **по целым неделям таскал у себя в кармане**;

– Тяжелее всего, – бормотал он, идя рядом со мной, – тяжелее всего, что работаешь и **ни в ком не встречаешь сочувствия**. Никакого сочувствия!;

Белокуров **длинно, растягивая «э-э-э-э»**, заговорил о болезни века – пессимизме. **Говорил он уверенно и таким тоном, как будто я спорил с ним**. Сотни верст пустынной, однообразной, выгоревшей степи не могут нагнать такого уныния, как один человек, когда он сидит, **говорит и неизвестно, когда он уйдет**.

Кроме того, герой считает нечистыми, непорядочными, пошлыми отношения Белокурова с женщиной, которая наняла у него флигель, а фактически завладела и флигелем и хозяином:

Я каждый день видел, как эта **дама, очень полная, пухлая, важная, похожая на откормленную гусыню**, гуляла по саду, в русском костюме с бусами, всегда под зонтиком, и прислуга то и дело звала ее то кушать, то чай пить. Года три назад она наняла один

из флигелей под дачу, да так и осталась жить у Белокурова, по-видимому, навсегда. **Она была старше его лет на десять и управляла им строго, так что, отлучаясь из дому, он должен был спрашивать у нее позволения. Она часто рыдала мужским голосом,** и тогда я посылал сказать ей, что если она не перестанет, я съеду с квартиры; и она переставала.

Характер описания дамы, живущей у Белокурова (семантика обособленных определений и предикатных конструкций), свидетельствует о том, что рассказчик не одобряет связей такого рода.

Он упрекает также Белокурова в том, что тот неинтересно живет, хотя, как помещик, он имеет возможность иначе вести свою жизнь по сравнению с ним, художником, чьи возможности ограничены (они характеризуются при участии именных предикатов):

Моя жизнь **скудна, тяжела, однообразна,** потому что я **художник, я странный человек, я издерган** с юных дней завистью, недовольством собой, неверием в свое дело, я всегда **беден, я бродяга...**

Среда обитания художника (съемное жилье в старом здании) не способна создать даже элементарного человеческого уюта, что подчеркивается участием в описании «звуковой» и «световой» лексики:

Тут всегда, даже в тихую погоду, что-то **гудело** в старых амосовских печах, а во время грозы весь дом **дрожал** и, казалось, **тре-скался** на части, и было немножко страшно, особенно ночью, когда все десять больших окон вдруг **освещались молнией**.

Характер мироощущения художника отражает также пейзажная зарисовка с мрачным колоритом, с признаками старения и увядания окружающих предметов, деревьев, растений, птиц:

Однажды, возвращаясь домой, я нечаянно забрел в какую-то незнакомую усадьбу. Солнце уже пряталось, и на цветущей ржи растянулись **вечерние тени**. Два ряда **старых**, тесно посаженных, очень высоких **елей** стояли, как две сплошные стены, образуя **мрачную** красивую **аллею**... Потом я повернул на длинную липовую аллею. И тут **тоже запустение и старость**; прошлогодняя листва **печально шелестела** под ногами, и в сумерках между деревьями прятались тени. Направо, в старом фруктовом саду, **нехотя, слабым голосом пела иволга, должно быть тоже старушка**.

Выделенные именные и глагольные лексические единицы подчеркивают душевное опустошение героя, его мрачное настроение, неспособность к душевному возрождению.

Неожиданное обнаружение белого дома с террасой и мезонином во время прогулки и видение двух девушек-сестер возле белого дома оказались для героя приятным открытием, о чем свидетельствует употребление языковых единиц с позитивной семантикой:

На миг на меня повеяло **очарованием чего-то родного, очень знакомого**, будто я уже видел эту панораму когда-то в детстве:

И мне показалось, что и эти **два милых лица** мне давно уже **знакомы**. И я вернулся домой с таким чувством, как будто видел **хороший сон**.

Последующее посещение дома Волчаниновых по приглашению хозяйки дома – старшей из сестер Лиды вызывает в душе художника прилив самых лучших чувств:

После громадной пустой залы с колоннами мне **было как-то по себе** в этом небольшом уютном доме... и все мне **казалось молодым и чистым** благодаря присутствию Лиды и Мисюсь, и все **дышало порядочностью**.

При этом позитивное восприятие художником реальности выражается именованным компонентом предикатных конструкций.

В процессе посещения дома Волчаниновых у героя складывались разные отношения с его обитателями: с Лидией – напряженные, с Женей и с матерью девушек – доверительные.

Отношения с Лидой рассказчик объясняет следующим образом:

Я был ей несимпатичен. Она не любила меня за то, что я пейзажист, и в своих картинах не изображаю народных нужд и что я, как ей казалось, был равнодушен к тому, во что она так крепко верила... И Лида ... **презирала** во мне чужого.

Выделенные предикаты с негативной стилистической окраской представляют градационный ряд по степени усиления неприязни героини по отношению к гостю (несимпатичен – не любила – презирала).

Причиной противостояния художника и Лиды оказалось расхождение мнений о роли науки, искусства, общественной деятельности в существующих условиях. Художник считает, что в обществе, где процветает тяжелый физический труд, искусство существует лишь для забавы, поэтому он, как художник, не может и не хочет работать для такого общества. Деятельность Лиды в сельской школе, прием больных у себя дома без медицинского образования, ее общественную работу среди молодежи в уезде он воспринимает с иронией. Их идеологический спор представлен в нескольких ССЦ, где в качестве связующих слов выступают наименования обсуждаемых проблем: грубый физический труд, убеждения, духовная деятельность, грамотность, медицина, науки. Результатом спора было признание Лиды, что отрицать больницы и школы легче, чем лечить и учить, и что библиотеки и аптечки она ставит выше всех пейза-

жей на свете. В течение всего спора общение проходило напряженно, и речь Лиды сопровождалась характерными для ее враждебного поведения невербальными средствами: посмотрела, прищурилась; она закрылась от меня газетой, как бы не желая слушать; она подняла на меня глаза и насмешливо улыбнулась; сказала Лида с досадой и т.п. Характер невербальных средств в речи Лиды свидетельствует о том, что идеологический спор превратился в межличностный. Его результатом стала враждебность Лиды как хозяйки дома, которая и положила конец общению своей семьи с гостем-художником.

Отношения художника с младшей из сестер – Женей характеризуются следующим образом:

Когда я приходил, она, увидев меня, слегка покраснела, оставляла книгу и с оживлением, **глядя** мне в лицо своими большими глазами, **рассказывала** о том, что случилось: например, о том, что в людской загорелась сажа или что работник поймал в пруде большую рыбу... Или я писал этюд, а она стояла возле и **смотрела** с восхищением;

Пришла Женя с корзиной; у нее было такое выражение, как будто она **знала** или **предчувствовала**, что найдет меня в саду. Мы подбирали грибы и **говорили** и, когда она **спрашивала** о чем-нибудь, то уходила вперед, чтобы **видеть** мое лицо;

Женя **думала**, что я, как художник, **знаю** очень многое и **могу** верно **угадывать** то, чего не знаю. Ей хотелось, чтобы я ввел ее в область вечного и прекрасного, в этот высший свет, в котором, по ее мнению, я был своим человеком, и она **говорила** со мной о боге, о вечной жизни, о чудесном.

Выделенные глагольные единицы (визуальные, речевые, мыслительные) свидетельствуют об интересе Жени к гостю-художнику,

о доверии к нему, о желании говорить с ним о вечном и прекрасном. Невербальные средства при визуальных глагольных единицах (с оживлением глядя, смотрела с восхищением) характеризуют восторженное настроение Жени в момент общения с художником.

Кроме того, с Женей у героя было много общего:

[Мисюсь] не имела никаких забот и **проводила свою жизнь в полной праздности, как и я;**

Мы гуляли вместе, рвали вишни для варенья, катались в лодке, и когда она прыгала, чтобы достать вишню, или работали веслами, сквозь широкие рукава просвечивали ее тонкие, слабые руки. Или я писал этюд, **а она стояла возле и смотрела с восхищением;**

Я ходил по парку, держась подальше от дома, и отыскивал белые грибы, которых в то лето было очень много, и ставил около них метки, чтобы потом подобрать их вместе с Женей;

Мы подбирали грибы и говорили...

Выделенные языковые единицы характеризуют совместные действия как признак состоявшейся дружбы героев. При этом значение совместности выражается по-разному: формой множественного числа глаголов, введением сравнительной конструкции как знак соответствия действий разных персонажей, с помощью сочинительной конструкции, где действия разных персонажей выполняются одновременно, с помощью подчинительной конструкции с целевой установкой на совместность дальнейших действий двух персонажей.

Отношения художника с матерью сестер – Екатериной Павловной изображаются следующим образом:

Екатерина Павловна также скоро **привыкла и привязалась** ко мне, и когда я не появлялся два-три дня, **присылала** узнать, здоров

ли я. На мои этюды она **смотрела** тоже с восхищением, и с такою же болтливостью и так же откровенно, как Мисюсь, **рассказывала** мне, что случилось, и часто **поверяла** мне свои домашние тайны.

Выделенные глагольные единицы (речевые, визуальные, мыслительные) свидетельствуют об уважительном, доверительном, заботливом отношении Екатерины Павловны к гостю-художнику.

Чувствуя враждебное отношение Лиды к себе, герой остро ощущает напряженность сложившейся в усадьбе Волчаниновых ситуации:

Обыкновенно я сидел на нижней ступени террасы; меня **томило недовольство собой, было жаль своей жизни**, которая протекала так быстро и неинтересно, **и я все думал о том**, как хорошо было бы вырвать из своей груди сердце, которое стало у меня таким тяжелым.

Внутреннее состояние персонажа здесь изображается при участии лексем мысли и чувства. При этом герой обнаруживает, как дорога стала ему Женя:

Уходя в этот вечер от Волчаниновых, я уносил впечатление длинного-длинного, праздного дня, с грустным сознанием, что все кончается на этом свете, как бы ни было длинно. Нас до ворот провожала Женя, и оттого, быть может, что она провела со мной весь день от утра до вечера, **я почувствовал, что без нее мне как будто скучно** и что вся эта милая семья близка мне; и в первый раз за все лето мне захотелось писать;

Я любил Женю. Должно быть, я любил ее за то, что она встречала и провожала меня, за то, что смотрела на меня нежно и с восхищением... Я понравился Жене как художник, я победил ее сердце своим талантом, и **мне страстно хотелось писать только для нее, и я мечтал о ней, как о своей маленькой королеве**, которая вместе со мною будет владеть этими деревьями, по-

лями, туманом, зарею, этою природой, чудесной, очаровательной, но среди которой я до сих пор чувствовал себя безнадежно одиноким и ненужным.

Выделенные конструкции, заключающие в себе глаголы чувства, свидетельствуют о значимости для героя общения с прекрасным юным существом, которое пробудило в его душе искреннее чувство и желание писать, творить.

Таким образом, мироощущение главного персонажа рассказа А.П. Чехова и его динамика представлены различными лексико-грамматическими средствами: именными и глагольными лексемами, глагольными формами и их значениями, фонетическими компонентами, простыми и сложными предложенческими конструкциями.

ШУЛЕЖКОВА Светлана Григорьевна (*Магнитогорск, Россия*)

Магнитогорский государственный технический университет
имени Григория Ивановича Носова
shulezkova@gmail.com

«ИЖЕ ВО ИНОЦѢ^Х НАИМЕНШІИ МАЖИ^М СВАТОГОРСКИИ...»
(заметки о языке Послания Максима Грека царю Василию III)

Аннотация. В 1522 г., обращаясь к Василию III по поводу завершения перевода Толковой Псалтыри, Максим Грек пишет слогом, опирающимся на византийские и южнославянские традиции, что отразилось на лексико-фразеологическом составе Послания, написанного в русле «плетения словес» с использованием церковно-книжных единиц высокого стилистического регистра.

Послание 1522 г. – одно из первых оригинальных сочинений Максима Грека, написанных им на литературном языке чужой для него страны в честь завершения перевода Толковой Псалтыри. Прошло около четырёх лет после того, как Максим Грек прибыл в Московию (см. об этом: [1; 5: 99; 12: 61-64; 13: http; 14: http]) и получил из рук царя «с(ва)щенную книгу <...> крученную», которая «по многа лѣта в книгохранильницѣ» «заключена» была [7: лоб], не будучи доступной русским читателям. Ради перевода её с греческого

на русский язык предположительно на недолгое время и был приглашён Василием III и митрополитом Варлаамом ватопедский инок. Но провёл он на Руси, не по доброй воле, 38 лет, 27 из которых – в заточении. За эти годы Максим Грек создал более 350 произведений, как переводных, так и оригинальных, и ни царская опала, ни преследования духовных властей не сломили его. «Этот человек, в котором соединялся яркий талант богослова, духовного писателя и публициста с подлинным духовно-аскетическим подвигом, стал, бесспорно, одной из наиболее значимых фигур в духовной жизни Руси первой половины XVI века» [11: <http>].

Максим Грек жил и творил в соответствии со своими убеждениями, несмотря на страдания, выпавшие на его долю. Оставшись в России, он сделал всё возможное, что было в его силах, для просвещения русичей, для сохранения в чистоте православия, для нормирования и обогащения книжно-славянской разновидности русского литературного языка, которую Максим сам называл *славным русским языком* и которой овладел в совершенстве. В Слове 49, написанном «на утешение себе и утверждение в терпении, когда был заключён в темницу и находился в скорби», невинно осуждённый богомолец, страстно мечтавший вернуться на Афон, в свой монастырь, но на все свои просьбы получавший отказ, пишет: «Не тужи, не скорби, не тоскуй, любезная душа моя, о том, что страдаешь без вины от тех, от которых следовало бы тебе принять все блага, так как ты питала их духовною трапезою, исполненною дарований Святого Духа, то есть святоотеческими толкованиями боговдохновенных песнопений Давида, переведёнными тобою с греческого на славный русский язык! Напротив, благодари Владыку твоего, хвали и славь Его сознательно, что Он сподобил тебя в настоящей жизни временными скорбями воздать с избытком весь долг свой и те зна-

чительные таланты, какие ты была Ему должна» [9: <http>]. В этом Слове Максим Грек не без основания из всех своих деяний на Руси особо выделяет перевод Толковой Псалтыри, ибо это была поистине титаническая работа (в единственном издании труда афонского старца и его помощников церковно-славянский текст Псалтыри размещён на 1023 больших листах, заполненных с обеих сторон [8]).

Будучи блестяще образованным человеком, полиглотом, философом, знатоком эллинской и римской культуры, христианского богословия в его католической и православной формах, Максим Грек внёс в первой половине XVI в. существенную лепту в процесс продолжавшегося византийско-южнославянского влияния на русский литературный язык. В условиях, по словам В.В. Виноградова, «идейного подъёма великорусского общества», которым сопровождалось укрепление Московского государства, стремящегося превратиться «в мировую славянскую державу», мечтавшую «воспринять культурное наследство угасавших южнославянских государств и Византии» [2: 30, 31], переводческая и писательская деятельность ватопедского монаха, в миру – Михаила Триволиса, пришлась как нельзя кстати. Русского читателя в своих переводных и оригинальных творениях Максим Грек знакомил с философией и мифологией античности, с патристической богословской литературой Средних веков, с историческими трактатами разных эпох. При этом, пройдя вместе с русскими помощниками опыт перевода Апостола, затем – Толковой Псалтыри, афонский старец сумел хорошо овладеть и книжным, и разговорным русским языком.

В самом начале в соответствии с жанром «предисловия» автор в торжественной книжно-риторической тональности обращается к тому, кому посвящает перевод Псалтыри Толковой, задавая таким образом настрой всему Посланию. Полное титулование царя сопро-

вождается эпитетами (прилагательными в превосходной степени и причастием), которые контрастируют с этикетной уничижительной самохарактеристикой автора: *Благовѣрнѣйшему и вышшему царю и богохранимому государю великому кн(а)зю всеа Руси, иже во иноцѣхъ наименшіи маѣи^М с(ва)тогорскыи^У метаніе^М еже о господѣ смиренѣ творю [7: а].* За посвящением следует библейская сентенция *Всѣмъ даи^не благо и всѣмъ даръ сверше^н свыше есть сходби ѿ ѿца свѣто^М.* Она предваряет пространное рассуждение Максима Грека о *богодуховенных писаниях*, к которым автор Послания относит и Псалтырь. Поскольку значительная часть псалмов – это страстный монолог царя-псалмопевца Давида, обращённый к Господу, автор пишет о неразрывной связи между *священством* и *царством*, восходящим, по его мнению, к одному и тому же началу и украшающим человеческую жизнь. Доказательства Максим Грек находит в Священном Писании, в римской истории, в событиях, связанных с распространением христианской веры, в сочинениях отцов Церкви, в житиях святых. Он упоминает *богоизбранное супружество* священников и царей из Ветхого Завета (*Моисея-пророка и Аарона-иерея, Иисуса Наввина и Иелиазара-священника, Самуила-пророка и Давида-царя*); говорит о том, что подобных образов много и в Новом Завете; называет *Селивестра-папу* в паре с *Константином, царём Великим*; *Григория Богослова* – с *Феодосием, царём Великим*; *Ивана Златоуста* – с *Аркадием-царём* и заканчивает перечисление таких *супружеств* словами: *и прочіи прис-^нопамятны^х и преблаженнѣишы^х ѡнѣ^х мужей архиереевъ и ц(а)реи нова^е ізраиля [7: аоб].*

С помощью позитивно аксиологически отмеченных лексем типа *благочестие, правдотвореніе, мудрость, добродѣтель, кротость* и пр., которые по законам стиля плетения словес сопровож-

даются самыми лестными эпитетами (прилагательными в превосходной степени, краткими и полными причастиями, входящими в объёмные обособленные определения), Максим Грек изображает Василия III идеальным просвещённым государем, который правит своей процветающей державой в полном согласии с главой Русской православной церкви – митрополитом Варлаамом: *твоя б(о)гохраняемая і б(о)говенчанная держава е^с(ть), і в бл(а)гоч(е)^стіи і в правдотвореніи преславнѣиша я^ж всѣ^х древле ц(а)рствовавшы^х велемудры^х мужеи, добродѣтелеи свершеннѣише істо^рѣиша, их же акы в нѣкое^м зерцалѣ светлѣише^м в себѣ показуе^т. ꙗкоже сюдю убо бл(а)гоч(е)стїе ч(у)ч^сты^м і правдою облистаема, ѿнюду^ж мудростїю совокупленною кротости бл(а)гоч(е)ствѣ^уше украшена <...> кто убѣ ѿ внѣшних іли древле бывших обратится ѡ таковы^х ра^ссмотри лучше василїа ивановича, Великаго і преславнаго князя всея русїи <...> имѣюща при себѣ правящаго архиеререиский престол во ахиерее^х свѣтлѣишаго г(оспо)дина варлаама митрополита всея руси. твоя державы ѿца о г(оспо)дѣ і ходатаа к б(о)гу непрестанна^я [7: лоб].*

Послание насыщено лексемами и устойчивыми словесными комплексами (УСК), обобщённо или конкретно называющими Библию и её части (*свѣщенные книги, ветхїй завѣтъ, новїй завѣтъ*), философские учения и религиозные верования (*нравоучительные ученїя, еологическое устроенїе, аріанское неистовство, православное исповеданїе, православные догматы, православная вѣра, апостольское ученїе*) рядом с их метафорическими и другими образными именованиями (*духовный медъ, духовное благоуханїе, духовное брашно, хранилище духовное, божїе дарованїе, божественное слово, богодухновенное писанїе*).

Прекрасно осознавая значимость своего перевода *Книги Святой*, как он её называет, а также предугадывая читательский интерес к своему предисловию (см. о посланиях-предисловиях как самостоятельном жанре русской литературы: [3: 12-26]), Максим Грек даёт Толковой Псалтыри восторженную оценку, используя множество высоких книжных старославянизмов с явными южнославянскими фонетическими признаками: *Сващенная книга сіа древними мужы всачьскою премудростію, і тажестію разумгніи высочаишим <...> выше мене дана <...> хранилище ту нарець духовное. мнѡгоразличными благодат'ми исполнено. или раи мыслени садовы безсмертными и цвѣты духовными обогащено <...> воистину ѿ малгѣишы^х камыковъ адамантъ сы^ѵ [7: в].*

Обращаясь к будущим читателям Толковой Псалтыри, афонский старец перечисляет её достоинства, используя свой излюбленный приём нанизывания однородных членов предложения, где основная смысловая нагрузка лежит на субстантивированных причастиях с южнославянскими суффиксами: *богословствующимъ наказател'на. І ествствословствующимъ просвѣтител'на. стажающимса вооруженіе. молчал'никомъ ѡпасеніе. упражняющимса возвоженіе. ѡзлюбляемы^м утгшеніе. недугующимъ д(у)шевнѣ исцгленіе. и да скращенне реку, вса всгъмъ еств истинное бл(а)го желающы^м. вса носаци^ѵ вертогра^д і всеплодныи сіа книга еств. наипаче же сосу^д еств д(у)ховнаго меда, преисполненъ всакыа сладости [7: г].*

Характерная черта лексико-фразеологического состава Послания – обилие именованных реальных исторических персонажей, связанных с содержанием Псалтыри и других книг Священного Писания, с толкованием псалмов, с историей христианства. К их числу относятся антропоним *Іѡаннь (еуангелиств)*; составные имена

собственные отцов Церкви (*Василіи Великіи, Григоріи Великіи (Богословъ), Іваннъ (Иванъ) Златоустъ*), писателей-богословов – *Афанасіи Великіи (александріускіи предстатель), Кириль Александріускіи (христианский египетский экзегет и полемист), Кириль Іерусалимскіи (патріархъ), Оригѣнъ (теолог, философ, основатель библейской филологии), Григоріи Нисскіи (младший брат Василия Великого, епископ города Ниссы), а также царей и императоров (Великіи Іустиніанъ, Аркадіи царь, Константинъ Великіи и др.)*. Кроме того, Максим Грек упоминает имена многих христианских деятелей разных чинов (пап, епископов, патриархов, пресвитеров, архиереев, архиепископов), удостоенных титулований типа *сватои, блаженнии, божественнии, мученикъ, многоученѣишии* и пр. Персонажи, упоминаемые в Послании, – христиане и их гонители – выходцы из разных стран, потому нередко в нём единицы топонимического плана: наименования стран (*кесаріа Палестинская, кесаріа Каппадокіускаа, Русіа / Русь / Московіа*), городов (*древніи Римъ, Алеѣандріа, Антіохіа, Іерусалимъ, Киръ градъ, Константинъ градъ, преславнѣишии градъ Москва, Ниссы*), гор (*Афонъ, Свѣтаа гора, Фаворская гора*), монастыря (монастырь Ватопедь, обитель Ватопедь).

Автор Послания – человек энциклопедических знаний, ведущий активную творческую жизнь, способный критически оценить высказывания знаменитых философов и богословов, не боящийся говорить правду, осуждать стяжательство и распущенность нравов, (см. об этом: [14]). Он защищает высокие нравственные ценности, а потому в лексико-фразеологический состав Послания входят вербализаторы важнейших категорий и концептов христианства – «Добро» и «Зло», «Благодеяние» и «Грех», «Вера» и «Безверие», «Рай» и «Ад», «Бог» и «Сатана», «Свет» и «Тьма», «Правда» и «Ложь»,

«Жизнь» и «Смерть», «Иночество» и «Мирская жизнь», говорить о которых можно было только высоким слогом, используя соответствующие языковые средства. Обращает на себя внимание явный перевес в тексте Послания именных частей речи, в особенности существительных с абстрактным значением: в среднем у Максима Грека количество употреблений лексем с категориальным значением предметности почти в 5 раз превышает число процессуальных единиц (например, на обороте листа а на 15 глаголов приходится 71 существительное). Что же касается глаголов, то они в основном обладают значениями бытийности, ментальности, этикетности, характеризуют процессы говорения, нравственного и физического состояния человека; отражают формы взаимоотношений верующего с Господом и связанные с ними чувства. Будучи ограничены допустимым объёмом статьи, приведём только некоторые из этих языковых единиц: *быти, рещи, солгати, толковати, хотѣти, ѿпустити с миромъ, свершити обѣщаніа, вину на Бога возлагати, вѣчную славу получити, внити в сердца, бѣды подъяти, спострадати недостатку нашему, ушеса чиа ѡтагчати, скращеннѣ рещи, смутитса разумъ чеи, сладости исполнитиса* и пр. УСК типа *положити стопы в путь*, и глаголы, обозначающие активные физические действия (*убити, ископати*), встречаются очень редко.

Таким образом, в Послании 1522 г. Максим Грек реально воплотил в жизнь своё представление о путях развития русского литературного языка XVI в. и показал замечательный образец жанра предисловия, выполненного в стиле плетения словес. Опыт переводческой деятельности позволил ему показать неисчерпаемые возможности ресурсов старославянского языка в процессе «отработки лексических и стилистических норм русского национального

литературного языка и эволюции языка церковнославянских книг» [5: 127].

ЛИТЕРАТУРА

1. Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека: Неизданные. Л.: Наука, 1984. 276 с.
2. Виноградов В.В. Основные этапы истории русского // История русского литературного языка. Избранные труды. М.: Наука, 1978. С. 10-64
3. Дёмин А.С. Древнерусские рукописные книжные предисловия XI – XII вв. (на пути к массовому адресату) // Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.). Тематика и стилистика предисловий и послесловий / гл. ред. А.Н. Робинсон. М.: Наука, 1981. С. 12-26.
4. Ковтун Л.С. Русские книжники XVI столетия о литературном языке своего времени // Русский язык. Источники для его изучения. М.: Наука, 1971. С. 3-23.
5. Ковтун Л.С., Синицына Н.В., Фонкич Б.Л. Максим Грек и славянская Псалтырь: (Сложение норм литературного языка в переводческой практике XVI в.) // Восточнославянские языки: Источники для их изучения. М.: Наука, 1973. С. 99-127.
6. Лихачёв Д. С. Развитие русской литературы XI – XVII веков. Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973. 256 с.
7. Максим Грек. Послание Василию III // Святая Книга. Псалтырь Толковая. М.: б.в., 1897. Л. •а• – •а•
8. Максим Грек. Святая книга. Псалтырь Толковая. М.: б.в., 1897. 1041 л.
9. Максим Грек. Слово 49. На утешение себе и утверждение в терпении, когда был заключен в темницу и находился в скорби // Нравоучительные сочинения. Предание.ру (Православный портал) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://predanie.ru/maksim-grek-prepodobnyy/book/88524-nravouchitelnye-sochineniya/#toc12>. Дата обращения: 19.09.2015.
10. Петрушко В. Преподобный Максим Грек // Седмица, 23.12.2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kistine.ru/sants/our_sants_maxim_greek-02.htm
11. Синицына Н.В. Максим Грек. М.: Молодая гвардия, 2008. 236[4] с.
12. Синицына Н.В. Максим Грек в России / Н. В. Синицына; под ред. акад. Л.В. Черепнина. М.: Наука, 1977. 332 с.
13. Сперанский Н.М. Из истории русско-славянских литературных связей М.: Госучпедиздат, 1960. С. 192-197.
14. Столярова В. Он не боялся обличать самого царя (Электронный ресурс). [Режим доступа]: <http://www.pravmir.ru/prepodobnyj-maxim-grek-on-ne-boyalsya-oblichat-samogo-carya/#ibmFvul>. Дата обращения: 10.09.2015.

ЮДИНА Наталья Владимировна (*Владимир, Россия*)

Владимирский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
dr.yudina@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУТИВНОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО «ВАЛЕНТНОСТЬ»
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена изучению новых синтагматических возможностей существительного «валентность», которые определяют расширение его употребления в современном русском языке. На основе анализа новейшего языкового материала сделан вывод о том, что, наряду со специальным терминологическим значением, лексема «валентность» в русском языке XXI века начинает употребляться с новым кругом прилагательных, частично расширяя свое семантическое значение и увеличивая свои синтагматические потенции.

Наш Учитель Владимир Иванович Фурашов входит в историю отечественного языкознания как глубокий исследователь синтаксической категории определения в современном русском языке и как автор известной в синтаксических кругах *шкалы атрибутивной валентности субстантивов*. По мнению В.И. Фурашова, положение субстантивного слова на указанной шкале атрибутивной валентности определяется его принадлежностью к той или иной части речи (существительное и местоимение), к известному лексикограмматическому разряду внутри данной части речи (существительное собственное и нарицательное, местоимение личное и неопределенное), связано с характером референции, с отношением к категории определенности/ неопределенности, автосемантической/ синсемантической, с характером речевой конкретизации, со способностью выражать денотативное или сигнификативное значение, с тяготением к теме или к реме в высказывании, с синтаксической функцией в предложении и порядком следования его членов [8: 83].

Различные аспекты атрибутивной валентности субстантивных слов (личных местоимений, имен собственных, терминов родства и др.) в русском языке стали предметом исследования работ многих

учеников В.И. Фурашова, в связи с чем мы посчитали возможным в сборнике, посвященном юбилею уважаемого профессора, рассмотреть особенности атрибутивной сочетаемости самого существительного «валентность» в современном русском языке. Материалом для исследования в рамках настоящей статьи послужили тексты всех стилей русского языка конца XX – начала XXI веков, извлеченные из Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>).

Общеизвестно, что большинство лингвистов признает тот факт, что понятие валентности было введено в лингвистический оборот в конце 40-х годов XX века (1948 г.) С.Д. Кацнельсоном [3: 1948], который понимал под *валентностью* общую сочетательную способность слов: «Полновесное вещественное слово в каждом языке не есть слово вообще, а слово с конкретными синтаксическими потенциями, позволяющими употребить его лишь строго определенным образом, предуказанным уровнем развития грамматических отношений в языке. Это свойство слова определенным образом реализовываться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами можно было бы назвать его синтаксической валентностью» [4: 126].

Вместе с тем, в специальной лингвистической литературе до сих пор нет единообразия в употреблении термина ‘валентность’, особенно применительно к его разграничению с термином ‘сочетаемость’. Все существующие подходы к решению этого вопроса могут быть сведены к следующим позициям:

1) ‘валентность’ и ‘сочетаемость’ употребляются как абсолютные синонимы (ср., напр., у П.В. Чеснокова: «Сочетаемость, или валентность, синтаксических единиц есть их способность вступать в

синтаксические связи с определенными другими синтаксическими единицами» [9: 3]);

2) применительно к явлениям разного порядка употребляется только один термин: используется

- либо только 'сочетаемость' (см., напр., [10]),

- либо только 'валентность' (см., напр., [5]), очевидно, при этом не всегда принимается во внимание проблема разграничения указанных выше двух лингвистических понятий, однако в ряде случаев выделяются типы и виды сочетаемости или валентности. Ср., напр., у Л.Д. Чесноковой: «Определенная сочетаемость (синтаксическая, морфологическая, лексическая) как потенциальная способность к соединению с другими словами закреплена за каждым значением и элементом значения слова» [9: 20] (подробнее об этом см.: [11: 19-29]).

Одной из достаточно признанных среди отечественных синтаксистов попыток разграничения 'валентности' и 'сочетаемости', сторонником которой является и профессор В.И. Фурашов, считается точка зрения Б.Н. Головина, согласно которой существительные 'валентность' и 'сочетаемость' не являются абсолютными синонимами, т.к. термин 'валентность' «может обозначать потенциальные синтагматические свойства, возможности частей речи и их морфологических категорий», а термин 'сочетаемость' «может обозначать реализацию этих свойств и возможностей в потоке речи». На примере морфологической синтагматики Б.Н. Головин делает следующий вывод: «Зная морфологическую валентность, можно предсказывать морфологическую сочетаемость, можно отличать правильное и неправильное на морфологическом уровне речевых структур. Наблюдая морфологическую сочетаемость, можно получить ин-

формацию о закономерностях морфологической валентности», «как, впрочем, и синтагматики на других уровнях языка» [1: 210].

И все же, к сожалению, мы пока вынуждены констатировать, что ответ на вопрос, касающийся терминов 'сочетаемость' и 'валентность', до сих пор остается открытым. Как заметила В.Н. Телия, «проблема сочетаемости возбуждает... целый ряд вечно спорных вопросов...» [7: 247], среди которых мы находим место и понятию *сочетаемости* с его отграничением от *валентности*. Однако можно предположить, что термин 'валентность', исходя из его первичного (специального, химического) значения, может означать *способность* единиц одного порядка вступать в сочетания друг с другом и, как кажется, может быть применим прежде всего по отношению к *слову* как основной единице языка. Кроме того, следует различать валентность *языковую*, которая представляет собой *потенциальную* способность языковой единицы сочетаться с другими, и валентность *речевую*, которая не всегда может соответствовать этим потенциальным способностям сочетающихся языковых единиц и даже – более того – нарушать традиционные закономерности соединения (ср., напр., оксюмороны). Вместе с тем, под *сочетаемостью* следует понимать конкретную реализацию данной способности слова, которая обнаруживает себя в дискурсивном употреблении и может быть выявлена и изучена на основе анализа конкретного языкового материала. Именно такое понимание валентности и сочетаемости предлагается в настоящей статье и в ряде других наших работ, посвященных синтагматическим особенностям лексических единиц.

Проведенный нами анализ лексикографических источников показывает, что в большинстве словарей современного русского языка существительное 'валентность' в качестве лингвистического тер-

мина до настоящего времени не зафиксирована. В отличие от существительного 'сочетаемость', термин 'валентность' отмечен практически во всех словарях русского языка, причем всегда с пометой спец. или хим., ср., напр.: валентность (от лат. valens, utis – имеющий силу) – «хим. Способность химического элемента связывать определенное число атомов водорода. а) Число, показывающее, сколько атомов водорода замещает данный элемент в химических соединениях. б) Число, показывающее, сколько атомов водорода может связать данная группа» [6, т.2: 33]. Однако следует отметить, что в современных лексикографических справочниках всё же встречается лингвистическое значение данной дефиниции. Ср.: «ВАЛЕНТНОСТЬ, -и; ж. [лат. valentia - сила] 1. Хим. Способность атома соединяться с определённым числом других атомов. Переменная, постоянная в. В. натрия. 2. Лингв. Способность полнозначного слова вступать в смысловые и синтаксические связи с другими словами. <Валентный, -ая, -ое.> [2].

В этой связи, исходя из анализа выделенных нами контекстов, извлеченных из текстов различных стилей русского языка конца XX – начала XXI веков, мы можем сделать некоторые выводы относительно сочетаемостных возможностей существительного 'валентность'.

1. Существительное 'валентность' в значении химического термина сочетается с прилагательными не только в рамках составных терминов (ср.: **основная валентность**, **отрицательная валентность**, **положительная валентность**, **реальная валентность**, **свободная валентность**, **электрохимическая валентность** и мн. др.), но и в качестве определяемого слова в свободных сочетаниях (ср., напр., **возможная валентность**, **максимальная валентность**, **необычная валентность**, **одинаковая валент-**

ность, постоянная валентность, формальная валентность, характерная валентность и т.д.).

2. Сочетаемостьные возможности существительного '*валентность*', выступающего в качестве лингвистического термина, ограничены в основном рамками составных терминов, ср.: *актантная валентность, внешняя валентность, внутренняя валентность, облигаторная валентность, объектная валентность, семантическая валентность, сирконстантная валентность, субъектная валентность, факультативная валентность* и др. Иными словами, на современном этапе развития русского языка и функционирования существительного '*валентность*' в лингвистическом научном метаязыке данная лексема не приобрела ещё таких дополнительных синтагматических потенций в качестве определяемого слова в составе свободных словосочетаний, как химический термин '*валентность*'.

3. Несмотря на то, что в современных словарях русского языка зафиксировано только два специальных значения существительного '*валентность*', анализируемая лексема в современном словоупотреблении начинает выступать в новом для себя значении, общий смысл которого можно было бы характеризовать как «способность сочетаться, связываться». Контексты употребления этой единицы в новом значении, которое обнаруживается в том числе и исходя из анализа атрибутивной сочетаемости, отмечены в текстах, посвящённых различным аспектам жизнедеятельности современного общества. При этом вполне очевидным является тот факт, что у существительного '*валентность*' появляется множество новых, ранее не замеченных атрибутивных распространителей в несвойственных и нетрадиционных контекстах (ср.: *валентность – позитивная, негативная, положительная, отрицательная, соци-*

альная, человеческая, незаурядная, слабая, смысловая, новая и др.). Интересным в этой связи представляется использование словосочетаний с существительным '*валентность*' в следующих типах современного дискурса:

а) **психологический**, ср., напр.: «*Позитивная валентность* характеризует объект в жизненном пространстве, относительно которого у индивида возникает чувство аттракции, а *негативная валентность* характеризует объект, который отталкивает индивида» (А.А. Девяткин. Явление социальной установки в психологии XX века (1999)); «Поэтому каждая вещь окружающего «поля» приобретает либо *положительную*, либо *отрицательную валентность* в отношении поведения, деятельности человека» (Б.В. Зейгарник. Патопсихология (1986)) и др.;

2) **социальный**: «Иначе говоря, как перестать дергаться по пустякам (в конечном итоге ни одни выборы президента не стоят разбитой коленки вашего ребенка), сохранив свою высокую *социальную валентность*?» (А. Шубин. Путь к благополучию (2000)); «А базисом, основой их крепнущего год от года союза служил прирожденный дар Нерлина, рано, еще в отрочестве осознанный им и с тех самых пор лелеемый, — способность вступать в самые разные, часто неожиданные для него самого связи с людьми, его *незаурядная человеческая валентность*» (О. Новикова. Мне страшно, или Третий роман (2003)); «Мол, извините, с вами однажды говорила одна женщина, она в вас влюбилась, не будете ли вы так любезны сообщить о себе, как там у вас, *валентность свободная* имеется или нет?» (Т. Набатникова. День рождения кошки (2001)) и др.;

3) **художественный**: «Достоевский для газдановской прозы — также *слабая валентность*» (И. Сухих. Клэр, Машенька, ностальгия (2003)); «Важно лишь, что смысловые потенции символа всегда

шире их данной реализации: связи, в которые вступает символ с помощью своего выражения с тем или иным семиотическим окружением, не исчерпывают всех его **СМЫСЛОВЫХ валентностей**» (Ю.М. Лотман. Символ в системе культуры (1982-1992)); «У Петра Фоменко эти трассирующие сюжеты подхватываются, приобретают **НОВЫЕ валентности**, ищут свои сцепления — в «сценах, этюдах, эпизодах» (С. Васильева. Вернется ли ласточка? (2003)) и др.

Таким образом, на основе анализа атрибутивной сочетаемости существительного «валентность» мы можем сделать вывод о том, что расширение сочетаемостных возможностей этого слова в современном русском языке неизбежно влечет за собой и расширение значения, которое проявляется в том, что, будучи изначально химическим и лингвистическим термином, лексема «валентность» начинает осознаваться как общефилософская категория, что находит отражение в словоупотреблении с прилагательными, с которыми в специальном терминологическом значении это слово первоначально сочетаться было неспособно. Думается, что этот процесс увеличения номенклатуры атрибутивных распространителей (в том числе и существительного *валентность*) будет прогрессировать ввиду наметившейся в русском языке XXI века тенденции расширения синтагматических потенций лексических единиц.

В завершение настоящей статьи, посвященной 80-летию доктора филологических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации В.И. Фурашова, пожелаем глубокоуважаемому Владимиру Ивановичу доброго здоровья и новых лингвистических достижений, в том числе и в сфере изучения атрибутивной валентности субстантивных слов в современном русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березин Ф.М. Общее языкознание: учеб. пособие для студентов пед. институтов / Ф.М. Березин, Б.Н. Головин. М.: Просвещение, 1979.
2. БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2014.
3. Кацнельсон С.Д. О грамматической категории // Вестник ЛГУ. 1948. № 2.
4. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание / Отв. ред. А.В. Десницкая. Л.: Наука, 1986.
5. Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса. Пермь, 2001.
6. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, Наука, 1950 – 1965 гг. Т. 1- 17.
7. Телия В.Н. Семантический аспект сочетаемости слов и фразеологическая сочетаемость // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С.244-267.
8. Фурашов В.И. Шкала атрибутивной валентности местоименных существительных // Русские местоимения: семантика и грамматика. Владимир, 1989. С. 82-92.
9. Чесноков П.В. Зависимость сочетаемости синтаксических единиц от семантических форм мышления // Сочетаемость синтаксических единиц. Ростов н/Д., 1984. С. 3-10.
10. Чеснокова Л.Д. О взаимодействии лексико-семантических, морфологических и синтаксических явлений при актуализации значений слова // Вопросы синтаксиса русского языка. Ростов н/Д., 1971.
11. Юдина Н.В. Сочетания «прилагательное + существительное» в лингвокогнитивном аспекте. М.-Владимир: Ин-т языкознания РАН, ВГПУ, 2006.

ЯСАИ Ласло (Будапешт, Венгрия)
Университет им. Лоранда Этвёша
jaszay.laszlo@btk.elte.hu

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗВРАТНЫХ ГЛАГОЛОВ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (проблема формы и значения)

Статья посвящается профессору Владимиру Ивановичу Фурашову, выдающемуся ученому и известнейшему синтаксисту-теоретику от его бывшего ученика в знак признательности и глубокого уважения.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о статусе возвратных глаголов в аспекте морфологической немаркированности с учетом их семантики. На вопрос о том, можно ли говорить о возвратности при отсутствии в глаголе постфикса *-ся*, предлагается утвердительный ответ, если глагол в семантическом плане соответствует параметрам данного залога.

0. Выделение возвратных глаголов, как правило, не вызывает особых трудностей: в сущности, все глаголы с постфиксом *-ся* признаются возвратными, если они представляют не страдательную

форму типа *Дом строится* (см. подробную классификацию возвратных глаголов в [7: 318–326]). Однако если возвратность глагола рассматривается строго на семантической основе как некоторое понятийное поле, то определить объем данного феномена оказывается нелегко. Прежде всего мы сталкиваемся с тем противоречием, которое наблюдается между формой слова и его значением:

1) С одной стороны, на формальной основе в грамматиках возвратными считаются и такие глаголы на *-ся*, в которых собственно-возвратное или взаимно-возвратное значение, на самом деле, не обнаруживается. Самыми яркими примерами на этот счет могут служить, в частности, следующие типы употребления глагола на *-ся*: *Он долго стучался (звонился), но ему не открыли* или *Собака кусается, Крапива жжется* и т. п.

2) С другой стороны, как показывают некоторые примеры, грамматическое значение возвратности может быть выявлено и в глаголах без постфикса *-ся*: ср. *сесть* (при *садиться*), *лечь* (при *ложиться*), *лопнуть* (при *лопаться*). Относительно своего подхода к истолкованию возвратности мы присоединяемся к сторонникам функциональной грамматики, основывающейся в этом плане на принципе исходно-семантической ориентации (см. [2] и [5]).

1. Перейдем к рассмотрению собственно-возвратных глаголов с семантической точки зрения. Как известно, об этом значении говорится тогда, когда действие возвращается на самого производителя и постфикс *-ся* выступает в значении 'себя' (т. е. *причесываться* – это 'причесывать себя'). В этой связи, как уже указывалось выше, обращает на себя внимание, что данная семантика, свойственная «каноническим» возвратным глаголам, может проявляться и в беспостфиксных глаголах, которые в грамматиках и учебниках традиционно не относятся к числу рефлексивов, но которые мы предла-

гаем квалифицировать как морфологически немаркированные (иначе: нехарактеризованные) возвратные глаголы.

С формальной точки зрения бросается в глаза, что среди видовых пар встречаются и такие, у которых имперфективный коррелят в возвратном значении имеет формальный показатель возвратности, а перфективный – нет. Ср.: *садиться* и ***сесть***, *присаживаться* и ***присесть***, *пересаживаться* и ***пересесть***, *подсаживаться* и ***подсесть***, *ложиться* и ***лечь***, *лопаться* и ***лопнуть***, *становиться* и ***стать***. Легко усмотреть, что отсутствие морфемы -ся не лишает выделенные глаголы СВ значения возвратности, так как глаголы, соотносительные по виду, различаются только видовой семантикой, а остальными параметрами семантики (в нашем случае значением возвратности и невозвратности) – нет. В пользу признания рассматриваемых глаголов в качестве рефлексивов (хотя и формально нехарактеризованных рефлексивов) можно привести еще и следующие аргументы:

1) Анализируя видовую пару *садиться–сесть*, можно заметить, что в некоторых других приставочных модификациях данной пары выступает и перфективный глагол с морфемным показателем возвратности: так, например, *рассесться* при *рассаживаться* или *усесться* при *усаживаться*.

2) В словарях для толкования этих постфиксных возвратных глаголов используется именно беспостфиксный глагол: *рассесться* – это 'сесть по разным местам', *усесться* – это 'сесть удобно или надолго' [4]. См. также и синонимические пары *делаться–сделаться* и *становиться–стать*.

3) Некоторые вторичные, переносные значения беспостфиксного глагола *сесть* объясняются в толковых словарях использованием постфиксального синонимичного глагола: 'опуститься, углу-

биться в землю' (*дом покосился и сел*); (о ткани, одежде) 'укоротиться, сузиться от влаги' (*Костюм сел после стирки*) [4: 714]. Указанные факты убеждают нас в том, что в таких случаях нельзя игнорировать семантический аспект, напротив, согласно «активной грамматике» и ее функциональному направлению, мы должны исходить именно из того, какое значение выражается данной формой, а формальные характеристики, по крайней мере в случае немаркированности возвратного значения, оказываются вторичными. Отсюда следует и то требование, в соответствии с которым терминология грамматики должна была бы опираться при наименовании явлений не в меньшей мере на семантические критерии, чем на формальные.

2. Из всего сказанного и, в частности, из представленных выше примеров вытекает следующее наше предположение: среди русских глаголов могут быть и такие формально нехарактеризованные рефлексивы, у которых значение возвратности не поддерживается соотносительным глаголом НСВ, оканчивающимся на *-ся* (как, напр., в видовой паре *садиться–сесть*). Это значит, что если морфема *-ся* отсутствует в обоих глаголах пары, то данное значение может проявляться лишь в скрытой форме и опосредованно. Ввиду того что в рассматриваемом ниже случае ни один из глаголов видовой пары не содержит постфикса *-ся*, предполагаемая возвратность может обнаруживаться лишь с помощью соответствующих эквивалентов, либо на основе сопоставления данного глагола с близкими по значению «подлинными» возвратными глаголами, либо же посредством эквивалентов из других языков.

В качестве примера можно привести глагол *отдохнуть*, который, по нашему мнению, в одном своем значении (или в одном типе его употребления) в скрытой форме обладает семантическим ком-

понентом возвратности. Имеется в виду *отдохнуть* не с косвенным объектом (в сочетании типа *отдохнуть от работы, от посетителей*), а глагол без дополнения, где семантически может подразумеваться нереализованная морфема *-ся* в функции *себя*. Мы попытаемся обосновать такую точку зрения, согласно которой при употреблении этого глагола в предложениях типа *Наконец я **отдохнул** как следует; За два дня я хорошо **отдохнул**; За эти две недели мне удалось **отдохнуть*** – в выделенном глаголе кроется и семантический компонент возвратности. В том-то и дело, что принципиальная возможность выражения косвенного объекта при глаголе *отдохнуть* (ср.: *Сосед уехал, и теперь можно отдохнуть от вечных споров* [1: 788]) дает основание предположить наличие скрытой возвратности при опущении объекта. Это показывает, что данному глаголу также свойственна лексико-грамматическая семантика переходности, правда, она не отождествляется с прямой переходностью, которая представляет семантическую базу для осмысления возвратности, тем самым для образования собственно-возвратных глаголов. Значит, *отдохнуть* квалифицируется как косвенно-переходный глагол, у которого, однако, при отсутствии объекта и при истолковании как возвратного глагола не присутствует показатель возвратности. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что сочетание с инклюзивным дуративом «за + темпоральный винительный падеж» предполагает завершение длительного действия, исключая значение моментальности (которое принято приписывать суффиксу *-ну-*). Не случайно все в какой-то степени близкие или родственные по значению глаголы, входящие в одно общее семантическое поле, являются возвратными в общепринятом понимании, т. е. с морфемной маркированностью данного значения: *выспаться, отоспаться, отлежаться, отдышаться, отвлечься (от работы)*,

поправиться. Относительно семантических компонентов некоторых других возвратных глаголов также наблюдаются точки пересечения с компонентом 'восстановить силы', выявляемым в глаголе *отдохнуть*. См. актуализацию компонента 'восстановить здоровье' в глаголах *вылечиться*, *вытрезвиться*, *отрезвиться* и *протрезвиться*.

В пользу признания статуса нехарактеризованного возвратного глагола косвенным аргументом служит и в этом случае лексикографическая практика, поскольку многие собственно-возвратные глаголы, близкие семантически к глаголу *отдохнуть*, в словаре Ожегова толкуются именно через глагол *отдохнуть*. Так, например, *отлежаться*: 'полежав вдоволь, отдохнуть' [4: 473]. Таким же образом авторы поступают и в случае глаголов *отоспаться* и *выспаться*. В первом случае дается толкование 'поспав вдоволь, отдохнуть после недосыпания' [Там же: 477], а во втором: 'поспав достаточно, хорошо отдохнуть' [Там же: 120]. Обращает на себя внимание и тот факт, что в венгерском языке, в котором возвратное значение выражается обязательно, эквивалентом глагола *отдохнуть* в интересующем нас употреблении является возвратный глагол *kipiheni magát*. В соответствии с этим, немецкие эквиваленты – *sich ausruhen*, *sich erholen* – также являются возвратными глаголами. Конечно, данные словарные соответствия единицам, взятым из других языков, не могут считаться решающим аргументом, тем не менее они, видимо, скорее поддерживают признание скрытой возвратности, чем отрицают возможность такого явления.

2.1. Наконец, возникает еще и вопрос, почему мы оставили в стороне соотносительный глагол НСВ *отдыхать*? Дело в том, что этот имперфектив употребляется скорее лишь для обозначения процесса или состояния и, как показывает наше тестирование носителей русского языка, форма *отдыхает* в рассматриваемой выше

позиции с трудом выражает значение формы СВ *отдохнул*. Поэтому преобразования типа *За два дня он отдохнул как следует* → *За два дня он отдыхает как следует* кажутся маловероятными и принимаются не всеми, хотя такая трансформация вслед за Ю.С. Масловым [3: 53] общепринята в аспектологии для подтверждения лексической тождественности, а тем самым и чисто видовой соотносительности глаголов (ср. эквивалентность фраз при возможности преобразования глаголов прошедшего времени в настоящее историческое: *Вернувшись из отпуска, он взял словарь и за два дня перевел весь текст* → *Вернувшись из отпуска, он берет словарь и за два дня переводит весь текст*).

3. Обобщая изложенное по поводу постановки вопроса о существовании морфемно нехарактеризованных возвратных глаголов, мы предлагаем представить возвратность в полевой структуре с различием центра и периферии. Полевой подход, как нам кажется, может служить теоретической рамкой не только в комплексном понимании при учете морфологических, синтаксических и лексических средств, согласно концепции А.В. Бондарко [2: 47–53], или же применительно к синтаксическим явлениям, как это изложено, в частности, в статье В.И. Фурашова [6], но и применительно к некоторым явлениям морфологии. Очевидно, что в таком понимании «несистемные» случаи немаркированности возвратного значения занимают периферию (более того, дальнюю периферию) поля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д., Палл Э. Русский глагол – венгерский глагол. Управление и сочетаемость. 1. Будапешт, 1982.
2. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Ленинград, 1983.
3. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998.
5. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб., 1991.

6. Фурашов В.И. О полевой структуре, шкале переходности, синкретизме (применительно к синтаксическим явлениям). В кн.: Фурашов В.И. Современный русский синтаксис. Избранные работы. Владимир, 2010. С. 59–68.

7. Шелякин М.А. Русские возвратные глаголы в общей системе отношений залоговости // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / Отв. ред.: А.В. Бондарко. СПб., 1991. С. 312–326.

СПИСОК

научных работ доктора филологических наук профессора
Фурашова Владимира Ивановича

1961 г.

1. Опыт экспериментального исследования интонации предложений с обособленным препозитивным причастным оборотом // Научные работы студентов. Вып. 2-ой. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1961. – С. 35-44.

1964 г.

2. К вопросу об обособлении препозитивных согласованных определений // Русский язык в школе. – 1964. – №5. – С. 93-95.

3. Обособление препозитивных согласованных определений // Ученые записки МОПИ им. Н.К. Крупской. Т.148. Вып. 10-ый. – М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1964. – С. 286-295.

1965 г.

4. Проблема классификации обособленных согласованных определений // Ученые записки МГПИ им.В.И. Ленина. – № 326. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1965. – С. 221-238.

5. Обособленные определения с обстоятельственными оттенками значения // Русский язык в школе. – 1965. – №6. – С. 80-83.

6. Обособленные определительные конструкции в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГПИ им В.И. Ленина, 1965. – 246 с. (На правах рукописи).

7. Обособленные определительные конструкции в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1965. – 24 с. (На правах рукописи).

1966 г.

8. Рец. на кн.: Щеулин В.В., Медведева В.И. Хрестоматия по истории лингвистических учений в России // Русский язык в школе. – 1966. – №5. – С.113-115.

1967 г.

9. Рец. на кн.: Прокопович Н.Н. Словосочетание в современном русском литературном языке. – 1967. – 8 с. (На правах рукописи).

1968 г.

10. О синтагматических свойствах русских личных местоимений. – 1968. – 18 с. (На правах рукописи).

11. Обособление некоторых типов согласованных определений // Русский язык в школе. – 1968. – №4. – С. 82-85.

1969 г.

12. Обособление согласованных определений при так называемых лексически неопределенных словах и при неопределенных местоимениях-существительных // Ученые записки Владимирского пед.ин-та. Вып. 2-ой. – Владимир, 1969. – С. 120-137.

13. О некоторых синтагматических свойствах субстантивных слов. – 1969. – 18 с. (На правах рукописи).

14. В.И. Ленин и русский язык. Лекция. – 1969. – 21 с. (На правах рукописи).

15. Ленинская теория отражения и сущность языкового знака. Тезисы доклада. – 1969. – 5 с. (На правах рукописи).

1970 г.

16. Язык и речь. Лекция по общему языкознанию. – 1970. – 30 с. (На правах рукописи).

17. Проблема обособленных членов предложения в современном русском языке. – 1970. – 54 с. (На правах рукописи).

18. О замене обособленных определений придаточными предложениями // Ученые записки Владимирского пед. ин-та. – Вып.3-ий. – Владимир, 1970. – С. 62-70.

1971 г.

19. Язык и общество. Лекция по общему языкознанию. – 1971. – 20 с. (На правах рукописи).

20. Проблема языка и метода его исследования в лингвистической концепции академика Л.В. Щербы // Ученые записки Владимирского пед. ин-та. – Вып. 4-ый. – Владимир, 1971. – С. 3-11.

21. Ред. кн.: Ученые записки Владимирского гос. пед. ин-та. – Вып. 4-ый. – Владимир, 1971. – 128 с.

22. О двух структурных типах предложений с обособленными определениями. – 1971. – 5 с. (На правах рукописи).

1973 г.

23. О сочетаемости субстантивных слов с прилагательными и причастиями // Русский язык в школе. – 1973. – № 2. – С. 82-85.

24. Сочетаемость слов и обособление определений в современном русском литературном языке // Материалы 8-ой научн. конф. преподавателей русского языка пед. ин-тов Московской зоны. – Вып.2, часть 1. – М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1973. – С. 204-212.

25. Рец. на кн.: Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. – 1973. – 10 с. (На правах рукописи).

1974 г.

26. Проблема второстепенных членов предложения и синтаксическая парадигматика // Вопросы языкознания. – 1974. – № 3. – С. 124-132.

27. О сочетаемости неопределенных местоимений с прилагательными и причастиями // Русский язык в школе. – 1974. – № 6. – С. 87-92.

28. Рец. на кн.: Прокопович Н.Н. Вопросы синтаксиса русского языка // Русский язык в школе. – 1974. – № 5. – С.106-108.

29. О сочетаемости неопределенных местоимений с косвенными падежами существительных. – 1974. – 7 с. (На правах рукописи).

1975 г.

30. Обособленные согласованные определения в современном русском литературном языке. – Владимир: ВГПИ, 1975. – 192 с.

31. Профессор Н.Н. Прокопович как синтаксист. К 75-летию со дня рождения // Русский язык в школе. – 1975. – № 4. – С. 90-95.

32. Николай Николаевич Прокопович (1901-1972). // Русский язык. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1975. – С. 5-10.

33. К вопросу о синтаксической парадигматике // Русский язык. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1975. – С. 320-327.

34. Анатолий Михайлович Иорданский // НДВШ. Филологические науки. – 1975. – № 1. – С. 126 (Некролог).

1976 г.

35. О синтаксических функциях приместоименных косвенных падежей имен существительных // Русский язык в школе. – 1976. – № 5. – С.79-86.

36. Атрибутивные распространители местоименных существительных // Русский язык в национальной школе. – 1976. – № 4. – С. 67-71.

37. Обособленные несогласованные определения в современном русском языке. Монография. – 1976. – 105 с. (На правах рукописи).

1977 г.

38. О второстепенных членах предложения // Русский язык в школе. – 1977. – № 4. – С. 95-102.

39. Рец. на кн.: Мамушин В.Е. Психолого-методические основы развития связной речи учащихся // Русский язык в школе. – 1977. – № 1. – С. 99-102.

1978 г.

40. Присубстантивные наречия в строе предложения // Русский язык в национальной школе. – 1978. – № 6. – С. 77-82.

1980 г.

41. О синтаксической категории определения в современном русском языке // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. – М.: Русский язык, 1980. – С. 276-295.

42. Определение как синтаксическая категория в современном русском языке // Заключительный отчет по НИР, безвозмездно переданный странам-членам СЭВ. – Гос.рег. № 78042188. Исп. в 1979 г. – 25 с. (Приравн. к публикации).

1981 г.

43. Присубстантивный компаратив как несогласованное определение // Русский язык в школе. – 1981. – № 6. – С. 72-78.

44. Ред. кн.: Балдина Н.Ф., Комина Т.Д., Савина В.М. Страницы русской истории. Метод. разработка по страноведению для венгерских студентов. – Владимир: ВГПИ, 1981.

45. Ред. кн.: Потокова Н.А., Соловьева Л.В. Метод. разработка по теме «Живопись дооктябрьского периода». Для студентов-венгров, проходящих семестровую стажировку в СССР. – Владимир: ВГПИ, 1981.

46. Ред. кн.: Балдина Н.Ф., Комина Т.Д., Савина В.М. Революционно-освободительное движение в России. Метод. разработка по страноведению для венгерских стажеров. – Владимир: ВГПИ, 1981.

47. Ред. кн.: Потокова Н.А., Соловьева Л.В. Метод. разработка по теме «Древнерусское искусство». Для студентов из ВНР. – Владимир: ВГПИ, 1981.

48. Ред. кн.: Потокова Н.А., Соловьева Л.В. Советская живопись. Метод. разработка для студентов-венгров. – Владимир: ВГПИ, 1981.

1982 г.

49. Определение как синтаксическая категория // НДВШ. Филологические науки. – 1982. – № 2. – С. 16-23.

50. Изучение лексических средств выражения полупредикативности на практических занятиях по русскому языку // Задачи изучения русской лексики и фразеологии в высшей и средней школе. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. – Орел: Орловский пед. институт, 1982. – С. 42-44.

51. Ред. кн.: Федосов В.А. Употребление предлогов с существительными различных лексических классов. – Владимир: ВГПИ, 1982.

52. Парадигматика и синтагматика членов предложения. – 1982. – 25 с. (На правах рукописи).

1983 г.

53. Субъективная модальность и обособление // Русский язык в школе. – 1983. – № 1. – С. 68-75 (В соавт. с М.М. Чернышевой).

54. Сочетаемостьные возможности и синтаксические функции присубстантивного инфинитива // Сочетаемость русских слов как лингвистическая и методическая проблема. Тезисы докладов на Всесоюзной научной конф. – М.: Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 1983. – С. 287-288.

55. Памяти профессора А.М. Иорданского. – 1983. – 8 с. (На правах рукописи).

56. Синтаксическая подсистема языка и аспектный подход к обучению синтаксису // Доклад на международной конференции в Институте русского языка им. А.С. Пушкина. – 1983. - 7 с. (На правах рукописи).

57. Ред. кн.: Балдина Н.Ф., Комина Т.Д., Савина В.М. Построение социализма в СССР. Метод. разработка по страноведению для венгерских студентов. – Владимир: ВГПИ, 1983.

1984 г.

58. Несогласованные определения в современном русском языке. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1984. – 112 с.

59. Анатолий Михайлович Иорданский // Русская речь. – 1984. – № 4. – С. 63-66.

60. Ред. кн.: Федотова Л.С. Виды русского глагола. Сильные видовые оппозиции. – Владимир: ВГПИ, 1984.

1985 г.

61. К проблеме обособления дополнений // Русский язык в школе. – 1985. – № 1. – С. 81-86.

62. Аппозитивные члены предложения в концепции А.А. Потебни и проблема полупредикативности // Творческое наследие А.А. Потебни и современные филологические науки. Тезисы республиканской конференции. – Украина, Харьков, 1985. – С. 151-153.

63. Рец. на кн.: Камынина А.А., Мишина К.И. и др. Лабораторные работы по русскому языку // Русский язык в школе. – 1985. – № 3. – С. 105-108.

64. Определение как синтаксическая категория в современном русском языке: Дис. ... доктора филол. наук. – Владимир: ВГПИ, 1985. – 467 с. (На правах рукописи).

65. Определение как синтаксическая категория в современном русском языке: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1985. – 32 с. (На правах рукописи).

1986 г.

66. О парадигматической концепции членов предложения // Современный русский синтаксис: словосочетание и предложение. – Владимир: ВГПИ, 1986. – С.10-18.

67. Проблемы синтаксического членения предложения // Заключительный отчет по НИР. Гос. рег. № 01811309977. – Владимир: ВГПИ, 1986. – 25 с. (Приравнивается к публикации).

68. Многоаспектность предложения и его синтаксическое членение // Промежуточный отчет по НИР: № госрегистрации 01.87.0090518. – Владимир: ВГПИ, 1986. – 24 с. (Приравнивается к публикации).

69. Титульный рец. кн.: Бухарин В.И. Коммуникативный синтаксис в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1986.

70. О категориальном значении членов предложения. – 1986. – 4 с. (На правах рукописи).

1987 г.

71. Титульный рецензент кн.: Величко А.В., Чагина О.В. Система работы над русским предложением в иноязычной аудитории. – М.: Русский язык, 1987.

1988 г.

72. Система определительных отношений, выражаемых присубстантивными косвенными падежами существительных // Языковая системность при коммуникативном обучении. – М.: Русский язык, 1988. – С. 132-141.

73. О специфике приложений при неопределенных местоимениях. – 1988. – 10 с. (На правах рукописи).

1989 г.

74. Шкала атрибутивной валентности местоименных существительных // Русские местоимения: семантика и грамматика. – Владимир: ВГПИ, 1989. – С. 82-92.

75. Титульный рецензент кн.: Камынина А.А., Мишина К.И. и др. Лабораторные работы по русскому языку. – М.: Просвещение, 1989.

76. Титульный рецензент кн.: Лекант П.А. Сборник упражнений по синтаксису русского языка. – М.: Высшая школа, 1989.

77. Титульный рецензент кн.: Лаврентьева Н.М. Синтаксические отношения и связи уровня простого предложения. – Изд-во Саратовского ун-та, Саранский филиал. – Саранск, 1989.

1990 г.

78. Аспекты анализа предложения: дифференциация и интеграция // Современные проблемы русского языкознания. Памяти академика А.А. Шахматова. Тезисы докладов межвузовской научной конференции. – Горький: ГГУ, 1990. – С. 25-26.

79. На путях интеграции предложенческих аспектов // Русский язык в вузе и школе. Тезисы докл. межвуз. научно-метод. конф. – Владимир: ВГПИ, 1990. – С. 3-5.

80. Титульный рецензент кн.: Изаренков Д.И. Бессоюзное сложное предложение: система языка и обучение иностранцев русской речи. – М.: Русский язык, 1990.

81. Отв. ред. кн.: Носкова В.В. Об историзме в школьном преподавании русского языка. Метод. материалы. – Владимир: ВГПИ, 1990.

82. Отв. за вып. кн.: Носкова В.В. Об историзме в школьном преподавании русского языка: история вопроса, современное состояние и предложения. – Владимир: ВГПИ, 1990.

83. Отв. за вып. кн.: Носкова В.В., Нестеренко О.С. Методические рекомендации по организации внеклассной работы. В помощь студентам и учителям. – Владимир: ВГПИ, 1990.

84. Отв. ред. кн.: Русский язык в вузе и школе. – Владимир: ВГПИ, 1990.

85. Титульный рецензент кн.: Национальная ориентация в преподавании русского языка как иностранного / Отв. ред. В.М. Колодезнев. – Тула: ТГПИ им. Л.Н. Толстого, 1990.

1991 г.

86. О сочетаемости неопределенных местоимений с однопадежными именами существительными в строе предложения // Валентность и сочетаемость на синтаксическом уровне языка и речи. Тезисы докл. и сообщений межвуз. научн. конф. – Белоруссия: Могилев, 1991. – С. 65-67.

87. Синтаксические функции однопадежных существительных при неопределенных местоимениях // Русский язык в школе. – 1991. – № 4. – С.65-70.

88. Отв. за вып. кн.: Малыгин В.Т. Методические разработки к проведению семинарских занятий по курсу «Введение в языкознание». – Владимир: ВГПИ, 1991.

89. Титульный рецензент кн.: Холодов Н.Н. За древними тайнами русского слова «и» – тайны иных масштабов. – Иваново: ИвГУ, 1991.

90. Члены предложения типичные и синкретичные // Переходность и синкретизм в языке и речи / Межвуз. сборник научных трудов. – М.: Прометей, 1991. – С. 97-103.

1992 г.

91. Семантика и грамматика русских местоимений // Промежуточный отчет по НИР «Проблемы теории частей речи и синтаксического членения предложения». – Владимир: ВГПИ, 1992. – 12 с. (Приравнивается к публикации).

92. Отв. за вып. кн.: Чжи Ючан. Местоименные существительные: состав, семантика, атрибутивная валентность. Разработка вопроса. В помощь студентам, изучающим русский язык. – Владимир, 1992.

1993 г.

93. Сопутствующая предикативность в предложениях с обособленными определениями // Промежуточный отчет по НИР «Проблемы теории частей речи и синтаксического членения предложения». – Владимир: ВГПИ, 1993. – 12 с. (Приравнивается к публикации).

94. О синтаксической семантике обособленных единиц // Семантика языковых единиц и ее изучение в школе и вузе. Тезисы докладов на межвуз. конф. – Нижний Новгород: НГПУ, 1993. – С. 34-37.

95. Рец. на кн.: Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Краткий справочник по современному русскому языку // Русистика. – 1993. – № 2. – С. 83-87. (ФРГ, Берлин).

96. Полупредикативность как семантическое свойство обособленных членов предложения // Многоаспектность синтаксических единиц. Межвуз. сборник научн. трудов. – М.: Прометей, 1993. – С. 204-216.

97. Из истории стажировки венгерских студентов в России // Статьи по славянской филологии. – Венгрия: Эгер, 1993. – С. 171-177 (Соавт.).

1994 г.

98. Отв. ред. кн.: Современный русский синтаксис: предложение и его членение. – Владимир: ВГПУ, 1994.

99. О дифференциации и интеграции предложенческих аспектов // Современный русский синтаксис: предложение и его членение. – Владимир: ВГПУ, 1994. – С. 3-11.

100. Полупредикативность и обособление // Актуальные проблемы современной русистики. Тезисы 2-ой региональной научно-практической конф. – Арзамас, 1994. – С. 63-64.

101. О сочетаемости относительного местоимения «который» с атрибутивными распространителями // Функционально-семантические аспекты изучения русского слова. Тезисы межвуз. конф. – Орехово-Зуево, 1994. – С. 38-41.

1995 г.

102. Синкретичные члены предложения в аспекте синтаксической парадигматики / Промежуточный отчет по НИР «Проблемы теории частей речи и синтаксического членения предложения». – Владимир: ВГПУ, 1995. – 18 с. (Приравняется к публикации).

103. Проблема обособления: лингвистическая традиция и современность // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. Т. 2-ой. – М.: МГУ, 1995. – С. 511-513.

104. О синтагматической совместимости личных местоимений с прилагательными и причастиями // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Тезисы докл. на международной научной конференции. – Владимир: ВГПУ, 1995. – С. 176-178.

105. Синтаксическая омонимия и двусторонние зависимости словоформ. – 1995. – 2 с. (На правах рукописи).

106. О полупредикативной иерархии обособленных членов предложения. – 1995. – 1 с. (На правах рукописи).

107. Титульный рецензент кн.: Тузова М.Ф., Дружинина А.Ф., Паршина В.В. Современный русский язык. Сборник упражнений / Под ред. П.А. Леканта. – М.: Высшая школа, 1994.

108. Научный редактор кн.: Копелиович А.Б. Происхождение и развитие индоевропейского рода в синтагматическом аспекте. – Владимир, 1995.

1996 г.

109. О полупредикативной иерархии обособленных членов предложения // Актуальные проблемы современной русистики. Тезисы докладов III региональной научно-практической конференции. – Киров, 1996. – С. 98.

110. Синтаксические идеи в лингвистическом наследии Б.Н. Головина // Актуальные проблемы стилелогии и терминоведения. Тезисы межгосударственной конференции, посвященной 80-летию проф. Б.Н. Головина. – Нижний Новгород, 1996. – С. 197-198.

1997 г.

111. О категориальном грамматическом значении членов предложения // Освоение семантического пространства русского языка иностранцами. Тезисы докладов международной конференции. – Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический университет, 1997. – С. 30-31.

112. Титульный рец. кн.: Колобанов В.А. Русская народная словесность. – Владимир: Фолиант, 1997.

113. Научн. редактор кн.: Федосов В.А. Венгерско-русские языковые контакты. – Венгрия, Ньиредьхаза, 1997. – 216 с.

114. Анатолий Михайлович Иорданский: ученый, педагог, человек (1907-1974) // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы международной конференции. – Владимир, 1997. – С. 5-14.

115. Памяти Анатолия Михайловича Иорданского (К 90-летию со дня рождения) // Вестник Владимирск. гос. пед.ун-та. Вып. 2. – Владимир, 1997. – С.197-203.

1998 г.

116. Лингвистические идеи А.Б. Пеньковского (К 70-летию со дня рождения) // Вестник Владимирск. гос.педуниверситета. – Вып. 3. – Владимир, 1998. – С. 287-293.

117. Синтаксические омографы и двусторонние зависимости словоформ // Валентностная грамматика в структурном и коммуникативном аспектах и ее выразительные возможности в языке и речи. Тезисы докл. научн. конф. 14-15 окт. 1998 г. Ч. 1. – Беларусь, Могилёв, 1998. – С. 69-70.

118. Отв. ред. кн.: Филология. Международный сборник научных трудов (К 70-летию А.Б. Пеньковского). – Владимир: ВГПУ, 1998. – 243 с.

119. В поисках научной истины (К 70-летию А.Б. Пеньковского) // Филология. Международный сборник научных трудов. – Владимир: ВГПУ, 1998. – С. 3-11.

120. Члены предложения: синтаксические позиции и парадигмы // Филология. Международный сборник научных трудов. – Владимир: ВГПУ, 1998. – С.182-197.

1999 г.

121. Включение и исключение //Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы третьей международной конф. – Владимир: ВГПУ, 1999. – С.192-194.

122. О значении конструкций с предлогами «кроме», «помимо» и другими // Предложение и слово. Доклады и сообщения международной научной конф., посвященной памяти проф. В.С. Юрченко. – Саратов, 1999. – С. 79-82.

123. Зам. отв. ред. кн.: Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы третьей международной конференции. – Владимир: ВГПУ, 1999. – 234 с.

124. Титульн. рец. кн.: Е.Ф. Троицкий. Изучение роли частей речи в школе и вузе. Пособие для студентов. – Смоленск, 1999. – 84 с.

125. Синтаксическая категория обособления: семантика и средства ее выражения // Язык. Речь. Речевая деятельность. Межвуз. сб. научных тр. Вып. 2. Ч. 3. – Нижний Новгород:

Нижегородский гос. лингвистический университет им.
Н.А. Добролюбова, 1999. – С. 44-52.

2000 г.

126. О синтаксическом статусе обособленной спрягаемой формы глагола // Актуальные проблемы современной русистики. Материалы Всероссийской научно-практич. конф. Памяти В.И. Чернова. В двух частях. Ч. вторая. – Киров, 2000. – С. 97-98.

127. Синтаксическая категория обособления // Вузовская русистика: Межвузовский сб. научно-методических статей. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2000. – С. 82-88.

128. Научн. ред. кн.: Н.В. Юдина. Атрибутивная валентность релятивных существительных (на материале терминов родства): Монография. – Владимир: Посад, 2000. – 120 с.

129. Предикативный центр и предикативная периферия предложения (К 165-летию со дня рождения А.А. Потебни) // Чтения, посвященные дням славянской письменности и культуры: Материалы региональной научной конференции. – Чебоксары, 2000. – С. 46-52.

2001 г.

130. Николай Николаевич Прокопович (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 2001. – № 1. – С. 88-93.

131. О трех сферах существования словосочетаний // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы 4-ой международной конференции. – Владимир: ВГПУ, 2001. – С.187-191.

132. Научн. ред. кн.: Виды синтаксического разбора на занятиях по современному русскому языку. Ч. 1. Словосочетание. Простое предложение. Сост.: А.С. Цуккерман и Н.В. Юдина. – Владимир: ВГПУ, 2001. – 54 с.

2002 г.

133. Рец. кн.: Владимирская энциклопедия. Биобиблиографический словарь. – Владимир, 2002. – 536 с.

134. Иорданский Анатолий Михайлович //Владимирская энциклопедия. Биобиблиографический словарь. – Владимир, 2002. – С. 198-199. (Соавт. Титова В.И.).

135. Не только и не столько о грибах... Заметки критика. - А. Карышев. «Грибы – братья меньшие». – Владимир: 2001 // Годова гора. Литературно-художественный и краеведческий сборник. – Владимир: «Транзит-Икс», 2002. – С. 169-176.

136. Информация о международной научн. конф. в ВГПУ (сент. 2001 г.) «Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект» // Вопросы языкознания. – 2002. – № 1. – С. 157-159 (Соавт.: Копелиович А.Б., Пименова М.В., Савина В.М.).

137. Рец. кн.: Методические рекомендации по курсу «Введение в языкознание и история языкознания» / Сост.: В.Т. Малыгин и А.А. Негрышев. – Владимир: Владимирский филиал НГЛУ, 2002. – 64 с.

138. Отв. за выпуск кн.: Контрольная работа по истории русского литературного языка. Уч.-метод. пособие / Сост. М.В. Пименова. – Владимир: ВГПУ, 2002. – 54 с.

139. О нерешенных вопросах теории словосочетания // Русский литературный язык: номинация, предикация, экспрессия. Межвуз. сб. научн. трудов, посвященный 70-летию проф. П.А. Леканта. – М.: МАНПО, 2002. – С. 106-111.

140. Отв. за вып. кн.: А.Б. Копелиович. Морфемика и словообразование: практика лингвистического анализа. Методические рекомендации. – Владимир: ВГПУ, 2002. – 51 с.

141. Хроника. Научн. конф. «Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект» // Вестник Владимирск. гос. пед. ун-та. Вып. 7. – Владимир: ВГПУ, 2002. – С. 274-280 (Соавт.).

2003 г.

142. Рец. кн.: В.А. Федосов. Старые русские города. История и архитектура 10-17 вв. Учебное пособие по русской лингвокультурологии. – Ньиредьхаза (Венгрия), 2002 (кн. вышла в 2003 г.). – 142 с.

143. К 50-летию кафедры русского языка Владимирского гос. пед. ун-та // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы 5-ой международной конференции. – Владимир: ВГПУ, 2003. – С. 3-12.

144. О полевой структуре, шкале переходности и синкретизме (применительно к синтаксическим явлениям) // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы 5-ой международной конференции. – Владимир: ВГПУ, 2003. – С. 214-220.

145. Рец. кн.: Л.А.Чернова. Проблема составных именных членов предложения: статический и динамический аспекты. – Коломна, 2003. – 142 с.

2004 г.

146. К 50-летию кафедры русского языка ВГПУ // Вестник Владимирск. гос. пед. ун-та. Вып. 9. – Владимир: Нерль, 2004. – С. 385-393.

147. Из истории изучения категории обособления в русистике // Категории в исследовании, описании и преподавании языка. Сб. трудов к 80-летию проф. Е.С. Скобликовой. – Самара, 2004. – С. 65-74.

148. Научн. ред. кн.: Н.В. Иосилевич. Соотношение подлежащего и дополнения с семантическими категориями субъекта и объекта. – Владимир, 2004. – 144 с.

149. Научн. ред. кн.: О.И. Соколова. Атрибутивная валентность личных имен собственных. – Владимир, 2004. – 124 с.

150. Отв. ред. кн.: Вестник Владимирск. гос. пед. ун-та. Вып. 9. – Владимир: Нерль, 2004. – 401 с.

151. Научная жизнь. Хроникальные заметки. Пятая научная конференция «Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект» // Вопросы языкознания. – № 3. – 2004. – С. 130-133 (Соавт.).

152. Хроника. Пятая научная конференция «Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект» // Вестник Владимирск. гос. пед. ун-та. Вып. 9. – Владимир: Нерль, 2004. – С. 370-378 (Соавт.).

153. О синкретизме и смежных явлениях // Грамматические категории и единицы. Сб. научных статей к 75-летию проф. А.Б. Копелиовича. – Владимир: ВГПУ, 2004. – С. 166-181.

154. Август Борисович Копелиович (К 75-летию со дня рождения) // Грамматические категории и единицы. Сб. научных

статей к 75-летию проф. А.Б. Копелиовича. – Владимир: ВГПУ, 2004. – С. 5-9 (Соавт.).

155. Программа вступительного экзамена в аспирантуру по специальностям 10.02.01 – русский язык и 10.02.19 – теория языка. – Владимир: ВГПУ, 2004. – 28 с. (Соавт.).

156. Программа кандидатского экзамена по специальности 10.02.01 – русский язык. – Владимир: ВГПУ, 2004. – 57 с. (Соавт.).

157. Отв. ред. кн.: Сборник трудов молодых ученых Владимирск. гос. пед. ун-та. – Владимир: Нерль, 2004. – 264 с.

158. Предикативные ранги частей речи и проблема обособления в лингвистической концепции А.А. Потебни // А.А. Потебня и актуальные вопросы языка и культуры. Сб. научн. трудов. – Киев, 2004. – С. 259-263.

2005 г.

159. Отв. ред. кн.: Вестник Владимирск. гос. пед. ун-та. Вып. 10. – Владимир: Нерль, 2005. – 122 с.

160. Август Борисович Копелиович (К 75-летию со дня рождения) // Вестник Владимирск. гос. пед. ун-та. Вып. 10. – Владимир: Нерль, 2005. – С. 104-107 (Соавт.).

161. Отв. ред. кн.: Вестник Владимирск. гос. пед. ун-та. Вып. 11. – Владимир: Нерль, 2005. – 106 с.

162. Отв. ред. кн.: Сборник трудов молодых ученых Владимирск. гос. пед. ун-та. Вып. 5. – Владимир: Нерль, 2005. – 168 с.

163. О так называемой многозначности аффиксальных морфем // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы шестой международной конференции. – Владимир: ВГПУ, 2005. – С. 218-221.

164. Рец. кн.: М.С. Искренкова. Методические рекомендации для проведения практических занятий по синтаксису современного русского языка. Ч. 2. – Владимир: ВГПУ, 2005. – 37 с.

165. Научн. ред. кн.: А.С. Цуккерман. Виды синтаксического разбора на занятиях по современному русскому языку. Ч. 2. Сложное предложение. – Владимир: ВГПУ, 2005. – 39 с.

2006 г.

166. Научная жизнь. Хроникальные заметки. Конференция «Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект» // Вопросы языкознания. – 2006. – № 5. – С. 156-159 (Соавт.).

167. Хроника. Шестая научная конференция «Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект» // Вестник Владимирск. гос. пед. ун-та. Вып. 13. – Владимир: Нерль, 2006. – С. 116-120 (Соавт.).

168. Отв. ред. кн.: Вестник Владимирск. гос. пед. ун-та. Вып. 12. – Владимир: Нерль, 2006. – 162 с.

169. Отв. ред. кн.: Вестник Владимирск. гос. пед. ун-та. Вып. 13. – Владимир: Нерль, 2006. – 142 с.

170. Отв. ред. кн.: Сборник трудов молодых ученых Владимирск. гос. пед. ун-та. Научно-метод. журнал. Вып. 6. – Владимир: Нерль, 2006. – 166 с.

2007 г.

171. Отв. ред. кн.: М.В. Пименова, М.В. Артамонова. «Речение» и «разум» древнерусского текста. Ч. 1. – Владимир: ВГПУ, 2007. – 49 с.

172. Рец. кн.: В.А. Федосов. Петербургская Россия. История и культура России 18-19 вв., контакты с историей и культурой Венгрии. Учебное пособие по русскому страноведению для венгерских студентов. – Ньиредьхаза (Венгрия), 2007. – 178 с.

173. Анатолий Михайлович Иорданский, его жизнь, педагогическая работа и научные труды. К 100-летию со дня рождения (с приложением списка научных и научно-методических печатных работ проф. А.М. Иорданского) // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. К 100-летию проф. А.М. Иорданского. Материалы седьмой международной конференции. – Владимир: ВГПУ, 2007. – С. 5-34.

174. О так называемой многозначности членов предложения // Русское слово, высказывание, текст: рациональное, эмоциональное, экспрессивное: Межвузовский сб. научных трудов, посвященный 75-летию проф. П.А. Леканта. – М.: МГОУ, 2007. – С. 6-11.

175. Валентина Владимировна Носкова (1938-2006) // Старая столица: Краеведческий альманах. Вып. 2. – Владимир, 2007. – С. 8-12.

176. Отв. ред. кн.: Вестник Владимирск. гос. пед. ун-та. Вып. 14. – Владимир: Нерль, 2007. – 152 с.

177. Отв. ред. кн.: Вестник Владимирск. гос. пед. ун-та. Вып. 15. – Владимир: Нерль, 2007. – 126 с.

178. Отв. ред. кн.: Сборник трудов молодых ученых Владимирск. гос. пед. ун-та. Научно-методич. журнал. Вып. 7. – Владимир: Нерль, 2007. – 151 с.

2008 г.

179. Из истории учения об обособлении членов предложения // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней. Сборник научных статей. Вып 5. – Иваново: ИВГУ, 2008. – С. 229-239.

180. Рец. кн.: Ю.С. Иванова. Изучение лексики в ее системных связях на занятиях по русскому языку как иностранному. – Ковров, 2008. – 36 с.

181. Рец. кн.: Ю.С. Иванова. Изучение падежей субстантивов на занятиях по русскому языку как иностранному. – Ковров, 2008. – 36 с.

182. План содержания и план выражения категории обособления // Словесность в вузе и школе. Сборник научных статей. – Владимир: ВГГУ, 2008. – С. 150-162.

183. Отв. ред. кн.: Словесность в вузе и школе. Сборник научных статей. – Владимир: ВГГУ, 2008. – 263 с.

184. Анатолий Михайлович Иорданский (К 100-летию со дня рождения) // Вестник Владимирск. гос. гуманитарного ун-та. Вып. 18. – Владимир: ВГГУ, 2008. – С. 197-214.

185. Хроника. Седьмая научная конференция «Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект» // Вестник Владимирск. гос. гуманитарного ун-та. Вып. 18. – Владимир: ВГГУ, 2008. – С. 215-220 (Соавт.).

186. Рец. кн.: А.Б. Копелиович. Род и грамматика межсловных синтаксических связей. – Владимир: ВГГУ, 2008. – 145 с.

187. Рец на кн.: А.М. Пешковский. Лингвистика. Поэтика. Стилистика: Избр. труды /Сост. и научн. ред. О.В. Никитин // Филологические науки. – 2008. – № 5. – С. 112-116.

188. Валентина Владимировна Носкова (К 70-летию со дня рождения) // Регионально-исторический аспект в преподавании русского языка. Педагогическая мастерская. – № 6. – Владимир: ВИПКРО, 2008. – С. 5-16.

189. Отв. ред. кн.: Вестник Владимирск. гос. гуманитарного ун-та. Вып. 18. – Владимир: ВГГУ, 2008. – 235 с.

190. О характере синтаксической связи в аппозитивных сочетаниях // Вестник Владимирск. гос. гуманитарного ун-та. Вып. 18. – Владимир: ВГГУ, 2008. – С. 68-74 (Соавт.).

191. Рец. на кн.: А.М. Пешковский. Лингвистика. Поэтика. Стилистика: Избр. труды // ЯЛИК: научно-информационный бюллетень СПб. гос. университета. – № 76. – Декабрь 2008. – С. 10-12.

192. Отв. за вып. кн.: М.В. Пименова, М.В. Артамонова. «Речение» и «разум» древнерусского текста. Методические указания к проведению семинаров по курсу «История русского языка». Ч. 2. – Владимир: ВГГУ, 2008. – 49 с.

2009 г.

193. Рец. кн.: М.С. Искренкова. Осложнение простого глагольного сказуемого в современном русском языке. – Владимир, 2009. – 109 с.

2010 г.

194. Современный русский синтаксис. Избранные работы. – Владимир: ВГГУ, 2010. – 368 с.

195. Рец. кн.: Т.А. Алиев, В.Т. Малыгин. Понятийный аппарат курса «Языкознание»: Лексика. Методические указания к семинарским занятиям для студентов I-го курса факультета иностранных языков. – Владимир, 2010. – 47 с.

196. Путь, открытый взорам (К 80-летию А.Б. Копелиовича) // Вестник Владимирск. гос. гуманитарного ун-та. Вып. 23-24. – Владимир, 2010. – С. 252-255.

197. Хроника. Восьмая научная конференция «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» // Вестник Владимирск. гос. гуманитарного ун-та. Вып.23-24. – Владимир, 2010. – С. 284-288 (Соавт.).

198. Отв. ред. серии «Гуманитарные науки» // Вестник Владимирск. гос. гуманитарного ун-та. – Вып. 23-24. – Владимир, 2010. – 297 с.

2011 г.

199. Венок на могилу Перси Борисовича Гурвича // «Человек человеку – человек...»: Сборник воспоминаний и статей памяти П.Б. Гурвича. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2011. – С. 141-146.

2012 г.

200. Спорное в теории обособления // Рациональное и эмоциональное в русском языке. Международный сборник научных трудов. – М.: МГОУ, 2012. – С. 519-524.

201. Рец. кн.: Н.В. Корнилов. Нерешенные вопросы теории аппозитивных сочетаний. – Владимир: ВлГУ, 2012. – 178 с.

202. Ред. кн.: В.И. Титова. Владимир в волшебном зеркале топонимии: история города в названиях его улиц, переулков, площадей и др. – Владимир: Транзит-ИКС, 2012. – 232 с.

203. Венок на могилу Перси Борисовича Гурвича (1919-2011) // Старая столица: Краеведческий альманах. Вып. 6. – Владимир: Транзит-ИКС, 2012. – С. 41-43.

2013 г.

204. Научн. ред. кн.: Е.Н. Варюшенкова. Синтаксические функции присубстантивного инфинитива в предложении. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2013. – 128 с.

205. К 60-летию кафедры русского языка // Языковые категории и единицы. Материалы десятой международной конференции, посвященной 60-летию кафедры русского языка. – Владимир: ВлГУ, 2013. – с. 4-14. (Соавт.).

206. К юбилею кафедры русского языка филологического факультета ВлГУ // Вестник Российского университета дружбы

народов. Серия «Теория языка. Семантика. Семиотика». – М., 2013. – № 1. – С. 96-106 (Соавт.).

2014 г.

207. Научная жизнь. Хроникальные заметки. X Международная научная конференция «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» // Вопросы языкознания. – 2014. – № 3. – С. 145-149. (Соавт.)

208. К 85-летию со дня рождения профессора А.Б. Копелиовича // Языковые категории и единицы: Сборник научных статей к 85-летию А.Б. Копелиовича. – Владимир: Транзит-ИКС, 2014. – С. 5-13.

209. К 85-летию профессора А.Б. Копелиовича // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». – М., 2014. – № 4. – С. 144-156. (Соавт.).

2015 г.

210. Шкала атрибутивной валентности местоименных существительных // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». – М., 2015. – № 4. – С. 209-218.

**КАНДИДАТСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ,
выполненные под руководством В.И. Фурашова
(Специальность 10.02.01 – русский язык)**

1. *Чжи Ючан* (Китай). Атрибутивная валентность местоименных существительных: Диссертация ... кандидата филол. наук. – г. Москва, Московский государственный областной университет, 1992.
2. *Варюшенкова Екатерина Николаевна*. Синтаксические функции присубстантивного инфинитива в предложении: Диссертация ... кандидата филол. наук. – г. Иваново, Ивановский государственный университет, 1995.
3. *Юдина Наталья Владимировна*. Атрибутивная валентность имен существительных – терминов родства: Диссертация ... кандидата филологических наук. – г. Иваново, Ивановский государственный университет, 1997.
4. *Сутырина Юлия Александровна*. Атрибутивная валентность кванторных местоименных существительных: Диссертация ... кандидата филологических наук. – г. Иваново, Ивановский государственный университет, 1999.
5. *Искренкова Мария Сергеевна*. Осложнение простого глагольного сказуемого: Диссертация ... кандидата филологических наук. – г. Иваново, Ивановский государственный университет, 2000.
6. *Иосилевич (Целикова) Наталья Вячеславовна*. Соотношение подлежащего и дополнения с семантическими категориями субъекта и объекта: Диссертация ... кандидата филологических наук. – г. Иваново, Ивановский государственный университет, 2002.

7. *Соколова Ольга Ивановна*. Атрибутивная валентность личных имен собственных: Диссертация ... кандидата филологических наук. – г. Иваново, Ивановский государственный университет, 2003.
8. *Иванова Юлия Сергеевна*. Атрибутивная валентность синсемантических существительных: Диссертация ... кандидата филологических наук. – г. Иваново, Ивановский государственный университет, 2005.
9. *Малахов Александр Сергеевич*. Виды грамматической связи в аппозитивных сочетаниях: Диссертация ... кандидата филологических наук. – г. Москва, Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, 2009.
10. *Корнилов Николай Владимирович*. Вопрос об аппозитивных сочетаниях в истории русской грамматической мысли: Диссертация ... кандидата филологических наук. – г. Иваново, Ивановский государственный университет, 2010.
11. *Сафронова Наталья Анатольевна*. Категория относительного синтаксического времени в предложениях с обособленными конструкциями. – г. Москва, Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, 2013.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	4
<i>К 80-летию со дня рождения В.И. Фурашова</i>	5
<i>Фурашов Владимир Иванович (краткая биографическая справка)</i>	10
<i>Абрамова И.Ю.</i> Особенности семантической структуры текста (на материале повести С.К. Никитина «Собственный дом»).....	20
<i>Алиев Т.А.</i> Терминологический характер устойчивых сочетаний с присуб- стантивным родительным (на материале лингвистических терминов).....	27
<i>Алтабаева Е.В.</i> Модальное имя с оптативной семантикой и его синтагма- тические особенности.....	32
<i>Артамонова М.В.</i> Об особенностях функционирования союза «и» в устой- чивых сочетаниях древнерусского текста.....	39
<i>Варнаева А.Е.</i> Сочинительная конструкция: язык и речь.....	45
<i>Варюшенкова Е.Н.</i> Инфинитив, примыкающий к имени из состава сказуе- мого.....	58
<i>Виноградов С.Н.</i> Номинация дробных чисел с использованием числитель- ных.....	65
<i>Ганцовская Н.С., Волкова Е.Б.</i> Структурно-семантические качества местоименно-соотносительных конструкций в математических текстах.....	72
<i>Демидов Д.Г.</i> Обособление, топик и комментарий.....	80
<i>Джангобекова Т.А.</i> К вопросу о переводческой деятельности А. Курбского. 92	
<i>Иосилевич Н.В.</i> Обособление как языковая форма выражения эго- категории.....	100
<i>Искренкова М.С.</i> Частицы как средство усиления в осложнённом простом глагольном сказуемом.....	106
<i>Йонаш Эржебет Ч.</i> Двуплановость стилистического значения текста и проблемы перевода (роман Людмилы Улицкой «Зеленый шатер» на вен- герском языке).....	110
<i>Корнилов Н.В.</i> Полузабытые страницы истории отечественного языкозна- ния: А.А. Дмитриевский.....	120
<i>Красина Е.А.</i> Русское простое предложение и опыт его представления в цельно-системной типологии.....	129
<i>Леденёва В.В.</i> Варваризмы в письмах Н.С. Лескова.....	135
<i>Лекант П.А.</i> Аналитическая форма инфинитивного предиката с участием глагола <i>иметь</i>	141
<i>Малахов А.С., Богрова К.М.</i> Изобразительно-выразительные средства как элемент словаря языка писателя (на материале произведений В.А. Солоухина).....	148
<i>Малахова М.С.</i> Синкретизм как языковое явление.....	152
<i>Манаенко Г.Н.</i> Функции осложненных предложений в аналитических текстах публицистического дискурса.....	158
<i>Маслова В.А.</i> Синтаксис с позиции лингвокультурологии.....	170
<i>Монина Т.С.</i> Языковая и речевая семантика концепта «любовь».....	175
<i>Никитин О.В.</i> Из истории изучения русской деловой письменности конца XVIII – начала XIX вв.....	181
<i>Палоши И.</i> Способы глагольного действия как средства выражения количественной аспектуальности.....	193

Петров А.В. Фраземы и их лексические варианты в аспекте словообразовательной деривации (на материале субстантивных фразеологизмов модели «имя прил. + имя сущ.»).....	203
Пименова М.В. Понятие шкалы в трудах В.И. Фурашова и языковая образность.....	212
Репаша Д., Секей Г. Сопоставительный анализ венгерских и русских семейных терминов.....	219
Руделев В.Г. Монолог одного из авторов «Слова о полку Игореве» (реконструкция и герменевтический анализ).....	232
Сафронова Н.А. Полупредикативность и обособление.....	240
Сигал К.Я. Анафорические сочинительные конструкции.....	251
Словак В. Субъектное дополнение: синкретичный член предложения.....	258
Соколова О.И. Предикативные единицы в составе сочиненных обособленных рядов.....	263
Супрун В.И. Проблемы ономастического синтаксиса: определение и положение в именах собственных и апеллятивно-онимических комплексах...	271
Троицкий Е.Ф. Однородность в сочинительной конструкции (из словаря терминов для описания сочинительной конструкции).....	282
Устюгова Л.М. О некоторых факторах, предопределяющих функционально-стилистические особенности деепричастий в романе И.А. Гончарова «Обломов».....	297
Федосов В.А. В.И. Фурашов. Современный русский синтаксис. Избранные работы. Владимир: ВГГУ, 2010. 368 с.....	304
Чернова Л.А. Языковые средства выражения мироощущения персонажа (по рассказу А.П.Чехова «Дом с мезонином»).....	321
Шулежкова С.Г. «Иже во иноцѣх ^х наименшѣи Маѣи ^и Свѣтогорскыѣ...» (заметки о языке Послания Максима Грека царю Василию III).....	330
Юдина Н.В. К вопросу об атрибутивной сочетаемости существительного «валентность» в современном русском языке.....	339
Ясаи Л. К проблеме возвратных глаголов в функционально-семантической интерпретации (проблема формы и значения).....	347
Список научных работ доктора филологических наук профессора Фурашова Владимира Ивановича	355
Кандидатские диссертации, выполненные под руководством В.И. Фурашова	377

ЯЗЫКОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ, ФОРМЫ И КАТЕГОРИИ

Сборник научных статей к 80-летию
профессора Владимира Ивановича Фурашова

Материалы приводятся в авторской редакции

Ответственный редактор – проф. М.В. Пименова
Компьютерная верстка, макет – доц. К.М. Богрова

Подписано в печать _____2015

Усл. печ. л. _____

Заказ № - _____

Формат 84x108^{1/32}

Уч. изд. л. _____5,0

Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ФКУ «ЦхиСО УМВД России по Владимирской области»

600020, г. Владимир, ул. Б. Нижегородская, д. 88-Д, тел. (4922) 322-161